

А. Бондаренко

ВИКТОР ЛЯГИН

ЖЗЛ

ВИКТОР ЛЯГИН

Александр
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1848

(1648)

Александр Бондаренко

ВИКТОР ЛЯГИН
ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2017

УДК 94(47+57)(092)
ББК 63.3(2)62-36
Б 81

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03999-5

© Бондаренко А. Ю., 2017
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

ГЕРОЙ ИЗ ПОЛИТЕХА

Герой Советского Союза — за всю историю этого звания его были удостоены без малого тринадцать тысяч человек. Но, к сожалению, практически все они, за редкими исключениями, неизвестны широким слоям общественности и в особенности молодежи.

В число этих тринадцати тысяч вошел и Виктор Александрович Лягин. Выпускник Ленинградского политехнического института, однокурсник еще одного легендарного политехника — создателя танка Т-34 Михаила Ильича Кошкина, звание Героя Советского Союза разведчик Виктор Лягин получил посмертно. Книга, которую вы держите в руках, — это не только желание рассказать о малоизвестных страницах нашей истории и подвигах героев, отдавших жизнь за Советскую Родину, но и попытка ответить на многие вопросы, на первый взгляд кажущиеся риторическими. Какие силы поддерживали их волю в нечеловеческих испытаниях, что побуждало их возвыситься до презрения к смерти, как эти люди, в сущности обыкновенные, могли без колебаний жертвовать жизнью, когда этого требовали обстоятельства? Как мне кажется, работая над книгой, автору удалось найти ответы на эти вопросы.

9 мая 2016 года по Невскому проспекту Санкт-Петербурга вновь прошел «Бессмертный полк». Среди множества портретов героев Великой Отечественной войны, которые несли молодые политехники, был и портрет Виктора Лягина. Очень важно, чтобы поколение современной молодежи знало, что люди, победившие в той войне, выросли с пониманием главной ценности — ценности намного более значимой, чем покой, деньги, благополучие, а порой даже и сама жизнь.

Обстановка, которая сложилась в Политехническом институте за десятилетия его существования — с 1899 года, —

формировала у студентов такие нравственные качества, как благородство, порядочность, честность. Бесчестные поступки карались исключением, а студенты, которые вели себя недостойно, презирались, поскольку подрывали авторитет и репутацию Политеха. Именно в таких условиях происходило формирование научной и интеллектуальной элиты в стенах нашего вуза на протяжении всей его славной истории. Элиты, которая, в подлинном смысле этого понятия, предполагает жесткое следование принципам чести и достоинства, а порой требует и жертвенности.

Шесть тысяч политехников участвовали в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны. Две с половиной тысячи из них погибли. Семнадцать человек стали Героями Советского Союза. Разведчик Лягин доказал: честь, достоинство, преданность долгу и своим идеалам — это то, что дороже жизни. В феврале 1943 года в результате предательства его арестовали фашисты. Подвергшись длительным допросам и чудовищным пыткам, Виктор Лягин выстоял до конца, не выдал ни одного из своих товарищей, не сказал ничего, что могло бы принести вред нашей разведке, — а ведь знал он очень и очень много.

Оставаться человеком при любых обстоятельствах — этому учат семья, школа, педагоги, командиры. Этому учат и традиции Политехнического университета. Политехники берегли эти традиции и до революции, и в советский период, и в наше непростое время. И для нас сегодня крайне важно сохранить эту эстафету памяти. Сохранить преемственность между поколениями сегодняшнего дня и теми героями-политехниками, которыми по праву гордится не только наш университет, но и вся страна. Ведь только следуя достойным примерам, одухотворяясь высокими идеями, ценностями и смыслами, человек по-настоящему становится личностью.

*Ректор Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого, академик РАН
Андрей Иванович Рудской*

МОЙ СТАРШИЙ ТОВАРИЩ

Можно сказать, что мы с Виктором Лягиным принадлежим к одному поколению чекистов-разведчиков: он пришел на службу в НКВД летом 1938 года, я — в конце весны 1941-го. Впрочем, и по возрасту, особенно если смотреть сегодня с моей вековой высоты, мы были почти что ровесниками: Лягин родился в конце 1908 года, я — в начале 1917-го, и оба, между прочим, появились на свет еще в Российской империи. Во время Великой Отечественной войны и он, и я проходили службу под эгидой легендарного 4-го управления НКВД СССР, которое руководило специальными подразделениями, действовавшими на оккупированной врагом территории. Так что сейчас я с полным основанием могу назвать Виктора Александровича своим старшим товарищем.

К сожалению, видеть Лягина мне не пришлось — когда я был зачислен на службу, он еще находился в Соединенных Штатах Америки, а когда осенью 1941-го я пришел в ОМСБОН, то он уже работал в Николаеве. Его фамилия стала мне известна только весной 1945-го, уже после Победы — из указа о присвоении звания Героя Советского Союза работникам НКГБ. Своевременно, то есть в ноябре 1944-го, я этот документ увидеть не мог, потому как находился в немецком тылу, на территории оккупированной гитлеровцами Польши. Указ вызвал мой огромный интерес по двум причинам: высокого звания Героя Советского Союза впервые удостоивались чекисты, сражавшиеся с врагом за линией фронта — это раз. И второе: названный в указе майор госбезопасности Виктор Александрович Карасев был командиром нашего отряда «Олимп», и мы с ним вместе воевали с января 1943 года — некоторое время я даже был у него помощником. Знакомы мне были и

некоторые другие товарищи, удостоенные звания героя, а вот кто такой Лягин — я раньше не слыхал. Конечно, мне уточнили, что он руководил нелегальной резидентурой в городе Николаеве, в нескольких словах рассказали о результатах ее деятельности, трагической судьбе резидента и его товарищей, но никаких подробностей о предыдущей работе и личности Лягина я, разумеется, не знал. В нашей службе лишние вопросы не приветствуются, о чем, кстати, не раз говорит и автор книги «Виктор Лягин». Но в принципе мне казалось, что всё основное об этом человеке мне уже известно.

И вот теперь Виктор Александрович Лягин, мой старший товарищ, открылся для меня с довольно-таки неожиданной стороны. Как профессионалу-разведчику, мне было очень интересно узнать о его работе в США в предвоенный период, не слишком детально описанный в нашей литературе; подробно и достоверно рассказано в книге о работе резидента в оккупированном городе. Поверьте, эти эпизоды я могу оценить совершенно объективно! Ведь и я, когда моей группе нужно было взрывать гитлеровский гебитскомиссариат в украинском городе Овруче или склад взрывчатки в Ягеллонском замке в польском городе Новы-Сонч, что спасло от затопления древний Краков, не сам закладывал заряды — это делали мои добровольные помощники, а я исполнял обязанности руководителя, резидента... Но я даже не могу себе представить, насколько тяжело было Лягину, державшему в своих руках все нити управления николаевским подпольем, знать, что почти все окружающие считают его «продажной шкурой» и «гитлеровским прихвостнем».

По-моему, автору книги удалось проникнуть в психологию разведчика и нарисовать его достоверный портрет.

К тому же Александр Бондаренко, как всегда в своем творчестве, не ограничивается описанием судьбы одного лишь своего героя. Автор рассказывает о событиях, происходивших в то время в нашей стране и за рубежом, касается тайн политики и разведки, обращается к личностям и биографиям людей, определявших эти события. Из этого рассказа можно понять, как работа чекистов-подпольщиков, находившихся в оккупированном гитлеровцами Николаеве, помогала советским войскам, сражающимся на фронтах Великой Отечественной войны, и что Москва — далекий Центр — не забывала своих сотрудников, находив-

шихся в глубоком вражеском тылу, и всячески пыталась им помочь.

Я могу сказать, что это не только интересная, но и очень честная книга, и рекомендую ее всем тем, кому небезразлично прошлое нашей великой Родины, кто хочет больше узнать о судьбах ее замечательных сынов, а также — о такой прекрасной и удивительной работе, как разведка.

*Герой Российской Федерации,
полковник Службы внешней разведки России
Алексей Николаевич Ботян*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

7 ноября 1944 года, в день, когда сражающаяся Советская страна отмечала свой основной государственный праздник — 27-ю годовщину Октябрьской революции, — в ее самой главной боевой газете «Красная звезда», центральном органе Наркомата обороны (впрочем, как и во всех других центральных газетах), был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза работникам Народного комиссариата государственной безопасности СССР». В нем говорилось:

«За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”:

1. Подполковнику Госбезопасности Ваупшасову Станиславу Алексеевичу.
2. Лейтенанту Галушкину Борису Лаврентьевичу.
3. Майору Госбезопасности Карасеву Виктору Александровичу.
4. Кузнецову Николаю Ивановичу.
5. Капитану Госбезопасности Лягину Виктору Александровичу.
6. Полковнику Госбезопасности Медведеву Дмитрию Николаевичу.
7. Подполковнику Госбезопасности Мирковскому Евгению Ивановичу.
8. Капитану Госбезопасности Молодцову Владимиру Александровичу.
9. Старшему лейтенанту Озмителю Федору Федоровичу.
10. Младшему лейтенанту Петрову Михаилу Ивановичу.
11. Подполковнику Госбезопасности Прокопюку Николаю Архиповичу.

12. Старшему лейтенанту Шихову Александру Никитовичу».

Указ, датированный 5 ноября, традиционно подписали председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин и секретарь А. Ф. Горкин.

Отметим, что опубликован этот документ был не так, как обычно — то есть сразу же на следующий день после своего подписания, а именно 7 ноября, в праздник, что подчеркивает его значимость для тех, кто понимает.

В то время указы о присвоении звания героя печатались ежедневно, к ним уже привыкли, а потому кто бы тогда знал, что имена большинства людей из этого списка войдут в историю спецслужб и всей нашей страны! (Можно уточнить, что за подвиги в Великой Отечественной войне звание Героя Советского Союза было присвоено более чем одиннадцати тысячам человек — и многие, многие из них, к сожалению, давно уже позабыты.) В честь Кузнецова, Лягина, Медведева и других разведчиков назовут улицы и пароходы, про них будут писать книги и снимать кинофильмы — да и некоторые из тех, кто выжил, сами напишут документальные повести и киносценарии о своих товарищах и их подвигах, скромно умалчивая при этом о собственных заслугах. А заслуги-то были огромные! «В активе» спецподразделений, руководимых этими сотрудниками госбезопасности, было огромное количество ценнейшей разведывательной информации, приобретенной в самом «логове» противника и переданной в Центр; десятки тысяч уничтоженных гитлеровских солдат, офицеров и генералов; сотни казненных предателей и агентов вражеских спецслужб, карателей, высокопоставленных оккупационных чиновников; большое количество не дошедших до передовой воинских эшелонов, сожженных на аэродромах самолетов, взорванных мостов, железнодорожных путей, промышленных и иных объектов и многое, многое другое...

Нет смысла уточнять, что очень мало кому было известно о том, что боевые биографии ряда перечисленных в указе сотрудников госбезопасности начинались еще до Великой Отечественной войны; из текста его не было понятно и то, что война и судьба уже разделили этот список на две равные части — на живых и мертвых.

...Герой нашей книги, капитан госбезопасности Виктор Лягин, оказался в числе тех, кто не вернулся с выполнения боевого задания. В семье Виктора Александровича священ-

ной реликвией хранится письмо, подписанное Михаилом Ивановичем Калининым:

«Уважаемая Анна Александровна!

По сообщению военного командования Ваш брат, капитан госбезопасности Лягин Виктор Александрович, погиб за Советскую Родину смертью храбрых. За героический подвиг, совершенный Виктором Александровичем Лягиным в борьбе с немецкими захватчиками при выполнении специальных заданий в тылу противника, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 5 ноября 1944 года присвоил ему высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза. Грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Лягину Виктору Александровичу звания Героя Советского Союза передается его дочери Лягиной Татьяне для хранения, как память об отце-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

Посмертно звания Героя Советского Союза были удостоены погибшие в боях с немецко-фашистскими захватчиками командиры специальных отрядов «Помощь» — Борис Галушкин и «Грозный» — Федор Озмитель, начальник разведки одного из отрядов Михаил Петров и разведчик отряда «Победители» Николай Кузнецов, а также Владимир Молодцов, возглавлявший нелегальную резидентуру «Форт» в Одессе*. Молодцов, как и Лягин, руководитель нелегальной резидентуры «Маршрутники» — подпольной организации, действовавшей в городе Николаеве, были казнены гитлеровцами.

Командиры отрядов специального назначения «Местные» — Станислав Ваупшасов**, «Олимп» — Виктор Карасев, «Победители» — Дмитрий Медведев, «Охотники» — Николай Прокопюк, командир отряда имени Ф. Э. Держинского Евгений Мирковский и командир спецгруппы

* Борис Лаврентьевич Галушкин (1919–1944), Федор Федорович Озмитель (1918–1944), Михаил Иванович Петров (1918–1944), Николай Иванович Кузнецов (1911–1944), Владимир Александрович Молодцов (1911–1942).

** Станислав Алексеевич Ваупшасов (1899–1976) в 1920–1925 годах находился на нелегальной работе в Западной Белоруссии, в 1937–1939 годах в Испании — по линии военной разведки; с 1939 года — во внешней разведке. С конца 1941 года — командир отряда особого назначения, командир партизанского соединения, Герой Советского Союза, полковник госбезопасности.

Александр Шихов* успешно завершили свои партизанские подвиги и к тому времени уже работали в Центре. Ваупшасов, Кузнецов, Лягин, Медведев, Молодцов и Прокопюк были первыми сотрудниками внешней разведки, награжденными золотыми звездами героев. Через 20 лет после Победы, 8 мая 1965 года, звание Героя Советского Союза было присвоено еще одному представителю Службы внешней разведки — Ивану Даниловичу Кудре**, руководителю разведывательно-диверсионной группы, погибшему в оккупированном гитлеровцами Киеве примерно в июле 1942 года — точная дата неизвестна.

...Говоря о судьбе Владимира Молодцова, Ивана Кудри и Виктора Лягина, один очень авторитетный и знающий ветеран Службы объяснил нам так:

— Эти ребята погибли, и только из-за того стали широко известны их имена. Конечно, нет никаких сомнений в том, что они заслужили звание Героя Советского Союза, но поверьте, тогда буквально во всех временно оккупированных гитлеровцами городах действовали подобные чекистские группы. Как правило, они работали успешно и весьма результативно, много чего было сделано, однако большинство материалов об этой работе, как и имена ее исполнителей, останутся засекречены, на что есть различные причины...

Наша книга рассказывает о героической и удивительной судьбе разведчика Виктора Лягина, сначала выполнявшего ответственное задание за многие тысячи километров от рубежей нашей Родины, а затем руководившего подпольной антифашистской организацией, которая действовала на временно оккупированной гитлеровцами советской земле. Книга приоткрывает завесу секретности над некоторыми страницами истории тайной войны и позволяет понять, какие люди и как вели борьбу с немецко-фашистскими захватчиками за линией фронта.

Писать эту документальную книгу было достаточно трудно — и в таком признании нет ни капли авторского кокетства. Прежде всего, многие интересующие нас документы о жизни и работе Виктора Лягина до сих пор остаются под грифом «Секретно», и неизвестно, смогут

* Виктор Александрович Карасев (1918–1991), Дмитрий Николаевич Медведев (1898–1954), Николай Архипович Прокопюк (1902–1975), Евгений Иванович Мирковский (1904–1992), Александр Никитович Шихов (1914–1995).

** Иван Данилович Кудра (1912–1942).

ли исследователи вообще когда-нибудь до них добраться. Но главная трудность заключается в том, что материалов, имеющих реальное отношение к нелегальной резидентуре «Маршрутники», катастрофически мало. Эта группа работала на оккупированной территории, практически не имея связи с Центром, и большинство ее бойцов погибли, унеся с собой в могилу многие тайны... Оперативных отчетов, которые должны были писаться сотрудниками по возвращении, не было; во время допросов чекисты, оказавшиеся в руках у гитлеровцев, хранили молчание; по железным законам конспирации, никто из них — а тем более из их помощников — не знал ничего лишнего, не имеющего к нему самому непосредственного отношения. Те же люди, которым посчастливилось уцелеть, исполняли далеко не самые главные роли, а то и вообще являлись не более чем свидетелями происходящего, прошли такие «круги ада», столько пережили и перечувствовали, что многое из того, что они знали, оказалось ими забыто, перепутано или смещено по времени (недаром же существует пословица — «врет как очевидец»). А еще были намеренная и случайная дезинформация, чье-то стремление в чем-то себя обелить, вольное или невольное желание придать себе больше значимости, оперирование слухами или непроверенной информацией и т. д. и т. д. и т. д. ...

Сразу же после освобождения Николаева от гитлеровских захватчиков сотрудники органов госбезопасности, прибывшие из Москвы, начали расследование обстоятельств гибели нелегальной резидентуры — и этот процесс продолжался достаточно длительное время. К сожалению, все равно не удалось раскрыть все те тайны деятельности подпольной организации, которые николаевские чекисты тщательно скрывали и от врагов, и от друзей. К тому же, как узнает читатель впоследствии, и в документах следствия не всё оказалось достоверно и безусловно доказано.

Да и не только в них! Уж на что, казалось бы, должны были быть точными и «чеканными» (некогда очень любимый эпитет, применявшийся к стихам и документам «высокого уровня») строки Указа Президиума Верховного Совета СССР, но даже в вышеприведенном тексте открывается такая путаница, что представить страшно! Причем, хотя формально там все точно, перед исследователем встают такие вопросы, которые вполне могут поставить его в тупик.

Парадокс заключается в том, что неподготовленному читателю не совсем понятно, кем был по званию тот же Виктор Лягин, а также и несколько других сотрудников. В указе про Лягина написано однозначно: «капитан госбезопасности». Это специальное звание, соответствующее армейскому подполковнику. Подобная система званий была установлена Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 октября 1935 года «О специальных званиях для начальствующего состава ГУГБ НКВД СССР*». Казалось бы, все ясно.

Но вот ведь в чем заковыка: кроме капитанов госбезопасности Лягина и Молодцова, в указе, в частности, значатся полковник госбезопасности Медведев и подполковник госбезопасности Ваупшасов. Если же мы обратимся к Постановлению от 7 октября 1935 года, то узнаем, что подобных специальных званий в НКВД не было. Последнее из званий, созвучных с армейскими, — майор госбезопасности, что соответствовало войсковому полковнику. Дальше следовали старший майор госбезопасности, равный армейскому генерал-майору, и комиссары госбезопасности — от комиссара 3-го ранга до Генерального, — что в первом случае соответствовало генерал-лейтенанту, а в последнем — Маршалу Советского Союза.

Откуда же тогда взялись полковники и подполковники госбезопасности?

Ответ, как говорится, лежит на поверхности. 9 февраля 1943 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О званиях начальствующего состава органов НКВД и милиции», в соответствии с которым для сотрудников Наркомата внутренних дел (кроме высшего начальствующего состава) были введены новые специальные звания, сходные с общевоинскими, но с добавлением слов «госбезопасности» или «милиции». Хотя комиссары госбезопасности так и остались комиссарами соответствующих рангов (при этом старшие майоры госбезопасности также превратились в комиссаров госбезопасности, но без ранга) — и генералами стали называться только в побед-

* ГУГБ НКВД СССР — Главное управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел СССР; создано на базе оперативно-чеккистских отделов ОГПУ при СНК СССР (Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР) 10 июля 1934 года, упразднено 28 марта 1938 года, воссоздано 23 сентября того же года и окончательно ликвидировано в начале февраля 1941-го.

ном 1945 году. Такая вот непростая была система. Или две системы — до 1943 года и после.

Однако в указе, о котором мы сейчас говорим, обе эти системы смешали, в результате чего картина получилась несколько искаженной. Объясним, так сказать, на пальцах. Каждому в общем-то понятно, что подполковник — высокое воинское звание, а капитан — это гораздо меньше; если брать армейские категории, то первый из них командует батальоном, тогда как второй — всего лишь ротой. Но в данном случае получается так, что по своему специальному званию капитан госбезопасности Лягин равен подполковнику госбезопасности Ваупшасову, ибо звание первого указано в «дореформенном», так сказать, варианте, а последнего — уже в «послереформенном». У них обоих были одинаковые знаки различия: по три «шпалы» на петлицах (соответственно, до введения погон). А в документ посмотришь — вроде бы люди совершенно разного уровня! Вот такая выходит неразбериха в Указе Президиума Верховного Совета, хотя многие историки и утверждают, что документы являются единственным надежным источником. Отнюдь — и к документам следует относиться критически.

Конечно, кто-то может назвать это мелочью (капитан или подполковник, какая разница, кем значился наш герой в засекреченных документах, хранящихся в Центре?) — но при создании достоверной исторической картины мелочей не бывает, да и в разведке, в той службе, о которой мы сейчас пишем, «проколы» чаще всего случаются именно в мелочах... Крупные вопросы отрабатываются самым тщательным образом, они понятны, а вот те мелочи, которым несть числа, — попробуй предусмотреть их! Далеко за примерами ходить не надо: когда легендарный разведчик Николай Кузнецов, обратившийся в обер-лейтенанта вермахта Пауля Зиберта, впервые появился на улицах оккупированного гитлеровцами города Ровно (с подлинными документами своего «героя», в его реальной форме, соответствие которой было тщательно проверено по имевшимся фронтовым фотографиям Зиберта), он был остановлен первым же патрулем. Причина оказалась в том, что на голове у Кузнецова была надета пилотка по-фронтовому, тогда как германскому офицеру в городе положено было ходить только в фуражке. Разведчика спасли его сообразительность, мгновенная реакция и обаяние — сразу же уяснив из вопроса начальника патруля свой промах, он ответил, что только что выписался из госпиталя, куда попал с передовой (это

подтверждалось документами), и идет покупать фуражку: «Герр гауптман, подскажите, пожалуйста, где лучше всего это сделать?»

Впрочем, и в нашем случае указанная путаница со званиями приводит некоторых авторов к серьезной ошибке: опуская как бы само собой разумеющееся слово «госбезопасность» — речь ведь идет о чекисте, они тем самым «разжалуют» Виктора Лягина до капитана, хотя, повторим, его звание соответствовало подполковнику.

Так что, учитывая вышеназванные причины, мы не станем обещать своему читателю, что сумеем с полной достоверностью и в мельчайших подробностях рассказать в нашей книге обо всех обстоятельствах жизни и подвига Виктора Александровича Лягина и о работе руководимой им нелегальной резидентуры «Маршрутники». Не будем также говорить, что все наши выводы являются стопроцентными, а утверждения не могут вызывать никаких сомнений. Но мы скромно скажем, что смогли подойти к истине ближе всех других исследователей. Это со всей ответственностью подтверждают и специалисты, с которыми нам довелось работать и чьи имена пока еще называть нельзя.

Глава первая

«Я, СЛАВА БОГУ, МЕЩАНИН»

Писать о предках наших соотечественников — дело непростое, неблагодарное, а порой и просто невозможное. Тебе расскажут (если есть чего хорошего сказать и хочется это сделать) про папу и маму, уже не без труда вспомнят про дедушек и бабушек, а вся предыдущая история семейства, как правило, теряется где-то в историческом тумане. Даже отчество своего прадеда теперь у нас мало кто вспомнит. Не надо, однако, спешить цитировать пушкинское мнение, что «мы ленивы и нелюбопытны», — ведь в одном лишь минувшем XX столетии по многострадальной российской земле прошло столько войн, революций и иных потрясений, после которых людям всякий раз требовалось не только тщательно пересматривать и редактировать собственные биографии, но и «инвентаризировать» родственников, что впору было и свои имена позабыть... Но мы, всему назло, в большинстве своем даже наших дедушек можем назвать по имени и отчеству!

По таковой причине о «корнях» Виктора Лягина рассказать довольно сложно, хотя и есть весьма любопытная информация.

...В нашей работе мы не раз будем обращаться к документальной книге известного в недавнем прошлом ленинградского журналиста Геннадия Петровича Лисова, выпущенной Лениздатом в 1982 году в некогда популярной серии «Библиотека молодого рабочего». Книга эта называется «Право на бессмертие». Тогда, через 37 лет после окончания Второй мировой войны, автор имел счастливую возможность пообщаться с людьми, близко знавшими Виктора Александровича, — с его сестрой и дочерью, с друзьями его детства и юности и даже с некоторыми из его боевых товарищей. В общем, с теми людьми, которых теперь уже

давно нет в живых. Сейчас, читая книгу, мы словно бы слышим их голоса, узнавая из их рассказов о каких-то подробностях и мелочах, которые в повседневной жизни вряд ли кто-то документирует, и потому они обычно уходят вместе с теми людьми, что о них знали. В общем, получаем ту информацию, что в наше время именуется «эксклюзивной». Книга Лисова была выпущена обыкновенным по тем временам 100-тысячным тиражом, но, как помнится, на магазинных прилавках не залежалась — не только потому, что книга хорошая, но и по той причине, что тема воинского подвига, борьбы советского народа с немецко-фашистскими захватчиками вызвала у наших читателей особенный интерес. Да и вообще, в Советском Союзе, в котором жил, за который сражался и погиб Виктор Лягин, люди любили читать и охотно читали самые разные книги — они тогда стоили недорого и были доступны каждому. Например, та самая книга «Право на бессмертие», в мягком бумажном переплете, стоила всего 35 копеек.

Впрочем, у каждого времени есть свои преимущества, и нам сейчас оказались доступны такие материалы о жизни и службе нашего героя, о существовании которых Геннадий Петрович Лисов, можно предположить, даже и не подозревал...

Так вот, из книги Лисова мы узнаём, что Анна Александровна Александрова, старшая сестра Виктора, обычно рассказывала, что их отец, Александр Ильич Лягин, был простым железнодорожным служащим:

«Он рано потерял отца и уже с двенадцати лет начал сам зарабатывать — чернорабочим на железной дороге. Потом освоил профессию телеграфиста и постепенно дослужился до начальника станции. Это был трудовой человек...»¹

Сама Анна Александровна была женщиной серьезной и воистину легендарной личностью, так что то, что она рассказывала, не может не заслуживать доверия. Будучи старше Виктора на семь лет — она родилась в 1901 году, — Анна участвовала в Гражданской войне и по семейным преданиям была комиссаром бронепоезда. В 1922 году приехала в Петроград, здесь работала начальником отдела кадров открытого в городе на Неве в 1937 году Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Так что ее рассказ об истории семьи — это не просто какие-то смутные детские воспоминания, ибо с родителями она общалась в зрелом возрасте. К тому же, как опытный кадровик, Анна

Александровна, думается, держала в памяти множество подробностей из биографий своих близких.

И все-таки мы рискуем подвергнуть ее рассказ сомнению: двенадцатилетний мальчишка — чернорабочий на железной дороге! Работа по 10—12 часов в сутки, постоянная физическая усталость, определенный, достаточно ограниченный круг общения в самых низах. Кажется, тут-то и покатится вся его жизнь по стальным рельсам, до самого своего конца: путевой обходчик, смазчик вагонов, стрелочник или, если повезет, то даже кочегар, ведь так называемые «движенцы» зарабатывали побольше, чем «путейцы»... Однако недавний чернорабочий вдруг становится телеграфистом. Позвольте спросить: каким же это образом? Ведь на должности почтово-телеграфных чиновников — так это официально называлось — принимались люди образованные, окончившие гимназии или городские училища, потому как их работа была связана с текстами, с документами, с техникой и к тому же была очень даже оперативной — бытовало выражение «с телеграфной скоростью». Для нее требовалось соответствующее, достаточно приличное образование: когда же и как юный Саша Лягин мог успеть его получить, трудясь чернорабочим? Насколько известно, «вечерних гимназий» — как в СССР вечерние «школы рабочей молодежи» — в Российской империи не существовало.

Между прочим, телеграфисты тогда шеголяли в форменных мундирах со знаками различия, а Главное управление почт и телеграфов, в котором они служили, относилось к Министерству внутренних дел. В социальной структуре российского общества связисты занимали особое, достаточно высокое место — нечто среднее между чиновниками и инженерами.

Неудивительно, что, имея такой «старт», Александр Ильич, как утверждала его дочь, «постепенно дослужился до начальника станции». Судя по всему, это была станция Сельцо Брянского уезда Орловской губернии, располагавшаяся на тогдашней Орловско-Витебской железной дороге (ныне это участок Московской дороги), не более чем в трех десятках верст от Брянска, — именно там, на станции Сельцо, и родится герой нашей книги.

Хотя отметим, что сам Виктор Александрович в официальных документах писал про своего отца несколько иное — и, кстати, не всегда одно и то же. Так, если мы возьмем анкету, заполненную Виктором Лягиным 19 июля 1929 года при

поступлении в Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина (этот и ряд других лягинских документов хранятся в музее нынешнего Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого), то там, в 19-й графе «Социальное положение родителей», про отца написано: «С 1882 по 1924 год работал смотрителем жел. дорожн. станции. С 25 года по 27 (в 27 умер) работал рабочим в типографии “Ленинградской правды”».

В «Личном листке студента», заполненном 1 сентября 1929 года, — он получен из того же источника, — указано чуть по-другому. В пункте 10 «Профессия родителей», в графе «Рабочий», проставлены даты «с 25 по 27 год», а ниже, в графе «Служащий сов. и др.», — «с 1883 по 25 г.». Если же взять «Личный листок по учету кадров» теперь уже Ленинградского машиностроительного института — он был заполнен 26 мая 1932 года (при чем здесь этот институт, мы объясним в свое время), то там, в разделе 5 «Социальное происхождение», подпункт «а» — «бывшее сословие» — указано «мещанин». Мещане, как известно, это городские жители, так сказать, низшего уровня — ремесленники, мелкие торговцы и тому подобные, жившие собственным трудом. Ну как тут не вспомнить иронично-гордое утверждение Александра Сергеевича Пушкина: «Я, слава Богу, мещанин»!

Составляя автобиографию перед приемом на службу в НКВД (она датирована 7 апреля 1938 года и сейчас хранится в Центральном архиве ФСБ России), Виктор Александрович писал так: «Отец с 1882 по 1924 год служил на железной дороге — начал с весовщика и окончил помощником начальника станции. Мать постоянно занималась домашним хозяйством». А в «Личном листке», подготовленном, очевидно, по запросу НКВД 3 сентября того же года, в графе «Бывшее сословие (звание) родителей» опять-таки однозначно и нейтрально указано — «мещане».

Но, сопоставив всё нам известное, можно сделать вывод, что здесь кто-то что-то крутит. С какой целью? Попытаемся понять.

При поступлении в институт нашему герою пришлось давать подписку следующего содержания:

«Я, Виктор Александрович Лягин, даю сию подписку Приемочной комиссии Ленингр<адского> Политехнического института им. М. И. Калинина в том, что я, или мои родители не принадлежат к числу лиц, предусмотрен<ных> ст. 69 Конституции РСФСР, и что мне известна статья

УК № 187 об ответственности за сообщ^ение ложных сведений.

19/VI 29 года <подпись>».

Лица, «предусмотренные 69-й статьей», — это те, кто «прибегают к наемному труду с целью извлечения прибыли», «живут на нетрудовой доход», частные торговцы, торговые и коммерческие посредники, «монахи и духовные служители религиозных культов, всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией», служащие и агенты «бывшей полиции», Отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, «члены царствовавшего в России дома» — ну и еще ряд иных категорий, к которым, как и к дому Романовых, родители Виктора Лягина никакого отношения не имели.

Что же тогда могло быть с ними не так с точки зрения представителей советской власти?

Во-первых, то, что мама Виктора Мария Александровна, которая, как он писал в анкете, «постоянно занималась домашним хозяйством», происходила из дворянской семьи. Такое происхождение, мягко говоря, не приветствовалось. Хотя, согласно вышеупомянутой 69-й статье, «бывшие дворяне» избирательных прав не лишались, но, к примеру, при поступлении в институт у них могли возникнуть проблемы.

Про корни дворянской семьи Смирновых мы, к сожалению, ничего определенного сказать не можем — к какому времени восходит ее история, кто был родоначальником, кто из предков когда-либо отличился на службе Отечеству? Возможно, Смирновы относились к столбовым дворянам, уходя своими корнями в глубь веков, но может быть и так, что потомственное дворянство заслужил какой-нибудь их недавний предок, офицер или чиновник, успешно сделавший скромную карьеру при императрице Екатерине II или даже и при не столь уже давнем государе Александре I. Весьма распространенная фамилия «Смирновы» могла принадлежать представителям любых слоев общества.

Зато — это просто редчайшая удача! — остались воспоминания про ту самую семью, в которой жила Мария Александровна, и даже пара слов про нее саму. Всего несколько абзацев, но все-таки! Они позволяют узнать достаточно многое. Дело в том, что в семье Смирновых почти целый год прожил юный Сергей Коненков* — человек, которого

* *Сергей Тимофеевич Коненков* (1874–1971) — русский и советский скульптор, народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинской премий.

вскоре будут называть «русским Роденом». Происходил он из крестьянской, но зажиточной семьи.

«Соседние помещики Смирновы, надумав готовить своего сына для поступления в Рославльскую гимназию, стали подыскивать ему товарища. Указали на меня, как на подающего надежды ученика»², — вспоминал скульптор. Он также уточнил, что последующее гимназическое обучение в городе должно было стоить не менее 100 рублей в год. Естественно, нам тут же на ум приходит двенадцатилетний чернорабочий Александр Лягин, будущий телеграфист — он-то на какие средства учился?

Коненков пишет, как его с братишкой Гришей «отправили на житье к Смирновым». Вспоминает «довольно большой, длинный дом с двумя подъездами по бокам», как «поднялись по крутой лестнице в переднюю», сына хозяев: «Саша был одет по-барски: в короткую курточку, длинные штаны, на ногах башмаки; он был наголо острижен в противовес нам — лохматым, нестриженным». Пишет об учителе Алексее Осиповиче Глебове — «семинаристе последних классов». А вот описание интерьера, пусть и небольшое:

«На следующий день приступили к занятиям. Но прежде осмотрели картины, висевшие в учебной комнате. Это были приложения к “Ниве” — гравюры с картин Ю. Клевера, К. Маковского, иллюстрации П. Боклевского к “Мертвым душам” Гоголя. “Нива” выписывалась Смирновыми многие годы, и мы еще долгое время листали, рассматривали, читали знаменитый иллюстрированный журнал»³.

Ну и вот еще интересный и достаточно красноречивый фрагмент из записок Коненкова:

«Подошла весна. Начались полевые работы... Вместе с Алексеем Осиповичем мы бродили по окрестностям. Заходили в деревни, разговаривали с крестьянами. <...> Живем впроголодь, жаловались мужики, хлеба редко у кого до Рождества хватает, приходится занимать у помещика или у других деревенских богачей. А уж потом за эту милость гнешь спину на барских полях. Да разве когда рассчитаешься! Так весь свой век и ходишь у барина в должниках. Отчаянно бедными были деревни Алымовка, вблизи усадьбы помещиков Смирновых, Гопиевка, Ломня, Струшенка, Кривотынь»⁴.

Несколько ниже говорится о нравах этой семьи и конкретно о Марии Александровне, маме нашего героя:

«Хорошо мне жилось у Смирновых. Все: и сам глава семьи Александр Иванович, и его жена — добрейшая Ека-

терина Федосеевна, и старшие сыновья Александра Ивановича — Михаил и Николай, и дочери Анна и Мария — поощряли мои способности к рисованию и прочили мне дорогу художника. В разговорах в семейном кругу вспоминались то памятник царю Петру, то гениальное “Явление Мессии” Александра Иванова, то будто между прочим кто-нибудь говорил о том, что в Рославле родился скульптор Микешин, создавший памятники в Петербурге, Новгороде, Киеве и других городах. Алексей Осипович частенько брал в руки гитару и, сам себе аккомпанируя, пел романсы Варламова и Гурилева. Мария Александровна проникновенно пела “Выхожу один я на дорогу”...»⁵

Вот в принципе и всё, что рассказано про семью Смирновых, в которой мальчик прожил около года. Можно понять, что была она вполне культурная, интеллигентная, либеральная, что называется, среднего достатка — в роскоши не купались; при этом свой помещичий интерес Смирновы блюди и филантропами отнюдь не являлись... В общем, типичное среднее провинциальное дворянство. Коненков далее еще пишет о том, что в дни революционных смут мужики пожгли усадьбы смирновских соседей — о судьбе же своих благодетелей он не упоминает, так что понимай, как хочешь: или не тронули, или он не желал об этом говорить. А может, просто не знал, хотя последнее маловероятно.

Итак, подводим итоги. Мама нашего героя происходила из дворян. Если еще и папа принадлежал к тому же сословию, то попасть на учебу в институт, а тем более поступить на службу в НКВД Виктору Лягину было бы очень непросто. Да и вообще ему оказалось бы достаточно проблематично вписаться в «новую жизнь». Возможно, именно поэтому и возникла легенда о «пролетарском происхождении» его отца, как и романтическая история о любви дворянской девушки к представителю «социальных низов».

Вот что рассказывала об этом Анна Александровна:

«Мама была цельной, волевой натурой. Ей еще не исполнилось и восемнадцати лет, когда она вопреки желанию родных вышла замуж за простого железнодорожного служащего... Это был трудовой человек, а с такими людьми легко живется. Мама сумела угадать в Лягине надежную опору в жизни, хорошего отца своим будущим детям»⁶.

Ну что ж, «простой железнодорожный служащий», «трудовой человек» — да еще и начал работать в 12 лет. (Заметим, что фраза «это был трудовой человек» звучит в рассказе Анны Александровны уже во второй раз.) Впечатляет!

И ведь, наверное, всё достаточно близко к истине, только чуть-чуть подправлено опытным кадровиком. А потому, очевидно, нигде и не говорится о том, кем был отец самого Александра Ильича, какую семью он оставил вследствие своей скоропостижной смерти — да и «черная работа» с малолетства, как мы уже говорили, несколько смущает.

К слову, в удостоверении, выданном «Отделом Эксплоатации Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги НКПС СССР» 29 апреля 1927 года, указано, что «Лягин Александр Ильич состоял на службе быв<шей> Орловско-Витебской, ныне Московско-Белорусско-Балтийской ж. д., с 29/X—1882 г. по 11/XII—1924 г. и последнюю должность занимал смотрителя платформ в Мальцевская, с каковой должности 11/XII-1924 г. уволен от службы по прошению».

Но это ничего не объясняет. Последняя должность такая-то, а предпоследняя? И что было раньше? И когда он занял эту «последнюю должность»? Нет ответа...

Как видим, Виктор Лягин в анкетах и автобиографиях называет отца весовщиком, смотрителем, помощником начальника станции — всё это весьма скромные должности; сестра его говорила про телеграфиста и начальника станции, что, думается, ближе к истине. Все-таки, даже при всех столь модных тогда демократических взглядах, юная дворянская девушка скорее смогла бы познакомиться с телеграфистом в изящном мундире, нежели с весовщиком, облаченным в припорошенный ржаной мукой фартук, — хотя бы потому, что весовщик обычно обретается где-то в глубинах товарного двора железнодорожной станции, тогда как телеграфные конторы находились в самом центре населенного пункта или непосредственно при вокзале.

Кстати, если Александр Лягин действительно был телеграфистом, то отпадает и версия «замужества вопреки желанию родных» — как известно, почтово-телеграфные чиновники, желавшие вступить в законный брак, подавали соответствующее прошение начальнику своего почтово-телеграфного округа, прикладывая к нему автобиографию невесты и, разумеется, информируя о согласии ее родителей. Какой бы скандал разразился, если бы выяснилось, что начальник округа дал своему служащему разрешение на брак вопреки родительской воле! Понятно, что в таком случае чиновника, «подставившего» начальника, с треском выперли бы со службы.

Вполне возможно, что ранее Анна Александровна также могла придерживаться иной версии (про весовщика и смотрителя платформы), однако в начале 1980-х годов в нашей стране говорить правду о своем происхождении было уже не опасно. Хотя для нее, комиссара бронепоезда и сотрудницы Ленинского музея, все-таки предпочтительнее был отец — «трудовой человек», «простой железнодорожный служащий», начавший работать в двенадцатилетнем возрасте, а затем уже своим трудом и талантом выбившийся в люди, — вот она и совместила два варианта...

Ну а что делать? Для нас Анна Александровна остается единственным источником информации — имея в виду то, что она рассказала Геннадию Лисову. К сожалению, сам Геннадий Петрович ушел из жизни несколько лет назад, а потому та информация, которую он получил от сестры героя, но, вполне возможно, не мог вставить в книгу (каждые времена имеют свои собственные ограничения), так и ушла вместе с ним... Поэтому опять-таки возвращаемся к опубликованному в книге рассказу Анны Александровны:

«В нашей семье выросло семеро детей... Мама действительно жила только нашей жизнью. И тем ужаснее были удары судьбы, отнявшие у нее двоих... Первенец, всеобщий любимец Саня, примиривший маму с родными, умер от опухоли мозга в девятнадцать лет. Катя, второй ребенок, дожила лишь до двадцати четырех — ее унесла “испанка”, страшная разновидность гриппа, бушевавшая в 1918 году. Только благодаря отцу — благородному, сильному и доброму человеку — мама смогла пережить это»⁷.

Вот в такой вот семье 18 (31) декабря 1908 года и родился Виктор Лягин.

Уточним сразу, что по причине географических пертурбаций, происходивших в нашей стране в послереволюционные годы, — а может, и по каким-то иным причинам — Виктор Александрович значился по паспорту уроженцем белорусского города Витебска. Но это было совсем не так, а в Витебске, кажется, он вообще никогда не бывал.

Семья жила в пятикомнатном деревянном доме — думается, по масштабам и условиям Сельца это было очень даже комфортно. Анна Александровна вспоминала, что, когда Виктору было десять лет, отец подарил ему коня — и он с этим конем подрабатывал, возил дрова соседям, а те потом взяли Буланого без спроса и погубили его то ли по своему недомыслию и неопытности, а то ли и по злобѣ, из зависти (мы знаем, что это очень по-русски) — для мальчи-

ка это было сильнейшим ударом... Но произошло такое уже позже, во время Гражданской войны.

Как видно, семья «простого железнодорожного служащего» жила совсем даже неплохо — вот только вскоре в России, да и во всей Европе, началась очередная черная година. Ведущие страны Старого Света с азартом влезли в мировую войну, в которой, к удивлению своих правителей, завязли на долгие годы. У нас же в России «империалистическая» война переросла в еще более страшную Гражданскую. Считалось, что этот переход произошел, так сказать, «по заказу трудящихся» — в своей программной работе «Война и российская социал-демократия» вождь мирового пролетариата В. И. Ленин писал: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг»⁸. Кто бы знал тогда, какой кровью придется умыться России во исполнение этого «единственно правильного лозунга», сколько пролетариев отдадут свои жизни ни за понюх табаку, во что будет превращена страна!

А изначально, в 1914 году, всё вроде бы было очень даже неплохо: российское руководство традиционно рассчитывало на «малую победоносную войну» (на то же самое, впрочем, надеялись как наши союзники, так и наши противники), в народе изначально царили патриотические настроения. Но уже ко второму военному лету, под отрезвляющим влиянием событий на фронтах надежды растаяли, а патриотизм улетучился. Чтобы его реанимировать, император Николай II начал ездить по России и воодушевлять народ.

20 апреля 1915 года государь приезжал в Брянск. Думается, что Виктор видел тогда два царских поезда, промчавшихся мимо Сельца с получасовым интервалом, — и в каком-то из этих поездов следовал император. Хотя вполне возможно, что Александр Ильич, как начальник железнодорожной станции, ездил на торжественную встречу в Брянск, благо до города было рукой подать, и брал с собой туда младшего сынишку. Но, конечно, Виктор Лягин про такую поездку впоследствии, то есть став взрослым, никому и ничего не рассказывал — в те времена подобными «впечатлениями» не хвастались...

С 1915 года обстановка в Брянске, как и по всей России, становилась все хуже и хуже. В город волна за волной прибывали беженцы из прифронтовых областей. В результате уничтожения кадровой армии в первый же год сражений —

рассчитывая на «малую победоносную войну», российское руководство бросило на фронт буквально все имевшиеся воинские части, вплоть до гвардии, — в войска стали призывать запасников, которые чем дольше шла война, тем сильнее не хотели воевать. Дезертирство с фронта нарастало, принимая массовый характер: вооруженные беглецы объединялись в банды, грабили лавки и зажиточные дома, а то и просто прохожих на пустынных ночных улицах. Взлетели цены на хлеб, начались перебои с солью и керосином; рабочие в Брянске бастовали, забастовки подавлялись достаточно жестко... Как-то незаметно прошел февраль с его «судьбоносными событиями», а потом, в октябре 1917 года, власть тихо и спокойно перешла к большевикам — никто ничего не штурмовал, никаких «революционных боев» на улицах уездного города не было. Не дошла до Брянска — и, соответственно, до станции Сельцо — и последующая Гражданская война, опалившая своим огнем лишь южные окраины Брянщины.

Наверное, самым ярким из событий того времени стал приход на станцию Сельцо для ремонта бронепоезда, которым командовал Георгий Александрович Александров, член партии большевиков с 1915 года (разумеется, об этом Виктор узнал гораздо позже). Яркое это событие произошло в начале Гражданской войны. И так получилось, что сын начальника станции стал на бронепоезде своим человеком — причем без всякой отцовской протекции. Когда ему вздумается, он мог невозбранно лазать по паровозу и бронеплощадкам, сидеть в бронированных вагонах и, что самое главное, крутить колесики орудий — «по науке» это называется «маховик поворотного механизма», — от чего их стволы ходили вверх-вниз и вправо-влево, а также нажимать на гашетку незаряженного пулемета и кричать «ду-ду-ду-ду!», изображая стрельбу. Впрочем, стоянка эта была недолгой — мастерских для серьезного ремонта на станции не было, значит, такового и не требовалось, так что несколько дней спустя бронепаровоз окутался белым паром, медленно, с трудом, закрутил своими огромными, в человеческий рост, красными колесами, дал длинный прощальный гудок; красноармейцы, стоявшие на платформах, что-то кричали и махали кому-то руками — а потом, быстро набирая ход, бронепоезд потащил свои пушки и пулеметы в южную сторону, туда, где шла война...

Вместе с экипажем бронепоезда уехала и Анна Лягина, которая вышла замуж за Георгия Александрова, его коман-

дира. Понятно, что именно благодаря сестре Виктор и оказался «своим человеком» в поездной команде. Вскоре Анна станет комиссаром этой воинской части — иначе как ей было находиться на бронепоезде? Жены должны мужей по домам ждать.

Вот, пожалуй, и всё, что нам удалось «раскопать» о юных годах нашего героя — свидетели тех лет давно уже ушли. Проанализировав вышеописанное, можно утверждать, что — по тогдашним меркам, разумеется, — детство у Виктора Лягина было вполне благополучное. Война прошла где-то рядом, осталась, без сомнения, в памяти, однако по-настоящему его не коснулась...

А теперь обратимся к семье Александровых.

После разгрома барона Врангеля и изгнания белых войск из Крыма Георгий Александрович некоторое время служил в Запорожье, но вскоре демобилизовался и в 1922 году, вместе с женой и новорожденным сыном Юрой, решил вернуться в родной Петроград. По пути супруги заехали в Сельцо, и там, на семейном совете, было принято решение всем Лягиным перебраться в Питер — возможно, по той причине, что «бывшим» гораздо проще было затеряться в большом городе, нежели оставаться на все той же станции, где тебя каждая собака знает и все по привычке именуют тебя «господином начальником». Не исключалось, что к Лягину-старшему в любой момент могли зайти незваные строгие гости с вопросом: «А кем вы были при прежнем режиме?» — будто они сами того не знали. Массовые репрессии против «бывших» пока еще не начались, но люди сведущие могли что-то знать или по крайней мере чувствовать...

Поначалу вместе с Александровыми в город на Неве отправили Виктора. Георгий Александрович с домочадцами возвратился в квартиру своих родителей на Спасскую улицу (через год ее переименуют в улицу Рылеева), дом 6 — неподалеку от Спасо-Преображенского всей гвардии собора и Литейного проспекта. В те времена эти места центром города не считались, но и тогда район был весьма престижным, обжитым и уютным; недавно еще здесь, совсем неподалеку, размещались самые блистательные полки императорской гвардии — лейб-гвардии Преображенский и Кавалергардский, рядом был огромный Таврический сад, да и до берега Невы рукой подать.

Итак, Виктор Лягин стал петроградцем-ленинградцем (город переименуют в январе 1924 года), и здесь, в Ленинграде, пройдет большая часть его короткой и яркой жизни.

(Хотя справедливости ради уточним, что на обложке полученного им в 1928 году удостоверения об окончании школы-девятилетки он значится как «гражданин Орловской губернии». Это же надо было такое придумать!)

Здесь, пока еще в Петрограде, у Виктора началась совсем иная жизнь — во всех абсолютно отношениях. Конечно, главным делом для четырнадцатилетнего подростка считалась учеба, но можно понять, как тяжело пришлось парнишке, сменившему вдруг провинциальную школу на столичную. По своему духу, по уровню, по самосознанию граждан Питер тогда еще оставался столицей, и уровень образования был соответствующий, столичный, фундамент его закладывался в знаменитых петербургских гимназиях. Лягин был принят в 104-ю единую трудовую школу, что находилась на улице Моисеенко (бывшая Большая Болотная), дом 2а, и от его дома идти туда было недалеко. Было ему тогда 13 лет, а зачислили его в 4-й класс — то есть по современным понятиям он оказался явным переростком. Но в ту пору подобных ребят, которым революция и война на несколько лет «подарили» вынужденные каникулы, было немало, никто этому не удивлялся, и на великовозрастных младшекласников не косились и пальцем не показывали.

Ну что ж, пришлось сжать зубы, не жалеть времени, выказывать по-настоящему мужской характер — быть каким-то недотепой-недоучкой, посмешищем для класса не хотелось. И ведь сумел справиться! Виктор не только быстро догнал товарищей в учебе, но вскоре даже смог обойти их по уровню знаний. Сказались, очевидно, такие черты, присущие «лягинской породе», как настойчивость, упорство, дисциплинированность, высокая требовательность к самому себе — без той оглядки на окружающих, которая позволяет «ослаблять вожжи». Люди, знавшие Виктора Лягина, вспоминали, что его отличала аккуратность, он выглядел всегда очень опрятно и притом был человеком активным и инициативным, с выраженными качествами лидера.

Но тут кто-либо недоверчивый вполне может возразить, что, конечно, про героя все будут вспоминать и рассказывать только самое хорошее — тем более что опровергнуть сказанное уже нельзя. Действительно, опровергнуть нельзя, но зато подтвердить можно. Уже в 1923 году Виктор Лягин вступил в ряды РКСМ — Российского коммунистического союза молодежи, что свидетельствует о его большом авторитете в классе. Комсомол в те времена не был так заформализован, как это оказалось впоследствии,

туда действительно принимали лучших, настоящих «борцов за светлое будущее человечества», и одноклассники, решая, давать или не давать своему товарищу рекомендацию для приема, проявляли самую бескомпромиссную принципиальность. Вскоре Виктор возглавил комсомольскую организацию школы — значит, даже у непростых питерских школьников этот парнишка со станции Сельцо завоевал громадное уважение. Хотя известно, что в коллективах — особенно детских — чужаков не очень-то жалуют и принимают далеко не сразу. Можно понять и то, что Виктор обладал достаточно высокой культурой: несмотря на свое название, Литейная часть Петербурга* рабочей окраиной отнюдь не являлась, и человек здесь ценился не только за то, что был, как говорится, «своим в доску». Лягин очень любил читать, читал он много и постоянно. Кто-то умный сказал, что интеллигентного человека отличает потребность в повседневном чтении — и это качество было присуще Виктору в полной мере, причем его литературные пристрастия оказались достаточно широки. Еще он любил музыку, живопись... Про спорт и говорить не приходится — в те времена ребята поголовно увлекались спортом, и не спортсмен вряд ли мог стать для товарищей настоящим авторитетом, а уж тем более — выйти в лидеры.

Анна Александровна рассказывала корреспонденту николаевской областной газеты «Южная правда»:

«Очень искусство любил Витюша. Буквально потрясла его опера “Иван Сусанин”. Пришел со спектакля весь какой-то возбужденный, горячий... Все повторял: “Вот это да! Вот это человек! Сусанин, а?” А потом, бывало, ходит по комнате и напевает тихонько: “О дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить...” Это уже из оперы “Князь Игорь”»⁹.

Рассказ дополнила двоюродная сестра Виктора Елена Ивановна Флоровская:

«Какой это был человек! Рыбалку любил. Природу. Помню, плавал отлично. Спортсменом был. Читал много. Любил повторять фразу Дидро: “Люди перестают мыслить, когда перестают читать”. Был Виктор очень эмоционален. Посмотрел спектакль “Анна Каренина” и говорит: “А я в

* В XVIII — начале XIX века здесь находился Литейный — точнее, Пушечный литейный — двор, где отливались артиллерийские орудия; в XIX веке Литейная часть превратилась в один из аристократических районов города.

двух местах плакал... А в каких местах, это вы сами догадаетесь, когда посмотрите этот спектакль...»¹⁰.

Так, постепенно, у нас и вырисовывается портрет нашего героя...

В своей книге Г. П. Лисов писал, что Лягин не только организовал у себя в школе кружок немецкого языка, но и сам им руководил. «Почему именно немецкого? — спрашивает автор и тут же сам дает ответ: — Видно потому, что знал его немного с детских лет от матери и не раз слышал от нее: ничто так не развивает человека, как изучение чужого языка»¹¹.

Не убеждает! То же самое можно сказать и про любой другой язык, и это тоже будет правильно. И вообще, завышка в другом... Если мы возьмем упомянутый уже ранее «Личный листок по учету кадров», то на третьей его странице, в разделе 21, чудесным образом озаглавленном «Знание иностранных языков народностей СССР», в подпункте «Знание иностранных языков», во всех его отделениях, названных: «Читает или переводит со словарем», «Читает и может объясняться» и «Владеет свободно», стоят прочерки, сделанные синими чернилами. (В каждом из тех же самых отделений подпункта «Знание языков народностей СССР» добросовестно указано: «русский».) Между тем занятия даже в школьном кружке иностранного языка — и уж тем более руководство оным — предполагают хотя бы минимальный уровень познаний. Так что представляется, что в данном случае автор несколько польстил герою своей книги. Впрочем, в удостоверении об окончании школы (по современному — в аттестате) значится, что иностранным языком — без пояснения, каким именно, — он занимался. Оценка не стоит, потому как в удостоверении указано с подкупающей простотой: «В течение курса обучения приобрел знания и навыки в объеме курса, установленного программами НКП (Народного комиссариата просвещения. — А. Б.) для школы-девятилетки, по следующим предметам» — и далее перечисляются 12 дисциплин, из которых одна, труд, выпадает с пометкой «не обучался».

Так что, к сожалению, про уровень познаний будущего разведчика в иностранных языках мы пока что ничего сказать не можем. Зато в студенческих его документах есть отметки, что в институте он занимался и немецким языком, и английским. Но о том — в свое время, а мы пока продолжаем рассказ о школьных годах нашего героя.

Как уже знает читатель, Виктор жил в доме родителей мужа своей сестры, куда потом переехали и его собственные родители. Отец, Александр Ильич, устроился рабочим в типографию «Ленинградской правды» — скорее всего, он работал на линолите, строкоотливной машине. Для телеграфиста эта профессия в общем-то родственная: и там, и тут нужно было работать с клавиатурой, в одном случае переводя буквы на бумажную строку, в другом — отливая в металле. Вот только на линолите буквально рядом с наборщиком стоял тигель, небольшой котел с жидким, расплавленным гартом — смесью свинца, сурьмы и олова, из которого отливались строки. Работая, линотипист постоянно дышал парами этих металлов, и потому типографская служба была очень вредной для здоровья — рабочим даже молоко выдавали «за вредность». Да только не помогло молоко: уже в 1927 году Александра Ильича не стало... Мария Александровна, как и в Сельце, вела в Ленинграде домашнее хозяйство; так как она не работала, то получала скудную вдовью пенсию — не то 13, не то 14 рублей.

Вот так и жили — большой коммуной, сколько-то семей в одной квартире. К тому же Анна Александровна после смерти своей старшей сестры и ее мужа взяла на воспитание их дочь — четырехлетнюю Леночку, ту самую Елену Ивановну, слова которой о Викторе Лягине мы приводили чуть выше... Может, в том числе и по этим причинам — не всем нравится жить с тещей, да и вопрос перенаселенных квартир испортил не только москвичей, — к исходу 1920-х годов семья Александровых распалась. О Георгии Александровиче известно немного: в приснопамятные 1930-е годы он был секретарем одного из обкомов ВКП(б), попал под репрессии, но отделался сравнительно легко — отсидел несколько лет в лагерях, тогда как люди такого высокого, как он, ранга в ту пору обыкновенно попадали под расстрел. Возвратился, впоследствии был реабилитирован, где-то кем-то трудился, но мы про это уже точно не знаем. В 1971 году, когда на станкостроительном заводе имени Ильича открывалась мемориальная доска Виктору Лягину, Александров там присутствовал, но к бывшим своим родственникам не подошел — значит, оставались в его сердце какие-то обиды или претензии...

Наверное, после развода — а может, и раньше — Лягины переселились на улицу Моховую, дом 1/9, минутах в десяти от прежнего места жительства. Пройдя по Рылеева, нужно справа обогнуть Спасо-Преображенский собор,

выйти на улицу Пестеля (ранее — Пантелеймоновская), по ней перейти через Литейный проспект, именовавшийся тогда проспектом Володарского, затем свернуть в первую улицу направо — это и будет Моховая, и идти по ней до самой улицы Чайковского (до 1923 года — Сергиевской), на углу с которой и находится дом один дробь девять. Он расположен буквально в двух шагах и от Фонтанки, и от Невы, от набережной Жореса, которая совсем еще недавно была аристократической Французской набережной, а ранее, в XIX веке, именовалась Гагаринской.

Несколько лет спустя семья переехала на улицу Пестеля, — названную в честь сурового руководителя Южного общества декабристов, — в дом 7 (на этом доме теперь висит мемориальная доска памяти Героя Советского Союза Виктора Лягина). Маршрут нам уже знакомый: вниз по Моховой, а на первом перекрестке, перейдя на другую сторону — это и будет улица Пестеля, — повернуть направо и идти к набережной Фонтанки, не доходя до нее четырех домов. Напротив дома, на другой стороне улицы, — церковь Святого Пантелеймона, построенная в первой половине XVIII столетия в память побед петровского русского флота при Гангуте и Гренгаме. А если пойти из дома налево, к Фонтанке, то там, с другой стороны реки, находятся такие прекрасные и удивительные питерские места, как Летний сад, Марсово поле, Инженерный замок. Это вообще самый центр, сердце города.

Улица Рылеева (Спасская), дом 6, улица Моховая, дом 1/9, и улица Пестеля (бывшая Пантелеймоновская), дом 7, — вот три ленинградских адреса Виктора Александровича Лягина. Все эти дома находятся в одном районе, в пяти — десяти минутах ходьбы друг от друга. И ведь что удивительно — именно здесь, в этом фешенебельном районе бывшей имперской столицы, Виктор получил по-настоящему пролетарское, большевистское воспитание. Все-таки старшая сестра его, Анна Александровна, совсем еще недавно была комиссаром бронепоезда. Во время службы она не только привыкла дымить, как паровоз — на войне курила махорку, потом до самой кончины не расставалась с крепкими мужскими папиросами, — но и жила в соответствующем окружении. В доме у нее, еще со времен пребывания на Спасской (Рылеева) улице, в основном бывали гости из «того», не столь уж давнего времени, участники Гражданской войны.

Честно говоря, советский агитпроп, то есть структуры, занимавшиеся идеологической работой — их деятельность

возглавлял Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), а затем ЦК КПСС, — дело свое знали, как говорится, туго. Именно его стараниями Гражданская война — самая страшная и кровавая страница советской истории — превратилась в прекрасную романтическую сказку. Вспомним хотя бы песню про «комиссаров в пыльных шлемах», которые «склонятся молча» — ну и т. д. ... Не знаем, насколько это было честно, но наши мастера искусств — даже те, которые вскорости стали клеймить «сталинизм», предавая анафеме советскую власть и всех большевиков оптом и в розницу, — славили эту «единственную Гражданскую» талантливо и самозабвенно, словно бы не зная или не задумываясь о ее сущности и трагедии. Целые поколения советских людей воспитали именно на таких песнях, на кинофильмах и книгах, на той самой «революционной романтике»!

А в доме, где жил Витя Лягин, участники и герои этой войны (это сейчас мы считаем, что в Гражданской войне не могло быть героев — но тогда так никто не думал) были повседневными и желанными гостями. Как положено ветеранам, они часто вспоминали молодость, проведенную в боях и походах, в борьбе за «рабочее дело», в правоте которого не имели никаких сомнений. И, конечно же, вечерами, собравшись за столом, хором пели военные и революционные песни — признаем, что песни Гражданской войны гораздо более подходили для хорового исполнения, нежели песни Великой Отечественной. (Если вспоминать свое далекое детство, то за столом у деда, участника нескольких войн, начиная с Гражданской, чаще всего звучали «Там вдали, за рекой...» и «Мы красные кавалеристы...» — но это уже личные воспоминания автора.) Вот и Виктор очень любил слушать эти песни и сам с удовольствием их исполнял.

В общем, совсем не случайно работала Анна Александровна в филиале Музея Ленина, в создании которого она принимала самое горячее участие.

К сожалению, сейчас сложно сказать, кто тогда посещал дом Александровых — Лягиных. С точностью можно назвать лишь одно имя: Мария Степановна Бакшис, сотрудница Особого сектора Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) — под таким суровым названием значилась канцелярия обкома и горкома. В книге «Право на бессмертие» про нее сказано так: «По соседству жила ближайшая подруга хозяйки квартиры — Мария Бакшис, лично знавшая Феликса Эдмундовича Дзержинского,

Розу Люксембург. Эта женщина часто приходила на Спасскую, 6, и, кто знает, может быть, ее рассказы о Феликсе Дзержинском запали в душу Виктора и сыграли свою роль, когда ему пришлось решать “делать жизнь с кого”. Во всяком случае, именно Мария Степановна Бакшис впоследствии рекомендовала комсомольца Лягина в партию¹².

Прочитаешь — и кажется, что всё замечательно, всё, как говорится, в лучших традициях. Старая большевичка, рассказы о Дзержинском, рекомендация в партию... Звучит, можно сказать, благостно. Вот только кто бы тогда знал, по какому «минному полю» прошел Виктор Лягин по причине этой самой партийной рекомендации!

Ну, его-то судьба нам хорошо известна. А вот Мария Степановна, скромная служащая обкомовского секретариата, пережила в городе на Неве блокаду — и потом, в 1945 году, в январе, была привлечена по делу «антисоветской националистической группы литовцев». Сложно сказать, насколько она являлась «литовской националисткой», но известно, что товарища Сталина она очень не любила, не стеснялась называть его «тотальным властелином» и «все-союзным самодержцем» и критиковать проводимую им внутреннюю политику. Но Марии Степановне повезло: в конце войны властям оказалось абсолютно не до нее — тут и победная эйфория, и память о недавно пережитой блокаде, так что «сигнал», очевидно, не был воспринят должным образом, и она отделалась, как говорится, легким испугом. Что там было в итоге, вдаваться не станем, ибо это может уж слишком далеко увести нас от темы повествования... По крайней мере, известно, что в конце 1960-х годов Бакшис торжественно отпраздновала свое девяностолетие. Так что, скорее всего, ее просто убрали из «аппарата», да и позабыли, и тем самым, возможно, спасли от приснопамятного «ленинградского дела», которое раскрутили в 1949-м. Но тот факт, что рекомендацию для вступления в партию чекист получил от подобного человека, мог иметь весьма негативные последствия. В России ведь, как говорится, «от сумы и от тюрьмы...» — вне зависимости от того, кем ты был совсем еще недавно.

Но пока что все было просто замечательно! Интересная, насыщенная жизнь и прекрасные люди вокруг. Так чаще всего представляется в молодости, да и время было такое — время подъема, ожидания, надежд и искренней веры. Тем более — в Ленинграде, «второй столице», «культурной столице», «городе трех революций».

А вот что, уже поступив в Политехнический институт, писал Виктор о своем участии в общественной жизни в соответствующей анкете — она датирована 1 сентября 1929 года — в пункте 18 «Общественный стаж»:

«Кооператив школьный организовал...»

Подробно об этом мы ничего не знаем, хотя известно, что заработанные деньги уходили на помощь малоимущим ученикам.

Далее в анкете указывается:

«В комсомоле: непрерывно в продолжение последних 3-х лет отв<етственный> секретарь к-ва <коллектива>, член Райкома ВЛКСМ с 1927 г.».

Учебу, комсомольскую и общественную работу Виктор сочетал и с самым настоящим пролетарским трудом — он так и написал в «Опросном листе для вновь поступающих в Высшие Учебные заведения в 1929 году»: «Работать начал с 1926 года; летом работал, зимой учился». Там же, в графе 7, «Профессия и специальность», он указывает «Старший рабочий на строительных работах».

Правда, в известном нам уже «Личном листке студента» Лягин пишет, что он состоял в профсоюзе строителей с 1925 по 1927 год. Скорее всего, в первом случае, говоря про 1926 год, он ошибся, ибо и в автобиографии, датированной 7 апреля 1938 года, указывается: «Каждое лето до 1927 года работал рабочим на предприятиях Ленинградстроя — плотничал». Понятно, что речь идет не об одном-двух годах. Есть у нас также и характеристика, не имеющая датировки, — она подписана директором института и заведующим тамошним отделением машинных двигателей. В характеристике значится: «Социальное положение — рабочий плотник*. Работал 3 года». Подтверждается это и сведениями, изложенными в «Личном листке по учету кадров». В разделе 6 — «Основная профессия» (кстати, там, в скобках, следует очень интересное уточнение: «занятия для членов ВКП(б) к моменту вступления в партию, а для беспартийных — к моменту начала работы в советских учреждениях») указано точно так же — «плотник». Ну а что тут удивительного? В 1925 году школьнику Лягину было уже шестнадцать, и в те времена очень многие ребята такого возраста трудились на стройках, фабриках и заводах, на колхозных полях, даже не помышляя о получении среднего образования. Ну а он, как и указал в анкете, учился и работал... Парень физически

* Так в оригинале.

был очень развит, притом что семью его вряд ли можно было назвать хорошо обеспеченной в материальном плане. Тем более что в 1927 году скончался главный ее кормилец — Александр Ильич. В общем, как говорится, всё одно к одному...

Очевидно, именно по материальной причине Виктор не стал поступать в институт сразу по окончании школы, а пошел работать. К тому же выпускнику было уже 19 лет, и ему явно не хотелось прийти в вуз «вчерашним школьником». А так — пришел из трудового коллектива, это было гораздо солиднее, да и у трудящихся имелись свои преимущества при поступлении.

Но всё же после девятилетки Лягин в плотники определяться не стал — в его анкетах на тот период значится несколько более престижных, скажем так, должностей: «инструктор пионерской работы Володарского РК ВЛКСМ», «пионервожатый в школе», а несколько ранее — еще до окончания школы — Виктор «работал на детской площадке № 8 в должности руководителя».

Кстати, в 1928 году он перешел в профсоюз работников просвещения.

Но, к сожалению, ничего конкретного о работе нашего героя на ниве просвещения мы рассказать не можем, а потому ограничимся сухими словами характеристики, выданной ему Володарским райкомом комсомола:

«Лягин Виктор Александрович, член ВЛКСМ с 1923 года, членский билет № 31327, за свое пребывание в ВЛКСМ работал неоднократно ответственным секретарем коллектива, членом районного комитета ВЛКСМ, инструктором РК по школьным коллективам ВЛКСМ, а в последнее время работает пионервожатым 96-й и 97-й советских трудовых школ. Неся указанные нагрузки, т. Лягин проявил себя как выдержанный и сознательный комсомолец, политически развитый, могущий вести руководящую работу и обладающий организаторскими способностями»¹³.

С таким «багажом» Виктор Лягин и отправился на учебу.

Глава вторая

«ВЫДЕРЖАННЫЙ И БЛАГОНАДЕЖНЫЙ»

В январе 1940 года в Москве фантастическим для нашего сегодняшнего дня тиражом в 300 тысяч экземпляров был выпущен «Политический словарь», который ориентировал советских граждан в реалиях современного мира

и объяснял им подоплеку многих исторических событий. Обращаясь к этому изданию, мы приблизительно можем понять, какие представления имели по тому или иному вопросу герой нашей книги и его современники. Что же делать, если большинство советских граждан придерживались тогда официальной точки зрения и искренне верили написанному?

Так вот, в статье «Индустриализация СССР» данного словаря объясняется, что это — «превращение нашей страны, в прошлом отсталой, преимущественно аграрной, всецело зависевшей от других, более развитых капиталистических стран, в передовую социалистическую индустриальную державу, независимую в технико-экономическом отношении от капиталистических государств. В результате социалистической индустриализации СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратился в страну, производящую машины и оборудование собственными силами, в страну мощную в смысле обороноспособности. Необходимость социалистической индустриализации страны неоднократно подчеркивалась великими вождями народа — Лениным и Сталиным. В целом ряде своих выступлений Ленин особое внимание обращал на необходимость развития тяжелой промышленности, являющейся основой социалистической перестройки всего народного хозяйства. В декабре 1925 года на XIV съезде ВКП(б) товарищ Сталин выдвинул лозунг социалистической индустриализации, подчеркнув, что центральной задачей партии становится борьба за социалистическую индустриализацию страны, борьба за победу социализма»¹⁴.

Можно, конечно, критиковать советское единомыслие — но скажите, чему в вышеизложенном тексте следует возразить? Разве что слову «социалистический», если подходить с нашей современной «либеральной» точки зрения, но тогда весь строй в стране был такой, что никакой иной индустриализации, кроме как социалистической, в СССР быть не могло. Так что принимаем указанный курс единогласно — так, как принял его всем сердцем герой нашей книги Виктор Лягин. Посвятив свой первый послешкольный год пионерско-комсомольской работе, он затем решил включиться в борьбу за социалистическую индустриализацию и, как тогда говорилось, личным своим трудом претворять в жизнь решения XIV съезда ВКП(б) (хотя к тому времени, в декабре 1927 года, прошел уже очередной XV съезд ВКП(б), но этот съезд, как написано в том же

«Политическом словаре», «вынес решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства»¹⁵ — а эта тема к нашему герою никакого отношения не имела).

В общем, Виктор Лягин принял решение, вполне соответствующее духу времени: поступать на учебу в Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина. (Уточним, что сам Михаил Иванович, «всесоюзный староста», председатель ЦИКа — Центрального исполнительного комитета СССР, высшего, как официально считалось, органа государственной власти в стране, — высшего образования не получил и, соответственно, в Политехе не учился.)

Что нам известно про это учебное заведение?

Политехнический институт был основан на северной окраине Санкт-Петербурга в 1899 году. В его создании участвовали такие выдающиеся русские ученые, как кораблестроитель Алексей Крылов, химик Дмитрий Менделеев, изобретатель радио Александр Попов, металлург Дмитрий Чернов — можно перечислить и еще целый ряд иных, не менее блистательных фамилий. В 1910 году Санкт-Петербургскому политехническому институту было присвоено имя императора Петра Великого, а в 1922 году его переименовали, как мы уже говорили, в честь «всесоюзного старосты»; в 1924 году, ввиду очередного переименования города на Неве, институт стал называться Ленинградским. К концу 1920-х годов, то есть ко времени поступления сюда Виктора Лягина, здесь обучалось порядка восьми тысяч студентов — на скольких факультетах, точно сказать не беремся, хотя и знаем, что в том самом 1929 году здесь также были созданы еще и факультеты водного хозяйства и авиастроительный. На последний из них решил поступать Виктор.

На официальном бланке «Заявления» после напечатанных там слов «Прошу допустить меня к приемным испытаниям для зачисления в число студентов» он аккуратным почерком написал «авиастроительного», а слово «факультета» там уже стояло.

К испытаниям, как тогда именовались приемные экзамены, он был допущен и всё успешно сдал. Конечно, создавая «светлый образ» героя книги, хотелось бы написать про блистательную сдачу экзаменов, но, к сожалению, у нас есть документ, который не позволяет кривить душой: листок за № 52 (номер написан на бланке синим карандашом); еще здесь отпечатано слово «Поступило» и очень крупно стоит «1928 г.», но тем же карандашом «восьмерка»

исправлена на «девятку», и на листке стоит лиловый чернильный штамп «Допустить к испытаниям». Тут же указаны и «Результаты испытаний»: русский язык — сдано, обществоведение — «удовлетворительно», математика (судя по всему, были отдельные вопросы по алгебре, геометрии и тригонометрии) — «удовлетворительно». Не стал исключением и четвертый экзамен — физика, за сдачу которого абитуриенту также было поставлено «удовлетворительно». Но значит, такого уровня знаний для поступления было вполне достаточно, потому как рядом с написанным тем же синим карандашом «Лягин Виктор Александрович» дописано уже красным карандашом «Ст», что, соответственно, означает «студент». Приняли! Об этом счастливом событии, как значится на том же опять-таки листке, он был «извещен лично» 19 июля. Лягин был зачислен на авиастроительный факультет — отделение самолетостроения. Звучит как песня!

Выбор, сделанный Виктором, неудивителен — по словам людей, близко его знавших, он еще с детства мечтал о подвигах. Сейчас, к сожалению, у многих из наших соотечественников мечты простираются не дальше успешной офисной карьеры, больших денег и легкой жизни, желательно за пределами нашей необъятной Родины, а вот в те далекие времена молодежь искренне восхищалась героями Арктики, летчиками, моряками, исследователями, старалась пойти тем же путем, последовать их примеру...

«Вот это люди! Люди с крыльями», — говорил про них Виктор, а потому, очевидно, и решил соединить романтическую мечту с прагматическим требованием времени: создавать надежные, передовые воздухоплавательные машины для этих крылатых людей.

Всё это было замечательно, романтично — однако оставались и вполне земные заботы, которые напоминали о себе постоянно, и решение этих «земных вопросов» требовало немало времени.

В уже знакомой нам анкете, заполненной Виктором Лягиным 19 июля 1929 года, при поступлении в институт, в 21-й графе — «На какие средства живет подавший заявление, получаемый им оклад по службе или работе и т. п.» — указано: «Сам работал! Получал 75 р.». Восклицательный знак свидетельствует о том, что это писалось с гордостью. Оно и понятно — самостоятельный рабочий человек. Тем более что ранее, в графе 20 «Материальное обеспечение родителей (какое имущество имеют, какой средний годовой заработок и размер налога)» указано: «Мать пенсионерка,

получает 13 р. пенсию». Ясно, что именно Виктор — кормилец в семье. Впрочем, эти доходы у Лягина были в прошлом, и потому в начале учебного года ему пришлось писать заявление на получение государственной (это именно так называлось) стипендии.

В сборнике статей и материалов «Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения», выпущенном издательством Политехнического университета в 2008 году, этот момент объясняется так:

«Значимость государственной стипендии была тем более высока, что она подтверждала социальный статус студента. Кандидат на стипендию должен был заполнить специальную анкету, которая выясняла социальное происхождение, биографию и рабочий стаж, принадлежность к профсоюзу или партийной организации и ряд этапов биографии претендента. Таким образом, получение стипендии автоматически причисляло студента к привилегированной категории “пролетариев”»¹⁶.

В общем, важны были не только деньги, но еще и престиж, статус. Тем более что с первого захода Виктору в получении стипендии почему-то было отказано. 12 сентября того же 1929 года Лягин написал новое заявление, адресованное «в правление ЛПИ»:

«Прошу стипендиальную комиссию еще раз рассмотреть мое заявление о зачислении меня на стипендию. Согласно спискам, вывешенным от 11 сентября с/г, мне в стипендии отказано. Что послужило причиной отказа, я не знаю, но я отлично сознаю, что существовать на средства моей сестры, получающей всего 80 рублей, и на иждивении которой помимо меня находится моя мать-пенсионерка, <которая> получает пенсию 14 рублей, и младшая сестра — ученица сов<етской> шк<олы> я не могу. Еще при жизни отца, мне, чтобы иметь возможность учиться в шк<оле> П^{ой} ст<упени> и ее окончить, каждое лето приходилось работать. Так, в 25 г. работал в “Ленинградстрое”, лето 26 года — на заводе Ильича от Ленинградстроя, в 27 году /лето/ был послан комсомольской организацией на работу руководителем Д/П (детской площадки. — А. Б.) и, наконец, по окончании школы, в 28 г. по 15/VIII 29 г. работал в Райкоме ВЛКСМ Володарского района. Убедительно прошу еще раз рассмотреть мое заявление и хотя бы на первые два года зачислить меня на стипендию».

В этом заявлении чувствуется, скажем так, металл. Хотя просить — всяко дело неприятное, да и нелегкое.

«Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас», — устами своего героя рекомендовал М. А. Булгаков в «Мастере и Маргарите», и добавлял: «Сами предложат и сами всё дадут!» Эту цитату все знают, и повторяется она очень часто — обычно в качестве утешения... Но, к сожалению, кто бы из «сильных мира сего» вот так, с ходу, догадался, чего именно вам действительно нужно, — чтобы потом этак щедро и благородно «самому всё дать»? Вот и приходится просить — и нужно уметь сделать это так, чтобы не только убедить в своей правоте просимого, но и не терять при этом чувства собственного достоинства. Заявление Виктора Лягина — пример такой убедительной просьбы, когда человек доказывает правомерность своих прав на то, на что он претендует.

В общем, стипендию Виктор получил. А она ему была необходима как воздух — как раз на первом курсе, в 1930 году, он женился, хотя о таком своем намерении в заявлении не писал. Вот это как раз было бы лишним! Какой-нибудь чинуша, прочитав о подобном стремлении первокурсника, преспокойно бы посоветовал: «Сначала на ноги встань, а потом уже о семье думай!» И преспокойно бы похерил заявление, оставив Лягина без стипендии... А ведь ему уже было 20 лет, и по тем временам, когда люди выросли раньше, чем сегодня, но были гораздо более нравственны, самая пора была обзаводиться семьей, создавать, как говорилось, «ячейку общества».

Да и невеста уже давно была на примете — школьная подруга красавица Ольга Афонина. Скажем честно, происхождения она тоже оказалась не совсем пролетарского: вроде бы отец ее владел скобяной лавкой на проспекте Володарского (как мы помним, так перекрестили Литейный). Насколько известно, родители Ольги были не в восторге от скоропалительного студенческого брака, да что уж тут поделаешь!

А сейчас мы сделаем небольшую остановку в развитии нашего сюжета и обсудим один весьма деликатный вопрос...

По имеющейся у нас информации, Виктор Лягин — высокий, подтянутый, спортивный, очень интересный внешне, начитанный, эрудированный (положительную характеристику можно продолжить) — нравился женщинам. Еще более важно для нас то, что он и сам женщин любил, и вообще был, как говорится, человеком влюбчивым и к тому же весьма вспыльчивым. Есть у нас также и конфиденци-

альные сведения, что складывавшиеся у него отношения с отдельными легкомысленными представительницами противоположного пола не всегда соответствовали так называемым «нормам социалистической морали». Однажды он на этом деле даже крупно погорел, но речь о том пойдет в свое время...

А вот совсем другой эпизод, описанный в книге Геннадия Лисова: «Виктор в юности был дружен с одной девушкой, ставшей впоследствии знаменитой актрисой...» Автор не называет имени, но, как нам рассказали потомки Виктора Лягина, речь тут идет об Эдит Утесовой, дочери легендарного певца и артиста Леонида Осиповича Утесова и солистке в его известнейшем в довоенное время джаз-оркестре. Сразу уточняем, что никаких подробностей этого знакомства — кроме того, что были изложены в книге «Право на бессмертие», — мы не знаем. Да, они были знакомы, встречались. Когда Геннадий Петрович Лисов захотел проверить полученную им информацию об этом знакомстве, то он, по его утверждению, поступил так, как поступали миллионы простых советских граждан, пытавшихся «достучаться» до различных знаменитостей, — написал на конверте: «Москва, Эдит Утесовой» и опустил письмо в почтовый ящик (в книге написано: «Отправил письмо в Москву, указав на конверте только фамилию»).

Так ли было на самом деле или не так — Геннадию Петровичу могли посодействовать и те товарищи, которые помогали собирать материал для книги, но, по его словам, через довольно продолжительный отрезок времени ленинградский журналист получил ответ из Москвы, и Эдит Леонидовна подтверждала в своем письме факт знакомства:

«Да, я действительно знала Виктора Лягина. Правда, очень недолго, но вижу его, как будто мы расстались вчера. Вижу хорошее, доброе лицо — ясное, честное, волевое. Он был в коричневом пальто, длинном и узком, как тогда носили, в коричневой кепке и с полосатым “трикотинным” (так почему-то называли шелковый трикотаж) кашне. Он встречал меня возле нашего подъезда — ни за что не хотел зайти к нам в дом. Вероятно, стеснялся... Эта черта — необыкновенная скромность, даже застенчивость — очень подкупала в нем.

Мы гуляли по заснеженному Ленинграду и на пути к Летнему саду проходили мимо его дома. Однажды мы очень замерзли на улице, и Виктор предложил зайти к нему погреться и попить чаю. Мы вошли в квартиру. Виктор проводил

меня в комнату. Я сняла шубку и положила ее на диван — как сейчас помню, стоял он справа. Очень мило, шутя, Виктор помог мне снять ботинки, потом пошел ставить на огонь чайник. Из этого огромного чайника мы пили чай с вареньем и сушками. И говорили, говорили... О чем? Наверное, о том, что занимало нас тогда — о книгах, театре, кино, об учебных и рабочих делах. Виктор так трогательно угощал меня и был так нежен, что тот вечер крепко запомнился мне.

Вскоре наша семья переехала в Москву, и я больше не виделась с Виктором. О его судьбе я узнала лишь в 1964 или 1965 году. И тогда поняла то, что не смогла угадать в нем в свои семнадцать лет...

Как видите, я занимала слишком мало места в жизни Виктора Лягина, чтобы мое имя было упомянуто в вашей книге. И все же я горжусь, что судьба свела меня, пусть на короткое время, с этим замечательным, мужественным, чистым человеком. Светлая ему память!»¹⁷

Вот такая вот интересная информация, которая позволяет еще более расширить наши представления о Викторе Лягине. Утонченная Эдит Утесова, родившаяся в Одессе, выросшая в Петрограде-Ленинграде, — и Виктор, приехавший со станции Сельцо... А все-таки, значит, было между ними нечто общее, благодаря чему, пусть ненадолго, пересеклись судьбы этих совершенно разных людей, каждый из которых по-своему оказался известным. Но повторим, что в книге «Право на бессмертие» Эдит Утесова осталась анонимной «впоследствии знаменитой актрисой».

Очень жаль, что книга эта вышла уже после смерти Эдит Леонидовны...

И еще один интересный момент нашел свое отражение в книге Геннадия Лисова, имевшего, как мы говорили, уникальную, уже нереальную для нас возможность общаться с людьми, знавшими Лягина. Он обошел, очевидно, все квартиры старинного дома 7 по улице Пестеля, и, вопреки прошедшим десятилетиям, блокаде, основательно «повыбившей» ленинградцев, и стремлению наших граждан улучшать свои жилищные условия, переезжая из одной квартиры в другую, нашел-таки тех, кто знал и помнил Виктора и мог о нем рассказать.

В числе таковых оказалась Беата Абрамовна Роот — в начале 1930-х она была совсем маленькой девочкой и прекрасно помнила Лягина, который очень любил детей и охотно с ними возился, не жалея своего свободного времени. Вот что рассказывала Беата Абрамовна:

«По выходным дням, бывало, Виктор спускался сверху и названивал в квартиры, где жили дети. Мы уже знали, что нам предстоит веселая прогулка. Виктор собирал нас у подъезда, и мы направлялись в Летний сад. Странная, наверное, это была картина: взрослый парень в окружении мальчиков и девочек. В кондитерской Лора он покупал нам шоколадные конфеты, в Летнем саду угощал мороженым с лотков на колесах или сельтерской водой... Ходили мы с ним и в Сплендид-Палас — так назывался нынешний кинотеатр “Родина”. Виктор придумал для каждого из нас шуточные имена. Я была очень суматошным ребенком — наверное, поэтому он и звал меня странным именем — Беба-шумная»¹⁸.

«Беба» — это, очевидно, от английского *baby* — «ребенок», — или какое-то производное от Беаты. А вообще, из этого рассказа можно сделать вывод, что Виктор Лягин в свое время действительно был хорошим пионервожатым и в эту работу вкладывал всю душу. Может быть, не в Политех ему следовало поступать, а в педагогический институт?

Между тем Политехнический институт вскорости «попал под реформы». Исторический опыт нашей страны свидетельствует, что чем больше чиновников и недоучек «руководит» отечественным образованием, тем более частому и разрушительному «реформированию» оно подвергается.

Научные светила с мировыми именами — Менделеев, Попов, Крылов и иже с ними — создали Политехнический институт, который к тому времени окончили будущие академики П. Л. Капица, С. Г. Струмилин, М. М. Карнаухов, М. А. Михеев, Ю. Б. Харитон, авиаконструкторы О. К. Антонов и Н. Н. Поликарпов, кораблестроители В. А. Никитин и В. Ф. Попов, а также Артур Христианович Артузов, инженер-металлург по профессии, ставший одним из организаторов органов ВЧК, а в 1931—1935 годах возглавлявший советскую внешнюю разведку. И ведь это далеко не все блистательные выпускники Политеха! Однако чиновникам от науки возжелалось разделить это прекрасное учебное заведение на несколько самостоятельных институтов. А что? Если не можешь сам создать ничего нового — перестраивай старое, созданное другими! Авось, чего и получится... Ломать — не строить, душа не болит! Зато видна активная работа.

Таким образом, в начале лета 1930 года Комиссия по реформе высшего и среднего образования, созданная при Совнаркомом СССР, воистину раздербанила этот замечатель-

ный вуз на целую кучу узкопрофильных институтов, которые затем были подчинены различным ведомствам. На руинах Политехнического института возникли Гидротехнический институт, Институт инженеров промышленного строительства, Кораблестроительный институт, Авиационный, Электротехнический, Химико-технологический, Металлургический, Машиностроительный, Институт индустриального сельского хозяйства, Физико-механический, Финансово-экономический институт и даже Всесоюзный котлотурбинный институт. (Кстати, некоторые из этих вузов до сих пор живы, хотя и носят иные названия.) В общем, титаническая чиновничья работа налицо! Это ж, если не понимать, можно только радоваться тому, сколько новых институтов было создано. Не будем уточнять, что у нас сейчас тенденция обратная — к соединению и укрупнению учебных заведений. Так сказать, скрестить ужа и ежа, в результате чего авось получится колючая проволока... При чем о том, чтобы студенты просто спокойно учились, без помех и лишних трудностей получая основательное высшее образование, чиновники ни в те далекие времена, ни сейчас как-то не думали и не думают.

Хотя реформа эта имела и некоторые свои положительные стороны. В упоминавшемся уже сборнике, изданном к столетию со дня рождения Виктора Лягина, написано так: «Активное внедрение группового метода и непрерывной производственной практики позволило факультетам, а затем и отраслевым институтам за один год выпустить инженеров больше, чем за двенадцать предшествующих лет Советской власти. Перестройка учебного процесса сопровождалась поисками новых методических форм. Появились методы “конвейерно-цикловой”, “целевые задания”, “бригадно-лабораторный”. Последний, например, заключался в проведении краткой вводной лекции, после чего студенты делились на бригады и изучали материал по литературе»¹⁹. Конечно, «за год выпустить инженеров больше, чем за двенадцать предшествующих лет» — звучит! И вообще, это было бы здорово, если не обращать внимания на качество подготовки молодых специалистов. А вот оно, как можно полагать, оказалось далеко не на высоте. Как тут не вспомнить лозунг-анекдот того времени: «Дадим стране угля! Пусть мелкого — но много!»?

У нас ведь очень любят перенимать зарубежный опыт, вне зависимости от его качества. Самый яркий тому пример, конечно, — попытка известного нашего лидера засе-

ять, по американскому примеру, всю территорию СССР кукурузой. И многие поначалу это очень даже одобряли. Но когда «царица полей» не прижилась не только за полярным кругом, но и на наших северных территориях, все поняли, что это глупость. Зато когда российскую почву пытаются засеять какой-нибудь образовательной, научной, культурной или какой иной «кукурузой» — это уже выглядит не столь заметно и не для всех понятно, а потому и глупость оказывается неочевидной, хотя от того и не менее пагубной...

Ну не готова была тогда наша «почва» к той самостоятельной работе, на которую обрекали студентов в результате очередных реформ! Вот почему благие намерения привели к фактическому разгрому Политехнического института. Кстати, о том, что вместе с институтами окажутся распределены по различным ведомствам многочисленные учебные лаборатории и мастерские, в той самой комиссии при Совнаркоме СССР никто и не задумался. Не тот, очевидно, уровень, чтобы заниматься подобной «мелочовкой»! Однако забегаая вперед скажем, что через три года той же самой комиссии пришлось разбирать склоки, возникшие между кучей новоявленных институтов по поводу пресловутых мастерских и лабораторий, а весной 1934 года большинство этих вузов опять превратились в факультеты, объединившиеся в стенах вновь созданного Ленинградского индустриального института. Знать бы, понес ли кто тогда персональную ответственность за свою «реформаторскую деятельность».

Ну да ладно, возвратимся к судьбе нашего героя, по которому «реформаторы» также нанесли тогда весьма чувствительный удар. Это вообще русская традиция, идущая еще с далеких допетровских времен: проводить все реформы «через колено», «людишек» не жалея и про них не думая. Вот и Виктору Лягину пришлось тогда писать следующее заявление, хранящееся ныне в архивах Санкт-Петербургского Политехнического университета:

«В связи с переводом Авиастроительного ф-та ЛПИ в гор. Москву, я вынужден прекратить свое дальнейшее обучение на Авиастроит. ф-те. Переезжать в Москву вместе с ф-том я не могу, т. к. живу не один: со мною проживают моя мать пенсионерка, получающая пенсию 14 р., сестра, учащаяся школы П^{ой} ст<упени>, и моя жена. Доходом нашего существования — заработок жены (90 р.) и моя стипендия. Этих средств хватает только при совместной жизни. Поэто-

му прошу Вашего разрешения и содействия моему переводу в машиностроительный втуз*. 1/VI 30 г.».

Вот так! Произошла, можно сказать, жесткая посадка: мечту о небе и строительстве самолетов пришлось оставить. По окончании первого курса Виктор Лягин был переведен в Ленинградский машиностроительный институт, бывший механический факультет Политеха, на отделение «Моторы — двигатели». (Как-то так оно называлось, точнее даже по документам понять трудно, потому что в одних случаях эти два слова соединяются союзом «и», в других между ними стоит дефис, а где-то они вообще расположены рядом, ничем не соединенные и не разделенные.)

Что можно рассказать о том периоде жизни героя нашей книги?

Он учился, учился настойчиво и прилежно, а потому результаты сдачи очередных экзаменов всегда были достаточно высокими. На первом курсе, правда, это были зачеты — но по каким предметам! В аудиторных условиях Виктору пришлось сдавать «аналитическую геометрию», «дифференциальные исчисления», «теоретическую и прикладную механику», «физические измерения», «методы изображения и черчение», «производство металлов и сплавы», политическую экономию, а также еще и немецкий язык. Были к тому же еще и так называемые «предметы на производстве» — то есть зачеты, сдававшиеся практически: «литейное дело», «обработка давлением» и третий зачет — «станки».

Но это, как представляется, была еще учеба в шадящем режиме, потому что потом количество учебных предметов значительно увеличилось, добавились такие специфические дисциплины, как «детали машин», «техническое нормирование», «гидравлика», «шасси автомобиля» — и всё это было сдано Лягиным на «отлично». А еще — «металловедение», «экономика машинной промышленности», «конструкция и расчет двигателей», «динамика двигателей», «теория легких двигателей» и многое иное, оцененное на «четверку». Кстати, «троек» — оценок «удовлетворительно» — у Виктора почти не было.

Обучался он в группе № 147. Списки ее сохранились — все 23 человека, но о том, как сложилась их судьбы, куда эти люди подевались, абсолютно ничего не известно, хотя студенты-политехники и пытались впоследствии, в 1960—1970-е годы, найти хоть кого-то из тех, кто учился вместе с

* Втуз — высшее техническое учебное заведение.

героем. Не получилось, не удалось. Оно и неудивительно — впереди у страны и у них у всех, у этих студентов, были большая война, да еще и несколько локальных войн, и чудовищная блокада Ленинграда, а кого-то и репрессии могли коснуться...

Зато известно, что одновременно с Лягиным на том же механическом факультете, на одном с ним курсе, обучался создатель прославленного танка Т-34 Михаил Кошкин. Если Виктор по возрасту был немолодым студентом — как-никак, поступил в 20 лет, — то Михаил Ильич для своих однокурсников вообще был стариком, не только по возрасту, но и по жизненному опыту. Ему уже было за тридцать, он воевал и был ранен в мировую войну, затем прошел всю Гражданскую и в 1919-м, на Северном фронте, был принят в ряды ВКП(б). До революции Кошкин успел окончить лишь три класса церковно-приходской школы, после чего начал работать, зато после Гражданской войны он с отличием окончил военно-политические курсы в Харькове, а вскоре, после увольнения из армии, был направлен в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова. Во время учебы Михаил достаточно близко познакомился с такими легендарными в советской истории личностями, как Сергей Киров и Серго Орджоникидзе, и это впоследствии очень ему помогло. По окончании университета Кошкина направили в город Вятку, где он сначала руководил кондитерской фабрикой — кстати, в юности он трудился именно на кондитерской фабрике, но только в Москве, — а затем, что называется, «пошел по партийной линии», причем весьма успешно. Уже в 1928 году Кошкин возглавил отдел агитации и пропаганды Вятского губернского комитета партии большевиков.

Казалось бы, «жизнь удалась» и впереди у Михаила Ильича новые высоты в «партийной карьере»; однако не прошло и года, как он написал личное письмо Кирову, который тогда возглавлял не только ленинградскую парторганизацию, но и был первым секретарем Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). В письме была изложена совершенно необычная просьба: отпустите, мол, с партийной работы — хочу получить техническое образование! Мироньч, как известно, был мужиком толковым, да и сам некогда окончил Казанское механико-техническое училище, а потому просьбе этой внял. Так Кошкин из высокопоставленного партийного чиновника губернского масштаба вдруг превратился в обыкновенного студента.

По окончании теперь уже Ленинградского индустриального института (про все реформы и переименования мы уже говорили) Михаил Ильич был направлен в конструкторское бюро завода «Красный путиловец», который в конце того же 1934 года будет переименован в Кировский завод. Широко известно, что завод этот выпускал тракторы — но все-таки главной его продукцией являлись танки. Недаром же через два года Михаил Кошкин «За отличную работу в области машиностроения», как значилось в соответствующем указе, — был награжден боевым орденом Красной Звезды. Произошло это весной 1936-го, а в конце того же года приказом наркома тяжелой промышленности Орджоникидзе Михаил Ильич был назначен руководителем КБ Харьковского завода им. Коминтерна, который официально именовался «паровозостроительным», но тоже выпускал танки.

Именно там Михаил Ильич Кошкин и создал свой шедевр — танк Т-34. В феврале 1940 года, в мороз, по бездорожью, две первые «тридцатьчетверки» дошли от Харькова до Москвы, где в Кремле, на Ивановской площади, были показаны высшему руководству страны, затем подвергнуты всесторонним испытаниям и после того благополучно возвратились обратно. Танк был рекомендован для немедленной постановки на производство. Михаил Ильич сам участвовал в пробеге Харьков — Москва — Харьков, и жесточайшая простуда, наложившаяся на огромное переутомление, окончательно подорвала его здоровье... Кошкин умер 26 сентября 1940 года. Признание, награды, премии, слава — все это придет к нему уже посмертно.

Когда мы говорим про «оружие Победы», то тремя его символами являются для нас танк Т-34, гвардейский реактивный миномет «катюша» и штурмовик Ил-2.

На этом мы и обрываем рассказ о первом главном конструкторе танка Т-34, соученике нашего героя по Политехническому институту. Мы не знаем, насколько тесно они общались, какие между ними были отношения. Безусловно — неблизкие, потому как это были совершенно разные люди, однако их имена не только написаны золотом на беломраморных досках, установленных в нынешнем Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого — они навсегда останутся в истории нашего Отечества. А потому важно знать, что на каком-то отрезке времени судьба свела двух этих замечательных людей под крышей одного замечательного учебного заведения.

... Впрочем, если немного углубиться в историю Политехнического университета, то можно узнать, что в том же 1934 году, что Кошкин и Лягин, из стен Ленинградского индустриального института вышли также Николай Степанович Казаков*, всю Великую Отечественную войну руководивший Наркоматом тяжелого машиностроения, и Яков Федорович Капустин** — секретарь Ленинградского горкома в дни блокады, уполномоченный Государственного Комитета Оборона по эвакуации предприятий города, впоследствии репрессированный по «ленинградскому делу». Можно вспомнить еще и выпускников других факультетов воссоединенного в 1933 году Политеха, но тогда уже мы слишком далеко уйдем от нашего героя.

Зато совершенно обязательно нужно сказать про Глеба Косухина, полярного летчика — не соученика Виктора, но его родственника и друга, человека, с которым он общался именно в то время. В николаевской областной газете «Южная правда» о нем было написано так:

«Это друг юности разведчика. Он женат на младшей сестре героя — Софье Александровне. Это он, Глеб, помогал молодому студенту Политехнического института Виктору Лягину, когда ему приходилось трудно с учебой. Это он вместе со своим другом по воскресным дням отправлялся в дальние прогулки...

— Мы с ним на лыжах ходили, — рассказывает Глеб Владимирович Косухин. — Любил он лыжню в русский морозец...»²⁰

Есть люди, интересные лишь тем, что им довелось (посчастливилось, случилось — кому как!) общаться с замечательными людьми. Но все-таки, если в физике притягиваются друг к другу разноименно заряженные тела, то в человеческих отношениях получается обычно наоборот. Если человек «заряжен положительно», то он и притягивает к себе положительных людей, и чем интереснее личность — тем больше вокруг нее других интересных людей.

Глеб Владимирович Косухин происходил из старинного рода мастеров-самоучек. Известно, что когда в 1933 году в авиационной катастрофе погиб его старший брат, он заявил, что займет его место. И действительно, Глеб не толь-

* *Николай Степанович Казаков* (1900—1970) — директор Ижорского завода в 1938—1941 годах, нарком, затем министр тяжелого машиностроения СССР в 1941—1953 и 1954—1955 годах.

** *Яков Федорович Капустин* (1904—1950) — секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) в 1940—1949 годах.

ко участвовал во многих арктических экспедициях в качестве бортмеханика, но и не раз сидел за штурвалом самолета. В годы Великой Отечественной войны он участвовал в обороне Советского Заполярья, а после войны продолжал свою не самую заметную, но такую важную и ответственную работу на Крайнем Севере. Один из наших знаменитых полярников писал о Косухине как о «представителе славного племени арктических бортмехаников». Имя его еще появится на страницах нашей книги.

А мы возвращаемся непосредственно к периоду учебы Виктора Лягина в Политехническом — будем называть его подлинным наименованием — институте. Как мы уже увидели, науки он осваивал достаточно успешно. Но вот характеристика, не имеющая даты, — она подписана директором института и заведующим отделением машинных двигателей. В характеристике значится: «В Институте <является> инструктором коллектива ВЛКСМ и комсоргом группы. Социально-экономическому циклу ЛЯГИН уделял недостаточно внимания. Политическая подготовка средняя. Дисциплинирован и выдержан. Академическая подготовка выше среднего. Может быть использован на работе в цеху».

Приходится сделать вывод, что из общего числа учебных предметов Виктор выбирал для себя то, что считал наиболее важным — то есть те специальные дисциплины, которые, как он понимал, действительно будут ему необходимы в последующей трудовой деятельности. Однако не совсем понятно, как у фактически профессионального комсорга — сколько лет уже Лягин занимался комсомольской работой! — может быть «средняя» политическая подготовка? Ведь он, насколько можно судить по документам, с первого курса был членом институтского комитета комсомола, заместителем секретаря факультетской ячейки ВЛКСМ...

Между тем семья Лягиных увеличилась: 21 декабря 1930 года родилась дочка Татьяна, Тата, как называли ее родные, и это, понятно, требовало дополнительных расходов. Да еще с ними жила Мария Александровна, получавшая мизерную вдовью пенсию, а старшая сестра Анна Александровна тоже не была состоятельным человеком...

О том, как жилось тогда семье Лягиных, свидетельствует весьма интересный документ — заявление, на котором отпечатана типографская «шапка»: «В Ленинградский Машиностроительный Институт». Хотя строчкой выше типографским опять-таки способом указано: «Писать четко и чернилами», — в заявлении, после отпечатанного «Прошу

выдать мне удостоверение в том, что я состою в числе студентов ЛМИ для...» следует не слишком разборчивая скоропись простым карандашом: «...получения хлеба за время отпуска». Дата — «7 июля 1933 года». Хлеб тогда, несмотря на голод в ряде районов страны, стоил достаточно недорого — значит, с деньгами было действительно туго. И потому требовалось, что называется, подрабатывать.

Известно, что на каких только работах не подрабатывают студенты — дворниками, грузчиками, официантами... А вот Виктор Лягин, в отличие от большинства своих «собратьев», изначально стал трудиться по специальности. Так он и указал в автобиографии, датированной 7 апреля 1938 года, — явно это писалось по запросу НКВД:

«Со 2-го курса работал на предприятиях Ленинграда:

— 1931—1932 гг. — конструктором на заводе им. К. Е. Ворошилова;

— 1932—1933 гг. — инженером на Ленкомтрансе;

— 1933—1936 гг. — старшим инженером в проектном институте Гипроспецмашпроект».

Вот они характерные для Лягина целеустремленность и упорство: работать не только для заработка, но и получать при этом профессиональный опыт, чтобы прийти на производство уже по-настоящему подготовленным специалистом. Недаром даже при этой подработке у Виктора наблюдается карьерный рост — до должности старшего инженера. И работал он, как можно понять, очень добросовестно — именно поэтому Лягин по распределению будет направлен на тот же Гипроспецмаш, уже на «свою» должность.

В общем, понятно, что лишнего времени для прохождения «лишних» учебных предметов у Виктора просто-напросто не было: нужно было изучать то, что он считал необходимым, заниматься общественной работой, уделять должное внимание семье, подрабатывать, получая при этом не только деньги, но и бесценный опыт, да еще и с чужими детьми возиться, как требовала его душа... Ну и про спорт, разумеется, забывать не будем. А тут еще в институте у Лягина произошли какие-то неприятности, из-за чего его лишили стипендии... Ситуация эта весьма таинственная — о ней сбивчиво рассказывается все в том же сборнике, изданном Политехническим университетом:

«Осенью 1933 г. возникла курьезная проблема. Лягин по ошибке был включен в список студентов, снятых со стипендии, вместо своего однофамильца, обучавшегося в другой группе. Об этом говорит служебная записка, на-

правленная заместителем начальника факультета в сектор кадров. Справедливость была восстановлена»²¹.

Берем вышеуказанную записку, однако никаких обещанных «курьезов» (в особенности — для нашего героя) мы там не находим. Заместитель начальника факультета — в подписи удалось разобрать «Аста...», далее следует загогулина — сообщает в «Сектор кадров», что «по ошибке студ. Леучнин (или Леучпин — в общем, как-то так. — А. Б.) гр. 148 попал в списки, как снятый со стипендии, тогда как снятым должен быть студ. Лягин, гр. 147». Дата — 29 октября 1933 года. Текст этот никаких сомнений и вопросов не вызывает — ясно, что стипендии должен был быть лишен именно Лягин, но автору статьи, как кажется, хотелось несколько «подлакировать» образ своего героя.

К сожалению, никаких подробностей о произошедшем инциденте мы не имеем, хотя и можем предполагать, что стипендии Лягин был лишен не за учебу и тем более не за пассивное отношение к общественной жизни. Скорее всего, что-то произошло по «дисциплинарной» линии. По имеющимся у нас сведениям — не задокументированным, но полученным из достоверных источников, — Виктор был, что называется, «тот еще гусар» по характеру, привычкам, замашкам. Не исключаем, что это бурлила дворянская кровь, тщательно скрываемая, — не столь ведь и давно (до известных событий октября 1917-го) студенты-«белоподкладочники», то есть происходившие из дворянских, состоятельных семей, — старались «гусарить» изо всех сил. Слово это, если обратиться к Толковому словарю Владимира Ивановича Даля, означает «молодцевать из похвалы, франтить молодечеством». Вполне возможно, что Лягин и «домолодцевался» до лишения стипендии. Хорошо хоть не отчислили — но, впрочем, на выпускном курсе подобное случается крайне редко и в совершенно исключительных случаях. Значит, до такого исключительного случая не дошло.

А время шло, и выпуск из института становился все ближе... Вот что вспоминала старшая сестра героя Анна Александровна:

«Рос простой паренек. Очень любил все русское. Веселый, добрый, упрямый. Вернее, упорный. Когда диплом в институте защищал, все у него с чертежами не ладилось. Встанет вот из-за этого письменного стола: “Аня, помоги, пожалуйста...” А я ему: “Витюша, я же в этом ничего не понимаю”. А он шутит: “Ты все понимаешь, ты у нас умная,

тетя Аня...” И снова садится за письменный стол. Я, говорю, их все равно одолею. И одолел. Диплом защитил с отличием»²².

Диплом был по специальности «инженер-механик по конструированию автомобилей и тракторов», тема дипломной работы — «Шасси трехтонной грузовой машины для междугородного сообщения». Как можно понять, тема сугубо мирная, тогда как Михаил Ильич Кошкин, получивший ту же специальность инженера-механика, защитил диплом на тему «Коробка переменных передач среднего танка». Кошкин уже четко знал, чем он будет заниматься в жизни.

Итак, Виктор Лягин окончил курс обучения. И тут возникает вполне закономерный вопрос: как можно оценить уровень его образования? Хороший из него получился инженер или плохой? Сильный или слабый? Ответ однозначный: из стен Политехнического института Лягин вышел с образованием европейского уровня. Это не комплимент и не какие-то красивые слова — уровень своей подготовки ему пришлось демонстрировать в экстремальных, в полном смысле слова боевых условиях, и его профессионализм оценивали люди, изначально не испытывавшие к нему никаких теплых чувств, зато прекрасно разбиравшиеся в предмете. На тех «экзаменах», которые достаточно скоро пришлось сдавать Виктору, расплатой за любую ошибку могла стать его жизнь, а передача была исключена. Но мы о том расскажем несколько позже...

* * *

Об инженерской жизни Лягина, к сожалению, нам особо писать нечего. После выпуска он, как мы знаем, фактически остался старшим инженером в проектно-институте «Гипроспецмашпроект», где подрабатывал еще в студенческие годы; в апреле 1936 года был назначен (или переведен?) почему-то инженером строительно-квартирного отдела Ленинградского военного округа; в ноябре того же года стал инженером-технологом Ленинградского станко-строительного завода им. Ильича, притом совмещал основную работу с выполнением обязанностей секретаря комитета ВЛКСМ. (Это указано в одних документах, тогда как в других документах значится, что он был членом комитета ВЛКСМ, как там написано, «Станко-завода» и заместителем секретаря комитета с 1937 по 1938 год.) Кстати,

в институте он был членом месткома, местного комитета профсоюза, еще с 1933 года, то есть постоянно совмещал работу на производстве с общественной деятельностью. Что ж, это было в духе того времени...

А вот в личной жизни произошла катастрофа — в 1935 году скончалась от брюшного тифа Ольга Лягина. Родные вспоминали, что Виктор очень тяжело переживал это страшное и нелепое горе, долго не мог прийти в себя, свыкнуться с потерей любимого человека, с возникшей вдруг пустотой... Да и вообще, этот удар поразил всю их дружную семью, в которой Ольгу очень любили. Отныне маму маленькой Таточке заменила тетя, Анна Александровна. В общем, жизнь круто и неожиданно изменилась не в лучшую сторону.

В ноябре 1936 года Виктор перешел работать на станкостроительный завод имени Ильича — этот бывший завод братьев Экваль получил название «завод “Ильич”» еще в 1922 году. Любят у нас в России своих вождей — до упоминания! А так как в 1917 году здесь — точнее, в том числе и здесь — создавались первые в Петрограде красногвардейские отряды, то Головинский переулок, на котором стоит предприятие, перекрестили в Красногвардейский.

От тех мест, где проживал Виктор Лягин, завод находился неблизко — на другом берегу Невы, за Большой Невкой, неподалеку от печально известной Черной речки, и добираться до него на городском транспорте приходилось достаточно долго. Но что делать? В те времена места работы особенно не выбирали — направили и пошел туда, где, как считается, ты нужнее.

Вот что рассказывал о нашем герое его коллега — инженер-технолог завода имени Ильича Б. Т. Ганфельд (такие его инициалы указаны в газете «Ленинградский станкостроитель», хотя в книге «Право на бессмертие» он именуется Борисом Михайловичем):

«Как сейчас помню тот день, когда в одной из комнат технологического отдела, где я работал, появился атлетически сложенный, подтянутый блондин с серыми глазами. Он сразу же произвел на нас, работников отдела, приятное впечатление, как человек, уверенно идущий в жизнь.

Всесторонне развитый инженер, Виктор одновременно глубоко и серьезно увлекался искусством, литературой, хорошо знал иностранные языки. Особую страсть питал к спорту. Можно с уверенностью сказать, что он легко мог стать выдающимся чемпионом в каком-либо из видов спорта, если бы посвятил себя целиком этим занятиям, но они

для него были лишь необходимой потребностью. Он настойчиво и мастерски занимался легкой атлетикой, лыжным, конькобежным спортом, борьбой, боксом, яхтой, плаванием...»²³

А вот такая характеристика дается Виктору в справке, подготовленной Управлением ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области 16 июля 2008 года:

«В 1970-х годах ветераны завода им. Ильича отмечали, что В. А. Лягин был энергичным парнем, который, как казалось его сверстникам, “знал и умел всё”: играл на рояле, водил машину, ездил на мотоцикле и на лошади, любил фотографировать, страстно увлекался парусным спортом, владел разговорным немецким и английским языками».

К сожалению, подробных характеристик, подобных этой, но только датированных 1930-ми годами, у нас не имеется. Тогда всё писалось по делу и, соответственно, гораздо проще. Вот, например, документ, полученный из Центрального архива ФСБ России:

«Характеристика о гражданской работе командира запаса тов. Лягина Виктора Александровича — работающего на Станкозаводе им. Ильича в должности технолога.

В занимаемой должности работает с “28” ноября 1936 г.

Текст характеристики

ЛЯГИН Виктор Александрович, 1908 г. рождения, национальность — русский, социальное происхождение — служащий, образование — высшее техническое, член ВЛКСМ с 1923 года.

На заводе работает с 28 ноября 1936 года в должности инженера-технолога. 1-го января 1938 года назначен ответственным исполнителем по изобретательству и рационализации по совместительству.

За время работы на заводе проявил себя дисциплинированным, добросовестным работником, знающим свое дело.

В общественной жизни завода принимает активное участие, как пропагандист и секретарь Комитета ВЛКСМ завода. 25 февраля 1938 г. принят в кандидаты ВКП(б).

Руководитель учреждения

Секретарь парткома

Председатель профкома (подписи)».

Уточним, что «командирами» тогда именовали офицеров РККА — соответственно, студенты ряда вузов по выпуску становились «командирами запаса».

Сейчас мы уже знаем, что именно в то время к Виктору Александровичу Лягину проявило несправедливый интерес

такое серьезное ведомство, как НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР. Поспешим успокоить наиболее впечатлительных читателей: наркомату Лягин был интересен не в качестве очередной «жертвы сталинских репрессий», но как потенциальный сотрудник. Почему так произошло и чем этот интерес был вызван, мы подробно расскажем в следующей главе.

Но вот, кстати, еще одна характеристика, написанная уже после ухода Лягина с предприятия, — известно, что на заводе имени Ильича он работал до 3 июля 1938 года:

«Ленинградский Станкостроительный завод им. «ИЛЬИЧА»

13 сентября 1938 г.

ХАРАКТЕРИСТИКА

на кандидата ВКП/б/ ЛЯГИНА Виктора Александровича

ЛЯГИН В. А. работал на станкостроительном заводе им. Ильича с Октября 1936 г. по Июнь 1938 г. в должности инженера-технолога. Тов. Лягин за все время пребывания на нашем заводе вел активную работу в парторганизации, работал Зам. Секретаря Комитета ВЛКСМ. Являлся хорошим пропагандистом по изучению политграмоты.

Тов. ЛЯГИН политически грамотный, выдержанный и благонадежный.

Секретарь Парткома: /Орлов/».

Ну, то, что мы и говорили: не то секретарь, не то заместитель секретаря комитета ВЛКСМ! При этом обе бумаги почти что одновременно подписал один и тот же господин... извините, товарищ Орлов, секретарь парткома, адресуя их не куда-нибудь, а в НКВД. Как видим, наш бездушный бюрократизм традиционен — процветает при любой формации. А вот то, что граждане боялись «всевластного НКВД» — похоже, что «эти слухи сильно преувеличены», как сказал писатель Марк Твен по совершенно иному поводу. Боялись бы — так хотя бы документы в адрес этого ведомства добросовестно готовили! И нам, историкам, тогда бы было гораздо проще...

Кстати, где-то в это время Лягин женился во второй раз. Супругой его стала Людмила Михайловна (она же — Лия Моисеевна) Разумянская, но кто она — мы не знаем, неизвестно и то, почему брак этот оказался недолговечным — он был расторгнут в самом начале 1939 года.

Однако это будет впереди, а мы сейчас расскажем о том, как и почему столь круто изменилась судьба нашего героя.

«ПРЕДЛОЖИЛИ ПОЙТИ В РАЗВЕДКУ...»

Итак, летом 1938 года Виктор Лягин был принят на службу в НКВД.

Современный читатель имеет об этой организации довольно-таки скудное и весьма приблизительное представление, потому как в основном ему об этом ведомстве известны лишь разного рода «ужастики», поступающие, как правило, с телеэкрана. Но думается, что 80 лет тому назад обывательские (прибегнем к такому довольно многозначному термину) представления о данном основательно засекреченном ведомстве были не намного шире — а если без тогдашних «ужастиков» (мол, слышали, что опять кого-то за что-то забрали), так и вообще...

Даже наш всезнающий «Политический словарь» в статье «Народный комиссариат внутренних дел (НКВД)» растолковывает это понятие более чем лаконично и довольно-таки невнятно, к тому же пытаюсь свести все к историческим экскурсам: мол, это «орган государственной безопасности Советского Союза, главное орудие советского народа в борьбе с иностранными разведками, с их агентами — шпионами, вредителями, диверсантами, террористами»²⁴.

Далее в статье следует рассказ про ВЧК — Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем, образованную 20 декабря 1917 года; товарищ Сталин, указывает словарь, назвал ее «грозой буржуазии, несусыпным стражем революции, обнаженным мечом пролетариата». Заметим, что в отличие от своих преемников, монотонно читавших по бумажке казенные банальности, Иосиф Виссарионович в своих речах был весьма оригинален и даже афористичен. Затем в статье говорится про реорганизацию ВЧК в ГПУ — Государственное политическое управление, — произошедшую в декабре 1921 года; через два года ГПУ было преобразовано в ОГПУ, Объединенное — далее по тексту — управление, которое «продолжало вести борьбу с контрреволюционными заговорами и шпионажем. Одновременно оно повело борьбу с экономической контрреволюцией и вредительством». (Лезть в дебри, объясняя, что означает «экономическая контрреволюция», мы не будем, но уточним, что подобная борьба началась аж в 1928 году с приснопамятного «шахтинского дела» — и пошло-поехало; впрочем, до сих пор неизвестно, сколько во всех этих гром-

ких делах было пресловутой «липы», а сколько — подлинного вредительства.)

После слов об ОГПУ следует коротенькая справка, касающаяся теперь уже непосредственно НКВД: «Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. ОГПУ было реорганизовано в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). С помощью своей разведки советский народ под руководством партии большевиков разоблачил и разгромил троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические контрреволюционные гнезда... Советская разведка пользуется любовью и постоянной помощью всех трудящихся в борьбе с врагами народа»²⁵.

При чем здесь разведка — абсолютно непонятно. Совсем не она громила всяческие «контрреволюционные гнезда». Впрочем, сама разведка на ту пору — речь идет о лете 1938 года, когда наш герой был зачислен в ряды НКВД, — являлась всего лишь 5-м отделом Первого управления данного наркомата. А еще, помимо внешней разведки, в состав НКВД СССР — кроме отдела охраны правительства, контрразведки, Особого отдела (то есть военной контрразведки) и ряда других подразделений, объединенных в рамках ненадолго упраздненного на то время Главного управления государственной безопасности (ГУГБ), — входили и Рабоче-крестьянская милиция, и пограничные войска, и пожарная охрана, и недоброй памяти ГУЛАГ, то есть Главное управление лагерей (впрочем, не будем опять-таки наивно утверждать, что эти лагеря были забиты исключительно ни в чем не повинными «жертвами сталинских репрессий»), ну и еще целый ряд различных структур.

Так что сказанное нами вначале «был принят на службу в НКВД» ничего конкретного не открывает. Зато мы можем объяснить, почему именно герой нашей книги был туда приглашен.

На всем протяжении истории Советского государства его руководство с большой опаской относилось к тем, кто должен был защищать это государство от происков внешних и внутренних врагов — то есть к армии и спецслужбам. По таковой причине популярные в народе военачальники в мирное время быстро оказывались не у дел, а руководителями спецслужб обычно ставили беззаветно преданных «первому лицу» и чрезвычайно исполнительных высокопоставленных сотрудников партийного (впоследствии — и комсомольского) аппарата, готовых возглавить любую работу. В свою очередь, партработники, ставшие вдруг че-

кистами, старались окружать себя своими собственными «беззаветно преданными» и избавлялись от старых профессиональных кадров, потому как не могли не чувствовать их превосходства. Ведь такое, как известно, не прощается — кто из начальства любит подчиненных умнее себя? К тому же многознание профессионалов многих страшило: как известно, в ходе «политических игр» наверх чаще выходят не самые умные, но наиболее хитрые и ловкие — а потому и, к сожалению, неизбежно чем-то себя замаравшие на своем карьерном пути...

С 10 июля 1934 года Наркоматом внутренних дел СССР руководил Генрих Григорьевич Ягода (Енох Гершевич Иегуда), чекист с 1919 года, член Центрального комитета ВКП(б). Конечно, ничто в нашей жизни просто так не происходит, и в высшее руководство спецслужбы Генрих Григорьевич (уже с 1923 года он исполнял обязанности заместителя председателя ОГПУ) попал не только благодаря своим заслугам и таланту. Ягода был «человеком Свердлова», точнее, родственником председателя ВЦИКа, то есть второго лица в советской государственной иерархии. Его отец приходился двоюродным братом отцу Якова Михайловича, а сам Генрих Григорьевич был женат на племяннице Свердлова.

История свидетельствует, что Ягода был далеко «не подарок», он ревностно выполнял указания «верхов», старательно раскручивая приснопамятный «маховик репрессий», однако, насколько известно, все же противился масштабным фальсификациям дел о «подпольных антисоветских организациях», за что потом и поплатился. Тем более что его родственника Якова Михайловича давно уже не было на свете и заступиться за Ягоду теперь было некому...

25 сентября 1936 года Сталин, находившийся вместе со Ждановым на отдыхе в Сочи, направил в Москву членам политбюро телеграмму следующего содержания:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным назначение тов. Ежова на пост наркомвнутдела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД»²⁶.

В результате уже на следующий день на смену Ягоде пришел Николай Иванович Ежов — секретарь ЦК ВКП(б) и председатель Комиссии партийного контроля. То есть представитель высшей партийной номенклатуры, ранее,

в отличие от Ягоды, никакого отношения к органам государственной безопасности не имевший. Придя в наркомат, «железный сталинский нарком», как тут же восторженно окрестила Ежова партийная печать (впрочем, иной печати тогда у нас в стране и не было), нанес сокрушительный удар по чекистским кадрам (о прочих его заслугах в деле борьбы с «врагами народа» мы сейчас не говорим):

«Одним из первых шагов Ежова на посту наркома стало указание о том, что органы госбезопасности должны развернуть чистку, начиная с самих себя. 18 марта 1937 года Ежов выступил на собрании руководящих работников Наркомата внутренних дел, на котором заявил, что “шпионы” заняли в НКВД ключевые посты. Он потребовал “твердо усвоить, что и Дзержинский испытывал колебания в 1925 — 1926 годах. И он проводил иногда колеблющуюся политику”. Это был сигнал о том, что репрессии коснутся и ближайших соратников Дзержинского. Вскоре волна арестов в НКВД захлестнула и его руководящих работников»²⁷.

Г. Г. Ягода, первый в истории Генеральный комиссар государственной безопасности — звание, равное Маршалу Советского Союза, — был тогда переведен на работу в Наркомат связи СССР. Хотя тоже наркомом, но все-таки уровень здесь у него был уже совершенно не тот, что у наркома внутренних дел... А полтора года спустя, 8 марта 1938 года, он, теперь уже подсудимый по делу антисоветского «правотроцкистского блока», которое рассматривала Военная коллегия Верховного суда Союза ССР, давал следующие чистосердечные показания на вечернем судебном заседании:

«Я должен здесь со всей ответственностью заявить, что виною тому, что Советская власть и органы НКВД только в 1937—1938 годах смогли вскрыть и ликвидировать контрреволюционную деятельность организации правых и “правотроцкистского блока”, является моя предательская работа в системе Народного Комиссариата Внутренних Дел. Если бы советская разведка была свободна от контрреволюционной группы правых и шпионов, которые благодаря мне сидели в аппарате НКВД, заговор против Советской власти, несомненно, был бы вскрыт в своем зародыше»²⁸.

Ну, просто, извините, бред собачий! Получается, что проверенные и перепроверенные руководители спецслужбы и есть самые главные враги и заговорщики! Однако это всё говорилось на открытом процессе, перед переполненным залом, и тот же Ягода прекрасно понимал, какой

именно будет вынесен ему приговор... Почему же он не крикнул — мол, товарищи, не виноват я, все это придумано, а меня, несчастного, силой вынудили подписать признания? Финал, понятно, был бы тот же самый — однако на тот свет Генрих Григорьевич отправился бы отнюдь не в качестве изменника и заговорщика. Почему он не решился изменить показания — непонятно. Очень сложный вопрос, до сих пор остающийся без ответа...

Зато теперь уже известно, что в результате «чистки», проведенной «железным наркомом», органы внутренних дел и государственной безопасности понесли воистину ужасающие потери. При этом репрессиям подвергались и виноватые, и правые: во времена так называемой «ежовщины» оказались расстреляны и такие кровавые палачи, как Яков Саулович Агранов или Карл Викторович Паукер*, и такие пламенные патриоты социалистического Отечества, чекисты воистину «с чистыми руками и горячим сердцем», как уже известный нам Артур Христианович Артузов или Андрей Павлович Федоров** — и многие, многие иные...

Впрочем, как ни усердствовал Николай Иванович, но в конце концов и его самого записали во «враги народа»: сначала, в апреле 1938 года, он был по совместительству назначен наркомом водного транспорта, затем, в декабре того же года, оставил должность наркома внутренних дел, а в апреле 1939-го арестован... На судебном процессе Ежов заявил: «Я “почистил” 14 000 чекистов, но огромная моя вина заключается в том, что я их мало “почистил”». Расстреляли Ежова 4 февраля 1940 года, и он, как и его предшественник Ягода, реабилитации не подлежит...

Обо всем этом мы рассказали потому, что в результате «правления» Ягоды и Ежова в Наркомвнуделе (было такое официальное сокращение) возник серьезнейший дефицит кадров. И тогда «наверху» было принято беспрецедентное

* *Яков Саулович Агранов* (1893—1938) — начальник ГУГБ НКВД СССР, затем — начальник УНКВД по Саратовской области; комиссар госбезопасности 1-го ранга; *Карл Викторович Паукер* (1893—1937) — начальник личной охраны И. В. Сталина; комиссар госбезопасности 2-го ранга.

** *Артур Христианович Артузов* (Фраучи; 1891—1937) — начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР, затем — заместитель начальника Разведывательного управления Генерального штаба РККА; корпусной комиссар; *Андрей Павлович Федоров* (1888—1937) — начальник контрразведывательного отдела ОГПУ, один из «главных действующих лиц» легендарной операции «Синдикат-2»; начальник разведывательного отдела УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области.

решение. «В марте 1938 года в органы государственной безопасности Центральный Комитет партии мобилизовал около 800 коммунистов с высшим образованием, имевших опыт партийной и руководящей работы. После шестимесячного обучения в Центральной школе НКВД их направили как в центральный аппарат, так и в периферийные органы. Большая группа из них... была отобрана для работы в 5-м (Иностранном) отделе НКВД СССР»²⁹, — вспоминал Павел Михайлович Фитин, один из «рекрутов» того самого набора, вскоре ставший начальником советской внешней разведки. Имя этого замечательного человека еще не раз встретится читателям на страницах нашей книги.

Очень важный для нас момент отмечает историк Сергей Владимирович Сергугин: «В конце 1938 года ЦК ВКП(б) направил на работу в разведку свыше 200 молодых коммунистов с высшим образованием из числа партийных, советских и комсомольских работников»³⁰. То есть четвертая часть всех «новобранцев» получила назначение именно во внешнюю разведку.

В числе этих восьмисот, взятых на службу в НКВД, а несколько позже — и отобранных в разведку двухсот молодых коммунистов, оказался и герой нашей книги...

Впрочем, кое-кто из авторов, писавших про Виктора Лягина, предлагает свой вариант развития событий:

«В некоторых исследованиях утверждается, что уже в 1935 году, вскоре после устройства на работу, Виктору предложили пойти в разведку, но он отказался, сославшись на свое стремление работать по специальности. Однако, скорее всего, речь могла идти только о первом знакомстве.

Лягина проверяли и проверяли долго. Затем должны были дать первые задания...

Коллеги по заводу им. Ильича не могли не заметить, что Виктор стал все реже появляться на заводе. Обратили внимание и на его увлечение фотосъемками. Поскольку время было суровое и манкировать служебными обязанностями никому не позволялось, окружающие должны были о многом догадываться»³¹.

Вообще-то, от предложения «пойти в разведку» тогда отказываться было как-то не принято — особенно среди коммунистов. Как говорилось, «партия приказала» — и лепет о том, что, мол, «хочу работать по специальности», в расчет не принимался.

К тому же, если верить автору вышеприведенных строк, получается, что оперативного работника «засветили» из-

начально: мол, «окружающие должны были о многом догадываться». Ну а если бы вдруг среди этих «окружающих» оказался «не наш человек»? Сидит себе такой под видом простого инженера, а сам при этом работает на каких-то своих зарубежных «хозяев», и нет на него майора Пронина*! Думаете, вражеских агентов у нас тогда не было? Да как бы не так!

...Помнится, был такой случай — произошел он уже во время Великой Отечественной войны, но имел, как оказалось, гораздо более глубокие корни. 9 сентября 1941 года особым отделом одной из воинских частей был арестован по подозрению в членовредительстве красноармеец Рейбруд — 1911 года рождения, уроженец Винницкой области, еврей по национальности. И тут, в ходе доверительного разговора этого солдата с военными контрразведчиками, выяснилось, что Рейбруд еще с 1933 года являлся... агентом германской разведки! Он работал в Москве на так называемом «спецстроительстве № 5» и разрешил своей знакомой, некоей Розенфельд, что-то на том объекте тайком пофотографировать. После успешно прошедшей «фотосессии» его и завербовали, предложив выбрать одну из двух работ: либо шпионить в интересах гитлеровского рейха, либо — после соответствующей информации, анонимно переданной в НКВД, — валить лес в сибирской тайге. Рейбруд, очевидно по причине своего слабого здоровья, предпочел первый вариант и с тех пор не только помогал другим «фотографам», но и сам, по возможности, похищал какие-то чертежи. Трудился он на шпионской ниве достаточно успешно, так и не попав в поле зрения тех самых «всевидающих органов». Хотя вполне возможно, что особой пользы от этого агента и не было — недаром же, когда началась война, гитлеровские «хозяева» приказали ему добровольно поступить в ряды Красной армии, потому как из-за своего болезненного состояния здоровья он призыву не подлежал.

Для выполнения задания резидент щедро снабдил Рейбруда отравляющими веществами, предназначенными для заражения водных источников, и сигнальными ракетами — а ведь это уже, извините, не бумажки из мусорных корзин тырить! С таким «арсеналом» попадешься — не отвертишься... В общем, шпион решил спасти свою шкуру. Проще

* *Майор Пронин* — легендарный советский контрразведчик, персонаж популярных детективных произведений писателя Льва Овалова, издававшихся в довоенное время.

всего было бы прийти с повинной в особый отдел, но тогда пришлось бы сознаваться и в почти десятилетней шпионской деятельности; можно было бы просто тайком выбросить все полученное снаряжение в отхожую яму и честно воевать, в надежде, что затеряешься — это было вполне возможно в летней неразберихе 1941-го — или погибнешь смертью храбрых... В крайнем случае, можно было бы попробовать перебежать к немцам, заявив, что он, мол, старый агент и попал под подозрение, — однако Рейбруд так перепугался всего происходящего на фронте, да и своих немецких хозяев он, очевидно, тоже смертельно боялся, что произвел позорный самострел...

Так где гарантия, что такой вот тип не трудился рядом с нашим героем и, сделав соответствующие выводы — если уж «о многом догадывался», — не передал их «куда не следует»? Вот, мол, товарищ Лягин работает на НКВД — обратите на него внимание — и всё, «расшифрован» разведчик!

Ладно, долго разжевывать не будем — ведь сначала проверяли, а потом уже что-то предлагали, и фотоувлечение тут явно было совсем ни при чем (чего такого или кого именно мог фотографировать Виктор на родной территории в интересах НКВД?), да и сразу после проверки никто заданий не давал, сначала нужно было научить сотрудника, как эти задания выполнить, а уж потом...

На службу в Управление НКВД по Ленинграду и Ленинградской области Виктор Лягин был зачислен в июне 1938 года. Управление находилось совсем недалеко от места проживания Виктора, буквально в десяти минутах ходьбы, — на все том же проспекте Володарского, ранее именовавшемся Литейным, между улицами Воинова (до 1918 года — Шпалерная; переименована в честь убитого здесь в июле 1917 года рабочего корреспондента газеты «Правда») и Каляева (до 1923 года Захарьевская; переименована в честь казненного в 1905 году террориста, убившего великого князя Сергея Александровича). Грандиозное это здание, известное как «Большой дом», было воздвигнуто в 1932 году (его строили чуть больше года) на месте Окружного суда, сожженного в смутном феврале 1917-го.

«Окружной суд и примыкавшая к нему по Шпалерной тюрьма были ненавистны преступному миру Петрограда. Не случайно в феврале 1917 года толпы народа, подстрекаемые зачинщиками, бросились к зданию тюрьмы и выпустили на свободу заключенных, которые, не причинив существенного вреда месту своего временного содержания,

ворвались в помещение Окружного суда и, со знанием дела взломав сейфы с документами и уголовными делами, подожгли здание. Оно горело ярко, раздуваемое ветром с Невы, словно подавая сигнал к крушению правопорядка и законности»³².

Ну, ничего, вскоре ВЧК—ОГПУ—НКВД наведет в стране порядок, а вот насчет законности оно окажется как-то посложнее... Правда, «политические», отбывавшие наказание сначала при «Николае кровавом», а потом — при «всесоюзном самодержце» (вспомним красноречивое определение Марии Степановны Бакшис), говорили, сравнивая условия содержания, что при царизме сидеть было гораздо комфортнее.

Но речь у нас не о том — просто мы обозначили очередное место работы (точнее, первое место службы) нашего героя, ну и немножко сказали об особенностях этой службы. Впрочем, на Литейном, 4, — назовем этот исторический дом его современным адресом — Лягин задержался совсем недолго. В архиве Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области не сохранилось никаких документов, касающихся его службы в этом подразделении. Как объясняют сотрудники управления, период этот был очень недолгим — где-то порядка месяца после зачисления в штат, проучившись на оперативных курсах, Виктор Лягин был направлен в Москву, в Центральную школу НКВД СССР.

Все-таки с тех времен, когда вновь принятым сотрудникам ВЧК сразу вручали соответствующий мандат, револьвер системы «наган» и ключ от служебного сейфа, после чего тут же отправляли на задание, прошло почти 20 лет. Теперь одного лишь «пролетарского чутья», как это говорилось раньше, явно уже было недостаточно — требовалось получить профессиональное образование.

И сейчас мы опять обращаемся к книге Геннадия Лисова — он-то писал, опираясь на, как это у нас когда-то называлось, «первоисточники», на свидетельства людей, для кого те самые события, о которых идет рассказ, являлись их жизнью. Хотя первый абзац текста, что мы приводим ниже, вызывает у нас некоторые сомнения:

«Было бы неверно утверждать, что родные и близкие с большим энтузиазмом встретили решение Виктора. Все понимали ответственность и опасность его новой профессии. Вместе с тем мать и старшая сестра не могли не гордиться им. Безусловно, и отец, если бы дожил до этого времени, одобрил бы выбор сына»³³.

Скажем честно, это очень похоже на типичную советскую «агитку» — семья, благословляющая сына и брата на подвиг во имя Родины. Хотя разве в литературе XIX века ничего подобного не было? Или в романах XVIII столетия? Как кажется, все это восходит к древнегреческим трагедиям, к каким-то мифам... В общем — литературная традиция. Ведь, насколько мы понимаем, Виктор Лягин и сам тогда еще не знал, в каком подразделении Наркомата внутренних дел ему придется служить, а для семьи, скорее всего, вообще была составлена какая-то «легенда», в которой аббревиатура НКВД просто не звучала. (А уж таинственное слово «разведка» — без всякого сомнения! И если даже, допустим, Лягин что-то уже знал про возможность заграничной работы, то он бы точно никому не сказал, по какой линии ему предстоит отправиться «за бугор». Есть такие правила. Об этом свидетельствуют и специалисты: «В те времена разведчикам запрещалось говорить даже родным и близким о командировке за рубеж»³⁴.) Впрочем, не исключается и то, что за всеми последующими событиями в семье вполне могла возникнуть и утвердиться уверенность, что знали обо всем изначально. Время здорово меняет представления, и порой тебе кажется, что то, о чем ты узнал многие годы спустя, тебе стало известно сразу же, как только оно произошло...

Ну да ладно, гораздо важнее и интереснее для нас следующие абзацы книги «Право на бессмертие», где уже, кажется, непосредственно звучат голоса представителей дружной лягинской семьи, и теперь автор, отдавший должное «драматической» традиции, описывает то, что было на самом деле:

«Анна Александровна на всю жизнь запомнила последний семейный ужин с Виктором перед его отъездом в Москву. Им больше не суждено было встретиться. В тот вечер все предчувствовали долгую разлуку и внимали последним словам Виктора. Он, сознавая ответственность момента, старался сказать самое важное: “О вас позаботятся мои новые друзья. Вы не будете нуждаться ни в чем. Обо мне не беспокойтесь — вы меня знаете. Буду писать и с нетерпением ждать ваших писем. Аня! Поручаю тебе Татку на воспитание. Ты сумеешь...” И потом полушутливо добавил: “А маме поручаю обеды...” Закончил серьезно: “Живите дружно и ждите меня”.

Бабушка, Мария Александровна, уже давно тяжело болела, так что фактически Анна Александровна заменила Татке мать. А с того прощального вечера — и отца...»³⁵

Да нет, и здесь тоже, думается, так — да чуть-чуть не так... Уж как-то слишком чувствует Виктор грядущую опасность — вполне возможно, что Анна Александровна здесь все-таки несколько сгустила краски. Однозначно, все знали, что он уезжает в Москву — а от Ленинграда до столицы была всего-то ночь езды на роскошном поезде с романтическим названием «Красная стрела». Всего десять часов пути — и ты опять дома...

Зато рассказ Татьяны Викторовны, той самой Татки, звучит очень искренне и вполне бесхитростно — это и есть подлинные детские воспоминания:

«Отца я плохо помню, но храню все письма от него. Часто перечитываю их, и всякий раз не могу сдержать слез... Папа звал меня Татка и Топа, потому что бегала много и сильно топала. Самое яркое воспоминание об отце и самое грустное — момент его отъезда. Мы уже распрощались, и большая легковая машина тронулась, набирая скорость. Вдруг я сорвалась с места и с криком «Папа! Папочка!» бросилась за ней. Он услышал, на ходу выпрыгнул, ударился обо что-то и подхватил меня на руки, всю в слезах. Стал целовать, горячо говорить, успокаивать... Словно подтолкнуло меня тогда предчувствие, что не увижу его больше...»³⁶

Детские предчувствия — это святое; разумом тут ничего не понять — то, что с близким человеком должно произойти нечто ужасное, может интуитивно почувствовать только маленькое и очень любящее сердечко. Но пока еще ничто не предвещало не только большой беды, но даже долгой разлуки, грядущей в скором времени.

* * *

Рассказать о том, чем занимался Виктор Лягин в Москве в последующие месяцы, достаточно просто — учился, учился и учился. В справке, полученной из Центрального архива ФСБ России, указано, что он окончил оперативные курсы при Центральной школе НКВД. Это была общая практика: новичков, взятых «с гражданки», на полгода отправляли учиться в ЦШ.

Кстати, обучавшийся в то же самое время в Центральной школе Виталий Павлов* вспоминал, что «никто не имел ни малейшего представления о том, кто из нас будет

* *Виталий Григорьевич Павлов* (1914—2005) — генерал-лейтенант, заместитель начальника внешней разведки.

кем и в каком подразделении НКВД». Хотя через некоторое время из числа слушателей ЦШ отобрали порядка полусотни человек с высшим образованием и знанием иностранных языков, которых зачислили в так называемую Школу особого назначения (ШОН), где готовились кадры для внешней разведки.

Виктор Лягин, однако, туда не попал — возможно, по причине недостаточного знания языков. «В совершенстве иностранными языками не владею», — писал он в автобиографии, датированной 7 апреля 1938 года. Впрочем, пробел этот в своем образовании он сумеет исправить достаточно скоро. К тому же первоначально считалось, что ШОН будет заниматься «подготовкой разведчиков для работы в капиталистических странах с нелегальных позиций».

Стоит отметить, что высшее руководство страны обращало в то время на разведку особое внимание. «В 1938 году... было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Об улучшении работы Иностранного отдела”. <...> Одно из важнейших указаний Политбюро касалось кадров для работы в разведке. Потребовав тщательного отбора будущих разведчиков, проверки их через ОГПУ и парторганизации, Политбюро, констатировав важность особого внимания к социальному происхождению сотрудников разведки, ориентировало учитывать их национальность, иметь в виду, что националистические настроения могут стать источником измены и предательства»³⁷.

Но пока еще, как можно понять, ни о какой разведке разговора не шло. Вот что впоследствии рассказывал про учебу тот же генерал-лейтенант Виталий Павлов:

«В столице все прибывшие из провинции собирались в Большом Кисельном переулке, где помещались Центральная школа (ЦШ) НКВД и общежитие слушателей. Поначалу нас тщательно обследовала медицинская комиссия. <...> После освидетельствования нам выдали обмундирование, пропуска в Центральную школу и клуб НКВД на Большой Лубянке, зачислили в учебные группы и определили в общежитие...

В основном “новобранцами” были молодые люди моих лет или года на три-четыре старше. Были, однако, и представители более зрелого возраста...

Все мы были новичками в разведке и пока познавали ее суть только из лекций и бесед на семинарах. Лекторами и преподавателями в основном были практические работники различных подразделений НКВД, в том числе и внешней разведки.

Учебный процесс набирал обороты, мы охотно втягивались в него, но плавный ход учебы стал все чаще прерываться внезапными исчезновениями преподавателей и лекторов. Вчера мы еще с большим интересом слушали лекцию кого-либо из руководящих работников контрразведки или внешней разведки, а сегодня обещанного продолжения не состоялось, так как этот человек оказался “врагом народа”, “шпионом” или кем-то вроде этого. Такие случаи, естественно, вызывали у нас недоуменные мысли: как могло быть, что в органы государственной безопасности, которые призваны разоблачать шпионов и диверсантов, проникло так много вражеских агентов? Вразумительного ответа мы не получали.

Среди лекторов были и сотрудники внешней разведки, которые, как мы впоследствии убедились, не только учили нас “уму-разуму”, но и очень внимательно присматривались к каждому слушателю. Особенно дотошным был, я бы сказал, исполняющий обязанности начальника ИНО ГУГБ НКВД СССР Сергей Михайлович Шпигельглас*. К сожалению, и он был репрессирован в 1939 году»³⁸.

О том же самом писал в своих воспоминаниях и другой бывший слушатель ЦШ НКВД СССР Елисей Сеницын**, также обучавшийся в ней одновременно с Виктором Лягиным:

«Я явился по адресу в Центральную школу (ЦШ), где приемная комиссия без лишних формальностей зачислила меня в слушатели. В школе преподавали старые, опытные работники контрразведки, уцелевшие от массовых репрессий. Правда, позднее, в 1938 году, все они были расстреляны как враги народа. Целью обучения были основы видения контрразведки, вербовка агентуры во враждебной социальной среде, методы и способы наружного наблюдения, задержание и арест шпиона»³⁹.

Хотя 25 ноября того же самого 1938 года наркомом внутренних дел был назначен Лаврентий Павлович Берия, до этого бывший первым заместителем наркома и руководителем Главного управления госбезопасности, и, как считается, волна репрессий резко пошла на убыль, аресты и расстрелы, в том числе и сотрудников органов НКВД, про-

* *Сергей Михайлович Шпигельглас* (1897—1941) — сотрудник ВЧК с 1918 года; с 1922 года — в ИНО, работал в ряде стран с легальных и нелегальных позиций, с февраля по июнь 1938 года исполнял обязанности начальника 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР (внешняя разведка). В ноябре 1938 года арестован и приговорен к высшей мере наказания; расстрелян 29 января 1941 года. Реабилитирован в 1956 году.

** *Елисей Тимофеевич Сеницын* (1909—1995) — генерал-майор.

должались. Конечно, костоломов-палачей — как времен Гражданской войны, так и ягодо-ежовского призыва — не жалко. Но жертвами произвола нередко становились и совершенно невинные люди, которые к тому же могли бы еще принести Советской стране немалую пользу. Но такая, к сожалению, была государственная политика всеобщего устрашения... Подтверждением тому — эпизод из воспоминаний Павла Анатольевича Судоплатова*:

«В начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах. Я и Эйтингон** предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности...»

Обрываем цитату, чтобы напомнить, что в подавляющем своем большинстве эти сотрудники сидели по обвинению в шпионаже в пользу разведок самых различных стран: Великобритании, Польши, Японии, а также — обратим особое внимание! — Германии и Италии, то есть тех государств, с которыми СССР уже вел войну...

«Берю совершенно не интересовало, виновны или невиновны те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал один-единственный вопрос:

— Вы уверены, что они нам нужны?

— Совершенно уверен, — ответил я.

— Тогда свяжитесь с Кобуловым***, пусть освободит. И немедленно их используйте»⁴⁰.

* *Павел Анатольевич Судоплатов* (1907—1996) — генерал-лейтенант; в органах ВЧК — с 1921 года, во внешней разведке — с 1932 года; с 1935 года — на нелегальной работе в Германии и Финляндии; в 1939—1946 годах — заместитель начальника внешней разведки, во время Великой Отечественной войны одновременно руководил 4-м («партизанским») управлением НКВД; арестован в августе 1953 года, приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. Реабилитирован в 1992 году.

** *Наум Исаакович Эйтингон* (1899—1981) — генерал-майор; во внешней разведке — с 1920 года, с 1927 года — на нелегальной работе в Китае, Франции и Германии, в 1936—1939 годах — заместитель резидента и резидент в Испании, с июля 1941 года — заместитель начальника Особой группы НКВД СССР по организации разведывательно-диверсионной работы в тылу противника; в октябре 1951 года арестован по «делу о сионистском заговоре в МГБ», в марте 1953 года освобожден из тюрьмы и восстановлен в органах госбезопасности, 21 июля 1953 года арестован по «делу Берии» и осужден к двенадцати годам; освобожден в марте 1964 года. Реабилитирован посмертно в 1992 году.

*** *Тоддан Захарович Кобулов* (1904—1953) — генерал-полковник; заместитель наркома внутренних дел, первый заместитель министра внутренних дел. Осужден и расстрелян по «делу Берии».

Ну всех и освободили — и «германских шпионов», и «японских»... Из вышесказанного следует один-единственный вывод: арестованные и осужденные сотрудники были абсолютно невиновны. Ведь никакая война, никакая, пусть даже самая острая, необходимость не заставили бы руководство возвращать на службу заведомого предателя — в любом случае вреда от него оказалось бы гораздо больше, нежели пользы.

К сожалению, нам сейчас невозможно ни узнать, ни понять того, как относились Виктор Лягин, Виталий Павлов, Елисей Сеницын и прочие слушатели ЦШ НКВД к тому, что их преподаватели и наставники объявлялись вдруг «иностранными шпионами» и «врагами народа». И что в этой связи они думали о своих собственных перспективах? Ведь если те же Павлов и Сеницын и писали об этом в своих мемуарах — то, разумеется, уже десятилетия спустя, будучи «умудренными» решениями XX съезда КПСС, то есть уже с совершенно иных позиций, да и с иным уровнем понимания событий. А что было тогда, в 1938-м? Сказать очень сложно...

Ну да ладно, раз говорить нечего, то мы сейчас лучше обратимся к личности одного из соучеников Виктора Лягина по Центральной школе — Павла Фитина, имя которого уже знакомо нашим читателям. Вот каким увидел его Виталий Павлов:

«Когда начались занятия в Центральной школе НКВД, автор познакомился с оказавшимся с ним в одной учебной группе Павлом Михайловичем Фитиным, который уже через год стал новым руководителем 5-го отдела НКГБ — НКВД, то есть внешней разведки... Мы видели в П. М. Фитине только более старшего, по сравнению с большинством слушателей, сокурсника, да к тому же уже члена партии — среди нас, комсомольцев»⁴¹.

Если для 24-летнего Павлова Фитин был старшим товарищем (известно, что в юном возрасте каждый год имеет немалое значение), то с Лягиным они фактически были ровесники — всего-то год разницы, да и Виктору уже почти тридцать. Оба уже получили высшее образование, имели стаж работы, являлись активными общественниками. Немало сходного было и в их характерах: ярко выраженные лидерские качества, бездна обаяния, обширная эрудиция, оба — увлеченные спортсмены... Можно добавить и, скажем так, несколько повышенный интерес к противоположному полу, вызывавший ответную положительную реакцию. («Может, и это их сблизило?» — задумчиво предположил в разговоре с нами внук одного из героев, тогда

как внук другого оказался с ним полностью согласен. Что же делать? Как говорят в народе, «быль молодцу не в укор».)

В общем, известно, что Фитин и Лягин дружили — причём что Павел довольно скоро стал для Виктора практически главным начальником, дружба их сохранилась на все оставшиеся годы...

Однако продолжим рассказ про Павла Фитина.

Если коротко, то он родился в селе Ожогине, в Зауралье, в конце декабря 1907 года; сызмала участвовал в пионерской и комсомольской работе; в 1932 году окончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию — она тогда называлась Институтом механизации и электрификации сельского хозяйства, где получил специальность инженера-конструктора по сельскохозяйственным машинам... Ну, тут они с Лягиным вообще, можно сказать, коллеги. Вот только по распределению Фитин почему-то попал не в колхоз или совхоз инженером, а в Сельхозгиз — Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, — где успел дорасти до заместителя главного редактора. В этот период он был призван в армию — в течение года проходил курсы по подготовке «средних командиров» (по-современному — младших офицеров) при танковой бригаде. Ну а потом его, как и Лягина, в 1938 году пригласили в НКВД и направили на учебу в Центральную школу...

И еще — несколько строк из воспоминаний генерала Павлова:

«От того же времени в памяти сохранился образ Павла Михайловича как серьезного, всегда взвешенно отвечавшего на вопросы преподавателей, но простого в общении с ними, уважительного к более молодым сокурсникам, общительного и активно участвовавшего во всех наших спортивных и иных затеях... Автору довелось близко узнать П. М. Фитина не только в служебной обстановке, но и общаясь с ним на различных общественных мероприятиях, в том числе и в спортивных состязаниях, от которых Павел Михайлович никогда не отказывался»⁴².

О том же, что с Фитиным было дальше, мы далее — и уже довольно скоро — будем рассказывать подробно.

* * *

Всё в том же 1938 году Виктор Лягин, по окончании Центральной школы, получил назначение в 5-й отдел Главного управления ГУГБ НКВД СССР — то есть во внешнюю разведку.

Для любознательного читателя можно уточнить, что изначально — с 20 декабря 1920 года, то есть со дня своего основания, — разведка именовалась Иностранным отделом (ИНО). Менялась только ведомственная принадлежность ИНО, что происходило в связи с многочисленными, как мы помним, переименованиями самого ведомства. До февраля 1922 года это был Иностранный отдел ВЧК при СНК РСФСР; затем, почти два года, — ИНО Государственного политического управления при НКВД РСФСР; с конца 1923-го, до середины лета 1934 года — ИНО ОГПУ при СНК СССР; затем, до самого конца 1936 года, отдел входил в состав Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Потом уже, на протяжении полутора лет, разведка носила безликое наименование «7-й отдел ГУГБ НКВД СССР», а все лето и сентябрь 1938 года именовалась 5-м отделом Первого управления опять-таки НКВД СССР. В конце концов, как раз к приходу Виктора Лягина, бывший ИНО стал именоваться 5-м отделом ГУГБ НКВД СССР — это название он будет носить почти до самой Великой Отечественной войны.

Итак, где-то в конце 1938 года наступил тот торжественный день, когда Лягин и его товарищи, получившие назначение в разведку, пришли в известное здание на площади Дзержинского, некогда именовавшейся Лубянской площадью. Было всё примерно так:

«Мы впервые оказались в главном здании, где размещался центральный аппарат. Не скрою, мы испытывали внутренний трепет, когда входили в тяжелые двери с большими, надраенными до ослепительного блеска медными ручками, и поднимались по широкой лестнице на четвертый этаж»⁴³.

Но это, так сказать, парадный фасад — о черновой стороне работы этой службы и конкретно героя нашей книги мы расскажем дальше...

Глава четвертая

РАЗВЕДЧИКИ: РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

Главное отличие разведки от всех остальных областей человеческой деятельности — работы на производстве или в сельском хозяйстве, в сфере образования или в политике, занятий наукой или искусством и пр. — заключается в том, что здесь, в разведке, самым тщательным образом

скрывают свои успехи и достижения, даже самые блистательные или сенсационные. И ведь что интересно? Допустим, ученый открыл какую-то звезду, находящуюся на расстоянии миллионов световых лет от Земли, и об этом тут же оповещается все человечество, хотя этому самому человечеству (за исключением нескольких индивидуумов) от того ни холодно ни жарко; колхозники такого-то колхоза собрали, как это у нас любили писать, «невиданный урожай» — и о том через центральные газеты оповещается вся страна, хотя кто скажет, сколько тысяч человек попробуют хлеб именно из этого зерна? А вот, предположим, какой-то сотрудник разведки путем невероятных усилий и титанической работы узнает о тщательно скрываемых «коварных планах» некоей агрессивной державы, и в результате планы эти вдруг становятся достоянием «широкой общественности». Дипломаты выступают с резкими заявлениями с трибуны ООН, эта самая «общественность» негодует, и в результате мир останавливается в нескольких шагах от очередной войны, которая привела бы к весьма негативным последствиям. Но всё это как бы произошло само собой, и только в совершенно секретных документах, которые затем навсегда лягут на полку какого-то намертво закрытого архива, будет сказано о том, как конкретные сотрудники спецслужбы при содействии своих помощников смогли узнать и предотвратить... Если иной читатель спросит, почему так произойдет, — ответим, что делается это хотя бы для того, чтобы никто и никогда не узнал имен тех самых тайных помощников разведки.

Ну, это всё так, схематично и только один из аспектов...

А в общем, повторим, что по многим причинам разведка раскрывать своих секретов не любит.

Так, например, нам известно, что после своего прихода на службу в 5-й отдел ГУГБ НКВД Лягин несколько раз «выезжал в краткосрочные командировки за рубеж для выполнения специальных разведывательных заданий по линии научно-технической разведки»⁴⁴. Но в каких именно странах побывал Виктор, в какие сроки, какие задания он при этом выполнял — остается тайной. Зачем противнику знать, при чьей именно помощи получил он какие-то материалы, а также и то, что тщательно охраняемые кем-то секреты давно уже нам известны? Если разведчик не «засветился», то о нем, как правило, никто и не знает... И, к сожалению, в большинстве случаев не узнает — как бы ни были велики его заслуги. Точнее, совсем даже наоборот:

чем больше заслуги — тем меньше известности. Недаром же девизом Службы внешней разведки Российской Федерации являются слова: «Без права на славу — во славу державы».

И тут, наверное, стоит более подробно рассказать, что представляла собой советская разведка в конце 1938-го — начале 1939 года, а также вспомнить о судьбах людей, которые в ней в те времена служили.

* * *

Именно в то время Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановления «Об изменении структуры ГУГБ НКВД» и «Об улучшении работы Иностранного отдела НКВД», имевшие к разведке непосредственное отношение. В итоге за один только 1938 год внешняя разведка, о чем мы уже говорили, сменила три наименования: 7-й отдел ГУГБ НКВД СССР, 5-й отдел Первого управления НКВД СССР и 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР. Как часто у нас бывает, что-то тут делалось «под личности» — 22 августа первым заместителем наркома Ежова был назначен Лаврентий Павлович Берия, а 29 сентября он к тому же возглавил и воссозданный ГУГБ, в состав которого вошли все оперативные, «чекистские» подразделения — разведка, контрразведка и пр., которые, таким образом, были выведены из-под контроля наркома Ежова, недавнего сталинского любимца, стремительно терявшего доверие вождя.

В руководстве разведки в том самом году также происходила изрядная свистопляска, какой ранее никогда не бывало. Абрам Аронович Слуцкий*, возглавлявший разведку с середины 1935 года, скоропостижно скончался в своем служебном кабинете 17 февраля 1938-го — официально — от сердечного приступа, хотя шепотом предполагали разное. Знакомый уже нам Сергей Михайлович Шпигельглас исполнял обязанности начальника отдела до июня, после чего его сменил Зельман Исаевич Пассов**, на смену ко-

* *Абрам Аронович Слуцкий* (1898—1938) — комиссар госбезопасности 2-го ранга; в органах ВЧК — с 1920 года, в 1931—1935 годах — заместитель начальника ИНО, руководил работой по линии научно-технической разведки, неоднократно выезжал в командировки в Германию, Испанию, Францию. В 1935—1938 годах возглавлял внешнюю разведку.

** *Зельман Исаевич Пассов* (1905—1940) — старший майор госбезопасности; в органах госбезопасности — с 1922 года, служил в особом отделе, руководил контрразведывательным отделом ГУГБ НКВД СССР. Арестован в 1938 году, расстрелян в 1940-м.

тому 2 ноября пришел Павел Анатольевич Судоплатов — однако уже через месяц его сняли с должности, а разведку возглавил Владимир Георгиевич Деканозов*... Пять руководителей всего за один только год! И ведь известно, что когда сменяется первое лицо, начинаются перемены и по всей «вертикали».

Можно уточнить, что подобное в разведке повторилось только в «судьбоносном» 1953 году — году смерти Сталина, ареста Берии и коренного разворота всей государственной политики...

Ладно, политика — политикой, а людям-то как в таких условиях работать?

Но ведь работали — и достаточно результативно! Однако...

«Успешную в целом работу советской внешней разведки в предвоенные годы серьезно подорвали обрушившиеся на нее репрессии. К 1938 году были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры, связи с ценнейшими источниками информации оказались утраченными. Впоследствии потребовались значительные усилия, чтобы их восстановить. Однако некоторые источники были потеряны навсегда. Порой в “легальных” резидентурах оставалось всего 1—2 работника, как правило, молодых и неопытных. Аресты создали в коллективах обстановку растерянности, недоверия и подозрительности»⁴⁵.

Известно, что в том самом 1938 году на протяжении целых 127 дней из разведки в Кремль не поступило ни одного информационного сообщения — работать было некому!

Почему? Да потому, что хотя бы «на январь 1939 года было арестовано 92 и уволено 87 сотрудников центрального аппарата, отозваны из резидентур и находились в распоряжении центра 67 оперативных работников»⁴⁶.

Впрочем, пресловутые репрессии давно уже стали у нас «общим местом», и на них немало чего списывается — как прежде на козни «врагов народа». Но вот о каком важном моменте писал генерал-лейтенант Судоплатов, кстати, сам подвергшийся репрессиям — однако уже в послесталин-

* *Владимир Георгиевич Деканозов* (1898—1953) — комиссар госбезопасности 3-го ранга; в органах ВЧК — с 1921 года, в 1931—1938 годах — на партийной государственной работе в Грузинской ССР; с мая 1939 года — заместитель наркома иностранных дел, с ноября 1940 года — посол в Берлине, после Великой Отечественной войны — на дипломатической работе; в 1953 году — министр внутренних дел Грузинской ССР. Арестован и расстрелян по «делу Берии».

ские времена, а потому проведенный опасный для нравственного здоровья период «оттепели» в «местах не столь отдаленных». Так вот что писал этот один из бывших руководителей советской разведки:

«Мы, к сожалению, в 1938—1939 годы вынуждены были прибегнуть к консервации ряда важных источников нашей разведки в Германии, Франции, Англии, США, Маньчжурии в связи с бегством и предательством ряда руководящих работников, резидентов советской разведки и органов безопасности в 1937—1938 годах — Орлова-Никольского, Кривицкого, Порецкого-Рейсса, Штейнберга и Люшкова*»⁴⁷.

Уход, как это называется, сотрудника к противнику — то есть предательство, измена — не только серьезный моральный удар по спецслужбе. Не нужно забывать, что разведчик знает и, соответственно, может расшифровать и каких-то своих коллег, причем чем выше его служебное положение, тем большее количество людей он знает. К тому же на связи у него находятся агенты, нередко весьма ценные; да и вообще, если разведка заваливает своих помощников, то потом с ней мало кто согласится работать... Поэтому в случае ухода сотрудника срочно приходится выводить всех связанных с ним людей — нелегальных разведчиков и сотрудников, не имеющих дипломатического иммунитета, агентуру, консервировать связи, прекращать проводимые операции.

* *Александр Михайлович Орлов* (Лев Лазаревич Никольский; 1895—1973) — майор госбезопасности; в ЧК — с 1920 года, с 1926 года — в ИНО ОГПУ, работал в различных странах, нелегальный резидент во Франции, Австрии, Италии, советник республиканского правительства в Испании; в 1938 году бежал в США. *Вальтер Германович Кривицкий* (Самуил Гершевич Гинзберг; 1899—1941) — резидент военной разведки в Западной Европе; в 1937 году перешел к противнику. Покончил с собой или убит в США. *Игнатий Станиславович Рейсс* (Натан Маркович Порецкий; 1899—1937) — сотрудник советских спецслужб; ликвидирован после отказа возвратиться в СССР и антисоветских выступлений в зарубежной печати. *Матус Азарьевич Штейнберг* (1899—1987) — майор госбезопасности; в ИНО — с 1926 года, находился в командировках в странах Европы и Дальнего Востока; работая в Швейцарии, в 1938 году отказался возвратиться в СССР; в 1956 году возвратился в СССР, был осужден на десять лет, после отбытия наказания жил в Москве. *Генрих Самойлович Люшков* (1900—1945) — комиссар госбезопасности 3-го ранга; в 1937—1938 годах — начальник управления НКВД по Дальневосточному краю; в 1938 году бежал в Маньчжурию, сотрудничал с японскими спецслужбами; погиб при неясных обстоятельствах в 1945 году.

Так что это еще вопрос, от чего было больше ущерба — от репрессий или от предательства.

Конечно, определенная связь между этими двумя явлениями была, но все-таки многих людей даже угроза смерти не могла толкнуть на предательство. Разведчики, которых под теми или иными предложениями отзывали на родину, нередко знали заранее, что их ожидает — но все равно возвращались. Одни — в надежде оправдаться, другие — понимая, что лучше умереть честным человеком, нежели жить предателем.

А вообще, как известно, «уходы» разведчиков происходили в разные времена и в спецслужбах различных стран — и не столь, наверное, важно, чем именно их пытались оправдать.

Павел Судоплатов писал: «Побеги тоже парализовали нашу работу, они также спровоцировали репрессии, ускорили падение Ежова, но, к сожалению, стали веским доводом для Сталина, переставшего доверять работникам разведывательного аппарата, в особенности его руководству, которое давало положительные оценки работе Орлова-Никольского, Кривицкого и другим»⁴⁸.

И все же, сколько замечательных разведчиков погибло тогда непонятно за что, сколько судеб оказалось переломано! А ведь мир уже буквально вплотную подошел ко Второй мировой войне, и каждого человека, занимавшего крепкие позиции «там», то есть за кордоном, следовало ценить на вес золота, если не еще дороже. Получаемая из разведывательных источников информация помогала не только выяснить планы держав «оси» — то есть Германии, Италии и Японии, но и понимать политику, проводимую ведущими государствами Запада — Англии, Соединенных Штатов, Франции — как по отношению к потенциальному агрессору, так и к тем странам, которые могут подвергнуться первому удару, и прежде всего, разумеется, к Советскому Союзу. Тем более что «первый звонок» в деле перекройки Европы уже прозвучал: в марте 1938 года в состав гитлеровского рейха была включена Австрия...

Однако людей, с риском для жизни добывающих важнейшую информацию, у нас не ценили. Даже совсем наоборот! Судьбы многих из них оказались не по заслугам трагичны. Видимо, имеет смысл рассказать о некоторых из этих людей, бывших фактически предшественниками Виктора Лягина, Павла Фитина и прочих разведчиков тог-

дашнего «молодого поколения», а также о тех задачах, которые им приходилось решать...

Майор госбезопасности Борис Яковлевич Базаров родился в 1893 году. В 1914-м окончил Виленское пехотное училище и во время мировой войны командовал взводом и ротой в 105-м пехотном Оренбургском полку, сражавшемся с немцами в Восточной Пруссии. В 1921 году Базаров поступил в органы ОГПУ и работал на Балканах, в Болгарии и в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии) по линии нелегальной разведки.

В те времена, как известно, основной интерес для ИНО представляла белая эмиграция — главный враг Советской республики, а в Королевстве СХС располагалось одно из ее главных гнезд. Можно понять, что там Борис Яковлевич был в полном смысле «своим среди чужих» — для всех окружающих он был таким же офицером, как и они, в чине поручика. Вот только произошедшее в стране разделило этих людей на два непримиримых лагеря. Одни остались с народом, поверившим в обещания большевиков о «рае на земле», другие хотели возвратиться к прежней жизни, в общем-то не желая или не умея понять, что возврата к ней уже нет. Этим людям, навсегда покинувших Отечество, объединяла одна лишь ненависть — какой-то единой платформы в белом лагере давно уже не было: одни хотели возврата самодержавия, другие мечтали о создании демократической республики... Зато их ненависть и озлобление привлекали всех тех, кто хотел погреть руки на бедах России, «приватизировать» (хотя этого лукавого слова в тогдашнем русском языке еще не было) под шумок ее богатства; многих на Западе страшила и та реальная альтернатива буржуазному пути развития, которую предлагал Советский Союз. Поэтому к эмигрантским центрам настойчиво и небезуспешно искали подходы сотрудники самых разных разведок... Нет смысла объяснять, что в случае провала бывшие товарищи расправились бы с Борисом Базаровым, как с предателем — самым безжалостным образом.

Затем Базаров работал в Вене и в Берлине — причем из столицы Германии он руководил нелегальной резидентурой, работавшей по Франции, а в 1935 году был направлен в Соединенные Штаты Америки, где также возглавил нелегальную резидентуру. За время своих командировок Борис Яковлевич приобрел множество ценных агентурных источников в различных странах, работал очень успешно и ре-

зультативно, за что одним из первых сотрудников разведки был удостоен звания «Почетный чекист».

Однако в июле 1938 года разведчик был арестован по сфальсифицированному обвинению в шпионаже у себя же на родине, в Советском Союзе, куда он приехал, как ему было сказано, в отпуск — на самом деле это был предлог для отзыва. 21 февраля 1939 года Борис Базаров был приговорен к высшей мере наказания и в тот же самый день расстрелян. Его реабилитировали посмертно в 1956 году.

Капитан госбезопасности Георгий Николаевич Косенко родился в 1901 году. Службу в ВЧК начал в 1921 году красноармейцем, участвовал в уничтожении банд на Северном Кавказе. Затем, с 1924 года, служил в территориальных органах ОГПУ, а с 1933 года — во внешней разведке, был заместителем резидента в Харбине — столице оккупированной японцами Маньчжурии и центре белой эмиграции на Дальнем Востоке. Благодаря своим серьезным агентурным позициям Косенко сумел выявить десять вооруженных отрядов, подготовленных белогвардейцами и японцами к заброске на советскую территорию, — насколько мы знаем, такие банды довольно часто пытались пересечь наши дальневосточные рубежи, и порой безуспешно...

Гораздо менее известен другой факт: с эмигрантами, используя их возможности, сотрудничала не только японская — местная, так сказать, — разведка, но и спецслужба такого «заклятого друга» России, как Польша. Несмотря на то что Харбин и Варшаву разделяют семь тысяч километров, здесь, под руководством некоего Шмидта, успешно работал субцентр подрывного польского центра «Прометей», существовавшего «под крышей» легендарной «двуйки» — 2-го отдела Главного штаба польской армии, занимавшегося разведкой и контрразведкой. «Прометей» работал с российской эмиграцией буквально по всей границе СССР, не только занимаясь разведывательной и подрывной деятельностью, но и подготавливая террористические акты против советских руководителей — особенно на Украине, весьма сильно интересующей поляков. Однако и Дальний Восток, повторим, пребывал в сфере польских интересов: достаточно уточнить, что там была так называемая «Маньчжурская организация Исхаки», занимавшаяся чисто разведывательной деятельностью, и для нее из бюджетов «двуйки» и польского министерства иностранных дел отпускалось в год по 18 тысяч злотых, что равнялось 3600 аме-

риканским долларам. (Чтобы перевести эту сумму на современные «баксы», ее нужно умножить во много раз.)

В общем, работа на Дальнем Востоке у Георгия Косенко была весьма напряженная и очень результативная, так что в 1935 году он был назначен резидентом. Однако организм у разведчика все-таки оказался не железным, да и маньчжурский климат, очевидно, не очень подходил уроженцу Ставрополя, и потому в январе 1936 года он был отозван в Москву на лечение, но уже в мае отправился «легальным» резидентом в Париж. Хотя работа на новом месте коренным образом и во всех отношениях отличалась от той, что была в Харбине, Косенко и здесь справлялся с ней очень успешно. В Москву шли документальные материалы о внешней и внутренней политике Франции, что в конце 1930-х годов представляло для советского руководства огромный интерес — на Европейском континенте именно Французская республика являлась главным противовесом гитлеровскому «тысячелетнему рейху», ибо была давним врагом Германии...

Об успехах, достигнутых Георгием Косенко, можно судить уже потому, что «за конкретные результаты в работе» он вскоре был награжден орденом Красного Знамени. Но в ноябре 1938 года резидент был вдруг отозван в Москву, его вывели в резерв, а 27 декабря — арестовали. 20 февраля 1939 года Косенко был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Его также реабилитировали посмертно в 1956 году.

Обратим внимание читателя на то, что эти разведчики — так же как и целый ряд других — были осуждены и расстреляны уже при наркоме Берии, якобы прекратившем «волну репрессий». Да нет, к сожалению, не прекратившем, но несколько снизившем ее высоту, так сказать, «балльность» — уж слишком «штормило»...

Гораздо больше повезло тогда Арнольду Дейчу, несмотря на всю его откровенно «непролетарскую» биографию... Он родился в 1904 году в Вене, в семье мелкого коммерсанта, в 1928 году окончил Венский университет, получив ученые степени доктора философии и доктора химии — а заодно и членский билет компартии Австрии. С того же 1928 года он стал курьером подпольной организации Коминтерна, объездил с соответствующими заданиями многие страны, приобретя при этом бесценный опыт работы разведчика на вражеской территории. В январе 1932 года Арнольд Дейч приехал в Москву и перевелся из австрийской компартии в

ВКП(б); несколько месяцев спустя он был зачислен в штат Иностранного отдела ОГПУ. И снова — Европа: Франция, Бельгия, Голландия, Германия, родная Австрия...

Мы помним, что разведчик работает не против какой-то страны, а «по стране» — изучая обстановку в этих странах, Арнольд Дейч, он же Стефан Ланг, видел, как постепенно, но неумолимо расползаются по Европе коричневые метастазы нацизма. В феврале 1934 года разведчик был переведен в Лондон, на нелегальную работу, поступив для прикрытия (но и по призванию тоже) на психологический факультет Лондонского университета. Стоит ли удивляться, что Дейч стал прекрасным вербовщиком? Известно, что он одним из первых в советской разведке стал работать на приобретение перспективных агентов — считается, что он привлек к сотрудничеству с СССР более двадцати человек, в том числе и так называемую «кембриджскую пятерку» (осведомленные люди предполагают, что агентов было побольше, чем пять, но это лишь догадки, потому как в разведке становятся известными только «засветившиеся» агенты). Пожалуй, то, что сделали в годы Великой Отечественной войны члены «пятерки» — Ким Филби, Гай Берджес, Антони Блант, Джон Кернкросс и Дональд Маклин, — переоценить невозможно...

В 1937 году Арнольд Дейч, получивший к тому времени докторскую степень по психологии, был вынужден возвратиться в Москву — им, как австрийским подданным, заинтересовалась британская контрразведка. Приехав в СССР, Арнольд Генрихович получил советское гражданство и... оказался не у дел. В то время в НКВД началась очередная «чистка», так что почти год опытный разведчик никому не был нужен и ни к какой работе не привлекался. В итоге пришлось уходить — Дейч стал старшим научным сотрудником в Институте мирового хозяйства и мировой экономики Академии наук СССР, где добросовестно трудился до июня 1941 года. И вот лишь тогда его, как и других опытных разведчиков, решили вновь призвать «под знамена» (как мы уже знаем, некоторых «призывали» даже из тюремной камеры).

Дейча решено было направить нелегальным резидентом в одну из латиноамериканских стран, но проехать через Европу было давно уже невозможно, а дальневосточный маршрут, по которому двинулись было разведчики, закрылся после нападения японцев на американскую базу в Перл-Харборе, ставшего сигналом к началу боевых дей-

ствий на Тихом океане. Пришлось возвращаться в Москву. Бездействие бесило Дейча. Он просился на фронт, писал рапорты, чтобы его послали возглавить нелегальную резидентуру в каком-нибудь оккупированном гитлеровцами городе — но ему каждый раз велели ждать. В конце концов, уже во второй половине 1942 года его решено было отправить к месту назначения водным путем — из Архангельска, через Исландию и США — на транспортном пароходе «Донбасс». Пароход этот был потоплен в праздничный день 7 ноября — не то немецким крейсером, не то бомбардировщиками, версии есть разные. Оказавшись в ледяной воде, Арнольд Дейч до последней минуты пытался помочь другим...

Дмитрий Александрович Быстролетов... Судьба (а точнее, конечно же, руководство) обошлась с этим уникальным человеком до обидного нелепо, а может быть даже, и преступно глупо. В полуофициальной «Истории российской внешней разведки» о нем в очерке, красноречиво названном «Мастер высшего пилотажа», написано так: «В блестящей когорте первого поколения советских разведчиков-нелегалов видное место занимает Дмитрий Александрович Быстролетов. Штурман дальнего плавания, доктор права и медицины, мастер живописи, фотографии и перевоплощения, полиглот (знал не меньше двадцати иностранных языков. — А. Б.) и писатель. Раскрыть оперативную деятельность советского разведчика Д. А. Быстролетова мы не сможем, архивные материалы о нем никогда не станут достоянием общественности, поскольку содержат данные высочайшей секретности»⁴⁹.

Хотя кое-что рассказать мы сумеем — причем информация эта получена из официальных (или близких к тому) источников. Родившийся в 1901 году Быстролетов был внебрачным сыном графа Толстого, но уже в Гражданскую войну стал работать на красных. По заданию ЧК отправился в Европу как эмигрант для разведывательной работы. В Праге сумел «найти подход» к секретарше французского посла, имевшей по своей работе доступ к шифрам и переписке — и корреспонденция посла вскорости стала поступать не только в Париж, но и в Москву. Разумеется, без ведома руководителя дипмиссии... Когда же в 1930 году Дмитрий был переведен в Берлин, он сумел подружиться там с шифровальщиком британского посольства — и теперь уже в Москву стали приходиться документы из *Foreign Office*. Затем Быстролетову удалось установить контакты с сотрудником разведки Генштаба Франции, от которого разведчик

стал получать австрийские, итальянские и турецкие шифроматериалы, а также секретные документы гитлеровской Германии... Но все это — лишь часть работы, проведенной разведчиком-нелегалом. «В представлении к награждению его знаком “Почетный чекист”, в частности, отмечалось: “...Своей исключительной выдержкой и проявленной при этом настойчивостью способствовал проведению ряда работ крупного оперативного значения”»⁵⁰. А далее всё, как мы сказали, было нелепо до глупости — и трагично. В 1937 году, по истечении срока командировки, Дмитрий Быстролетов возвратился в СССР, а потом...

«Быстролетов попал под подозрение, в феврале 1938 года его отстранили от работы, в сентябре арестовали. В процессе следствия под жестким давлением Быстролетов оговорил себя, о чем заявил на суде. Суд не принял во внимание его заявление и признал виновным в связи с антисоветской террористической организацией и иностранными разведками, осудив на 20 лет исправительно-трудовых лагерей. В 1954 году Быстролетова по болезни освободили от отбывания заключения, в 1956 году реабилитировали. Заключение не озлобило его. Когда Быстролетова спрашивали, не жалеет ли он, что пошел в разведку, он отвечал: “С работой в разведке связаны лучшие годы моей жизни, и я готов вновь ее прожить так же еще раз”»⁵¹. А ведь только подумать — вместо того, чтобы нелегально работать во вражеском тылу, на оккупированной гитлеровцами территории, добывая уникальные материалы (другими документами, как нам кажется, он просто не занимался), этот человек был вынужден всю войну прозябать в сибирских лагерях. Ну почему тот же Судоплатов не записал его фамилию в список людей, которых необходимо освободить? Нет ответа...

Александр Михайлович Коротков... Тоже, как и Быстролетов, человек совершенно уникальный — но несколько иного плана. (Вообще, про нелегальных разведчиков говорят, что каждый из них — это «штучный товар».) Он родился в 1909 году, в ОГПУ пришел в 1928-м — был принят на работу в здание на площади Дзержинского в качестве лифтера, — но вскоре был замечен, по достоинству оценен и приглашен на службу в ИНО. В 1933 году, уже под видом австрийца чешского происхождения, он учился в Сорбонне, затем был нелегально вывезен в Германию; в 1935 году Коротков возвратился в Москву, а через год опять отправился в теперь уже знакомые ему страны, но под чужой фамилией. Кроме непосредственно разведывательной

работы возглавляемая им группа ликвидировала (этот эвфемизм в те времена был весьма популярен) чекиста-предателя Агабекова*, бывшего резидента нашей нелегальной разведки в Константинополе, бежавшего во Францию еще в 1930 году, и видного троцкиста Клемента** — в ту пору опальный «Демон революции» и возглавляемый им штаб упорно работали против СССР и его руководства, также не стеснясь в средствах...

В декабре 1938 года Александр Коротков возвращается в Москву победителем, но 8 января 1939 года нарком Берия увольняет его из разведки — и вообще из НКВД. Однако Коротков, с этим решением несогласный, пишет письмо наркому, в котором рассказывает о своей работе, проведенной по линии 5-го отдела ГУГБ, и просит «пересмотреть решение» о его увольнении. Так ведь и пересмотрели! Не будем вдаваться в подробности, но уже в конце все того же 1939 года Коротков вновь отправился за кордон...

О его недолгой, к сожалению, жизни можно рассказывать очень и очень много (правда, еще больше в ней было такого, о чем рассказывать до сих пор нельзя). Но если кратко подвести итог, то скажем, что Александр Михайлович дослужился до редкого по тем временам в КГБ чина генерал-майора, возглавлял нелегальную разведку, был заместителем руководителя всей советской разведки; заслуги его были отмечены орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями и знаком «Почетный сотрудник госбезопасности»...

Полковой комиссар Борис Игнатьевич Гудзь... В конце 1922 года его, двадцатилетнего студента второго курса Петроградской горной академии, пригласил на службу в ВЧК все тот же Артур Христианович Артузов — и Борис стал сотрудником руководимого Артузовым Контрразведыватель-

* *Георгий (Григорий) Сергеевич Агабеков (Арутюнов; 1895—1937)* — в ВЧК — с 1922 года, с 1924 года — в ИНО; с легальных позиций работал в Афганистане и в Иране. С 1929 года — в Турции. Свой уход объяснял политическими мотивами, хотя есть версия, что бежал из-за «любовной истории». Написал книгу на английском языке «ОГПУ: Русский секретный террор», после публикации которой в Иране и ряде стран Ближнего Востока были арестованы сотни советских агентов (нет смысла уточнять, что агентов противника на Востоке обычно казнят — точнее, предадут мучительной смерти), а отношения между СССР и Ираном резко ухудшились.

** *Рудольф Клемент (1904—1938)* — секретарь Л. Д. Троцкого.

ного отдела. Рассказать о его службе можно немало — ведь он даже участвовал в легендарной операции «Трест» на ее заключительном этапе, руководил операцией «Мечтатели» на Дальнем Востоке, а в 1934 году, под оперативным псевдонимом «Гинце», возглавил «легальную» резидентуру ИНО в Токио. Как раз в то время Артур Христианович, прекрасно его знавший, возглавлял внешнюю разведку. Однако вскоре эта протекция приобрела, так сказать, противоположный знак — в 1935 году Артузов был переведен в Разведывательное управление РККА, заместителем его начальника, как бы с целью укрепления. Но вспомним слова наркома Ежова о «колеблющейся политике» Дзержинского — и последующие репрессии, обрушившиеся на его соратников. А ведь Артузов как раз и был из тех, кого Маяковский нарек «солдатами Дзержинского»... 13 мая 1937 года Артур Христианович, беззаветно преданный партии большевиков и ее руководству (известно, что его вера в правоту партии иногда даже зашкаливала), был арестован.

А ведь Борис Гудзь, протеже Артузова, уверенно шел за ним следом: в 1936 году он также был переведен в военную разведку, курировал хорошо знакомое ему японское направление и, в частности, работал со ставшим знаменитым впоследствии военным разведчиком Рихардом Зорге. Но в 1937 году произошли два события, круто изменившие его жизнь: во-первых, как мы понимаем, арест Артузова; во-вторых, арест родной сестры Гудзя Александры Игнатьевны; из всего этого автоматически следовало «в-третьих» — то есть увольнение со службы «за связь с врагами народа». Ну а дальше ему оставалось ждать «в-четвертых», то есть неизбежного ареста, тогда как относительно «в-пятых» были варианты: либо расстрел, либо срок. Борис Игнатьевич в то время еще не знал, что его бывший помощник в Японии, обвиненный в шпионаже в пользу Страны восходящего солнца, в ходе допроса «чистосердечно признался», что и «Гинце тоже был шпионом». Так вот, об этом «признании» Гудзю суждено было услышать только много-много лет спустя, потому как в том приснопамятном 1937-м он не стал ждать неизбежного «в-четвертых» и финального «в-пятых», а, пользуясь своим увольнением со службы, просто-напросто исчез. В ту пору в Москве, по официальным данным, проживало немногим более четырех миллионов граждан, всеобъемлющий компьютерный учет пока еще отсутствовал, и опытному оперработнику не составило особого труда «раствориться» в этом огромном человеческом муравей-

нике... Руководитель токийской резидентуры НКВД, на несколько десятилетий позабыв о своем блистательном прошлом, превратился в простого водителя московского рейсового автобуса... Однако особо долго «в простых» ему оставаться не пришлось: Борис Игнатьевич постепенно дослужился до должности руководителя большого автохозяйства в Москве, участвовал в Великой Отечественной войне.

В 1962 году, дожив до шестидесяти лет, он, как обыкновенный советский гражданин, вышел на заслуженный отдых — а так как уже наступила «оттепель» и многие старые прегрешения прощались, то вскоре чекист Борис Игнатьевич Гудзь возвратился из небытия. Он был допущен к работе в архивах КГБ и ЦК КПСС и хотя, к сожалению, не оставил никаких письменных работ, но зато нередко выступал перед различными аудиториями, являлся консультантом популярного фильма «Операция «Трест»», ряда книг и кинофильмов. Скончался Борис Игнатьевич в Москве, в возрасте 104 лет, в твердом уме и здравой памяти, о чем мы сами можем свидетельствовать.

Кстати, в отличие от Виктора Лягина, Борис Гудзь вспоминал и охотно рассказывал о том, как он видел императора Николая II, приехавшего в Тулу во время мировой войны. В Туле служил чиновником отец Бориса Игнатьевича, и он, мальчик, был на встрече императора, прошедшего тогда от него буквально в двух шагах...

Вот ведь как распоряжается судьба: будучи старше Лягина на семь лет, Гудзь пережил его на шесть с лишним десятилетий. Понятно, что встретиться им не пришлось — в то время, когда Виктора еще только-только взяли на службу в разведку, чекист-ветеран Гудзь уже сумел спрятаться от бывших коллег в кабине рейсового автобуса...

Ну а мы вновь возвращаемся к нашему герою.

Как уже упоминалось, 2 декабря 1938 года начальником внешней разведки на целых полгода стал В. Г. Деканозов.

«На следующий день Берия представил Деканозова сотрудникам разведслужбы. Официальным и суровым тоном Берия сообщил о создании специальной комиссии во главе с Деканозовым по проверке всех оперативных работников разведки. Комиссия должна была выяснить, как разоблачаются изменники и авантюристы, обманывающие Центральный комитет партии. Берия объявил о новых назначениях Гаранина, Фитина, Леоненко и Лягина. Он также подчеркнул, что все остающиеся сотрудники будут тщательно проверены, — вспоминал в своих записках П. А. Судопла-

тов и саркастически констатировал: — Новые руководители пришли в разведку по партийному набору. Центральный комитет наводнил ряды НКВД партийными активистами и выпускниками Военной академии им. Фрунзе»⁵².

Авторы книги «Разведчики» — кстати, сами весьма опытные профессионалы разведки — менее категоричны в оценках: «Руководство НКВД взяло курс на выдвижение молодых, только что пришедших в органы сотрудников. И неудивительно, что Виктор Лягин вскоре был назначен заместителем начальника одного из отделений 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР»⁵³.

Но все-таки, говоря объективно (любому автору приятно изобразить себя таким третейским судьей, который вправе поставить финальную точку), подобный карьерный рост молодых сотрудников разведки представляется нам ненормальным явлением.

Вот как, в частности, описал процесс своего профессионального становления Павел Михайлович Фитин, руководивший внешней разведкой с 1939 по 1946 год: «В октябре 1938 года я пришел на работу в Иностраннный отдел оперативным уполномоченным отделения по разработке троцкистов и “правых” за кордоном, однако вскоре меня назначили начальником этого отделения. В январе 1939 года я стал заместителем начальника 5-го отдела, а в мае 1939 года возглавил 5-й отдел НКВД»⁵⁴.

Напоминаем, что 5-й отдел — это и есть внешняя разведка... Но подумать только — в октябре — «оперенок», а в мае, чуть более чем через полгода — шеф разведки! Нормально ли это? (По счастью, разведке фантастически повезло с Фитиным — выбор Лаврентия Павловича оказался безошибочным*.)

Ну ладно, молодым — дорогу, а вот что было со старыми кадрами, мы уже узнали... Впрочем, названо нами здесь было лишь несколько фамилий, причем судьбы у этих сотрудников оказались совершенно различными, — но ведь были еще и те, кто продолжал работать в разведке, кого не коснулись репрессии, миновал начальственный гнев, далеко не всегда, как мы понимаем, обоснованный... В общем, эти люди могли и далее успешно выполнять свои служебные обязанности, но тут возникает вопрос: а не «засвечены» ли они? Ветераны органов безопасности, за многие

* Более подробно см. нашу книгу «Фитин», изданную в серии «ЖЗЛ» в 2015 году.

годы своей работы они могли не раз пересекаться с теми же Орловым-Никольским, Кривицким или Рейссом, да и не просто пересекаться, но иметь какие-то личные связи, дружить — так где гарантия, что изменник, успешно устроившись на чужбине, не позовет к себе друга? Мол, давай-ка и ты приезжай, тут очень даже здорово, и мои новые хозяева, которым я подробно про тебя рассказал, очень тебя ждут... А значит, всех этих людей, которые имели контакты с перебежчиками, следовало проверять. Это закон разведки. И вот как обрисовал обстановку тех дней генерал Виталий Павлов:

«Наконец нас пригласили в кабинет наркома. Это было большое, отделанное красным деревом помещение, вдоль стен которого стояли мягкие кожаные кресла. На возвышении располагался огромный письменный стол на резных ножках, покрытый синим сукном...

Вдруг позади стола бесшумно открылась небольшая дверь, которую я принял было за дверцу стенового шкафа, и вышел человек в пенсне, знакомый нам по портретам. Это был Берия. Его сопровождал помощник с папкой в руках. Не поздоровавшись, нарком сразу приступил к делу. Взяв у помощника список, он стал называть по очереди фамилии сотрудников, которые сидели перед ним. Слова его раздавались в гробовой тишине громко и отчетливо, как шелчки бича.

— Зарубин!

Один из сидевших перед столом встал и принял стойку “смирно”.

— Расскажи, — продолжал чеканить нарком, — как тебя завербовала немецкая разведка? Как ты предавал Родину?

Волнуясь, но тем не менее твердо и искренне один из самых опытных нелегалов дал ответ, смысл которого состоял в том, что никто его не вербовал, что он никого и ничего не предавал, а честно выполнял задания руководства. На это прозвучало угрожающе равнодушно:

— Садись! Разберемся в твоём деле.

Затем были названы фамилии Короткова, Журавлева, Ахмерова и других старослужащих разведки, отозванных с зарубежных постов. Унизительный допрос продолжался в том же духе с незначительными вариациями. Мы слышали, что среди сидевших в кабинете были английские, американские, французские, немецкие, японские, итальянские, польские и еще бог знает какие шпионы. Но все подвергшиеся словесной пытке, следуя примеру Василия

Михайловича Зарубина, держались стойко. Уверенно, с чувством глубокой внутренней правоты, отвечал Александр Михайлович Коротков... Спокойно, с большим достоинством, вел себя Исхак Абдулович Ахмеров и другие наши старшие коллеги.

Совещание, если его можно так назвать, — оно было похоже на экзекуцию — закончилось внезапно, как и началось. Дойдя до конца списка и пообещав опрошенным «скорую разборку», Берия встал и, опять не говоря ни слова, исчез за дверью. Его помощник предложил нам разойтись.

Никаких дополнительных разъяснений к увиденному и услышанному не последовало. Мы были ошеломлены»⁵⁵.

Признаем, что руководящее хамство — как и подчиненное подобострастие — неотъемлемые черты нашего менталитета. Поэтому подобные «совещания» у нас даже сейчас в порядке вещей. Это только по неопытности могло смутить...

Но проверять, конечно, следовало, и не имея стопроцентной уверенности в том, что эти сотрудники не «расшифрованы» противником, не были слишком тесно связаны с беглецами, использовать их на оперативной работе было, к сожалению, нельзя.

К тому же нельзя не сказать и про такую тонкость: как это всегда бывает, за время работы у опытных сотрудников возникли свои симпатии и антипатии, обусловленные в основном тем направлением, которым они занимались. Каждый солдат считает свой окоп самой главной позицией на поле боя, и он совершенно прав, потому как в результате держится за порученное ему место зубами. Вот и сотрудники разведки, досконально зная своего противника, понимая всю сложность работы с ним — ну, и еще многое иное — считали свои направления главными в деятельности разведки и потому нередко настаивали на том, чтобы основные усилия службы были сконцентрированы именно здесь. Таким образом, насколько нам известно, в Центре сформировались как минимум три «партии», каждая из которых считала свое направление приоритетным, утверждая, что именно с данного направления исходит главная угроза для СССР.

Не вдаваясь в подробности, уточним, что это были «поляки», то есть сотрудники, работавшие по польскому направлению; «немцы» — в основном сотрудники германского отделения, безусловно уверенные в неизбежности

скорого нападения гитлеровской Германии на Советский Союз; третьей «партией» являлись те, кто изначально работал по белой и националистической эмиграции и считал, что главным врагом Страны Советов являются не конкретные государства, но такие организации, как РОВС, НТС, ОУН* и прочее, как говорилось, «эмигрантское отребье». К сожалению, порой получалось так, что высоко оценивая опасность своего направления, иные товарищи явно недооценивали другие направления и опасности.

Вот и пришлось руководству НКВД двигать на руководящие должности в разведке совершенно «неангажированную» молодежь, не принадлежавшую ни к каким внутренним «лагерям» или «течениям» и не имевшую не только устоявшихся пристрастий, но и, как сказано в известном телесериале, «порочащих связей» — в лице беглых или объявленных «врагами народа» сотрудников. Последующие события со всей очевидностью доказали, что двигали-то эту молодежь с умом, выбирая из них действительно лучших, а не просто так, абы кого поставить на свободную «клетку».

Из четырех сотрудников, фамилии которых были названы Судоплатовым, про двоих — Гаранина и Леоненко — мы ничего сказать не можем, потому как не знаем. Зато нам известно, что Павел Фитин был назначен заместителем начальника разведки, тогда как Виктор Лягин, о чем уже сказано выше, — «заместителем начальника одного из отделений». Какого именно — секрета не составляет.

Не станем утомлять читателя подробным описанием тогдашней структуры внешней разведки, только уточним, что по штату 1938 года в нее входило 12 отделений, из которых семь были «географические»: 1-е отделение работало по Германии, Италии, Чехословакии и Венгрии; 2-е занималось Японией и Китаем; основными странами Европы, не относящимся к гитлеровской «оси», — Англией, Францией, Швейцарией, Испанией и Бенилюксом (кажется, почти забытая ныне аббревиатура, означающая «Бельгия — Нидерланды — Люксембург») занималось 4-е отделение; 7-е отделение работало по Соединенным Штатам Америки

* РОВС — Русский общевоинский союз, создан в 1924 году, объединял военные организации и союзы белой эмиграции, находившиеся во всех странах. Самая массовая организация белой эмиграции. НТС — Народно-трудовой союз российских солидаристов, о создании которого было объявлено в 1930 году; ставил своей целью свержение коммунистического строя в России. ОУН — Организация украинских националистов, созданная в 1929 году.

и Канаде. Еще одно отделение, 8-е, занималось троцкистами и «правыми», 9-е — эмиграцией вообще. Ну а Виктор Лягин стал заместителем руководителя 10-го отделения — научно-технической разведки...

Может быть, есть смысл уточнить, что это за разведка и в чем заключается смысл ее существования?

Если рассказывать схематично, то главная ее задача — добывать информацию, наиболее важную с точки зрения обеспечения обороноспособности страны, то есть сведения о научных открытиях и технологических разработках военно-прикладного характера. Впрочем, не без основания можно предположить, что научно-техническую разведку — точнее, те государственные структуры, которые дают ей «социальные задания», — могут также интересоваться технические и иные достижения не только в оборонной отрасли.

При этом не стоит думать, что научно-техническая разведка является неким советским изобретением — мол, первое государство рабочих и крестьян в своем стремлении «догнать и перегнать» не брезговало ничем, а потому его ушлые агенты беззастенчиво воровали достижения доверчивых западных ученых и изобретателей. Да как бы не так! Даже спецслужбы самых передовых и развитых стран — и те проводят аналогичную работу, причем не только в отношении противников, но и своих же партнеров. Кому же не хочется знать, чего там делается у соседа? Тем более что в политике именно это знание зачастую становится гарантией безопасности.

Информация, получаемая научно-технической разведкой, позволяет экономить время и деньги в решении каких-то весьма сложных проблем, дает возможность сопоставлять результаты работ аналогичной тематики в различных странах, знать, кто в чем имеет опережение и кто где отстает. Не будем отрицать и возможности использовать для решения какого-то вопроса чужие открытия и наработки, сделанные другими.

Можно, конечно, поморализировать (хотя мораль и разведка, как таковая, далеко не всегда чинно следуют рука об руку) — мол, нехорошо использовать незаконно полученный материал о каких-то достижениях, открытиях и пр., но давайте вспомним ситуацию с получением советской разведкой материалов по атомной проблематике, так называемый «проект “Энормоз”». Да, материалы похищались и добывались иными нелегальными способами. Но ведь те самые ученые, которые создавали американскую атомную

бомбу — не все, но многие из них, — были противниками установления «ядерной монополии» Соединенных Штатов Америки и изначально предлагали передать Советскому Союзу технологии по созданию «сверхоружия». Когда же это предложение было решительно отвергнуто на официальном уровне, некоторые из них по своей инициативе (впрочем, кто как) связались с советской разведкой. В результате впоследствии был достигнут паритет и послевоенный мир достаточно устойчиво держался на двух полюсах... И кто станет утверждать, что это было плохо?

Из сказанного можно понять, что кадровые сотрудники научно-технической разведки имеют определенные отличия от разведчиков, работающих по линии «ГР» — политической разведки. Кроме огромного обаяния, предприимчивости, смелости, знания языка и ряда других положительных качеств нужно еще иметь очень хорошее образование. «У нас, кстати, и доктора наук работают, и даже академики», — скромно уточнил в разговоре с нами один из сотрудников, некогда трудившийся по линии НТР. Что ж, разведчик должен разбираться в том вопросе, которым он занимается, на профессиональном уровне — дезинформация в научно-технической разведке может стоить очень дорого.

Но все это объяснение — весьма и весьма схематично.

Виктор Лягин, выпускник Ленинградского политехнического института, прекрасно вписался в эту структуру, впоследствии выдержав, как мы уже говорили, самые серьезные экзамены...

Между тем в Центре Виктору Александровичу работать пришлось не так уж и много, потому что в июле 1939 года он отправился в долгосрочную командировку в Соединенные Штаты Америки. Кстати, перед этим с нашим героем беседовал Лаврентий Павлович Берия — была традиция, что нарком самолично инструктировал каждого отъезжающего.

В сборнике «Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения» этот момент описывается так: «Инструктировал и провожал его сам Берия, нагрянувший по такому случаю к нему на дачу и объявивший его домочадцам, что Виктор Александрович уезжает в ответственной командировку, а по всем бытовым вопросам он поможет семье лично»⁵⁶.

Ну что тут скажешь? Какой, оказывается, Лаврентий Павлович был душака — когда хотел, разумеется! Однако... подобного эпизода не могло быть, потому что не могло быть никогда!

Теперь объясним популярно всю нелепость описанной выше ситуации.

Во-первых, и это самое главное, никакой дачи у Лягина не было. Дальше можно не продолжать — но мы все-таки продолжим.

Во-вторых, даже если бы таковая и была, то сложно представить, чтобы Берия, человек отнюдь не сентиментальный, бросив все свои многочисленные дела, отправлялся на дачу к рядовому сотруднику. Ведь кто такой был Виктор Лягин для товарища Берии? Толковый сотрудник, каких в разведке было немало. Насколько мы знаем, в это время укреплялись наши резидентуры и за рубеж выезжали многие сотрудники — в том числе и весьма толковые. Так что вряд ли Лаврентий Павлович мог себе позволить вот так вот запросто «нагрнуть» на дачи, квартиры и прочие места пребывания большинства отъезжающих...

А в-третьих, даже если бы была дача и если бы Берия вдруг расчувствовался до предела, то и тогда он ни в коем случае не стал бы «расшифровывать» сотрудника не только перед его родственниками (мы же знаем, что даже это не полагалось), но и перед всеми его соседями. Понятно, что в дачном поселке вряд ли бы остался незамеченным визит наркома — а уж соответствующих выводов после этого посещения было бы сделано больше чем достаточно...

Теперь — серьезно. Нарком Лаврентий Павлович действительно инструктировал всех отправляемых «за кордон» разведчиков, вот только для такой беседы сотрудников либо приглашали в служебный кабинет Берии на Лубянке, либо привозили на какую-то казенную дачу, именуемую «объектом». Насколько нам известно, именно на таком «объекте», где-то не очень далеко от Москвы, Виктор Лягин и получил инструктаж и напутствие от своего наркома.

Глава пятая

АМЕРИКА, АМЕРИКА, ДАЛЕКАЯ СТРАНА...

Итак, Соединенные Штаты. Если рассказывать о том, что представляли они в далеком 1939 году, то стоит вновь обратиться к «Политическому словарю»:

«Соединенные Штаты Америки (США) — экономически самая мощная капиталистическая страна мира... США занимают по запасам угля первое место в мире; по нефти —

второе место после СССР. Имеются в изобилии железо, цветные металлы — медь, цинк, свинец, золото и серебро; залежи фосфоритов мирового значения (во Флориде) и серы. Не хватает США олова, никеля, марганца. США — буржуазная республика, представляющая собою федерацию 48 штатов*. <...>

Промышленность США отличается массовым характером производства и развитой техникой. В горной промышленности ведущая роль принадлежит углю и нефти. Из обрабатывающей промышленности развита металлическая, пищевая, текстильная и химическая. Основным промышленный район — Северо-Восток. Крупнейшие центры — Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Бостон, Детройт, Питсбург. Ведущая роль в промышленности принадлежит трестам и банкам. Финансовые “короли” (Морган, Рокфеллер, Меллон) держат в своих руках не только основные отрасли промышленности и торговли, но и банки, железные дороги, печать и в сущности направляют всю политику США. Сельское хозяйство США организовано на чисто капиталистических началах... США вывозят товаров больше, чем ввозят. До мировой войны США были должником Западной Европы, теперь Западная Европа стала должником США»⁵⁷.

Всё это звучит замечательно — можно даже сказать, как-то благостно, однако не будем забывать, что Соединенные Штаты только-только вышли из Великой депрессии, ставшей одним из самых серьезных потрясений за всю недолгую американскую историю. Потрясение это сказалось не только на экономике, но и на всех прочих сторонах жизни американского общества. В нашей «настойной книге» ей посвящено несколько статей, подготовленных академиком Е. С. Варгой**. Статьи эти как бы раскладывают всё произошедшее на составные части. Первая статья — «Мировой экономический кризис 1929 г.» — констатирует, что это был «самый глубокий и самый длительный в истории капитализма кризис перепроизводства, который охватил все капиталистические страны и все отрасли производства... Он вызвал обесценение денег во всех капиталистических странах; привел к неслыханному обнищанию широких масс.

* Еще два штата — Аляска и Гавайские острова — были образованы позже.

** *Евгений Самуилович Варга* (1879—1964) — советский экономист венгерского происхождения, академик АН СССР, лауреат Ленинской премии.

Безработица достигла невиданных размеров»⁵⁸. Статья заканчивается «оптимистичным» пассажем, что «наибольшей глубины мировой экономической кризис достиг в 1932 г., он продолжался до конца 1933 г., после чего перешел в депрессию особого рода. В 1937 г. наступил новый экономический кризис»⁵⁹.

Этому последнему в словаре посвящена особая статья «Экономический кризис 1937 г.»... Честно говоря, нам бо-язно, что какой-либо нетерпеливый читатель уже начи-нает бормотать, мол, чего это вы меня этой информацией пичкаете — вы там поскорее про разведку дайте! Так вот, для того чтобы отправиться в разведку, Виктор Лягин са-мым тщательным образом штудировал (причем в гораз-до большем объеме!) ту самую информацию, которую мы вам сейчас предлагаем по крупницам, в сжатом виде. Без этих знаний и, соответственно, понимания происходящего де-лать ему за океаном было бы абсолютно нечего. А потому попробуем поставить себя на место героя нашей книги — и продолжим свой экскурс, постепенно подходящий к за-вершению.

Итак, экономический кризис «начался со второй по-ловины 1937 г. в США, захватил затем Англию, Францию и ряд других капиталистических стран. Объем промышленной продукции в 1938 г. упал по сравнению с 1937 г.: в США — на 20,2 процента...»⁶⁰. Всё! Перечисленные далее цифры по другим странам, так же как и актуальные цитаты вождя и даже авторитетное заявление уважаемого академика Варги о том, что «Советский Союз — единственная страна в мире, которая не знает кризисов и промышленность которой все время идет вверх», нас в данный момент уже мало интере-суют. Важнее другое — Виктор Лягин ехал совсем не в ту благополучную и беззаботную (как было принято считать в СССР) за границу, что была еще десять лет тому назад. Те-перь за рубежом — и, вполне возможно, что в Соединенных Штатах Америки прежде всего, — всё круто переменялось...

Впрочем, думается, что наши читатели уже порядком устали от вопросов экономики, а потому, в конце концов, действительно перейдем к разведке.

«До конца 20-х годов прошлого столетия США, про-водившие политику изоляционизма, мало интересовали внешнюю разведку, которая не имела там резидентуры. Здесь свою роль играла не только не активная роль Ва-шингтона в международных делах, отсутствие прямой военной угрозы с его стороны для СССР, но и трудности

организации связи с этой заокеанской страной. Первый нелегальный аппарат ОГПУ был создан в Нью-Йорке только в 1930 г. для сбора в первую очередь научно-технической информации. В нем работало четверо разведчиков-нелегалов. Он имел на связи семь агентов, располагавших ценными разведывательными возможностями в правительственных кругах США, частных фирмах, дипкорпусе»⁶¹.

Из сказанного можно подумать, что всё начиналось очень даже успешно и далее шло без сучка и без задоринки, хотя на самом деле это было не совсем так.

Уж, кажется, разведка умеет хранить тайны — но вот фамилия одного из первых нелегальных резидентов оказалась утрачена в самом НКВД. Остался только оперативный псевдоним «Чарли», «а его личное дело, по всей видимости, уничтожено. Но в информационном досье удалось отыскать следы его деятельности. «Чарли» сумел установить деловые контакты с инженерами, технологами, представителями различных фирм, офицерами летных и морских частей. Только за два первых года работы «Чарли» добыл важную информацию о спасательных аппаратах для моряков-подводников, данные об авиационных двигателях, характеристики двух типов танков, авиационном прицеле для бомбардировщиков, детали конструкции гидросамолетов, сведения о дизельных моторах различного назначения, о переработке нефти. Разведчику удалось получить в начале 30-х годов доклад американского ученого Годдара* «Об итогах работы по созданию ракетного двигателя на жидком топливе». Документ был доложен маршалу Тухачевскому (в то время — заместитель наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР, начальник вооружений РККА. — А. Б.) и получил его высокую оценку»⁶².

Как видим, резидент «Чарли» весьма успешно работал по линии научно-технической разведки — а что нам еще нужно было у американцев, которые в европейские дела тогда не очень совались и к тому же 18 ноября 1933 года восстановили с нашей страной дипломатические отношения в полном объеме?

Вот только, к сожалению, в нашей стране идеология всегда превалировала над разумом, а утверждение «кто не с нами — тот против нас» являлось аксиомой, за которой

* Роберт Хатчинс Годдар (точнее, Годдард; 1882—1945) — американский ученый и изобретатель, один из пионеров современной ракетной техники.

следовала рекомендация великого писателя (хотелось написать — «пролетарского», но он велик просто как писатель, пролетариат тут, в общем-то, ни при чем) Максима Горького: «Если враг не сдастся, его уничтожают». Однако наши политиканы — в их первых рядах, кстати, бодро шагал Н. С. Хрущев, будущий «разоблачитель сталинских преступлений» и архитектор «оттепели», — уничтожали всех подряд. И не сдавшихся, и сдавшихся, и тех, кто некогда принадлежал к не совсем пролетарским партиям или, пребывая в рядах большевиков, когда-то увлекался какими-то «уклонами»...

По какой-то из этих причин (не то в троцкизме его обвинили, не то в «уклоне») «Чарли» отозвали в 1938 году на родину, осудили — притом что его заслуги как разведчика тысячу раз искупали любые его прежние «колебания» — и расстреляли. За что? Для чего? Нет ответа... А может, действительно тогда окопались в руководстве НКВД истинные «враги народа», поступавшие по принципу «чем хуже, тем лучше»? Хотя уже бериевские времена в органах начались — вроде бы, как считают многие историки, эдакая первая «оттепель» началась, волна репрессий затихла... Так почему?!

А вообще-то порой судьба оказывалась жестока к разведчикам и без всяких «врагов народа» или «борцов с “врагами народа”».

Официально считается, что самым первым нелегальным резидентом в Соединенных Штатах был Валентин Борисович Маркин (1903—1934). Известно, что он (как, кстати, и Лягин) родился в семье железнодорожного служащего, успел окончить пять классов коммерческого училища, был на комсомольской и партийной работе, учился в Коммунистическом университете им. Свердлова, был аспирантом Института мирового хозяйства и мировой политики, избирался депутатом Моссовета, руководил отделом агитации и пропаганды в Исполкоме КИМа (Коммунистического интернационала молодежи), великолепно владел английским, а позже очень быстро освоил немецкий язык... В 1926 году Маркин был принят на службу в Четвертое управление штаба РККА — военную разведку — и сразу же был направлен на работу в Германию. В 1932 году он перешел на службу в Иностраннный отдел ОГПУ и направлен в США, имея оперативные псевдонимы «Оскар» и «Дэвис». Последующая информация крайне скудна — и ничего конкретного:

«Работать “Дэвису” приходилось в непростых условиях. До установления дипломатических отношений в 1933 г.

между СССР и США связь Центра с нелегальной резидентурой поддерживалась через специальных курьеров, в основном — матросов коммерческих рейсов, которые доставляли добытые материалы в Париж в непроявленной пленке. Указания Центра также направлялись в нелегальную резидентуру в Париж, а оттуда пересылались с курьерами в Нью-Йорк. В. Маркин исчез в 1934 г. при невыясненных обстоятельствах. Предположительно — стал жертвой дорожной катастрофы или погиб от рук гангстеров»⁶³.

Есть, правда, и иной вариант гибели Валентина Маркина, но он уже предложен американцами: «В 1934 году он был найден на 52-й улице в Нью-Йорке со страшной раной головы и на следующий день скончался. Потом шеф ИНО в Москве Слуцкий признал, что Маркин был ликвидирован его же аппаратом»⁶⁴. Поводом к ликвидации стало якобы то, что Маркин был троцкистом. Как-то сомнительно: 1934 год, «на власть» в НКВД только пришел Ягода, «органы» пока еще никто не «чистил» от троцкистов, да и вообще, как свидетельствует опыт, гораздо проще было отозвать сотрудника в родные края и ликвидировать в законном, как бы, порядке, нежели заниматься реальной уголовщиной на иностранной территории. Ведь если бы «исполнитель» попал в руки ФБР, то электрический стул ему был гарантирован — и кто знает, о чем он мог бы рассказать американским следователям, дабы избежать такой печальной участи? Так что этот вариант нам представляется сомнительным.

А в общем, как бы там ни было, это нелепая посмертная судьба: по какой-то случайности упокоиться где-то в чужой земле, вполне возможно — как «Unknown», «неизвестный», или вообще под сколько-то значным номером... Не любят такого русские люди! Им бы под конец жизненного пути всяко возвратиться на родину, чтобы навсегда лечь под родные березки...

К сожалению, целому ряду наших соотечественников, самоотверженно трудившихся «за кордоном», высшее руководство постаралось предоставить подобную перспективу как можно скорее.

Между тем с годами работать советской разведке на американской территории становилось легче, а потому и масштабы этой работы расширялись. После восстановления дипломатических отношений в 1933 году в Америке были открыты советские диппредставительства: полномочное представительство в Вашингтоне и генеральные консульства в Сан-Франциско, а затем и в Нью-Йорке,

ставшие для советских разведчиков основным прикрытием. Под крышами — в прямом и переносном смысле — этих диппредставительств были открыты наши «легальные» резидентуры. «Легальными» они именуются исключительно за счет своего официального прикрытия, ибо все равно выполняют задачи, входящие в противоречие с законами страны пребывания. Вскоре на американской территории стали появляться еще и представительства разного рода советских организаций.

Наши читатели прекрасно понимают, что и в американском посольстве в Москве уже и тогда работали не одни только «чистые» — то есть исполняющие исключительно дипломатические обязанности — сотрудники. Впрочем, уточним, что в то время у американцев не существовало не только зловещего ЦРУ, Центрального разведывательного управления, но даже и его предшественника УСС — Управления стратегических служб. В Соединенных Штатах Америки — видимо, по причине проводившейся изоляционистской политики — тогда вообще еще не было единой разведывательной службы, а шпионажем занимались сотрудники специальных отделов, существовавших в различных государственных органах и не согласовывавших свою деятельность друг с другом. Разведкой занимались и сотрудники Государственного департамента, и Федерального казначейства, а также, разумеется, были свои разведслужбы в сухопутных войсках и на флоте — причем последние также не контактировали даже между собой.

Зато благодаря той же политике полиция, контрразведка и ФБР — Федеральное бюро расследований, совмещающее в себе несколько функций, — достаточно эффективно и внимательно приглядывали за иностранцами, причем особый их интерес вызывали «гости» из нацистской Германии, являвшейся очагом потенциальной опасности на Европейском континенте, а также — из загадочного и непредсказуемого Советского Союза.

Достаточно строгий контрразведывательный режим на американской территории — ну и иные причины, не будем утомлять читателя их перечислением, — подвели руководство НКВД к выводу, что наиболее эффективно будет осуществлять разведывательную работу как с «легальных», так и с нелегальных позиций. В 1934 году, на смену исчезнувшему нелегальному резиденту Маркину, в США прибыл уже знакомый нам Борис Яковлевич Базаров. Никто ему тут, разумеется, дел не передавал — пришлось самому, ис-

пользуя имевшиеся пароли и явки, восстанавливать связь с агентурой. При этом в целях повышения уровня конспирации имевшийся агентурный аппарат, по согласованию с Москвой, был разделен на две части. Одной из них руководил Исхак Ахмеров, о котором мы расскажем несколько ниже, а вторую возглавил сам резидент Базаров.

«Под его руководством в США действовали молодые разведчики-нелегалы И. Ахмеров, Н. Бородин, А. Самсонов, ставшие впоследствии профессионалами высокого класса. Нелегальная резидентура Базарова успешно взаимодействовала с “легальной”, которую возглавлял П. Д. Гутцайт: обе группы вели совместные “разработки”, взаимодействовали при отправке информации в Центр, выполнении заданий руководства разведки. <...> В напряженной работе, в постоянных заботах об организации встреч со связями, об оценке добытых сведений и их отправке по каналам разведки шли годы. Эта полнокровная жизнь разведчиков-профессионалов оборвалась в 1938 году, когда Базаров и Гутцайт почти одновременно были отозваны в Москву. Их осудили “за шпионаж и измену” и приговорили к расстрелу»⁶⁵.

Ну вот, возвратились под родные березки!

И это вместо благодарности за добросовестнейшую и весьма результативную работу на высочайшем (да простит нас читатель за сплошные превосходные степени, но это действительно так) уровне! По оценкам специалистов, нелегальной резидентуре «удалось завербовать несколько весьма ценных источников информации. В частности, в 1936 г. она приобрела агента с широкими связями в правительственных кругах США, в том числе в близком окружении президента Ф. Рузвельта. Нелегальная резидентура НКВД в Нью-Йорке получила доступ к переписке госсекретаря США, к докладам американского военного атташе в Японии, материалам дальневосточного отдела этого (Государственный департамент США. — А. Б.) внешнеполитического ведомства»⁶⁶.

И вновь тот же самый вопрос: ну почему всю реальную работу, подлинные заслуги перед Отечеством и народом перевешивали какие-то идеологические догмы, к тому времени уже весьма, извините, окаменевшего свойства? Да если разведчик осуществляет такие вербовки, как те, о которых сказано выше, какая разница его руководству, что за философию он исповедует? Пусть он будет хоть дзен-буддист, сторонник Троцкого или Конфуция — но если у него на связи находятся друг президента Рузвельта или высокопостав-

ленные сотрудники Госдепа — на это всем должно быть глубоко наплевать! Нет, не плевали, а отзывали и, вместо того чтобы просто «пропесочить» на партсобрании — мол, ты это дело брось! — навесить «строгача», а затем отправить обратно «за бугор», расстреливали... А кто бы подумал о том, что потом этих расстрелянных заменить будет некем?!

Кстати, несколько слов о замечательном советском разведчике майоре госбезопасности Петре Давидовиче Гутцайте (1901–1939), «легальном» резиденте в США, работавшем под прикрытием должности ответственного сотрудника советского полпредства в Вашингтоне. В 1920 году он стал комиссаром уездной ЧК в Екатеринославской губернии, затем учился на курсах Высшей партийной школы ОГПУ, служил в Секретном отделе и в Экономическом управлении, а в 1933 году, немного «пообтершись» в Иностранном отделе, был направлен «легальным» резидентом в Нью-Йорк, откуда его вскоре перевели в Вашингтон. В 1938 году Петр Давидович был отозван в Москву и на какое-то непродолжительное время, очевидно, стал непосредственным начальником Виктора Лягина, возглавив отделение научно-технической разведки. Однако уже 16 октября того же года он был арестован по обвинению в троцкизме, а 21 февраля 1939 года — расстрелян...

Куда как милостивее оказалась судьба к Исхаку Абдуловичу Ахмерову (1901–1976) — оперативный псевдоним «Юнг». В 1930 году он окончил Первый государственный университет — будущий МГУ, после чего был принят на службу в ОГПУ, повоевал с басмачами в Бухарской республике и, обогащенный боевым опытом, был переведен в Иностранный отдел. Вскоре, «по путевке» ИНО, Ахмеров стал секретарем советского генерального консульства в Стамбуле, а в 1934 году, уже под чужим именем и очень длинным путем, перебрался из Турции в Китай, изображая из себя «турецкоподданного». Так началась его нелегальная эпопея. Разработку японских представителей в Китае Исхак Абдулович (знать бы, как его тогда звали!) успешно совмещал с учебой в американском колледже, где он совершенствовал свой английский язык (он также говорил по-французски и по-турецки), очень быстро выйдя в лучшие ученики.

Через год Ахмеров отправился в Соединенные Штаты — как бы «искать счастья». Тогда, во времена охватившей мир Великой депрессии, это было вполне в духе времени. Ну а далее — успешная легализация, приобретение очень хороших оперативных позиций, позволивших ему завербовать

нескольких агентов в Госдепе, Минфине и даже в американских спецслужбах; один из его ценных агентов имел отношение к работе военных и военно-морских учреждений. Всего же, как известно, в резидентуре Ахмерова было шесть сотрудников, двое из которых — женщины.

«Однако выполнить до конца возложенную на него важную миссию не удалось. В СССР в это время продолжались репрессии. Они коснулись и сотрудников разведки. (Очень мягко сказано! — А. Б.) По указанию Берии Центр одновременно отозвал в 1939 году из-за границы почти всех резидентов “легальных” и нелегальных резидентур, в том числе и Ахмерова. С тяжелым сердцем и недоумением воспринял Исхак Абдулович указание о своем отзыве, когда успехи в работе были налицо, а добываемые сведения были особенно нужны нашему государству»⁶⁷.

Вообще-то, скажем честно, тут автор несколько лукавит: во-первых, мы уже уточняли, что не только репрессии стали причиной для отзыва разведчиков, а во-вторых, Ахмеров и сам тогда изрядно «отличился». Автор очерка обо всем этом прекрасно знал, но написал более чем аккуратно и уже после информации о последовавшем наказании, словно бы одно с другим было совершенно не связано: «На этот раз (речь идет о 1941 году, уже военном времени. — А. Б.) Исхак Абдулович отправлялся в США вместе с женой Еленой, американкой по происхождению, которая приняла в 1939 году советское гражданство и стала сотрудницей внешней разведки»⁶⁸. И только из следующего абзаца можно узнать, что «Юнг» и «Таня» (она же — «Ада», оперативные псевдонимы Хелен Лоури) не только познакомились, но и поженились в Соединенных Штатах Америки.

Брак с иностранным гражданином или гражданкой считался для советского подданного серьезным проступком — если не преступлением, потому как все иностранцы, вступавшие в контакт с нашими гражданами, априори считались иностранными шпионами. Однако в данном случае у «вероятного преступника» Ахмерова было весьма серьезное алиби: невеста, разрешение на брак с которой Исхак Абдулович, как и положено, испросил у Центра, являлась не только связной нашей нелегальной резидентуры, но и родной племянницей Эрла Браудера* — генерального секретаря

* Эрл Браудер (1891—1973) — генеральный секретарь компартии США с 1930 года; в 1944 году выступил за ее роспуск; в 1946 году исключен из рядов партии.

ря Коммунистической партии США, которого в то время очень высоко ценил сам товарищ Сталин. По таковой причине даже Ежов — «железный сталинский нарком» — не рискнул бы заявить, что «Ахмеров женился на американской шпионке».

Но все-таки решено было Ахмерова отозвать, и нам о причинах такого решения остается только догадываться: ведь так совпало, что как раз в то самое время произошли громкие предательства, а имя Ахмерова вполне могло быть известно вышеупомянутым Штейнбергу или Люшкову. Так что вполне возможно, что нелегального резидента нужно было вывести «из игры» для обеспечения его же собственной безопасности и его женитьба тут совершенно ни при чем. Хотя, опять-таки, как знать?

Впрочем, генерал В. Г. Павлов потом писал: «В. Деканозов вообще не оставил сколько-нибудь заметного следа, разве что еще больше ослабил агентурную сеть. Он требовал от нас ускорения отзыва еще остававшихся на своих постах нелегалов, как, например, из США — И. Ахмерова и Н. Бородина»⁶⁹. Но откуда молодой разведчик Павлов мог знать подлинные причины вывода того или иного сотрудника? В разведке так заведено, что каждый занимается исключительно своим делом и не любопытствует в отношении того, что его не касается. Излишняя любознательность в Службе чревата служебным расследованием.

В то же самое время, в 1933 году, в Центре было принято решение направить в Соединенные Штаты сотрудника для организации работы «легальной» резидентуры по линии научно-технической разведки. На должность резидента был выбран Гайк Бадалович Овакимян*, выпускник престижного Московского высшего технического училища им. Н. Э. Баумана, кандидат химических наук. В 1931 году, после окончания аспирантуры, он был принят на службу во внешнюю разведку и, хорошо владея немецким, английским и итальянским языками, сразу же направлен в командировку в Германию, в которой, как и в Италии, побывал уже раньше — на стажировках, в период учебы в МВТУ. Этот свой первый экзамен разведчик выдержал весьма успешно — он привлек к сотрудничеству четырех источников, от которых поступала ценная научно-техническая

* *Гайк Бадалович Овакимян* (1898—1967) — генерал-майор, доктор химических наук, первый заместитель начальника внешней разведки в 1943—1947 годах.

информация; кстати, один из этих неназванных нами товарищей впоследствии активно участвовал в деятельности знаменитой подпольной антифашистской организации «Красная капелла».

Овакимян же в 1934 году легально прибыл в США, имея две официальные цели своего приезда: во-первых, он являлся работником «Амторга» (организации, о которой мы подробно расскажем в следующей главе); во-вторых, решил стать аспирантом Нью-Йоркского химического института. Об этом были поставлены в известность американцы. Но вот о третьей и, пожалуй, самой главной цели своего визита — работе в качестве «легального» резидента — Гайк Бадалович благоразумно умолчал. Когда же лет через семь американцы о том узнали, это стало весьма неприятным сюрпризом и для них, и для самого Овакимяна. Но о том — в свое время...

А пока мы можем представить вам оценку, данную советскому резиденту противником (американский автор почему-то называет его «человеком с армянским псевдонимом»): «Под его руководством работало множество агентов и субагентов, среди них был Роберт Хаберман, который действовал в Мексике и Соединенных Штатах, Эда Уолланс и Фред Розе, работавшие в Канаде, Аарон Маркович и Адольф Старк, которые изготавливали паспорта, Симон Розенберг, промышленный шпион с 1932-го по 1938 год, Яков Голос, адвокат в департаменте юстиции, поставлявший информацию о документах ФБР, активно работавший в 1937—1938 годах. В целом Овакимян добился более заметных успехов, чем его предшественники»⁷⁰.

Ну и вот еще несколько слов, теперь уже вновь оценки наших историков, про Гайка Овакимяна, с которым придется, а лучше, наверное, сказать — посчастливится — работать герою нашей книги:

«Энергичный и решительный, Овакимян приобрел в США новые многочисленные источники информации. Его целеустремленность и умение убеждать привлекали к нему все новых помощников. Приобретенные Овакимяном источники добывали документальную информацию о технологии переработки сернистой нефти, производстве смазочных масел и авиабензина, синтетического каучука, полиэтилена, о некоторых видах боевых отравляющих веществ, красителях в оборонной промышленности, о новейшем химическом оборудовании, о достижениях радиотехники и о многом другом»⁷¹.

Понятно, что это была работа с целью подготовки к приближающейся войне. Не надо сказок о том, что, мол, «вероломное германское нападение» явилось для нас громом среди ясного неба — к войне готовились, и готовились как только возможно, по всем направлениям. Научно-техническая разведка стремилась заполучить то, чего не могли или не успевали изобрести наши ученые, чего не хотели тем или иным путем уступить или раскрыть нам специалисты других стран — без разницы, как эти страны относились к Советскому Союзу, какие отношения между ними и нами были.

Интерес для разведки (соответственно — для советского руководства) представляли и внешнеэкономические связи заокеанского государства — в особенности их связи с нацистской Германией. В частности, мимо нашей резидентуры вряд ли могла пройти следующая информация: «Американский нефтяной концерн “Стандарт Ойл оф Нью-Джерси” в 1941 году был крупнейшим в мире. Он и финансировавший его банк “Чейз нэшнл” принадлежали Рокфеллерам. Председатель совета директоров концерна Уолтер Тигл и его президент Уильям Фэриш... (Обрываем фразу за ненадобностью, нас интересуют только названные в ней имена. — А. Б.) В 1920-е годы Тигл во всеуслышание восторгался ловкостью Германии, с которой она уклонялась от выполнения тяжелых для нее условий Версальского мира. Этим он снискал признательность и уважение германских финансистов и промышленников, способствовавших созданию и усилению национал-социалистической партии в Германии. Давним другом Тигла был коренастый и угрюмый Герман Шмиц, председатель правления “И. Г. Фарбениндустри”... Тигл также водил дружбу с известным своими пронацистскими симпатиями сэром Генри Детердингом* из руководства корпорации “Роял датч — Шелл”. Оба были убеждены в необходимости упрочить капитализм в Европе и уничтожить коммунистическую Россию»⁷². В общем, изоляционизм на государственном уровне — это одно, а вот личные симпатии и деловые связи никому иметь не возвращается...

Можно понять, что работы у наших разведчиков было «выше крыши», поэтому резидент Овакимян настойчиво просил Москву, то есть Центр, о присылке дополнитель-

* *Генри Вильгельм Август Детердинг* (1866—1939) — голландский предприниматель, крупнейший нефтепромышленник, один из богатейших людей своего времени; активный антикоммунист, спонсор ультраправых политических сил, финансист НСДАП.

ных сотрудников. Более точно даже сказать — специалистов, потому как при их несомненной «преданности делу партии» и отсутствии «темного прошлого» все-таки главным для них были инженерно-техническая подготовка и научные знания в тех или иных областях.

В 1938 году, по просьбе Гайка Бадаловича, в Соединенные Штаты приехали и поступили в аспирантуру Масчусетского технологического института два скромных советских инженера — Ершов и Семенов*, после чего они работали в нью-йоркской резидентуре под прикрытием советского торгового представительства «Амторг». Про Ершова мы, к сожалению, ничего рассказать не можем, а вот имя Семена Марковича Семенова вошло в историю разведки. Во время работы в Штатах на связи у него было 20 агентов, через которых он получал ценнейшие материалы по взрывчатым веществам, радиолокационной технике, реактивной авиации и химии. Он «добыл штамм очищенного пенициллина, что позволило наладить производство этого лекарства у нас в стране»⁷³. К тому же Семенов активно включился в реализацию «проекта “Энормоз”», позволившего советской разведке раскрыть ядерные секреты американцев. Но и «хозяева» были не лыком шиты — активная работа разведчика привлекла внимание ФБР (с 1940 года эта организация выполняла контрразведывательные функции), Семен Маркович был взят под плотное наружное наблюдение, и вскоре Центр принял решение об отзыве разведчика. В 1944 году Семенов возвратился в Советский Союз. К сожалению, он не оставил воспоминаний — в его время отставные разведчики еще только начинали обращаться к мемуарному жанру, а ведь он достаточно долго работал рядом с Лягиным и тем представляет для нас особенный интерес.

...И вот еще один важный для нас момент, о котором мы узнали лишь из воспоминаний (к сожалению, далеко не всегда достоверных, потому как — посмертных, а значит, доступных любым исправлениям, да и надиктованных человеком обиженным, и к тому же несколько десятилетий

* Семен Маркович Семенов (1911—1986) — один из активнейших сотрудников научно-технической разведки военного и послевоенного периода. После работы в США в 1946—1949 годах успешно работал во Франции. В 1952 году уволен из органов безопасности «по национальному признаку», в 1953 году восстановлен, но вскоре опять уволен как «бериевский приспешник»; работал переводчиком технической литературы в издательстве «Прогресс».

спустя после описываемых в них событий) опального генерала Судоплатова. В своей книге «Победа в тайной войне. 1941—1945 годы» Павел Анатольевич писал:

«Советский посол в США Уманский*... в условиях временного свертывания нашей разведывательной работы в Вашингтоне в 1939 году по указанию Москвы он взял на себя выполнение ряда функций главного резидента НКВД в Америке. На должность посла его назначили после успешной работы как корреспондента ТАСС и в отделе печати НКВД... Это был очень способный, эрудированный человек, значение которого прекрасно понимало американское правительство, некоторые представители которого позволяли себе вести с ним неофициальные беседы»⁷⁴.

И далее — почти то же самое, только несколько шире в информационном плане: «Летом 1939 года активизируется деятельность нашей агентуры в США. В новом повороте советской политики сыграл большую роль К. Уманский, который, будучи послом в США, одновременно выполнял там функции главного резидента советской разведки после отъезда в 1938 году работников НКВД и Разведупра Красной Армии. В нашей переписке он значился как «Редактор»»⁷⁵.

Нигде более мы подобной информации не встречали. Хотя советские послы крайне редко исполняли обязанности резидентов (или резиденты — обязанности послов), но такое все-таки случалось. Может, и в данном случае оно было так, а может — и не так (хотя кадровым сотрудником НКВД Уманский в любом случае не являлся). В общем, оставляем всё на совести литзаписчиков или истинных создателей воспоминаний П. А. Судоплатова — но на Константина Александровича мы всяко обратим внимание, потому как в жизни Виктора Лягина он свою роль сыграл. И вообще, посол — это был главный начальник для любого советского гражданина в стране пребывания. Потом, по возвращении, на него могут «писать телеги» или еще

* *Константин Александрович Уманский* (1902—1945) — сотрудник РОСТА (Российское телеграфное агентство) и ТАСС в 1922—1931 годах, с 1928 года возглавлял отделение ТАСС в Париже и Женеве; в 1931—1936 годах — в центральном аппарате НКВД, с 1936 года — в полномочном представительстве СССР в США; в 1938—1941 годах — поверенный в делах, полномочный представитель, чрезвычайный и полномочный посол СССР в США; в 1943—1945 годах — чрезвычайный и полномочный посол СССР в Мексике. Погиб вместе с женой Раисой Михайловной (1903—1945) в авиационной катастрофе при перелете из Мексики в Коста-Рику.

чего — но это уже по приезде, на родной советской земле. А «за бугром» — извините! Там он, как говорится, «и царь, и Бог, и воинский начальник».

Кстати, вот как отзывался о Константине Уманском сотрудник резидентуры, работавший под прикрытием стажера Генерального консульства — известный впоследствии разведчик Герой России Александр Семенович Феклисов (1914 — 2007), имя которого еще не раз встретится в нашем повествовании:

«Уманского справедливо считали человеком незаурядным. Он начал свою служебную деятельность журналистом, блестяще знал несколько иностранных языков. Перед войной нередко выступал в роли переводчика Сталина. Хорошо владел стенографией, печатал на пишущей машинке, был прекрасным оратором, умел четко излагать мысли, не прибегая к каким-либо запискам. Он сам много работал, подготавливая важные документы, и быстро решал вопросы. Будучи уверен в неизбежности войны с фашистской Германией, продолжал встречаться в Вашингтоне с немецким послом и старался выведать у него нужную информацию»⁷⁶.

...Вот такой примерно расклад сил был на «разведывательном поле» к приезду в Соединенные Штаты Америки Виктора Лягина — перед самым началом Второй мировой войны...

* * *

Но, прежде чем рассказывать об этой новой странице его биографии, следует уточнить, что к этому времени и в личной жизни Виктора Лягина, и в самой службе внешней разведки произошли существенные перемены.

Незадолго до командировки, 26 апреля 1939 года, Виктор Александрович Лягин, как официально говорится, сочетался законным браком с Зинаидой Тимофеевной Мурашко, сотрудницей того же самого 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, где он служил, то есть — разведки. К слову, некоторые авторы считают, что это была именно служебная необходимость, чтобы не посылать за рубеж неженатого сотрудника. Возразим! Почему «служебный роман» с последующей свадьбой может случиться где-нибудь в статистическом управлении или в производственном коллективе, а в разведке такого произойти не может? Ведь пара в итоге получилась очень красивая... Хотя ни красота его молодой жены, ни сам факт супружества не уберегли Виктора Ляги-

на от неприятностей, связанных с женщинами. Такой вот был у него характер... Но о том — теперь уже скоро. А пока что расскажем о переменах, произошедших тогда в разведке, точнее — в ее руководстве.

Как известно читателю, с декабря 1938 года 5-м отделом ГУГБ НКВД СССР руководил комиссар госбезопасности 3-го ранга Владимир Георгиевич Деканозов, в полном смысле этого слова — «человек Берии». Под руководством Лаврентия Павловича он сначала трудился в Азербайджанской, Грузинской и Закавказской ЧК, затем — в представительстве ОГПУ по Закавказской СФСР и ГПУ Грузинской ССР. Когда в 1931 году Берия перешел на партийную работу, став первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, Деканозов тут же последовал за ним и, как по ступенькам, прошел через должности секретаря ЦК республиканской компартии, наркома пищевой промышленности, заместителя председателя Совнаркома Грузии и председателя Госплана республики. В ноябре 1938 года Лаврентий Павлович возглавил НКВД СССР и тут же «укрепил» разведку Деканозовым. Две недели спустя Владимир Георгиевич по совместительству возглавил и контрразведку, став также заместителем начальника Главного управления госбезопасности НКВД СССР. При этом начальником ГУГБ был назначен Всеволод Николаевич Меркулов — также «человек Берии».

«Но разведкой Деканозов руководил недолго. Через полгода последовало его очередное карьерное повышение. 4 мая 1939 года наркомом иностранных дел СССР был назначен В. М. Молотов, сменивший на этом посту М. М. Литвинова. Заместителем нового руководителя дипломатического ведомства стал В. Г. Деканозов. С назначением так спешили, что освободили его от должности начальника внешней разведки и других постов в НКВД постфактум только 13 мая»⁷⁷.

Естественный вопрос, на который мы вряд ли когдаждемся ответа, — а почему так было сделано? Те, кто принимал такое решение — И. В. Сталин и Л. П. Берия, — ни перед кем, разумеется, не отчитывались. «Dixi», — как говорили древние римляне. Мол, я сказал, так оно и есть, и никому ничего объяснять не собираюсь!

Мы можем предложить происшедшему два объяснения. Прежде всего, Деканозов по своим личным качествам никак не соответствовал должности начальника разведки, между тем как тогда, перед неизбежным началом войны (повторяем, что в Кремле эту неизбежность прекрасно понимали, не-

смотря на все последующие сказки), особенно необходима была достоверная разведывательная информация.

Кстати, вот какую оценку его работе на посту начальника разведки дает историк: «Деканозов ровно ничего не смыслил ни в разведке, ни в контрразведке, хотя прослужил в органах много лет. Зато изрядно поднаторел в неусыпной борьбе с “врагами народа”»⁷⁸.

Тут бы нам и остановиться, но, к сожалению, у нас очень часто личная преданность превалирует над компетентностью. Так что второй вариант представляется более вероятным — мол, в лице Деканозова Берия подставил своему сопернику Молотову контролера или соглядатая. Известно, что среди ближайших соратников Сталина шла жесточайшая подковерная борьба за «близость к телу» — впрочем, это всегдашний процесс, происходящий «в верхах». Между тем известно, что Вячеслав Михайлович очень не любил НКВД в общем и разведку — в частности и убеждал Кобу*, что работающие за рубежом официальные дипломаты могут получать гораздо более достоверную и в больших объемах информацию, нежели разведчики. Ну как тут не позаботиться о создании надежного «колпака» для наркома? Однако Молотов был не лыком шит и от «контролера» вскоре избавился (безусловно, по договоренности со Сталиным): «В ноябре 1940 года Молотов прибыл в Берлин для ведения переговоров с представителями Германии. Сопровождавший его в поездке Деканозов неожиданно для всех остался в Берлине в качестве полпреда СССР»⁷⁹.

Есть разные оценки дипломатической деятельности Владимира Георгиевича — в особенности его взаимоотношений с «легальной» берлинской резидентурой НКВД, которой с августа 1939 года руководил воистину «нулевой» резидент Амаяк Захарович Кобулов, опять-таки — «человек Берии»... Но тут мы уйдем слишком далеко, а потому оставим в покое и Деканозова, и Кобулова — на данный момент они нам уже совершенно не интересны.

А вот что действительно для нас важно, так это то, что новым начальником разведки был тогда назначен Павел Михайлович Фитин, как мы говорили — друг Лягина. Ему был 31 год, и срок его службы в НКВД, если брать в расчет и полугодовую учебу, составил ровно один год.

* Партийный псевдоним, который Сталин использовал в молодости; по этому имени к нему обращался только узкий круг близких друзей.

Некоторые восприняли этот выбор начальства (начальство — это, разумеется, Лаврентий Павлович, и никто более) как чистую случайность:

«Весной 1939 года Берия собрал всех отозванных из-за кордона и уцелевших от репрессий сотрудников ИНО вместе с теми из молодых, кто еще не имел должностей... Берия вызывал по списку и без каких-либо предварительных обсуждений с кандидатами определял место их будущей работы. Первым шел наш сокурсник по ЦШ НКВД П. М. Фитин. Ему повезло: Берия назначил его начальником ИНО вместо арестованного Пассова. Тут же Фитину были подобраны из слушателей школы возрастом постарше два заместителя — Дубовик и Лягин»⁸⁰.

По прочтении этого абзаца прямо-таки хочется заявить громовым, хорошо поставленным театральным голосом режиссера К. М. Станиславского: «Не верю!!!»

Про допущенные здесь фактические ошибки мы даже и не говорим: после Зельмана Исаевича Пассова, который был арестован 23 октября 1938 года по обвинению «в антисоветской заговорщической деятельности в органах НКВД», обязанности начальника в течение месяца исполнял Судоплатов, которого в начале декабря сменил Деканозов — о нем мы только что подробно рассказали; Фитин же в ту пору не входил в число тех, «кто еще не имел должностей» — к тому времени он уже был заместителем начальника 5-го отдела; Лягин был назначен заместителем Фитина гораздо позже... Да и вообще не совсем понятно — были ли, что мы объясним позднее.

Но сейчас наше сомнение вызывает главное утверждение мемуариста — мол, Фитин вошел первым, а потому ему и повезло, именно его и назначили начальником. Да нет, конечно! Просто Берия прекрасно разбирался в людях и умел (когда хотел) очень точно расставить кадры — так же, кстати, как и Сталин. Ведь именно во времена Иосифа Виссарионовича вышли на ключевые государственные посты такие люди, как А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов, Н. К. Байбаков*,

* *Алексей Николаевич Косыгин* (1904—1980) — председатель СНК РСФСР в 1943—1946 годах, председатель Совета министров СССР в 1964—1980 годах. *Дмитрий Федорович Устинов* (1908—1984) — нарком и министр вооружения СССР в 1941—1953 годах, министр оборонной промышленности в 1953—1957 годах, министр обороны СССР в 1976—1984 годах. *Николай Константинович Байбаков* (1911—2008) — нарком нефтяной промышленности в 1944—1946 годах, председатель Госплана СССР в 1965—1985 годах.

впоследствии десятилетиями определявшие экономическую и иную политику нашей страны. Возможно, ежели бы Сталин и Берия меньше увлекались «своими» людьми и подхалимами — в особенности из числа собственных земляков, но руководствовались в кадровой политике только интересами дела, то им бы удалось создать такую блистательную команду, которая и после их ухода обеспечила бы Советскому Союзу на долгие времена безусловное мировое лидерство. Но, к сожалению, даже великим людям порой присущи простые человеческие слабости.

Рассказывать о многочисленных заслугах П. М. Фитина мы не будем, переадресовав заинтересованного читателя к нашей книге, также вышедшей в легендарной серии «ЖЗЛ», но скажем без всякого сомнения: назначение Павла Михайловича Фитина на должность руководителя 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР является неоспоримой заслугой Лаврентия Павловича и никак не может быть простой случайностью.

...Тем временем наш герой с молодой супругой следовал в Соединенные Штаты Америки. Была вторая половина 1939 года, и до начала очередной мировой войны оставалось немногим более месяца...

Глава шестая

«ДАЛЕКО ОТ ЛЕНИНГРАДА»

Как уже говорилось, разведка не любит открывать свои тайны, предоставляя это увлекательное занятие спецслужбам противника. Ну а если у контрразведки проникнуть в чужие тайны не получается, то успех разведки, как правило, навсегда остается под грифом «Совершенно секретно»...

Поэтому предупреждаем, что о конкретной работе Виктора Лягина в Соединенных Штатах Америки мы не знаем почти ничего. Но это означает, что люди, с которыми он работал на доверительной основе, не имели из-за своего сотрудничества с советской разведкой никаких неприятностей — однако внесли свой вклад, как можно понять, достаточно весомый, в дело подготовки СССР, вскоре ставшего одним из основных союзников США, к отражению неминуемой германской агрессии. Ведь Лягин, работая на американской земле, добывал секреты не парфюмерных фирм, но оборонных предприятий. И если, дай бог, где-то на американском континенте живут сейчас внуки или

правнуки тех людей, которые сотрудничали с Виктором, то им, благодаря своему неведению, также не приходится испытывать каких-либо нравственных мучений. Им не нужно давать оценку поступкам своих предков, пытаясь понять, были ли они виноваты перед своей великой страной, или же наоборот — предвосхитив последующие события, когда СССР и США объединятся в рядах антигитлеровской коалиции, помогали той главной силе, которая в конечном итоге спасла мир от коричневой чумы и остановила японскую агрессию на Дальнем Востоке.

Хотя, конечно, мы имеем возможность кое-что рассказать по этой теме, но пусть вас не смущает обилие цитат в тексте: часто ведь бывает так, что в «открытую печать» попадает один-единственный фрагмент рассекреченного документа или чье-то одно свидетельство, а далее все пишущие тем или иным образом препарируют, трансформируют или пересказывают тот же материал. Да, можно и нам переставлять абзацы, менять слова на синонимы и «доливать воды», подавая это затем как собственный оригинальный текст, но писательский опыт подсказывает, что подготовленный читатель очень быстро понимает, откуда «содран» тот или иной раскавыченный фрагмент. А потому гораздо проще и приятнее подойти к первоисточнику как можно ближе и просто на него сослаться...

Ну а теперь попытаемся по имеющимся фрагментам составить картину — пусть и мозаичную — пребывания советского разведчика Виктора Александровича Лягина в Соединенных Штатах Америки. До нас ведь все равно никто этого не сделал: по вполне понятным причинам, период его длительной заграничной командировки обычно обходился молчанием. Вот, например, что сказано в известной нам книге «Право на бессмертие»: «Много месяцев перед войной Виктор Лягин с женой Зиной находились в служебной командировке»⁸¹.

И всё!

Последующие источники ненамного красноречивее — в очерках «Истории российской внешней разведки» «американскому периоду» жизни Виктора Лягина посвящено три с половиной строки (впрочем, в них входит и предыстория направления на эту работу): «Уже через год Лягин расценивается как опытный работник и в июле 1939 года направляется в долгосрочную командировку в США. После двух лет напряженной работы в резидентуре, перед самой войной, Виктор Александрович возвратился в Москву»⁸².

Всё остальное — что в первом варианте, что во втором — читатель может спокойно себе домысливать...

Ну а мы сейчас можем приоткрыть первую тайну: в служебную командировку в Соединенные Штаты Америки Виктор Лягин был направлен в качестве заместителя резидента по научно-технической разведке НКВД в Сан-Франциско.

Рассказывая об этом периоде жизни нашего героя, мы ничего не собираемся придумывать, а вот кое-что реконструировать все-таки придется. Начнем с самого начала — с дороги «туда». Как известно, в ту пору, когда еще нельзя было приехать в аэропорт Домодедово и через 16 часов 35 минут оказаться в аэропорту города Сан-Франциско, до Соединенных Штатов приходилось добираться двумя основными путями: либо через Европу и Атлантику, либо, проехав на поезде через весь СССР, идти на пароходе через Тихий океан. Этот второй путь приводит прямо в Сан-Франциско, но вот только советские пассажирские пароходы туда не ходили, да и плыть нужно было мимо весьма враждебной Японии (в июле—августе 1938 года советские и японские войска дрались у озера Хасан, а с мая 1939 года бои шли на реке Халхин-Гол).

В своей книге воспоминаний «За океаном и на острове»* Александр Феклисов описал, как в начале 1941 года он ровно 40 суток — с недельной остановкой в Японии, где контрразведка проявляла к каждому советскому гражданину огромный интерес, — добирался от Москвы до Нью-Йорка. Завершая рассказ об этом весьма и весьма утомительном путешествии, Александр Семенович вспоминал, что к концу его он «уже почти перестал смотреть по сторонам и удивляться увиденному». Это ж как надо было допечь советского человека, в первый раз выехавшего «за бугор»!

Так что, пока не разгорелась Вторая мировая война, до начала которой оставалось совсем мало времени, инженер Корнев (под этой фамилией Виктору Лягину отныне суждено было жить и умереть) с супругой явно выезжал через Европу. Каким именно маршрутом? На этот вопрос разведки отвечать не очень любят. Известно, что они шли через Атлантический океан пароходом. Можно даже приблизительно предположить, как:

«За другим столиком два человека играли в шахматы, поминутно поправляя съезжающие с доски фигуры. Еще

* Феклисов А. С. За океаном и на острове. М., 1994.

двое, упершись ладонями в подбородки, следили за игрой. Ну кто еще, кроме советских людей, станет в штормовую погоду разыгрывать отказанный ферзевой гамбит! Так оно и было. Симпатичные Ботвинники оказались советскими инженерами»⁸³.

Ну что ж, в шахматы Лягин играть умел и любил, так что вполне возможно...

А сценку эту описали в своей знаменитой тогда «Одноэтажной Америке» известнейшие советские писатели Илья Ильф и Евгений Петров, подарившие нам «великого комбинатора» Остапа Бендера. В США они ездили несколько раньше, нежели наш герой, и нет никакого сомнения, что Виктор — как мы знаем, любитель литературы — проштудировал их сочинение про страну своего будущего пребывания. Прежде всего, книга прекрасная, а потом — ну где еще найдешь подобную эксклюзивную, говоря современным языком, информацию о повседневной американской жизни?

Вот так они и шли (нет смысла описывать красоты путешествия, которых мы не видели и к тому же не знаем, насколько их видел наш герой, который вполне мог просидеть весь рейс в каюте, изучая какие-то документы и материалы, и даже не выходил играть в любимые им шахматы), пока впереди не показался огромный город — конечная цель путешествия.

«Над океаном и землю висел туман, густо смешанный с дымом, мелкий дождь лениво падал на темные здания города и мутную воду рейда. <...> Массивная фигура бронзовой женщины покрыта с ног до головы зеленой окисью. Холодное лицо слепо смотрит сквозь туман в пустыню океана, точно бронза ждет солнца, чтобы оно оживило ее мертвые глаза. Под ногами Свободы — мало земли, она кажется поднявшейся из океана, пьедестал ее — как застывшие волны. Ее рука, высоко поднятая над океаном и мачтами судов, придает позе гордое величие и красоту. Кажется — вот факел в крепко сжатых пальцах ярко вспыхнет, разгонит серый дым и щедро обольет всё кругом горячим, радостным светом.

А кругом ничтожного куска земли, на котором она стоит, скользят по воде океана, как допотопные чудовища, огромные железные суда, мелькают, точно голодные хищники, маленькие катера. Ревут сирены, подобно голосам сказочных гигантов, раздаются сердитые свистки, гремят цепи якорей, сурово плещут волны океана.

Все вокруг бежит, стремится, вздрагивает напряженно. Винты и колеса пароходов торопливо бьют воду — она покрыта желтой пеной, изрезана морщинами. <...> Медленно ползет судно среди толпы других судов... Люди стоят у борта и безмолвно смотрят в туман.

А в нем рождается, растет нечто непостижимо огромное, полное гулкого ропота, оно дышит навстречу людям тяжелым, пахучим дыханием, и в шуме его слышно что-то грозное, жадное.

Это — город, это — Нью-Йорк»⁸⁴.

Таким, несколько ранее, увидел Нью-Йорк Максим Горький. То, что Виктор читал эти строки, и не раз, мы можем гарантировать. А вот — другая «картинка» встречи с Нью-Йорком, запечатленная сдвоенным талантом Ильфа и Петрова:

«На пятый день пути палубы парохода покрылись чемоданами и сундуками, выгруженными из кают. Пассажиры перешли на правый борт и, придерживая руками шляпы, жадно всматривались в горизонт. Берега еще не было видно, а нью-йоркские небоскребы уже подымались прямо из воды, как спокойные столбы дыма. Это поразительный контраст — после пустоты океана вдруг сразу самый большой город в мире. В солнечном дыму смутно блестели стальные грани стадвухэтажного “Импайр Стейтс Билдинг”... Слева по борту обозначалась небольшая зеленая статуя Свободы. Потом она почему-то оказалась справа. Нас поворачивали, и город поворачивался вокруг нас, показываясь нам то одной, то другой стороной. Наконец, он стал на свое место, невозможно большой, гремящий, еще совсем непонятный»⁸⁵.

Ладно, добавим еще одно из первых впечатлений об американской земле, полученное как Ильей Ильфом и Евгением Петровым, так и, мы уверены, Виктором Лягиным — и на том разведем их пути, потому как они действительно на определенное время расходятся, чтобы вновь потом сойтись в городе Сан-Франциско.

Итак, как написали знаменитые юмористы, таможенный чиновник «был спокойный и неторопливый человек. Его нисколько не волновало то, что мы пересекли океан, чтобы показать ему свои чемоданы. Он вежливо коснулся пальцами верхнего слоя вещей и больше не стал смотреть. Затем он высунул свой язык, самый обыкновенный, мокрый, ничем технически не оснащенный язык, смочил им большие ярлыки и наклеил их на наши чемоданы»⁸⁶.

А далее, как понимаем, по выходе из таможни Виктора и Зинаиду встретил кто-то из сотрудников нью-йоркской резидентуры — вполне возможно, что это был Семен Семенов, потому как Лягин (он же — Корнев), как и он, прибыл в Штаты в качестве инженера «Амторга». Стоит уточнить, что же это за организация. Полное ее название звучит на английском языке как «Amtorg Trading Corporation» — «Торговая корпорация “Амторг”». Она была основана в 1924 году как смешанное советско-американское акционерное экспортно-импортное общество и на долгие годы стала ведущей организацией, осуществлявшей торговлю между двумя странами. Торговый оборот «Амторга» изначально составлял десятки миллионов долларов, но были годы, когда исчисление осуществлялось в сотнях миллионов.

Вообще, американские власти проводили тогда сугубо деловую политику: не имея с СССР ни политических, ни торгово-экономических официальных отношений, они никоим образом не препятствовали частному бизнесу действовать в собственных его интересах и развивать отношения с непризнанной Советской страной.

Формально компания считалась частным акционерным обществом, хотя акционеры обеих сторон были весьма различны: с американской стороны, в частности, это были отец и сын Джулиус и Арманд Хаммеры, кстати говоря, выходцы из России, с советской стороны — такие солидные организации, как Внешторгбанк, Центросоюз и пр. Кстати, с 1924 года и по 1933-й, когда, наконец-то, между США и СССР были установлены дипломатические отношения, именно «Амторг», кроме своих весьма масштабных торговых задач, выполнял также функции посольства и торгпредства, а также был главным источником для получения экономической и иной информации по Соединенным Штатам. В Москве находилось генеральное представительство «Амторга» — «Совамторг». Хотя большинство сотрудников «Амторга» являлись американскими гражданами, в его штаб-квартиру в Нью-Йорке постоянно приезжали из Советской России различные эксперты, консультанты, стажеры, руководители и представители многочисленных наркоматов, главков, трестов и иных ведомств. В иные годы количество таких «гостей» доходило до двух тысяч...

Нет, очевидно, смысла объяснять, что, являясь как бы посольством, «Амторг» выполнял не только чисто дипломатические и внешнеторговые функции. Компания «действительно вела довольно активную торговлю, но в то же

время служила хорошим прикрытием для нелегальной деятельности. <...> Как и другие родственные компании, “Амторг” был настоящим предприятием, а не просто прикрытием, его торговые операции стали источником его силы и влияния... Тот факт, что “Амторг” был и в самом деле прибыльным торговым предприятием, делал его вдвойне ценным в качестве прикрытия для операций советской разведки, потому что шпионские связи “Амторга”, если бы их раскрыли, составляли ничтожную долю по сравнению с его крупными делами в области экономики»⁸⁷. Историки считают, что под прикрытием этой корпорации работало не менее семнадцати сотрудников внешней разведки и порядка четырнадцати их «соседей» из военной разведки.

Очевидно, что в Нью-Йорке Виктор был отвезен в офис на Мэдисон-авеню, представлен «амторговскому» и чекистскому начальству — но вот кому именно, мы не знаем, так же как неизвестно и то, когда и как он после этого отправился к своему новому месту службы, в город Сан-Франциско. Явно по-американски — на автомобиле, но не тем, конечно, извилистым и живописным маршрутом, как добирались до тихоокеанского побережья остроумные авторы «Одноэтажной Америки», а напрямую, кратчайшим путем. Но так как наш герой, насколько мы знаем, воспоминаний не оставил, придется вновь обращаться к мастерам «Двенадцати стульев» и родителям «Золотого теленка». Вот что пишут Ильф с Петровым:

«Отсюда уже хорошо был виден Сан-Франциско, подымавшийся из воды, как маленький Нью-Йорк. Но он казался приятней Нью-Йорка. Веселый, белый город, спускавшийся к заливу амфитеатром»⁸⁸.

Ну, с этой точки, с воды, Виктор Лягин мог увидеть город когда-нибудь в другой раз — во время прогулок, например. А пока — характеристика Сан-Франциско, под которой и наш герой, думается, и сам с удовольствием бы подписался:

«Это самый красивый город в Соединенных Штатах Америки. Вероятно, потому, что нисколько Америку не напоминает. Большинство его улиц поднимаются с горы на гору. Автомобильная поездка по Сан-Франциско похожа на аттракцион “американские горы” и доставляет пассажиру много сильных ощущений. Тем не менее, в центре города есть кусок, который напоминает ровнейший в мире Ленинград, с его площадями и широкими проспектами. Все остальные части Сан-Франциско — это чудесная примор-

ская смесь Неаполя и Шанхая. Сходство с Неаполем мы можем удостоверять лично. Сходство с Шанхаем находят китайцы, которых в Сан-Франциско множество...

На наш иностранный взгляд, Сан-Франциско больше похож на европейский город, чем на американский. Здесь, как и везде в Соединенных Штатах, непомерное богатство и непомерная нищета стоят рядышком, плечо к плечу, так что безукоризненный смокинг богача касается грязной блузы безработного каменщика. Но богатство здесь хотя бы не так удручающе однообразно и скучно, а нищета хотя бы живописна.

Сан-Франциско — из тех городов, которые начинают нравиться с первой же минуты и с каждым новым днем нравятся все больше»⁸⁹.

Ну а теперь о том, чего не знали ни Ильф, ни Петров, потому как им этого знать было не положено...

По утверждению Павла Анатольевича Судоплатова, прямым и непосредственным начальником Виктора Лягина был «легальный» резидент в Сан-Франциско Григорий Маркович Хейфец (1899—1984), официально исполнявший в то время должность консула. Генерал так рассказывает о незаурядной оперативной биографии Хейфеца:

«Он организовал нелегальные группы в Германии и в Италии в середине 30-х годов, выступая в роли индийского студента, обучающегося в Европе. На самом деле Хейфец был евреем, но из-за своей смуглой кожи выглядел как настоящий эмигрант из Азии, несмотря на голубые глаза...

Находясь до этого в Италии, Хейфец познакомился с молодым Бруно Понтекорво*, тогда студентом, учившимся в Риме. Хейфец рекомендовал Понтекорво связаться с Фредериком Жолио-Кюри, выдающимся французским физиком, близким к руководству компартии Франции. В дальнейшем именно Понтекорво стал тем каналом, через который к нам поступали американские атомные секреты от Энрико Ферми...»⁹⁰

Все здесь хорошо и понятно, однако у нас возникает определенная трудность: в каких-либо официальных источниках, «завязанных» на Службу внешней разведки Рос-

* *Бруно Максимович Понтекорво* (1913—1993) — итальянский и советский физик, академик АН СССР, лауреат Ленинской и Сталинской премий. В 1950 году бежал в СССР, где работал над ядерными исследованиями до конца жизни.

сии, фамилия Г. М. Хейфеца не встречается. Что неудивительно — не может же разведка откровенно рассказывать обо всех своих сотрудниках, даже выдающихся, тем более что таких там тоже было и есть немало... Имеющиеся же «неофициальные» биографии утверждают, что Хейфец, резидент в Италии, был в 1938 году отозван в Москву, переведен из разведки на службу в ГУЛАГ и получил направление в Воркуту, от которого отказался по состоянию здоровья. В НКВД к резиденту, не пожелавшему менять Апеннины на приполярный Урал, отнеслись с пониманием — и он не только был безболезненно уволен со службы, но и определен на работу во Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, заместителем председателя, на каковой должности благополучно пребывал до октября 1941 года, когда он, получив оперативный псевдоним «Харон», был отправлен резидентом в Сан-Франциско...

Эта версия вызывает сомнения — особенно когда вспомнишь о трагических судьбах резидентов Базарова, Гутцайта, да и того же недолгого начальника разведки Пассова. А тут товарищ заявил: «Мне, мол, климат Воркуты после Рима не подходит — холодновато там будет, да и ветрено» — ну и всё, и никаких вопросов!

Поэтому тот вариант, что предложил Судоплатов, представляется все-таки более реальным, хотя и не имеет документального подтверждения:

«Хейфецу повезло: в 30-х годах он не был репрессирован. Его отозвали в Москву, и хотя в ноябре 1938 года Ежов дал указание об его аресте, оно не было выполнено. Вскоре Хейфеца направили в Соединенные Штаты, на Западное побережье, для активизации разведывательной работы.

Перед Хейфецем была поставлена задача установления прочных связей с агентурой “глубокого оседания”, созданной Эйтингеном для использования в случае войны между Советским Союзом и Японией. Первоначальный план заключался в том, чтобы создать сеть нелегалов в американских портах по примеру Скандинавии для уничтожения судов со стратегическим сырьем и топливом для Японии. Не зная о японских намерениях атаковать Юго-Восточную Азию или Перл-Харбор, мы предполагали, что они сначала начнут военные действия против нас»⁹¹.

В данном случае Судоплатов пишет о том, что хорошо знает, — именно он руководил в НКВД диверсионной работой, так что в данном случае (случаи-то всякие бывают!) доверять ему можно.

Кстати, если возвратиться к продолжению растиражированной (но неофициальной!) биографии Григория Хейфеца, то и здесь некоторые моменты вызывают, мягко говоря, удивление. Утверждается, что в июле 1944 года он возвратился из командировки в Сан-Франциско, поработал в Центре, в 1947 году был почему-то из НКВД уволен и назначен заместителем ответственного секретаря и членом президиума Еврейского антифашистского комитета. Ну, здесь-то все понятно и допустимо, так же как и то, что в ноябре 1951 года Григорий Маркович был арестован по делу этого самого комитета и осужден на 25 лет. Однако в октябре 1952 года дело Хейфеца пересмотрели и добавили «терроризм и участие в заговоре в органах МГБ». А потом, 2 февраля 1953 года, почему-то следователь, а никто иной, объявил Григорию Марковичу, что он приговорен к расстрелу, — но расстреливать его не стали, а в конце года он вообще был оправдан вчистую и преспокойно прожил себе еще 30 лет...

Ладно, всё же будем считать, что с вероятным начальником Лягина мы познакомились. Теперь поговорим о том, чем же занимался сам Виктор на западном побережье Соединенных Штатов Америки. Известно об этом немного, но все-таки: «Руководил сбором информации по американским военно-морским судостроительным программам и по технологическим новинкам на предприятиях Западного побережья США. Через завербованную им агентуру Центр получил технические данные и описание устройств для защиты судов от магнитных мин, информацию о планах США по строительству авианосцев, другие ценные разведывательные материалы»⁹².

О работе Виктора в том же направлении писал и генерал Судоплатов:

«Помощнику Хейфеца в консульстве Сан-Франциско Лягину, инженеру, выпускнику Ленинградского судостроительного института, было дано специальное задание получить данные о технологических новинках на предприятиях Западного побережья. Основная задача, поставленная перед ним, — сбор материалов по американским военно-морским судостроительным программам. Я помню одно из его донесений. В нем говорилось о большом интересе, который проявляется американцами к программе строительства авианосцев. Лягину также удалось завербовать агента в Сан-Франциско, давшего нам описание устройств, разрабатывавшихся для защиты судов от магнитных мин»⁹³.

Обратим внимание на следующие моменты. Павел Анатольевич уверенно связывает имена Лягина и Хейфеца, тем самым еще раз подтверждая, что Хейфец в 1939 году находился в Соединенных Штатах. Зато самого Лягина он превращает в выпускника питерской «Корабелки» — как помним, Ленинградский кораблестроительный институт был создан в 1930 году на базе одноименного факультета Политехнического института (сейчас это Санкт-Петербургский государственный морской технический университет). Ну что ж, значит, в стенах Политеха Лягин получил такую разностороннюю и глубокую подготовку, что вполне мог сойти за инженера-кораблестроителя — причем, как покажет время, не только в глазах своих благожелательных начальников. Еще раз — низкий поклон Политехническому институту!

Однако обратимся к конкретным результатам оперативной работы Виктора Лягина.

Без всякого сомнения, из всего перечисленного выше важнейшим являлся вопрос защиты судов от магнитных мин — принципиально нового оружия, появившегося в 1920—1930-х годах. Впрочем, авианосцы это тоже было новое и перспективное оружие: хотя их боевое применение началось в Первой мировой войне, но должной и объективной оценки они тогда еще не получили, зато во Вторую мировую войну именно авианосцы станут главной ударной силой флотов США, Японии и Великобритании. Но планы строительства авианосцев — это перспектива долгих лет, информация эта была нам нужна фактически для общего сведения, тогда как защита кораблей от магнитных мин представлялась насущной необходимостью сегодняшнего дня.

Кстати, насколько грозным и эффективным оружием считались в то время морские мины, можно судить хотя бы по следующим данным: «В 1-ю мировую войну всего было установлено около 310 тысяч морских мин, на которых погибло около 400 кораблей (в том числе 9 линкоров, 10 крейсеров, 106 миноносцев, 58 подводных лодок) и около 600 торговых судов всех воевавших государств»⁹⁴. Получалось порядка трехсот мин на корабль или судно. Для сравнения: в Первую мировую войну, в 1915—1916 годах, на то, чтобы сбить один самолет, тратилось порядка 11 тысяч снарядов зенитной артиллерии. В 1918 году — «всего лишь» две тысячи, что, понятно, тоже немало. Но какова разница в количестве мин и снарядов, насколько мина получается эффективнее!

Конечно, «всякое сравнение хромает», артиллерийский снаряд стоит гораздо дешевле морской мины, но ведь и тот же миноносец (типа «Новик», например), с экипажем в 142 человека, вооруженный четырьмя орудиями, четырьмя пулеметами и четырьмя, опять-таки, двухтрубными торпедными аппаратами, ни в какое сравнение не шел с каким-нибудь фанерно-тканевым «Ньюпором» или «Фарманом». (Уточним, кстати, что этот самый легендарный эскадренный миноносец «Новик», переименованный большевиками в «Якова Свердлова», погиб, подорвавшись на немецкой морской мине 28 августа 1941 года, при переходе из Таллина в Кронштадт.)

Однако не будем углубляться в историю минной войны на море — гораздо важнее сказать, что появление магнитных мин в корне изменило характер этой войны. Изначально мины устанавливались кораблями-заградителями, которые создавали минные поля, минные балки и пр., превращая море, как говорили моряки, в «суп с клецками» — эти районы установки мин нужно было либо обходить, либо тралить, то есть разминировать при помощи кораблей-тральщиков. Магнитные же мины по способу установки были «корабельными», «лодочными» и «авиационными» — то есть установленными с надводных кораблей, сброшенными с самолетов или (это было уже в конце Второй мировой войны) выпущенными из торпедных аппаратов идущих в подводном положении субмарин. Теперь уже по большому счету не надо было никакого «супа с клецками»: сброшенная, допустим, с самолета мина ложилась на дно на установленном разведкой фарватере, которым должна будет пройти эскадра — и тральщик уже не мог ее подцепить... Зато при появлении больших боевых кораблей срабатывал взрыватель этой самой мины. Хотя, конечно, минные поля в море все равно продолжали ставить — в конце концов, снять их было не так-то и легко... Новые образцы оружия обычно не отменяют, но дополняют уже имеющиеся.

Естественно, нашей разведке необходимо было знать, что делают передовые страны для защиты своих кораблей и судов от магнитных мин потенциального противника — гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Про Страну восходящего солнца, имевшую достаточный опыт минной войны на море, забывать не нужно — достаточно сказать, что именно подрыв на японских минах российского броненосца «Петропавловск» 31 марта 1904 года, на котором погиб адмирал С. О. Макаров, во многом опреде-

лил проигрыш Россией войны с Японией. (Роль личности в истории пока еще никто не отменял.)

Что точно выяснил по этому вопросу и передал в Центр Виктор Лягин, мы, разумеется, никогда не узнаем — конкретная информация может позволить выйти на источник ее получения, но нет сомнения, что им были приобретены ценные данные, которые принесли немалую пользу. Однако из вышесказанного можно понять, насколько широк был круг вопросов, в которых он разбирался достаточно хорошо. В противном случае Виктор не мог бы ни выйти на интересующего Москву специалиста, ни поддерживать с ним разговор. А главное, ему нельзя было бы объективно оценивать качество получаемого от агентов материала, так что, вполне возможно, приходилось бы платить изрядные деньги за малоценную информацию, не представляющую реального интереса. Но нет, в Центр из сан-францисской резидентуры поступала весьма ценная, по-настоящему интересная информация.

И вот еще такой этический вопрос: агент должен уважать своего руководителя. Сотрудник для агента* — это совсем не то, что назначенный «сверху» начальник для наемного работника. Там-то обычно, хочешь не хочешь, а терпи любого дурака, но вот если агент не уважает сотрудника разведки, то и работать с ним не станет — ведь эта работа бывает чревата потерей не только свободы, но и самой жизни. А с неумным, бестолковым и т. д. руководителем подобный риск возрастает многократно... За что же уважали Виктора Лягина его помощники? Безусловно, за известные нам уже положительные личные качества, но все-таки, думается, в первую очередь — за прекрасную профессиональную подготовку и высокий уровень знаний. Ведь их общение вряд ли выходило за рамки «профессиональных» вопросов — конспиративная встреча сотрудника с агентом является весьма опасным мероприятием и здорово щекочет нервы обоим. Тут уж не до разговоров на отвлеченные темы: передал материалы, получил (если это обусловлено) гонорар и новое задание — и *good-bye*, пока не прихватили... И в этих материалах, можно понять, Лягин прекрасно разбирался.

* Распространеннейшая, кстати, ошибка, когда сотрудников наших спецслужб именуют «агентами» — у нас, в отличие от США, агентами называются добровольные помощники, а те, кто трудится в штате, считаются, повторим, сотрудниками службы.

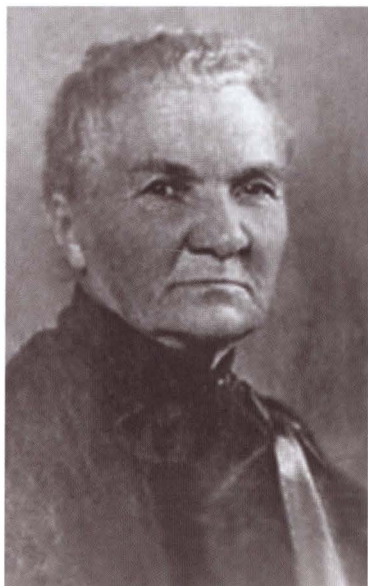

1914

Отец героя – Александр Ильич Лягин

Мать Мария Александровна

Сестра Виктора Анна Александровна

Ленинград, улица
Пестеля, 7 — в этом
доме жил Виктор
Лягин

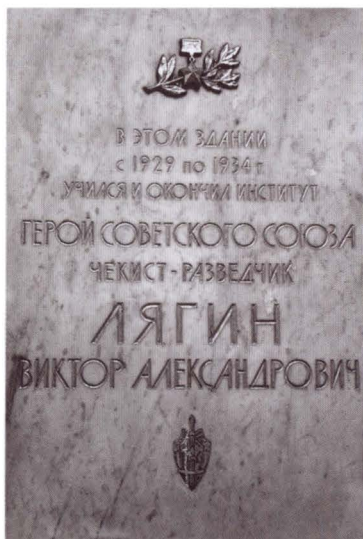
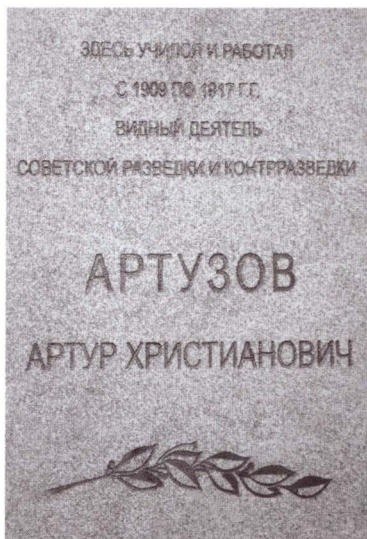

Виктор Лягин.
1929 г.

Ленинградский индустриальный институт (ныне Политехнический университет) в 1930-е годы

Мемориальные доски в память о легендарных разведчиках
А. Х. Артузове и В. А. Лягине, выпускниках Политеха, установленные
в главном корпусе университета

Студент Виктор
Лягин (стоит
крайний слева)
с товарищами

Создатель
легендарного танка
Т-34 Михаил Кошкин,
однокурсник Лягина

Виктор Лягин — инженер

Ольга Афонина, первая жена Лягина

В семейном кругу

Муж, жена
и дочка Таточка

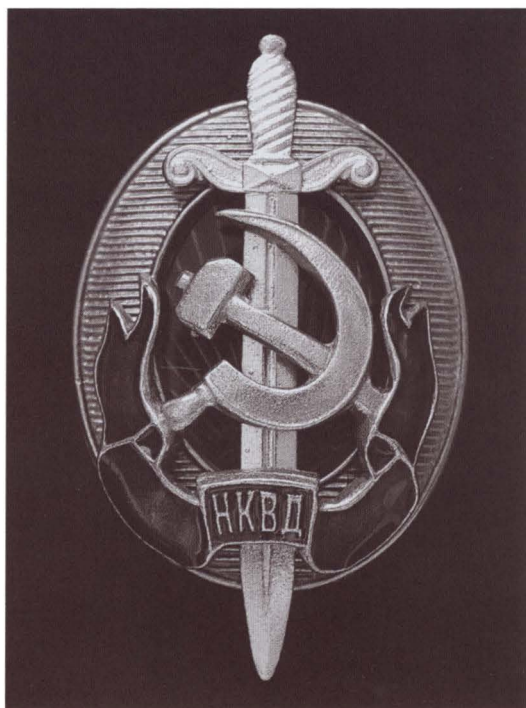

Слав на плоту

Управление НКВД
по Ленинграду
и Ленинградской
области –
знаменитый
«Большой дом»
на Литейном

Знак сотрудника
НКВД

Лаврентий Берия,
нарком внутренних дел СССР
в 1938—1945 годах

Павел Фитин, руководитель
внешней разведки НКВД
в 1939—1946 годах

Виктор Лягин (второй справа) с сослуживцами на лыжной прогулке

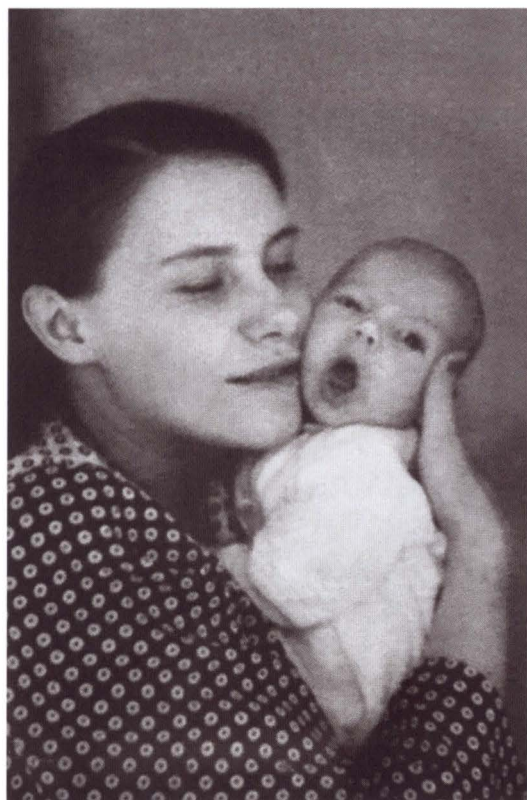
Справа налево:
сотрудники
советского
посольства в США
Виктор Лягин,
посол Константин
Уманский,
его супруга Раиса,
резидент внешней
разведки Павел
Пастельняк

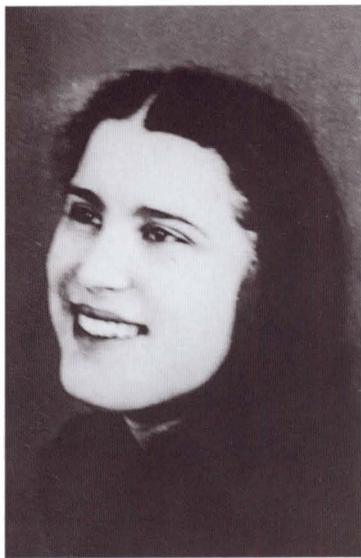
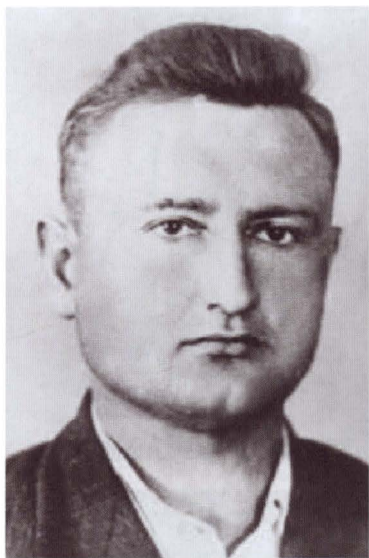
На берегу
Атлантики

«Красивая жизнь» —
прикрытие серьезной
работы

Жена Зинаида
с маленьким
Виктором
Викторовичем

Александр
Сидорчук

Магдалина Дукарт

Григорий
Гавриленко

Взрыв и пожар на Ингульском аэродроме. 10 марта 1942 г.

Дом 5
по Черноморской
улице в Николаеве,
где проживал
Виктор Лягин.
Сейчас здесь
находится музей
«Подпольно-
партизанское
движение
на Николаевщине»,
а улица названа
именем Лягина

Мемориальная
доска на доме

Памятник Виктору Лягину в Николаеве

Грамота Президиума Верховного Совета СССР
о присвоении В. А. Лягину звания Героя Советского Союза

Последнее мирное фото Виктора Лягина с женой и дочерью

Только не надо думать, что советские ученые и специалисты лишь тем и были в то время заняты, что с нетерпением ожидали: чего же еще новенького раздобудет для нас разведка? Разумеется, нет, они усердно работали сами, но, думается, что и помощь, получаемая ими от товарищей из НКВД и военной разведки, лишней не была. (К тому же большинство ученых ни сном ни духом не ведали, откуда поступает конкретная информация — все подавалось как достижение кого-то из коллег.) Вернемся, однако, к проблемам минной войны и защиты боевых кораблей от магнитных мин.

«В СССР работы в данном направлении начались в 1936 году, когда, с началом проектирования новых крупных боевых кораблей, командование ВМФ озадачило наркоматы тяжелой и оборонной промышленности необходимостью обеспечить эти корабли защитой от неконтактного минно-торпедного оружия... Созданный постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 декабря 1937 года Наркомат военно-морского флота инициировал форсирование этих работ. В апреле 1940 года совместным приказом НК ВМФ и Наркомата судостроительной промышленности был утвержден план работ по развитию метода размагничивания кораблей на 1940 год. 23 сентября того же года приказом наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова была создана Государственная комиссия для проведения заводских и войсковых испытаний размагничивающего устройства для защиты от магнитных мин»⁹⁵.

Как видим, важнейшим этим вопросом занимались народные комиссариаты военно-морского флота, судостроительной промышленности, тяжелой промышленности, оборонной промышленности... А какие люди были привлечены к решению поставленной задачи!

«В апреле 1941 года на заседании Военного совета <Балтийского> флота рассматривался вопрос о средствах борьбы с новыми магнитными минами. Исследовательские работы по “размагничиванию” кораблей вел Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ), где над темой трудились молодые ученые — Анатолий Александров и будущий “отец” советской атомной бомбы Игорь Курчатов. С докладом об итогах исследований Александрова пригласили на Военный совет флота»⁹⁶.

Пять наркоматов, ученые с мировым именем — и «оставшийся за кадром» никому не известный сотрудник внешней разведки в капитанском звании... Но знать бы, какова доля

успеха — если брать в процентном отношении — принадлежит в решении этой важнейшей задачи Виктору Александровичу Лягину?

* * *

А где-то далеко был дом... Пожалуй, не в Москве, где Виктор прожил не больше года, причем первая половина этого времени пришлась на учебу в Центральной школе НКВД и жизнь в общежитии, а вторая половина несколько раз прерывалась краткосрочными командировками. Незадолго до отъезда в Америку он получил квартиру в районе Сокольников, это тогда была еще окраина столицы, но туда уже было проложено метро — самая первая в Москве Сокольническая линия... Однако в квартире этой сейчас никого не было, это были просто необжитые и даже еще не отремонтированные как следует стены — какой уж там родной дом, можно ли скучать по пустой коробке? Настоящий дом Виктора Лягина все-таки оставался в Ленинграде, на улице, носившей имя сурового декабриста Павла Пестеля, и до этого дома было почти девять тысяч километров... И как, наверное, ему хотелось войти в ту самую квартиру и сказать: «Я дома!»

Проезжая по холмам Сан-Франциско, Виктор, очевидно, не раз вспоминал милые сердцу ленинградские места: вычурные линии старинной церкви Святого Пантелеймона, которую видел всякий раз, выходя из своей парадной, черную неподвижную воду Фонтанки, стоявшую между двумя гранитными набережными, лимонно-желтые листья кленов в Летнем саду. Как же всё это теперь далеко! И там же, в прекрасном том далеке (Николай Васильевич Гоголь когда-то, будучи в Италии, писал: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу...» — а на самом-то деле «прекрасное далеко» это как раз и есть она, далекая Россия), именно там оставались самые родные люди — мама, сестра Анна, дочка Таточка... Их связывала только переписка, и, судя по всему, они даже точно не знали, где находится их родной человек, что здорово затрудняло общение, потому как писать приходилось куда-то в неизвестность, в пустоту, что далеко не всем нравится... А может, это есть некое самооправдание, позволяющее не браться за перо — «скажи, что я писать ленив»... Писать письма — это ведь совсем не то, что набить эсэмэску или связаться по мейлу. Утраченная ныне

эпистолярная культура требовала большой душевной работы, сосредоточенности, откровенности, нужно было и выбрать подходящее время, чтобы спокойно заняться письмом. Не так-то просто было излагать на бумаге свои сокровенные мысли и чувства — между тем письма, написанные от руки и отправленные в конвертах, обычно ими и были наполнены...

В семье Виктора Александровича нам передали копии писем, пришедших из Соединенных Штатов. Писем сохранилось немного — не будем забывать, что со дней их написания прошло более семидесяти лет, что многое погибло во время войны, блокады, эвакуации. Зато личные эти послания теперь уже превратились в исторические документы — тем более что ни их отправителя, ни их получателей давно уже нет на свете.

Часть из этих писем уже опубликована в книге «Право на бессмертие» и в газетах, но есть и такие, что остались обойдены вниманием писателей и журналистов. Почему? Пожалуй, читатель догадается сам.

Вот, например, письмо, написанное, как мы понимаем, в канун наступающего 1940 года — 14 декабря 1939-го. К сожалению, не на всех письмах есть даты — к тому же и не везде даже указан год, нередко Виктор ограничивался числом и месяцем. Чему удивляться? Это же писалось для родных, которые сами всё поймут. Но, как оказалось, — писалось для истории.

Итак, одно из сохранившихся и ранее не публиковавшихся писем:

«С новым годом! С новым счастьем! С новыми надеждами!

Здравствуйте, дорогие!

Хотя я имею больше права назвать <вас> другим именем. Как это понять — до сих пор я от Вас не имею ни одного письма?! Аня уже приготовила тысячу причин объяснить, почему это произошло и, конечно, во всем виноват Максим Борисович (очевидно, имеется в виду московский «куратор», который помогал находившимся в Ленинграде родственникам разведчика. — А. Б.), не пытайся, он абсолютно ни в чем не виноват, а виновата уважаемая Анна Александровна. Ты звонила к Максиму? — Да! Он тебя предупредил? Да! Следовательно, надо было отправить. Отправить независимо от того, когда письмо уйдет от него, ни тебя, ни кого другого это не касается — не ваше дело! Он делает преступление, если сообщает о сроках. Предположите,

что я в М<оскве>. Захотели написать — сели и написали, а что дальше, вас не касается. Запомните это, и делайте, как я говорю. Хорошо, что еще Соня написала мне несколько строк, и я знаю, как обстоит дело с тем, что меня страшно беспокоило. Во-первых, Таточкина успеваемость, во-вторых, ваше здоровье, в-третьих, комнатный вопрос. Татку поздравляю, крепко, крепко целую и желаю (требую), чтобы она и впредь продолжала так же заниматься. Аню за Таточкину успеваемость благодарю. При соответствующих обстоятельствах проявлю свою благодарность в более активной форме. Рад за ваше благополучное здоровье. Хотя в душе таится мысль, что Соня не все написала. Здорова ли мама? Как она себя чувствует? Дорогая мамочка, благодарю тебя за хлопоты о Таточке. Независимо от того, как вы разместились, часть забот о Таточке принадлежит тебе, и никто не вправе тебя их лишать.

Искренне доволен, что наконец-таки вы получили возможность жить по-человечески...»

Ну и достаточно! Всё письмо — это сугубо личные моменты. Виктор раскрывается здесь как любящий сын, заботливый отец и вообще — замечательный семьянин, который сильно тоскует по своим близким... А то, что, очевидно, за полгода он не получил от них ни одного письма — ну, это, как говорил известный персонаж, «дело житейское», мы уже объясняли, что сесть за написание письма порой было не так-то и просто. И вообще, не стоит оценивать те далекие события с позиции нашего знания. Это же нам сегодня столько известно про Виктора Лягина и про его семью — и то, что он выполнял сложнейшую разведывательную миссию на далеком Американском континенте, и то, что ему было суждено никогда больше не увидеть столь любимых им людей, и то, что ему вскоре придется возглавить антифашистское подполье и погибнуть героем, — что просто в голове не укладывается, как к ТАКОМУ человеку можно было относиться без пиетета и вообще, чуть ли не позабыть про ТАКОГО человека! Но ведь тогда последующих событий никто и предположить не мог! Ну, сейчас уехал, потом вернется — и всё, казалось, будет по-прежнему... Так что не станем никого осуждать, а давайте лучше будем думать о своих собственных родственниках — кто знает, что кого ждет впереди? Да и вообще, чем больше мы заботимся об окружающих, тем лучше им живется, кем бы они при этом ни были — замечательными, известными людьми или самыми простыми гражданами...

Впрочем, по дальнейшей переписке можно понять, что реприманд, сделанный Виктором в приведенном нами письме, подействовал и более никаких сбоев не было. Ну, почти — так вернее будет, потому что Лягину пришлось фыркнуть еще разочек — в письме от 25 января 1940 года. Это письмо также публикуется впервые:

«Здравствуйте, дорогие.

Получил Ваши письма (первые) и рассердился: никто из Вас чужому человеку не писал так сухо и формально, как мне. Мамино письмо я даже не знаю как понимать, что это значит “Спасибо за всё”? Из пятистрочкового письма трудно понять — упрек это или действительно мама за что-то меня благодарит?!

Аня жалеет бумагу. Исписала полстранички со всех концов, но, конечно, не могла написать всего и подробно. Помню, в Москву она мне присылала более обстоятельные письма.

О Лене я уже не говорю.

Живем хорошо. Живы-здоровы.

Целую, Витя».

Можно только предполагать, с каким нетерпением и волнением ждал Виктор писем из дома — а тут приходят пять строчек, пол-листа... Ну и получите тогда, дорогие родственнички, ровно четыре слова про всё наше житье!

Неудивительно, что авторы публикаций о Герое Советского Союза Лягине предпочитали цитировать другие письма. Например, вот такое, написанное 12 декабря 1939 года — то есть в то же самое время, когда писалось «ругательное» письмо, — но с пониманием, что дочка получит его где-то в январе 1940-го:

«Дорогая моя Таточка!

Поздравляю тебя с тремя праздниками — с Новым годом, днем твоего рождения (как мы помним, 21 декабря. — А. Б.) и успешным окончанием учебной четверти. Я знаю, мое солнышко, что это поздравление запоздает: день твоего рождения уже прошел, Новый год начался, а о прошлой учебной четверти ты наверняка успела забыть... Что поделаешь, дорогая, мне и Зине надо работать здесь — далеко от Ленинграда. Тебе, конечно, хотелось бы праздновать вместе с нами, да и мы были бы счастливы увидеть тебя снова, крепко расцеловать и удивить каким-нибудь особенным подарком. Потерпи немного, наша девочка, придет время, и мы опять будем вместе. Не скучай, но и не забывай нас. Веселись, больше смейся и проказничай. Пиши нам

сама — не надо, чтобы кто-нибудь тебе подсказывал. Будь, котик, со мной откровенна и пиши обо всем, что только захочешь...

В день твоего рождения мы соберемся нашей небольшой компанией и выпьем за твое здоровье, за здоровье бабушки и тети Ани. А я обязательно вспомню нашу дорогую мамочку Олю. Мне очень хочется, чтобы ты была такой же доброй и трудолюбивой, как была она. Я надеюсь, котик, что ты тоже вспомнишь ее в эти дни. Не надо грустить, но помнить мамочку надо всегда. Когда-то и мы с ней праздновали твои дни рождения. Я еще был студентом, получал мало денег и, конечно, не мог сделать эти праздники такими хорошими, как нам хотелось. Но сейчас всё иначе. Наша мамочка помогала мне учиться, и я стал неплохим инженером. Поэтому всем, что мы сейчас имеем, мы обязаны и ей... К тому времени, когда я вернусь домой, ты уже будешь совсем большой девочкой, и я тебе много-много расскажу о маме...

Да, Таточка, скажу тебе откровенно: если ты еще не занимаешься музыкой или занимаешься мало, то это никуда не годится. По-приятельски советую — возмись серьезно за музыку и играй на пианино не меньше тридцати минут каждый день. Помни слова древнего мудреца Сенеки: “Истинно великое дело делается медленным, незаметным ростом”. Сейчас тебе уроки музыки могут показаться малоинтересными, но пройдет время, и ты сама будешь благодарить меня... Без труда ничего не дается, а упорно трудиться, отдавать все силы учению любят не все дети. Потом они вырастают и остаются пустыми, отсталыми людьми. Работать они по-настоящему не научились, много не знают и не понимают, поэтому и живут плохо. Так что, пожалуйста, не ленись...

Напиши мне о бабушке, как она себя чувствует? Береги ее — она у нас старенькая. Бабушка ведь моя мама и потому она твой лучший друг, любящий тебя безгранично. И ты люби ее...»⁹⁷

Что тут просто бросается в глаза, так это та пронзительная, неутрачиваемая боль, с которой вспоминает Виктор Лягин о своей покойной жене Ольге. Он очень хочет, чтобы и в сердце дочери жила любовь к ее маме, которую Таточка по своему малолетству почти, наверное, и не помнила, — и потому старается поделиться своей памятью, своей любовью...

Но, кстати, в этой книжной публикации почему-то искажены финальные строки, в которых на самом деле написано:

«Береги бабушку, она у нас старушка, мы все должны ее беречь... Бабушка твой лучший друг, который тебя безгранично любит, и ты люби бабушку больше всех. (Про то, что «бабушка ведь моя мама», в письме нет ни слова. — А. Б.)».

Определенный интерес представляют для нас и заключительные строки из этого письма:

«Татик, с нашей перепиской пока выходит очень плохо. Пиши мне обязательно два раза в месяц 10—15 и 25—28 числа каждого месяца. Пиши сама, если тетя Аня опоздает со своими письмами».

Почему же Виктор, достаточно жестко высказавший свои претензии сестре и маме, дочку только хвалит и дает ей советы? Наверное потому, что он прекрасно понимал: когда ребенку всего девять лет, его поступки и поведение в основном определяются окружающими его взрослыми. Так что если бы бабушка и тетя дружно садились писать письма далекому папе Вите, то и Таточка делала бы то же самое с превеликим удовольствием. Потому ругать ее было не за что. Хотя рекомендация писать самостоятельно была...

Зато потом уже в письмах появилось «Татуся-свинюся» — это когда все писали, а она нет. Но ничего, исправилась!

И еще есть одно письмо, в котором Лягин пишет своей дочке, что Зина, его жена, Таточку очень любит, ждет ее писем, купила ей теплых вещей на зиму, а также — плюшевого медвежонка... Татьяна Викторовна берегла этого мишечку всю свою недолгую, к сожалению, жизнь*.

Признаем, что читать «американские» письма Виктора Лягина не то чтобы очень интересно. Ведь никакой «привязки к местности», никакой «заграничной экзотики»! Понятно, что о своей работе разведчик ничего не пишет, круг его общения остается «за кадром» — но хотя бы океанский прибой описал, красоты легендарной Калифорнии (кто тогда не помнил фразы из чеховских «Мальчиков»: «А в Калифорнии вместо чая пьют джин»?) или сам город Сан-Франциско, «чудесную приморскую смесь Неаполя и Шанхая»! Нет, и про это было писать нельзя — строжай-

* Татьяна Викторовна Есипова (Лягина), директор школы-интерната в городе Пушкине Ленинградской области, скончалась в 1978 году.

шая секретность... Поэтому все письма «оттуда» и содержали исключительно советы, вопросы, эмоции, какую-то минимальную житейскую информацию — в общем, ничего интересного для стороннего читателя.

Ну а если что и было о своей жизни, то примерно на таком уровне, как в письме от 16 февраля 1940 года:

«О жизни здесь писать абсолютно нечего — всё страшно однообразно. Живем только на работе и работой. Порою дела складываются хорошо, но какая-либо мелочь снова портит все сделанное — приходится начинать снова».

Очень содержательно и все понятно! Так что возвращаемся к службе нашего героя — по нашим источникам. Хотя, как мы уже говорили, она и скрыта за завесой секретности, но кое-какая информация у нас все-таки имеется. Так, ссылаясь на книгу наших товарищей, можем сообщить, что «в начале 1941 года Виктор Лягин был переведен для работы сотрудником резидентуры внешней разведки в Нью-Йорке под прикрытием должности инженера “Амторга”»⁹⁸.

Но тут возникает вопрос: а под каким прикрытием работал Виктор Александрович в Сан-Франциско? Как нам представляется, либо под тем же, «амторговским», либо он считался каким-нибудь инженером-стажером. Ведь перевести его с дипломатической должности на инженерную означало бы в первую очередь полнейшее неуважение к американской контрразведке: неужто они бы там не догадались сразу, что эти должности являются прикрытием для совсем иной деятельности? Нет сомнения, что вслед за Корневым-Лягиным в Нью-Йорк из Сан-Франциско пришло и его досье по линии контрразведки, как понимаем, весьма тощее, ибо ничего предосудительного за ним замечено не было...

Между тем не станем отрицать, что контрразведка страны пребывания работала достаточно эффективно, и вскоре по «легальной» нью-йоркской резидентуре, в которую как раз тогда прибыл Виктор Лягин, будет нанесен хотя и не сокрушительный, однако весьма ощутимый удар. Но речь о том пойдет уже в следующей главе, а пока мы скажем, что и советская разведка работала в это время весьма и весьма эффективно. Вот что пишет исследователь:

«Загранаппараты советской внешней разведки в США в предвоенные годы добывали важную разведывательную информацию. Успешно они справлялись и с работой по линии научно-технической разведки, приобретая образцы современного по тем меркам американского воору-

жения. Только в 1939—1940 гг. советскими разведчиками в США было получено свыше 30 тысяч листов технической документации, около 1100 комплектов чертежей и свыше 150 образцов технических новинок»⁹⁹.

К сожалению опять-таки у нас нет никакой возможности узнать, какой именно конкретный вклад внес в эту поистине титаническую работу герой нашей книги. Но думается — весомый! Еще интереснее, конечно, узнать, как были реализованы добытые разведчиком материалы, однако и это остается совершенно закрытой темой.

Глава седьмая

GOOD BYE, AMERICA!

Первая половина 1941 года была насыщена многими важными событиями, в той или иной степени коснувшись Виктора Лягина, — как мирового масштаба, так и, разумеется, личного плана.

Самое главное, что 24 января у них с Зинаидой родился сын, которого мама решила назвать Виктором, в честь его отца. А вскоре, как мы уже сказали, Виктор Лягин-старший (отныне так) был переведен в нью-йоркскую «легальную» резидентуру — «под крышу» «Амторга». Об остальных личных событиях будем рассказывать по мере их развития...

Европа тем временем уже была охвачена военным пожаром.

Официально Вторая мировая война началась нападением Германии на Польшу 1 сентября 1939 года, потому как именно это событие наконец-то вызвало хоть какой-то отпор со стороны ведущих европейских держав: 3 сентября Англия и Франция объявили агрессору войну. Можно считать, что ответ Германии был незамедлительным: «В 9 часов вечера 3 сентября 1939 года... германский флот нанес удар. Немецкая подводная лодка “U-30” без предупреждения торпедировала и потопила в двухстах милях к западу от Гебридских островов британский лайнер “Атения”. Лайнер шел из Ливерпуля в Монреаль, имея на борту 1400 пассажиров. Погибло 112 человек, среди них 28 американцев»¹⁰⁰.

В тот же самый день, вслед за своей метрополией, войну фашистской Германии объявили Индия, тогдашняя британская колония, и британские же доминионы Австралия и Новая Зеландия. На следующий день японское прави-

тельство поспешило заявить о невмешательстве Японии в «европейскую войну», а 5-го числа о том же самом — о своем нейтралитете в этой войне — сообщило и правительство Соединенных Штатов Америки. Зато 6 сентября войну Германии объявил Южно-Африканский Союз, а 10-го — Канада, то есть еще два британских доминиона. Однако ни одна из вышеперечисленных стран (исключая Германию, разумеется) боевые действия так и не открыла.

И вообще, страны «оси Берлин — Рим», то есть агрессивного союза между Германией и Италией, к которому несколько позже присоединится Япония, после чего «ось» продлится до Токио, воевали уже давно и активно — каждый на своем направлении. Вот какая картина изображена в «Политическом словаре»:

«В 1935 г. Италия напала на Абиссинию и поработила ее. Удар был направлен также против Англии и ее морских путей из Европы в Индию, в Азию. Летом 1936 г. началась военная интервенция Германии и Италии против Испанской республики, имевшая целью перехватить морские пути Англии и Франции к их громадным колониальным владениям в Африке и Азии. В марте 1938 г. Германия заняла Австрию. В октябре 1938 г. Германия при содействии Италии добилась от Англии и Франции согласия на расчленение Чехо-Словакии. Вначале Германия заняла Судетскую область; затем, впоследствии, 15 марта 1939 г., она заняла Чехо-Словакию, затем Клайпеду, а Италия — Албанию. В 1937 г. японская военщина, нарушая международные договоры, захватила Пекин, вторглась в Центральный Китай и заняла Шанхай, в 1938 г. — Ханькоу и Кантон, а в 1939 г. — остров Хайнань, нанеся удар по интересам Англии, Франции и США. Таким образом, завязались новые узлы войны: на кратчайших морских путях из Европы в Азию; на юге Европы, в районе Австрии и Адриатики; на крайнем западе Европы, в районе Испании и омывающих ее вод, и на Великом океане — в районе Китая. Отличительной чертой второй империалистической войны на первых порах являлось то, что ее вели и развертывали Германия, Италия и Япония, в то время как Англия и Франция, против которых была направлена война, пятились назад и отступали, делая Германии, Италии и Японии уступку за уступкой»¹⁰¹.

Похоже, нападение Гитлера на Польшу явилось неожиданностью для всех — но в особенности для самих поляков, ибо польское руководство очень надеялось на равноправный союз с Германией в борьбе против СССР. Тому в под-

тверждение мы можем привести фрагмент из совершенно секретного доклада советской разведки, содержавшего запись беседы рейхсмаршала Германа Геринга, почему-то названного в документе премьер-министром, с польским маршалом Эдвардом Рыдз-Смиглы*. Эта маршальская встреча происходила 16 февраля 1937 года в Варшаве.

«Премьер-министр Геринг прежде всего заявил, что он очень рад познакомиться с г-ном маршалом, а затем передал, что канцлер Гитлер поручил ему самым категорическим образом подчеркнуть, что он теперь в большей, чем когда бы то ни было, степени является сторонником политики сближения с Польшей и будет ее продолжать. <...> Необходимо всегда помнить, что существует большая опасность, угрожающая с востока, со стороны России, не только Польше, но и Германии. Эту опасность представляет не только большевизм, но и Россия как таковая, независимо от того, существует ли в ней монархический, либеральный или другой какой-нибудь строй. В этом отношении интересы Польши и Германии всецело совпадают. С германской точки зрения Польша может вести подлинно независимую политику только при условии взаимных дружественных отношений с Германией. При таких условиях Польша может рассчитывать на помощь Германии, которая усматривает гораздо большие выгоды в ведении по отношению к Польше дружественной политики, чем наоборот <...>

Маршал Рыдз-Смиглы подчеркнул, что он решил продолжать политику, начатую маршалом Пилсудским. По его мнению, польско-германские отношения неизменно развиваются в положительном смысле. Он надеется, что темпы этого развития будут постоянно возрастать. Он вполне разделяет мнение Геринга, что в случае возникновения каких-либо недоразумений их необходимо искренне друг с другом обсудить и ликвидировать и не давать третьим сторонам вмешиваться в них... В случае конфликта Польша не намерена стать на сторону СССР, и по отношению к СССР она все более усиливает свою бдительность»¹⁰².

Воистину, если Бог хочет кого-то наказать, то в первую очередь Он лишает его разума!

Ну а далее уже пошло-поехало: 13 сентября 1939 года японские войска начали наступление в Китае, продол-

* Эдвард Рыдз-Смиглы (1886–1941) – генеральный инспектор армии, фактический диктатор Польши после смерти Юзефа Пилсудского в 1935 году.

жавшееся в течение месяца, притом что 15 сентября были прекращены боевые действия на монгольской территории, в районе реки Халхин-Гол, где японцы потерпели сокрушительное поражение от советских войск; 17 сентября начался освободительный поход Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. (Сегодня это пытаются изображать оккупацией, тогда как на самом деле советские войска всего лишь возвратили территории, захваченные Польшей в 1920 году.) 8—12 октября Гитлер подписал декреты, упразднявшие Польское государство; 14 октября немецкая подводная лодка потопила британский линкор «Ройял оук». Объявившие Германии войну державы, говоря бюрократическим языком, «приняли это к сведению» — без каких-либо ответных действий.

Между тем Соединенные Штаты Америки решили несколько скорректировать свою позицию, и 4 ноября Конгресс США принял поправку к закону о нейтралитете, допускающую продажу воюющим странам оружия и военных материалов. Вот уж действительно — «бизнес превыше всего»! И это при том, что американцы прекрасно понимали опасность подобной политики. Еще в 1944 году в США вышла книга Эдварда Стеттиниуса, начальника Управления по соблюдению закона о ленд-лизе, «Ленд-лиз — оружие победы»*. Вот что писал этот высокопоставленный чиновник в первой главе своей книги:

«С одной стороны, мы были уверены, что наша страна не должна снова пережить трагедию войны. Начиная с середины 30-х годов, мы разработали систему законов о нейтралитете, которые имели целью не допустить войну в наше полушарие, изолировав нас от любых стран, вовлеченных в войну в других частях мира. И в то же время большинство американцев инстинктивно чувствовали, что наша страна не сможет наслаждаться мирной жизнью, если остальной мир будет охвачен войной...

По мере углубления мирового кризиса в 30-х годах для нас становился все очевиднее тот жестокий факт, что три страны стали на путь агрессии. Если бы наша страна начала сотрудничать с другими миролюбивыми нациями, чтобы остановить агрессоров, прежде чем они смогут угрожать нам самим, это, в конце концов, могло вовлечь нас в войну против этих агрессоров. Однако если сидеть сложа руки, предоставив агрессорам возможность продвигаться вперед

* *Stettinius E. R. Jr. Lend-Lease: Weapon For Victory. N.Y., 1944.*

победным маршем, то это может закончиться необходимостью воевать в одиночку против целого мира, чтобы защитить собственную страну. Пока мы таким образом колебались, неуклонно росла мощь держав оси и, соответственно, возрастала угроза нашей собственной безопасности»¹⁰³.

Впрочем, колебания были только на государственном уровне, а частный бизнес успешно продолжал делать свое дело.

Так, уже известный нам Тигл «поставлял концерну «И. Г. Фарбениндустри» тетраэтил, необходимый для производства авиационного бензина, патентом на производство которого располагали, кроме «Стандард ойл», «Дженерал моторс» и «Дюпон». Поставки тетраэтила Германии осуществлялись через британский филиал концерна Тигла. В 1938 году Шмиц подписал в Лондоне контракт на 500 тонн этила, а в следующем году закупил его через тот же лондонский филиал еще на 15 млн долларов. В итоге гитлеровские военно-воздушные силы получили возможность бомбить Лондон — город, который предоставил им горючее. Поставляя тетраэтил в Японию, Тигл помогал тем самым и ей вести войну.

Фактов такого откровенного цинизма можно привести немало. Так, британские военно-воздушные силы фактически оплачивали горючее, которым заправлялись бомбардировщики Геринга для налетов на Лондон. Дело в том, что они делали денежные отчисления владельцу патента по производству тетраэтила фирме «Этил» — британскому филиалу «Стандард ойл», которые затем переправлялись в нацистскую Германию. Эти деньги хранились на счетах «Стандард ойл» в банках «И. Г. Фарбениндустри» вплоть до конца войны»¹⁰⁴.

«В 1940 году... отец и сын Форды решили прекратить производство авиационных двигателей для Англии. Вместо них они предпочли выпускать детали для армейских 5-тонных грузовиков — основного транспортного средства немецкой армии. Они же поставляли Германии автопокрышки — несмотря на то, что их не хватало в самих США. При этом 30 процентов автопокрышек шло в оккупированные нацистами страны»¹⁰⁵.

И еще один совершенно потрясающий момент, полученный нами из того же американского источника:

«В 1939 году армия Соединенных Штатов испытывала острую нехватку синтетического каучука. Именно в это время корпорация «Стандард ойл» заключила сделку с гит-

леровской Германией, благодаря которой третий рейх получал необходимое количество каучука, что еще больше обострило кризис в США. Контракт не был аннулирован и после Перл-Харбора»¹⁰⁶.

В общем, колебались — но продавали всё, что могли в ущерб не только своим союзникам, но и собственным вооруженным силам, зато «неуклонно повышая мощь держав оси». Морализировать по этому поводу не будем — так же как, очевидно, не имеет смысла объяснять, что вопросы поставки оружия и военных материалов американскими компаниями государствам-агрессорам очень интересовали советскую разведку. Разумеется, в первую очередь этими вопросами занимались сотрудники научно-технической разведки.

Вернемся, однако, к хронике развития событий.

30 ноября того же 1939 года началась советско-финляндская война, на которую правительство США оперативно откликнулось 2 декабря объявлением «морального эмбарго» на торговлю с Советским Союзом. Все-таки интересно умеют американские политики делить человечество на «хороших» и «плохих»: СССР оказался «плохим агрессором», а вот гитлеровская Германия, скушавшая Польшу, была, очевидно, хорошим и добропорядочным агрессором, с которым было приятно (или выгодно?) торговать — тем самым, как мы помним, «неуклонно повышая ее мощь». (Пройдут десятилетия — и Штаты точно таким же образом начнут делить на «плохих» и «хороших» террористов, жуткую реальность XXI столетия. А впрочем, чему тут удивляться? Еще в 1939 году президент Рузвельт сказал фразу, ставшую крылатой: «Это — сукин сын, но это наш сукин сын» — объектом высказывания был кровавый никарагуанский диктатор Анастасио Сомоса.)

Зима 1939/40 года прошла без особо ярких событий: 5 февраля европейские союзники, Франция и Великобритания, как бы воевавшие с Германией, собрались было направить свой экспедиционный корпус в помощь Финляндии, а США начали вербовку добровольцев для участия в советско-финляндской войне. Но тут, к 23 февраля, советские войска прорвали главную полосу «линии Маннергейма», к 29 февраля — вторую полосу, и финское руководство, не дождавшись обещанного корпуса и лихих заокеанских волонтеров, подписало мирный договор. Война закончилась.

Зато 9 апреля 1940 года гитлеровцы напали на Данию и Норвегию, после чего 14 апреля началась высадка англо-

французских войск в Северной Норвегии. Через месяц, 10 мая, гитлеровцы вторглись на территорию Франции, Бельгии и Голландии — и это была уже настоящая война, пришедшая на смену той «странной» или «сидячей» войне, которая началась в сентябре 1939 года. (А ведь с 7 ноября 1939 года по 20 января 1940-го фюрер не менее шестнадцати раз переносил сроки начала военных действий на Западе — германская армия была не готова к серьезной кампании и могла не выдержать удара союзных войск!)

Впрочем, в любой — пусть даже и в «странной» — войне непременно оказываются и победители, и побежденные. Время, прошедшее от официального объявления войны до ее начала, явилось, говоря военным языком, «стратегической паузой», которой гитлеровская Германия сумела воспользоваться с максимальной эффективностью.

«Стратегическая пауза была использована германским руководством для форсированного производства военной техники и боеприпасов, стремительного наращивания боевой мощи вермахта. С сентября 1939 г. по апрель 1940 г. в войска поступило 680 танков новых образцов. Легкие дивизии по мере накопления вооружения переформировывались в танковые. Состав артиллерии сухопутной армии увеличился на 1368 полевых орудий калибром 75 мм и выше, на 1630 противотанковых пушек. В войска поступило 2172 новых миномета. Численность армии возросла к марту до 3,3 млн человек. Были сформированы 15 новых штабов корпусов, 31 пехотная дивизия, 9 дивизий охраны тыла. Если в ноябре 1939 г. группировка немецко-фашистских войск на западе насчитывала 96 соединений, то к 10 мая 1940 г. она возросла до 136. Численность самолетов германских военно-воздушных сил увеличилась почти на 1500 боевых машин. Бездействие союзников на западном фронте... создавало самые благоприятные условия для беспрепятственного мобилизационного развертывания и повышения боевой мощи вермахта»¹⁰⁷.

К вышесказанному добавим еще и военно-техническое сотрудничество между Соединенными Штатами Америки и «хорошим агрессором» — нацистской Германией.

«Вскоре после начала Второй мировой войны в Европу по указанию Фэриша (президент нефтяного концерна «Стандарт ойл оф Нью-Джерси». — А. Б.) отправился один из самых предприимчивых вице-президентов «Стандарт ойл» Фрэнк А. Говард, входивший одновременно и в совет директоров банка «Чейз нэшнл». Первую остановку он

сделал в Лондоне, где сразу по приезде поспешил нанести визит американскому послу в Великобритании Джозефу Кеннеди*, страстному поборнику сепаратного мира в Европе. Кеннеди с восторгом отнесся к мысли Говарда встретиться с Фрицем Рингером, представителем фашистской “И. Г. Фарбениндустри”. Деловое свидание назначили в Голландии, куда 22 сентября 1939 года и отправился Говард на борту специально выделенного для этого случая бомбардировщика британских ВВС.

В ходе встречи в Гааге, проходившей в помещении голландского отделения “Стандард ойл”, Говард и Рингер подробно обговорили совместные планы на будущее. Рингер передал американскому коллеге увесистый пакет немецких патентов, которые в документах “Стандард ойл” были оформлены таким образом, чтобы администрация США не смогла их конфисковать в военное время. Помимо этого, бизнесмены набросали проект соглашения, названного позднее “Гаагским меморандумом”, по которому американский и нацистский концерны обязались продолжать деловое сотрудничество “независимо от того, вступят или нет Соединенные Штаты в войну против Германии”. В одном из положений этого документа, вернее, в секретном приложении к нему, оговаривалось, что сразу по окончании войны патенты и акции, переданные “И. Г. Фарбениндустри” американскому концерну, будут полностью возвращены»¹⁰⁸.

А вообще имеется информация, что к 1941 году американские инвестиции в германскую экономику составили порядка 800 миллионов долларов... Одна только вышеупомянутая корпорация «Стандард ойл» поддержала военную промышленность рейха (в Германии в то время фактически вся промышленность работала на войну), вложив в нее порядка 120 миллионов долларов. На этом фоне друг фюрера Генри Форд кажется гораздо скромнее — он инвестировал всего 17 с половиной миллионов, хотя по тем временам это было воистину астрономической суммой.

Стоит ли удивляться, что рейху за весьма короткий период удалось создать первоклассные вооруженные силы?

14 мая 1940 года капитулировала Голландия; 17 мая гитлеровцы заняли Брюссель, столицу Бельгии, а 28 мая

* *Джозеф Патрик Кеннеди* (1888—1969) — видный американский бизнесмен и политический деятель; отец 35-го президента США Джона Ф. Кеннеди.

им сдалась королевская армия; 27-го англо-французские войска начали эвакуацию из французского порта Дюнкерк, расположенного на берегу Ла-Манша, на Британские острова. Эвакуация продолжалась неделю: «Утром 4 июня немецкие части вошли в город. В районе Дюнкерка еще оставалось свыше 40 тысяч французов, которые попали в плен. Всего удалось эвакуировать более 338 тысяч человек, из них 215 тысяч англичан, 123 тысячи французов и бельгийцев. Силами французского флота было спасено 50 тысяч человек»¹⁰⁹. События эти вошли в историю как «Дюнкеркская катастрофа». На этом фоне эвакуация тех же англичан из Норвегии, проведенная 5—8 июня, прошла в общем-то незамеченной. Зато 14 июня, к ужасу всей Европы, немецко-фашистские войска вошли в Париж, а 22 июня Франция капитулировала...

Между тем 10 июня расхрабрившиеся итальянцы объявили войну Франции и Великобритании, и потому 24 июня Франция капитулировала еще и перед Италией. Нет сомнений, что в этот самый день в своих полуистлевших гробах дружно перевернулись император Франции Наполеон Бонапарт, его пасынок, вице-король Италии Евгений Богарне и маршал Иоахим Мюрат — король Неаполитанский!

В августе началась так называемая «Битва за Англию» — гитлеровские люфтваффе стали массированно бомбить Великобританию. «Основные цели воздушного наступления: завоевание господства в воздухе как важнейшей предпосылки для осуществления планировавшейся десантной операции “Зелеве” (“Морской лев”); нанесение существенного ущерба военно-экономическому потенциалу Великобритании; терроризирование населения, нарушение управления страной. Все это по замыслу немецко-фашистского командования должно было принудить Англию к выходу из войны и этим создать гитлеровской Германии благоприятные условия для подготовки и проведения агрессии против главного противника — СССР... К выполнению задачи привлекались около 2400 боевых самолетов, в том числе 1480 бомбардировщиков»¹¹⁰.

Притом, насколько мы уже знаем, американцы помогали производить авиационное горючее для гитлеровских люфтваффе, а англичане сами же его и оплачивали... Американцы, впрочем, оказывали вооруженным силам нацистской Германии и техническую поддержку. Вышеупомянутого Генри Форда, основателя знаменитой «автомобильной империи», связывала с германским фюрером

прямо-таки трогательная дружба: доподлинно известно, что, ежегодно поздравляя Гитлера с днем рождения, американский автомобильный магнат присылал ему традиционный «скромный подарок» в 50 тысяч рейхсмарок. Разумеется, одними лишь личными вопросами их дружба не ограничивалась. Так, уже во время Второй мировой войны был открыт новый автомобильный завод Форда во Франции. «Предприятие находилось в Пуасси, в 11 километрах от Парижа, на оккупированной нацистами территории. С 1940 года... завод начал производить авиационные двигатели, грузовые и легковые автомобили, поступавшие на вооружение фашистской Германии. Предприятием руководили из Берлина Карл Краух и Герман Шмиц, а из Дирборна (штат Мичиган) — Эдсел Форд*»¹¹¹. Как-то не думается, что двигатели эти ставились только на пассажирские и спортивные самолеты...

А в общем, обстановка обострялась с каждым днем, и о том можно рассказывать еще довольно долго. Однако всё происходившее тогда можно считать лишь прелюдией к последующим событиям. Это был как бы замах перед ударом или упорное сжатие пружины, которая вследствие того должна будет распрямиться с особенной силой. Направление этого удара было известно: пресловутый «Drang nach Osten», «натиск на восток», традиционно безуспешный, но столь желанный для Германии.

«Вечером 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву на развертывание военных действий против СССР, которая получила порядковый номер 21 и условное наименование вариант “Барбаросса” (Fall “Barbarossa”). <...> Планом “Барбаросса” предусматривался разгром Советского Союза в ходе одной кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. Главными стратегическими объектами были признаны Ленинград, Москва, Центральный промышленный район и Донецкий бассейн. Особое место в плане отводилось Москве. Предполагалось, что ее захват будет иметь решающее значение для победоносного исхода всей войны. “Конечной целью операции, — говорилось в директиве № 21, — является создание защитного барьера против азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, оставшийся у русских

* Эдсел Брайант Форд (1893—1943) — сын Генри Форда, президент «Ford Motor Company» в 1919—1943 годах.

на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации”. Для разгрома Советского Союза планировалось использовать все сухопутные силы Германии, исключая лишь соединения и части, необходимые для несения оккупационной службы в поработанных странах»¹¹².

Война стояла у нашего порога, и не нужно думать, что об этом у нас никто не догадывался.

Александр Феклисов вспоминал:

«Еще в апреле 1941 года посол К. А. Уманский, выступая на совещании дипломатического состава генконсульства, заявил: Гитлер опьянен успехами. В Европе нет державы, которая могла бы остановить фашистов. Гитлер готовится к нападению на СССР, войны нам с Германией при всем желании, видимо, не избежать. Точка зрения посла ошеломила меня и моих товарищей. Хотелось надеяться, что мрачное предсказание не сбудется. А пока его прогноз сыграл мобилизующую роль для дипсостава»¹¹³.

* * *

Вернемся, однако, к нашему герою.

Насколько известно, в то время в нью-йоркской «легальной» резидентуре, которой руководил американский «старожил» Гайк Бадалович Овакимян, сидевший в Штатах с 1934 года, совместно с Виктором Лягиным работали такие сотрудники, как уже упоминавшиеся Семен Маркович Семенов, автор цитируемых здесь мемуаров Александр Семенович Феклисов и Анатолий Антонович Яцков (1913–1993), так же как и Феклисов, удостоенный впоследствии звания Героя России. По линии политической разведки успешно работали два молодых сотрудника — К. А. Чугунов и М. А. Шаляпин.

Некоторое представление о деятельности разведчика, трудившегося «под крышей», мы совершенно неожиданно можем получить из книги Филиппа Денисовича Бобкова* (все-таки он — «чистый» контрразведчик) «КГБ и власть», в одной из глав которой он описывает историю некоего, как он его называет, «Сергея Антоновича», перед самой войной работавшего в «Амторге» «консультантом по валютным де-

* *Филипп Денисович Бобков* (р. 1925) — участник Великой Отечественной войны — гвардии старшина, кавалер ордена Славы 3-й степени; начальник 5-го управления КГБ СССР в 1969–1983 годах, заместитель, первый заместитель председателя КГБ СССР в 1983–1991 годах.

лам». И вот — некоторые моменты из его рассказа, представляющие для нас безусловный интерес:

«Мне показали мой стол в огромной комнате, где, на американский манер, работало еще человек двадцать. Стучат пишущие машинки, шелкают арифмометры, в комнате никогда не смолкает гул голосов, и все это вроде бы никому не мешает. Из соседней комнаты, через большое, как витрина, окно за нами мог наблюдать заведующий отделом Костылев.

Целый день я добросовестно изучал папки, а утром следующего дня меня вызвал один из руководителей “Амторга” Алексей Ильич.

— Будем работать вместе, — тепло ответил он на мое приветствие. Я понял: это и есть наш главный резидент, мой непосредственный начальник...

Поначалу беседа носила общий характер, но скоро мы перешли к главному. Тридцать процентов времени предстоит заниматься чисто торговыми и валютно-финансовыми вопросами*, чтобы клиентура видела во мне специалиста. Остальное время я должен посвятить заданиям, которые даст резидент. Меня будут приглашать на переговоры, на разного рода приемы и коктейли. Моя задача: установить как можно больше связей, знакомиться. В дальнейшем, следуя его указаниям, я кое с кем должен пойти на контакты неделового характера. <...> Мне представлялись довольно широкие возможности, я мог пригласить знакомых в ресторан, в день рождения преподнести кому-либо из них дорогой подарок или пригласить на рыбалку, которая неизменно заканчивалась пикником. Я мог при случае дать хорошо заработать кому-нибудь из моих новых знакомых»¹⁴.

Вот так примерно они и трудились — хотя, конечно, это очень поверхностный рассказ, информирующий лишь о «парадной» стороне работы разведчика — приемы, коктейли, рыбалки с пикниками... На самом-то деле работать в то время советским разведчикам в Соединенных Штатах Америки было очень и очень тяжело...

«В предвоенный период, особенно после подписания советско-германского Договора о ненападении, получившего в западной прессе название “Пакта Риббентропа—Молотова”, отношения между СССР и США были натянутыми. Американская пропаганда в газетах, журналах и на

* Виктору Лягину, соответственно, приходилось заниматься чисто техническими вопросами.

радио утверждала, что СССР — друг гитлеровской Германии и поэтому подписал с ней этот пакт. При этом игнорировался тот факт, что ранее подобные договоры с ней имели и Польша, и Англия, и Франция.

В то же время в прессе США шла разнузданная пронацистская пропаганда, восхвалялись военные победы Германии, ни слова не говорилось о зверствах оккупантов в поработанной Европе. Конгресс США принимал законы, ограничивавшие экономические и торговые отношения с Советским Союзом. После подписания советско-германского договора о ненападении правительство США предложило советскому полпредству отозвать своих приемщиков из страны в связи с отказом отдельных американских компаний поставлять ранее заказанное оборудование»¹¹⁵.

Соответственно, весьма усложнилась и оперативная обстановка. Александр Феклисов свидетельствует:

«До начала Великой Отечественной войны американская контрразведка весьма активно действовала против советских учреждений и их сотрудников, используя все имеющиеся в ее распоряжении средства: наружное наблюдение, агентуру и оперативную технику. Сотрудники резидентуры часто видели, что за ними с утра до вечера велась слежка. В их служебные и домашние телефонные аппараты вмонтировались устройства, которые позволяли ФБР подслушивать не только разговоры по телефону, но и вообще все, что говорилось в комнате, фиксировать любой, даже еле заметный шум»¹¹⁶.

И все равно, как раз в то время, весной 1941 года, между нью-йоркской резидентурой и Центром, то есть Москвой, была установлена устойчивая двусторонняя радиосвязь — вопросом ее организации занимался тот же самый Феклисов, «украсивший» крышу четырехэтажного здания генконсульства шестиметровой антенной. До этого же срочные шифровки приходилось передавать через международные коммерческие телеграфные линии, расплачиваясь за это долларами... Но это был далеко не единственный способ отправки собранной разведывательной информации.

«Перевозка целых гор докладов и документов сама по себе представляла сложную проблему. Существовало четыре основных пути пересылки секретных и полусекретных материалов, включая разные образцы и копии чертежей.

Первый — это запечатанная сумка дипломатического курьера. Но лишь небольшая часть добытого материала могла быть переправлена в таких сумках.

Во втором случае использовался дипломатический паспорт — прекрасный прием для того, чтобы избежать дозора. Вопреки распространенному мнению, что только дипломаты ездят с дипломатическим паспортом, каждое правительство время от времени выпускает особые паспорта для поездок других лиц, не являющихся дипломатами. Советское правительство широко пользовалось этими возможностями как перед войной, так и во время войны...

Перевозка морем была третьим способом переправки секретных материалов в Россию. Советские моряки в американских портах не встречали затруднений, забирая с собой на борт поклажу. Более того, в Вашингтоне и Нью-Йорке советским агентствам выдавались экспортные лицензии на вывоз товаров в Россию, они использовались для тех грузов, которые должны были проходить через таможню. Это было очень простым способом отправить груз с фальшивым ярлыком, например радарное оборудование под видом автомобильных моторов и т. д. ...

Четвертым способом была переправка самолетом»¹¹⁷ — но это уже будет несколько позднее, с 1942 года.

А вот то, что в советском консульстве работает передатчик, ФБР обнаружило только летом 1943 года, информация попала в прессу — и на всякий случай его работа была свернута.

Однако еще весной 1941 года по нью-йоркской резидентуре был нанесен очень серьезный удар: 5 мая был арестован и заключен в тюрьму резидент Гайк Овакимян. В предвоенное время (повторим еще раз: в том, что война с гитлеровской Германией неизбежна, сомнений ни у кого не было) Центр настоятельно требовал соответствующей информации от работавших «в поле» разведчиков. Но после всех произошедших «чисток» и прочих тому подобных мероприятий резидентурам не хватало работников, а работникам — опыта. Вот почему людям опытным приходилось работать буквально на пределе возможностей, что неизбежно приводило к негативным последствиям.

«В отдельные дни Овакимяну приходилось проводить до десяти встреч с различными агентами, и он возвращался домой полностью измотанным. Это неизбежно притупляло бдительность. В начале 1941 года Овакимян был задержан американской контрразведкой во время получения документов от агента “Октана” и оказался в тюрьме. Агент, с которым резидент работал, проявил малодушие: во время

одного из приступов мучительного страха он явился в ФБР и признался во всем»¹¹⁸.

В общем, была осуществлена обыкновенная «подстава»: на встречу с разведчиком агент привел контрразведку, в результате чего Овакимян был взят с поличным. Правда, перед американским судом советский резидент должен был предстать по обвинению «в нарушении закона о регистрации иностранных граждан» — но это обычные «игры», связанные с разведкой. Как известно, кошку далеко не всегда называют кошкой — и на то есть свои весьма уважительные причины.

После этого серьезнейшего провала исполнять обязанности резидента стал «П. П. Пастельняк*, солидный мужчина лет сорока пяти. У него было мужественное, изрытое оспинами лицо с глубоко посаженными темными глазами. Человек он был сугубо военный: службу начал в пограничных войсках, а затем перешел на контрразведывательную работу. В 1938—1939 годах его направили руководителем группы по обеспечению безопасности в советском павильоне на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Английского языка он почти не знал. После закрытия выставки его оставили в резидентуре. В апреле 1941 года он был назначен исполняющим обязанности резидента. Будучи военным, Павел Пантелеймонович любил дисциплину и, прежде всего, подчинение, или, как он изъяснялся, субординацию»¹¹⁹, — вспоминал Александр Феклисов.

Запомним эти качества исполняющего обязанности!

Заглядывая вперед, скажем, что в американской тюрьме советскому разведчику пришлось провести несколько месяцев и он вышел на свободу уже после начала Великой Отечественной войны по личному распоряжению президента Рузвельта. Затем Овакимян возвратился на родину и продолжал службу в центральном аппарате разведки, дослужившись до генеральских звезд, что по тем временам для разведчика было большой редкостью.

Примерно в то же время, что и Овакимян, «провалился» и наш герой — но это будет история совершенно иного характера... Недаром же император Наполеон сказал, что «от великого до смешного — один шаг». Хотя изначально было совсем не смешно.

* Павел Пантелеймонович Пастельняк (1905—1963) исполнял обязанности резидента после ареста Г. Б. Овакимяна и до приезда В. М. Зарубина.

Мы не раз говорили, что Виктор Лягин любил женщин — и они нередко отвечали ему взаимностью. (Как сказал в подобном случае товарищ Сталин: «Что тут делать? Завидовать!»)

Однако, как подсказывает опыт, женщины порой могут принести и серьезные неприятности — вольно или невольно. В частности, далеко не каждый руководитель станет в хорошем смысле слова завидовать «удачливому» в этом плане подчиненному. Тем более если сам этот руководитель — примерный семьянин и человек строгих правил, а советские чиновники в большинстве были именно таковы.

Мы, как говорится, «свечку не держали», а потому обладаем информацией только на уровне предположений. В официальных структурах подобное происшествие категорически отрицается, никаких документальных свидетельств на эту тему нет (если же они есть, то очень засекречены), но вот в семье нашего героя сохранилось предание, что у Виктора Александровича случился роман с женой одного высокопоставленного дипломата. (Чтобы биографическая книга получилась по-настоящему объемной, представляющей героя с различных сторон, а не ограничивалась «анкетой» и не превращалась в положительную «партийную характеристику», приходится пользоваться самыми разными источниками. Кстати, даже лживые сплетни, которые рассказывают про человека, имеют для биографа определенную ценность, помогая ему увидеть своего героя в том числе и глазами его недоброжелателей.)

Так вот, если бы этот дипломат был западным или восточным капиталистом и к тому же роман происходил с санкции Центра, — никаких вопросов бы не возникло. Известно, что разведчику порой приходится получать информацию и таким путем. Конечно, успехи «на женском фронте» легендарного Джеймса Бонда — героя произведений английского писателя и разведчика Яна Флеминга — явный перебор, но не бывает, как говорится, дыма без огня.

Вот только Виктор Лягин отыскал «объект» в непосредственной от себя близости — «высокопоставленный дипломат» был нашим соотечественником.

Насколько мы помним, 24 января того самого 1941 года на свет появился Виктор Лягин-младший. Нет, очевидно, смысла объяснять просвещенному читателю, что при рож-

дении ребенка женщина зачастую сосредоточивает все свое внимание на нем, а муж как бы оказывается в стороне по самым разным вопросам. Это и побуждает некоторых товарищей «смотреть на сторону».

Между тем «советская колония» была достаточно закрытым и тесным мирком. Мужчины были погружены в свои служебные обязанности (помните строки из письма — «живем только на работе и работой?»), а женщины в подавляющем своем большинстве пребывали в четырех стенах, занимаясь домашним хозяйством, чтением или рукоделием — в зависимости от воспитания, образования и привычек. Тем, у кого были маленькие дети, приходилось полегче — уж им-то дел для себя искать было не нужно. Походить по магазинам, прогуляться по музеям, посидеть в кафе женам дипломатов и прочих сотрудников было практически нельзя. Правила и нравы тогда были суровые.

Вот так, вполне возможно, и получилось, что скучающая жена вечно занятого мужа обратила внимание на очень даже интересного внешне и весьма обаятельного «инженера “Амторга”» (не исключается, что по положению мужа она могла знать, что это только «крыша», а «многие знания», как известно, порождают «многие печали» или, что также не исключается, — вызывают романтический интерес). Виктор же, в данное время обойденный вниманием собственной жены, обратил свой взор на жену чужую — красивую, элегантную, обаятельную... Более чем сомнительно, чтобы он начал проявлять интерес без, скажем так, одобрения или даже какой-то провокации (возможно, что чисто случайной) с противоположной стороны. Врагом себе Лягин точно не был, да и человек он, как нам представляется, был вполне разумный для того, чтобы не броситься очертя голову в авантюру, как какой-нибудь юнец, действующий по принципу: «Она мне нравится, и я должен ее завоевать!» Да и не те условия в «колонии» были, в конце концов — Виктор прекрасно понимал, что подобная «гусарщина» очень быстро была бы замечена не только посольскими кумушками, но и должностными лицами, отвечающими за безопасность работы сотрудников загранучреждений. А тут, не дай бог, еще бы чего и американская контрразведка приметилла — тогда вообще пиши пропало, потому как в подобном случае шантаж и вербовочное предложение оказались бы неизбежны...

В общем, как можно понять, что если роман действительно произошел, то это было на основании взаимного

интереса и по обоюдному согласию, а потому до поры до времени оставалось, как говорится, шито-крыто. Не будем гадать, как они «влетели» — для разрешения этой загадки каждый читатель может воспользоваться собственным опытом, ежели таковой, паче чаяния, имеется. Зато можно предполагать, что широкой гласности эта информация в «советской колонии» не получила — не тот, как говорится, уровень, не те люди оказались замешаны. И вообще, дипломатический мир закрыт до предела даже в личном плане — семейные дела здесь не должны выходить за рамки квартиры проживания. Так что обманутый муж вряд ли устраивал какие-то сцены; понятно, что Зина Лягина знала — через нее, очевидно, и осталась информация о произошедшем в «семейных архивах». Можно предположить, что единственным человеком в резидентуре, получившим информацию о «подвигах» своего подчиненного, был исполнявший обязанности резидента Павел Пастельняк. Если, повторим, действительно все так и было.

На вопрос высокопоставленного дипломата о том, что делать с провинившимся, Павел Пантелеймонович явно не стал отвечать по-сталински: «Завидовать!» — и не только потому, что Иосиф Виссарионович эту бессмертную фразу еще не сказал. Пожалуй, главным, что резидент мог увидеть в произошедшем, было не «нарушение норм социалистической морали», но воистину преступление перед той самой «субординацией», которую он так ценил, — ведь обманутый муж, как мы сказали, был дипломатическим работником весьма высокого ранга. По этой причине Пастельняк, в чем нет никакого сомнения, обещал высокопоставленному чиновнику, что он незамедлительно доложит (не сообщит, а именно доложит!) о произошедшем в Москву и что Лягин в скором времени будет отозван из Соединенных Штатов.

Как нам известно, в архиве Службы внешней разведки хранится до сих пор засекреченная характеристика на Виктора Лягина, подписанная исполняющим обязанности резидента. Характеристика отрицательная, а потому, как нам представляется, совершенно необъективная, что мы докажем чуть дальше, но по этой причине приводить ее текста не будем. Впрочем, изначально ее надо было бы еще и рассекретить. Но зачем? Это лишний пример того, что не всем официальным документам следует доверять... Пусть уж лежит себе спокойно! (Хотя не исключается, что Лягин и Пастельняк не сошлись и по какой-то иной причине...)

Итак, над головой нашего героя сгустились тучи — но что тут поделаешь, если действительно он сам кругом был виноват?

Удивительно, но как раз о состоянии Виктора в тот весьма непростой для него период остались воспоминания — единственный фрагмент, повествующий о его заграничной работе. Вспоминает известный нам Александр Феклисов:

«В резидентуре я несколько раз встречал ладно скроенного, красивого молодого блондина. Позднее я узнал, что это наш разведчик Виктор Александрович Лягин, работавший инженером в “Амторге”. Он запомнился мне тем, что порой подолгу молча сидел в углу комнаты и напряженно о чем-то думал. Товарищи говорили, что Лягин крайне болезненно переживал наши неудачи на фронте. Вскоре неожиданно для нас он незаметно исчез — уехал в Москву. А через пару лет из газет мы узнали, что Лягин успешно руководил нелегальной разведывательно-диверсионной резидентурой в тылу немецких войск. 5 ноября 1944 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза»¹²⁰.

В данном случае память явно подводит автора мемуаров — из Соединенных Штатов Виктор Лягин был «выслан» еще до нападения гитлеровской Германии на СССР, так что «крайне болезненно переживать» первые поражения советских войск он не мог... О чем же тогда «напряженно думал» наш герой? Вполне возможно, что о своем «грехопадении» и его возможных последствиях — о чем, как мы понимаем, его сослуживцы не знали и даже не догадывались. Времена были суровые, так что «героя-любовника» могли обвинить в чем угодно, вплоть до того, что он действовал по указанию иностранной разведки, агентом которой являлся. К ложным обвинениям у нас тогда относились творчески, чего только не придумывали!

Ну а Александр Семенович Феклисов — столько лет прошло, столько всего случилось за это время! — вполне мог ошибиться. Помнил, что печальный Лягин о чем-то своем размышлял, ну и решил, что это происходило уже в июле 1941-го, когда многие «чистые» дипломаты и разведчики писали рапорты с просьбой отправить их на фронт. Кажущееся бездействие «в прекрасном далеке» угнетало. Пройдет совсем немного времени — и здесь, за океаном, многие из них окажутся на переднем крае совершенно иной войны, и эта их война, имевшая целью раскрыть «атомные секреты» лукавого союзника, впоследствии защитит мир от

новой, уже ядерной или даже термоядерной войны. Но это будет совсем иная история...

Итак, где-то в конце мая Виктор Лягин с женой и маленьким сыном возвращался на родину. *Good bye, America!* — До свидания!

А впрочем — не «до свидания», а «прощай» — прощай навсегда, но по-английски эти слова звучат одинаково...

Хотя, наверное, Виктор Лягин думал, что когда-нибудь сюда еще вернется. Обязательно вернется!

Но нет, судьба его сложилась совершенно по-иному. А потому — прощай, Америка! *Good bye!*

И снова — «Одноэтажная Америка» Ильи Ильфа и Евгения Петрова:

«Когда закрываешь глаза и пытаешься воскресить в памяти страну, в которой пробыл четыре месяца, — представляешь себе не Вашингтон с его садами, колоннами и полным собранием памятников, не Нью-Йорк с его небоскребами, с его нищетой и богатством, не Сан-Франциско с его крутыми улицами и висячими мостами, не горы, не заводы, не каньоны*, а скрещение двух дорог и газолоновую станцию на фоне проводов и рекламных плакатов»¹²¹.

Наверное, так и было.

...На сей раз ехать пришлось дальневосточным маршрутом — сначала пароходом через Тихий океан (уж как там они проходили мимо Японии, мы не знаем), а затем, от Владивостока — поездом, очевидно — в комфортном «международном» вагоне, в двухместном купе, с полками и стенками, оббитыми бархатом. Поезд шел десять дней по самому длинному в мире железнодорожному маршруту — Транссибирской магистрали, она же Великий сибирский путь — 9298 километров, через Хабаровск, мимо озера Байкал, через Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Свердловск и Ярославль — до самой Москвы, куда, на Ярославский вокзал, поезд прибыл субботним утром 14 июня 1941 года.

На вокзале Виктора и Зинаиду встретил сотрудник, сказавший, что ремонт лягинской квартиры в Сокольниках еще не закончен, а потому ему предлагается поселиться в гостинице «Метрополь». Лягин отказался и попросил отвезти его с семьей на Садово-Кудринскую улицу, к его сестре Софье. Решение это свидетельствует о том, что дела в семье Виктора явно обстояли неблагополучно: семья Косу-

* Так в тексте. Имеется в виду «каньон», то есть глубокая речная долина с крутыми склонами и узким дном.

хиных жила в однокомнатной квартире, и «американские гости» их явно стесняли, да и самим им было там совсем неудобно — тем более с маленьким ребенком... Но, вполне возможно, Виктор не хотел оставаться с Зинаидой «тетя-тет», потому и укрылся в доме сестры, где супругам невозможно было остаться вдвоем, а значит — вновь и вновь выяснять отношения. Хотя долго ли оставалась Зинаида в этой «семейной коммуналке», нам неизвестно.

Зато мы можем сказать, что, по имеющейся у нас информации, Виктор, пресытившийся в Штатах различными «стейками» и «бургерами», на завтрак, обед и ужин хлебал густой, наваристый борщ, ну а когда они встречались за столом с Глебом Косухиным, к борщу всегда шла хорошая чарка — может, и не одна.

Впрочем, все это продолжалось совсем недолго — до нападения Германии на Советский Союз оставалась всего лишь неделя...

* * *

А ведь тут даже и не представить, с каким тяжелым сердцем возвращался Виктор Лягин в Москву, какие «казни египетские» он себе прочил, каких выволочек и на каком уровне ожидал.

(Был, впрочем, один момент, который несколько успокаивал: Лягину разрешили взять с собой приобретенный им в США за собственные средства легковой автомобиль «бьюик». Хотя, как знать, может, его бы арестовали, а машину забрали бы, как говорится, «в казну». Подобные мысли тогда явно крутились в его голове, скребли его грешную душу.)

Однако все вскоре произошедшее никак не соответствовало его предположениям: по возвращении в Центр Лягин был назначен начальником отделения научно-технической разведки, в то время организационно вошедшего в состав 5-го англо-американского отдела, который работал по Великобритании, США, Канаде и заодно по странам Южной Америки. Неудивительно, что это подразделение вошло в состав 5-го отдела — ведь в других отделах, таких как, к примеру, балканский (Болгария, Румыния, Югославия, Греция) или средневосточный (Турция, Иран и арабские страны, Афганистан и Индия), специалистам по научно-технической разведке делать было абсолютно нечего.

Так как «над Лягиным» никаких начальников по этой линии не было, то многие его называли и даже считали заместителем начальника внешней разведки — тогда она уже именовалась 1-м управлением НКГБ СССР — по НТР. Реально говоря, именно так оно и было.

Недаром же мы утверждали, что отрицательная характеристика, подписанная П. П. Пастельняком, не соответствовала истине! Такого ценного работника, как Лягин, терять было нельзя — и особенно хорошо понимал это сам начальник 1-го управления старший майор госбезопасности Павел Михайлович Фитин, верный и надежный друг Виктора Александровича.

Но тут мог сыграть свою роль и другой момент — хотя это опять-таки не официальные данные, а исключительно наши предположения и догадки. (Мы же тоже кое-что понимаем.)

Хорошо известно, и мы об этом уже написали, что нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов очень не любил Наркомат внутренних дел как таковой, а в особенности его руководителя Лаврентия Павловича Берия, являвшегося его соперником по степени близости к вождю. Нелюбовь Вячеслава Михайловича впоследствии перешла и на Наркомат госбезопасности, отпочковавшийся от НКВД в феврале 1941 года, куда перешли небезразличные, скажем так, наркому иностранных дел структуры. Ведь Молотов считал и не раз говорил Сталину, что разведка как самостоятельная структура вообще не нужна — мол, с ее функциями вполне и даже гораздо более квалифицированно и успешно, нежели разведчики, справляются опытные «чистые» дипломаты.

Ну а если враждовали руководители, то традиционно и отношения между двумя структурами — особенно в верхних эшелонах — были достаточно напряженными. Это люди, работавшие «в поле», «за бугром», не имели времени на дурацкие «разборки» — они добросовестно трудились бок о бок, помогая друг другу при любой возможности, вне зависимости от своей ведомственной принадлежности, зато в высоких чиновничьих кабинетах отношения были совсем иные. Так что если в Центр действительно пришло сообщение о том, что Лягин, мягко говоря, имел «неформальные отношения» с женой высокопоставленного дипломата, то эта новость кое-какими начальниками явно была воспринята с восторженными добавлениями: «Как мы их!» и «Молодец, парень!» В общем, «Завидовать надо!» — полное

моральное удовлетворение. Конечно, дальше некоторых кабинетов на Лубянке эта информация не шла, но все-таки было приятно...

Вот так, очевидно, и получилось, что серьезный дисциплинарный проступок (моральных оценок в данном случае мы давать не вправе) был поставлен разведчику в плюс. Но кто бы тогда знал, что в ближайшее время Виктору опять придется пускать в ход свои мужские чары — но это уже будет в оперативных целях, во благо порученному ему делу.

Да и вообще, в то время еще никто ничего по-настоящему не знал. А ведь гроза должны была разразиться буквально с часу на час. Еще «30 апреля 1941 г. на секретном совещании в штабе ОКВ* Гитлер установил окончательную дату начала операции “Барбаросса” — 22 июня 1941 г. Все присутствующие на совещании военачальники не сомневались в ее успешном завершении»¹²².

Сообщение об этом совещании пришло в Центр с большим опозданием. «16 июня 1941 года из нашей берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончательное решение напасть на СССР 22 июня 1941 года. Эти данные тотчас были доложены в соответствующие инстанции»¹²³, — вспоминал тогдашний начальник разведки Павел Фитин.

Глава восьмая

«ЭТО НЕ ТВОЯ ВОЙНА!»

Итак, июнь 1941 года — время напряженного ожидания, натянувшего нервы до предела...

Чуть ли не каждый день из различных источников поступала информация о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Только за полгода, с января до 21 июня 1941-го, старший майор госбезопасности Фитин подписал свыше ста донесений, адресованных высшему руководству страны, — и все они сообщали о подготовке агрессии, примерных датах ее начала.

Подобная информация поступала и из военной разведки — вот только некоторые сообщения, пришедшие в те дни из ее резидентур, находившихся в столицах стран «оси»:

«22 мая из Берлина — нападение ожидается 15 июня 1941 г.;

* Верховное командование вооруженных сил Германии.

1 июня из Токио — война начнется около 15 июня 1941 г.;
16 июня из Берлина — нападение назначено на 22—
25 июня 1941 г.;

20 июня из Токио — война между СССР и Германией неизбежна»¹²⁴.

Все же информация от «соседей» поступала в меньших количествах, ибо начальник Главного разведывательного управления РККА генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков знал настроения «Хозяина», как многие именовали Сталина, и старался лишней раз его не раздражать.

Но если Голиков осторожничал, то Фитин буквально шел ва-банк. В то время внешняя разведка еще не имела своего информационно-аналитического подразделения (в Кремле считали, что во всем разберутся сами, и требовали доставлять на самый «верх» всю получаемую разведывательную информацию), и Павел Михайлович поручил своим сотрудникам — руководителю германского отдела Павлу Матвеевичу Журавлеву* и его заместителю Зое Ивановне Рыбкиной** — подготовить докладную записку с обобщением материалов, присланных из берлинской резидентуры. Литерное это дело получило оперативное название «Затея». Был составлен так называемый «Календарь сообщений “Корсиканца” и “Старшины”»*** — руководителей самой многочисленной и активной антифашистской организации, вошедшей в историю под именем «Красной капеллы», в котором скрупулезно указывались даты получения сообщений, источник, из которого, в свою очередь, получил его агент, и краткое содержание материала.

Последняя запись — от 16 июня — содержала следующую информацию:

«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время. <...> В Министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хо-

* Павел Матвеевич Журавлев (1898—1956) — генерал-майор (1945).

** Зоя Ивановна Рыбкина (Воскресенская; 1907—1992) — сотрудница ИНО ОГПУ с 1929 года; в послевоенные годы возглавляла немецкий отдел внешней разведки; полковник; писатель, лауреат Государственной премии СССР.

*** «Корсиканец» — Арвид Харнак (1901—1942) — чиновник министерства экономики Германии. «Старшина» — Хайнц Харро Макс Вильгельм Георг Шульце-Бойзен (1909—1942) — обер-лейтенант люфтваффе.

зьяйственников, предназначенных для “оккупированной” территории СССР, выступал также РОЗЕНБЕРГ*, который заявил, что “понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты”»¹²⁵.

Кажется, яснее ясного...

Подводя итог проделанной работе, Зоя Рыбкина впоследствии писала:

«Из надежных источников нам стали известны зловещие планы Гитлера. Среди наших агентов, действовавших в самых разных странах, были люди самоотверженные, беспрельдно преданные и активно помогавшие нам»¹²⁶.

Информация была передана в Кремль Сталину — и вскоре оттуда последовала реакция. Вот как писал о произошедшем сам Павел Михайлович Фитин:

«Поздно ночью с 16 на 17 июня меня вызвал нарком и сказал, что в час дня его и меня приглашает к себе И. В. Сталин. Многие пришлось в ту ночь и утром 17 июня передумать. Однако была уверенность, что этот вызов связан с информацией нашей берлинской резидентуры, которую он получил. Я не сомневался в правдивости поступившего донесения, так как хорошо знал человека, сообщившего нам об этом...

Мы вместе с наркомом в час дня прибыли в приемную Сталина в Кремле. После доклада помощника о нашем приходе нас пригласили в кабинет. Сталин поздоровался кивком головы, но сесть не предложил, да и сам за все время разговора не сажился. Он прохаживался по кабинету, останавливаясь, чтобы задать вопрос или сосредоточиться на интересовавших его моментах доклада или ответа на его вопрос.

Подойдя к большому столу, который находился слева от входа и на котором стопками лежали многочисленные сообщения и докладные записки, а на одной из них был сверху наш документ, И. В. Сталин, не поднимая головы, сказал:

— Прочитал ваше донесение... Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?

Мы молчим. Ведь всего три дня назад — 14 июня — газеты опубликовали заявление ТАСС, в котором говорилось,

* *Альфред Эрнст Розенберг* (1893—1946) — идеолог Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), руководитель Центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистической идеологии и воспитания (1940—1945), рейхсминистр восточных оккупированных территорий (1941—1945), обергруппенфюрер СС. Повешен в Нюрнберге.

что Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского Пакта о ненападении, как и Советский Союз. И. В. Сталин продолжал расхаживать по кабинету, изредка попыхивал трубкой. Наконец, остановившись перед нами, он спросил:

— Что за человек, сообщивший эти сведения?

Мы были готовы к ответу на этот вопрос, и я дал подробную характеристику нашему источнику. В частности, сказал, что он немец, близок нам идеологически, вместе с другими патриотами готов всячески содействовать борьбе с фашизмом. Работает в министерстве воздушного флота и очень осведомлен. Как только ему стал известен срок нападения Германии на Советский Союз, он вызвал на внеочередную встречу нашего разведчика, у которого состоял на связи, и передал настоящее сообщение. У нас нет оснований сомневаться в правдоподобности его информации.

После окончания моего доклада вновь наступила длительная пауза. Сталин, подойдя к своему рабочему столу и повернувшись к нам, произнес:

— Дезинформация! Можете быть свободны.

Мы ушли встревоженные»¹²⁷.

Как-то оно не очень складывается... Сталин знакомится с представленными документами, вызывает к себе наркома госбезопасности Меркулова* и начальника разведки Фитина, выслушивает их объяснения, заявляет, что все это «дезинформация» — и на том разговор заканчивается. Словно бы вождь иносказательно предупреждает сотрудников: мол, успокойтесь, ребята, держите свои знания при себе — всё не совсем так, как вы считаете... Ведь при желании можно было бы все повернуть так, что Фитин и Меркулов намеренно пытались дезинформировать самого товарища Сталина — ну и всё, как говорится, пиши пропало... Нет, словно бы прозвучало какое-то завуалированное предупреждение. И всё! Как-то не в духе того жестокого и жесткого времени...

Почему же, имея достаточно объективную информацию о планах и, что еще важнее, о практических мероприятиях, осуществлявшихся гитлеровцами близ наших границ, Сталин на это практически не реагировал? Это остается одной из главных загадок кануна войны — наверное, загадкой

* *Всеволод Николаевич Меркулов* (1895—1953) — народный комиссар госбезопасности в 1941, 1943—1946 годах, генерал армии; осужден и расстрелян по «делу Берии».

номер один. Второй, пожалуй, загадкой почти тех же масштабов остается цель прилета в Англию обергруппенфюрера СС, заместителя Гитлера в руководстве нацистской партии Рудольфа Гесса. Причем если хранители первой тайны все давно уже сошли в могилу, и потому мы вряд ли когда узнаем, чем в данном случае руководствовался советский лидер, то все документы по второму вопросу засекречены англичанами, и неизвестно, когда будет снят гриф секретности.

«После Второй мировой войны английские государственные деятели в своих мемуарах пытаются представить “миссию Гесса” как “сплошное недоразумение” или “чистую комедию”. В создании и распространении такой версии “миссии Гесса” большая роль принадлежит Черчиллю»¹²⁸.

Из вышесказанного можно понять, что и у нас, и у англичан существовали или предполагались какие-то тайные договоренности с гитлеровской Германией, почему-то не реализованные...

Вполне вероятно, что одна из причин этих «недоговоренностей» заключается в том, что фюрер просто-напросто зарвался, переоценил свои силы и возможности. К слову сказать, «медвежью услугу» ему в этом плане оказала недавно завершившаяся «зимняя война», в ходе которой войска РККА понесли ощутимые потери, выявились многие недостатки в их подготовке, боевой выучке, техническом оснащении и многом ином. По этому поводу фюрер удовлетворенно заявил в узком кругу, что мы, мол, переоценивали Красную армию... Не понимал Адольф Алоисович, дурачина, что русский мужик долго-долго ожидает, пока его жареный петух, извините, в зад клюнет, — а уж тогда начинает действовать быстро, решительно, безоглядно и беспощадно. Вот и в данном случае болезненный «клевок» зарвавшегося финского петуха возымел свое действие: уроки «зимней войны» были обобщены и усвоены довольно-таки быстро. Однако германские разведки — военная разведка абвер и VI управление РСХА, политическая разведка, — этого своевременно не заметили...

«Уверовав в непобедимость вермахта и слабость Красной армии, Гитлер уже с начала 1941 г. потребовал от своих генералов приступить к детальной разработке замыслов продолжения войны на период после разгрома СССР. При обсуждении в штабе ОКВ вопроса о стратегическом взаимодействии с Японией 17 февраля он заявил: “После окончания восточной кампании необходимо предусмотреть захват

Афганистана и организацию наступления на Индию”. Затем по его указанию штаб ОКВ приступил к планированию других операций на будущее, которые намечалось провести осенью и зимой 1941/42 г. Замысел их был изложен 16 июня в проекте директивы № 32 (“Подготовка к периоду после осуществления плана ‘Барбаросса’”). Проектом предусматривалось завоевание Египта, Ирака, Палестины, а также Турции, если она посмеет защищать свою независимость, захват Гибралтара, английских владений в Западной Африке, а затем и высадку на Британские острова, чтобы вызвать полный развал Великобритании. Наряду с решением “английской проблемы” гитлеровские стратеги вынашивали замыслы захвата Исландии и ряда других островов в Атлантике, с целью превращения их в базы для ведения войны против США. В союзе с Японией они намеревались “устранить влияние англосаксов в Северной Америке”»¹²⁹.

Да уж, планы воистину наполеоновские! Вот только Гитлер Наполеоном не был — по крайней мере в полководческом смысле. Впрочем, и как политик он должен был бы учесть опыт своих предшественников: ни тому же Наполеону не удалось подчинить себе Европу, ни Троцкому — развернуть знамя «мировой революции». Мудрый Сталин от этой идеи отказался, решив строить социализм «в одной отдельно взятой стране», при этом потихоньку раздвигая ее границы — хотя, с его-то самолюбием и амбициями, Иосиф Виссарионович вполне бы мог претендовать на роль мирового лидера. Не стал, однако. А фюрер вот рискнул...

10 июня войска вермахта начали выходить в исходные районы для нападения на СССР — война уже была неотвратима.

* * *

«На рассвете 22 июня 1941 г. фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны, обрушила на Советский Союз удар огромной силы. Ее авиация произвела массированные налеты на аэродромы, узлы железных дорог и группировки советских войск, расположенные в приграничной зоне, а также на города Мурманск, Каунас, Минск, Киев, Одесса, Севастополь. Немецко-фашистская артиллерия подвергла ожесточенному обстрелу пограничные укрепления и районы дислокации передовых соединений армии и частей пограничных войск. Вслед за первыми авиационными удара-

ми и артиллерийской подготовкой перешли в наступление на фронте от Балтики до Карпат сухопутные войска. Одновременно начались бои южнее Карпат вдоль Румынской границы до Черного моря. Вместе с фашистской Германией в войну против СССР вступили Венгрия, Италия, Румыния и Финляндия. <...> Началась Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии и ее европейских сообщников»¹³⁰.

Вот так вот... К сожалению, война эта началась совсем не так, как было «провидчески» показано в ряде ура-патриотических кинофильмов, вышедших на советские экраны в конце 1930-х — начале 1940-х годов. В фильмах этих агрессор сразу же получал сокрушительный и молниеносный отпор, после чего война должна была продолжаться «малой кровью и на чужой территории», а вот в реальной жизни все получилось совершенно по-иному.

«Частичное стратегическое развертывание Красной армии, начатое в мае—июне 1941 г., к моменту вторжения не завершилось. Войска западных приграничных округов не успели создать группировку сил, пригодную для отражения удара. Соединения и части их первого эшелона не могли сдерживать массированные удары немецких танковых группировок, имевших на главных направлениях подавляющее превосходство сил. В результате вермахт с самого начала захватил стратегическую инициативу.

В 5 час. 25 мин. командующий Западным фронтом Красной армии отдал приказ: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев военных действий приказываю поднять войска и действовать ‘по-боевому’». В 7 час. 15 мин. последовала директива наркома обороны: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы, уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу». В 10 час. начальник Генерального штаба Красной армии подвел первый итог: «Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника. Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия»¹³¹.

Хотя и у гитлеровцев все пошло совсем не так гладко, как они заранее рассчитывали, не по накатанному «европейскому варианту» — причем уже с самого первого шага. По тщательно просчитанным в германских штабах планам, на преодоление сопротивления пограничных застав немец-

ким войскам отводилось от тридцати минут до одного часа — в реальности же эти «минуты» превратились во многие часы, дни, а то и недели. И вот, кстати, на какой момент обращает внимание хорошо известный нам лично исследователь:

«Первыми страшный удар вермахта приняли на себя пограничники. Но никогда не говорят, что они подчинялись Л. П. Берии. И уж тем более не говорят о том, что Берия был единственным руководителем силовых ведомств СССР, который предпринял все необходимые меры для приведения вверенных ему войск в полную боевую готовность еще до нападения Германии. Никто, например, не вспоминает о том, что еще 16 июня 1941 г. лично Берия издал приказ, согласно которому в случае начала войны пограничные войска должны перейти в оперативное управление полевого командования РККА. Никто не говорит о том, что уже с 20 июня 1941 г. пограничные войска стали приводиться в полную боевую готовность. А к 21.30 21 июня 1941 г. по всей линии западной границы СССР они уже находились на заранее подготовленных рубежах обороны. Поэтому-то они и смогли более чем организованно принять на себя 22 июня самый страшный первый удар. А ведь речь-то идет о 47 сухопутных, 6 морских пограничных отрядах, 9 отдельных пограничных комендатурах западной границы СССР. И ни одна из 435 пограничных застав самовольно не отошла с занимаемых позиций. Или погибали все вместе, или же оставшиеся в живых отходили при получении соответствующего приказа»¹³².

В боях на границе гитлеровцы потеряли порядка 100—120 тысяч человек, более полутора сотен танков. Говорим об этом затем, чтобы, во-первых, читателю не казалось, что немецкая стальная лавина беспрепятственно покатила по территории СССР, сметая всё на своем пути; во-вторых, затем, чтобы отметить положительную роль Лаврентия Павловича Берии — человека, который в этой главе выйдет на страницы нашего повествования.

В нашей историографии почему-то (скажем так, а почему именно — уточнять не станем, хотя в общем-то понимаем) сложилась дурная традиция: уж если человек зачислен в «отрицательные личности», то значит, всё с ним и у него было плохо. Тот же Берия заслужил в хрущевские времена знак «минус», а потому, если о нем сейчас и говорят, то вспоминают только репрессии да полумифические сексуальные приключения, но вот про то, что всю Великую

Отечественную войну он руководил органами безопасности, «переигравшими» гитлеровские спецслужбы, а затем весьма успешно курировал «атомный проект», говорить как-то даже и не принято. Между тем, если бы у нас было больше правды и объективности в исторических оценках — то больше было бы и уважения к своей истории, ибо она до сих пор пестрит белыми, в смысле — пустыми — страницами, которые нередко пытаются заполнить пресловутые «фальсификаторы истории» и разного рода мифотворцы.

Между тем к началу войны Берия привел в полную боевую готовность не только вверенные ему войска, но и все подразделения органов НКВД. Думается, его непосредственная заслуга есть и в том, что в мобилизационную готовность был также приведен и оперативно-чекистский аппарат Наркомата госбезопасности. Ведь, насколько мы помним, в ходе очередной (можем ехидно уточнить: традиционно непродуманной) реформы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 года Наркомат внутренних дел СССР был разделен на НКВД и НКГБ, к тому же 8 февраля из его состава был выведен 4-й (Особый) отдел ГУГБ — то есть военная контрразведка, разделенная между наркоматами обороны и военно-морского флота. Реформа эта очень чувствительно ударила по органам безопасности государства, особенно в то сложнейшее предвоенное время, и потому незамедлительно началась ее корректировка. Через месяц после начала войны, 20 июля, все тот же президиум очередным своим указом возвратил всё (в том числе и военную контрразведку) «на круги своя» — в состав единого НКВД СССР, руководимого Лаврентием Павловичем.

Нет сомнения, что Берия, как умный человек, опытнейший организатор и руководитель и к тому же тонкий интриган, еще в начале 1941-го понимал, что всё «в органах» — так традиционно называли эти структуры — вскоре неминуемо возвратится на круги своя, а потому и не выпускал из сферы своего внимания отпочковавшийся НКГБ. Тем более что этим наркоматом руководил давний его сотрудник и соратник Меркулов.

Также, без всякого сомнения, к сотрудникам Берии (конечно, совсем не таким близким к нему лично) можно отнести и Виктора Лягина — насколько мы помним, в июле 1939 года Лаврентий Павлович «благословлял» его в долгосрочную командировку в Соединенные Штаты Америки. Теперь же, по возвращении в Советский Союз, Ля-

гину предстояло вновь попасть «под крыло» всемогущего наркома...

А пока еще был солнечный летний день 22 июня 1941 года.

Пограничники дрались и умирали возле своих застав, вступали в бой части прикрытия — войска, расположенные близ государственной границы, — немецкие самолеты бомбили Киев, Минск, Каунас и другие города, но Москва (за исключением считанных десятков людей) еще пребывала в счастливом неведении.

Как мы помним, Виктор Лягин, возвратившись из командировки, поселился у Косухиных — у своей сестры Софьи и ее мужа Глеба, авиатора-полярника. Родственники жили в кооперативном, весьма помпезном, но довольно мрачном «Доме полярника», недавно построенном на Садово-Кудринской улице. (Дом этот в стиле, именуемом ныне «сталинский ампир», сохранился и числится сразу под тремя номерами: 8, 10 и 12.) Хотя где в это время были Зинаида с сыном, нам неизвестно — может быть, даже и на даче у своих родных. Все-таки лето, а в те времена детишек летом старались увозить из города. Ну и плюс известный нам уже «напряг» в семье... Так что, скорее всего, Лягин оставался в Москве, так сказать, в гордом одиночестве.

«О войне он узнал в метро на станции Сокольники, — рассказывает Софья Александровна. — Квартира его в том районе ремонтировалась, и он временно жил у нас. В тот день, 22 июня, он взял маляров и поехал к себе. И в метро услышал: “Фашисты напали на нашу Родину!” Ну, маляры в одну сторону, а он в другую. А через три дня сказал “до свидания”, взял чемоданчик, дала я ему кожаное пальто Глеба и проводила на вокзал»¹³³.

Как часто бывает, за давностью лет некоторые события сместились в памяти рассказчицы. Про неудавшуюся поездку Лягина в Сокольники — это, очевидно, так; про кожаное пальто — тоже, думается, правда (женщины такие моменты обычно не забывают), но вот на юг Виктор уехал не на пятый день после начала войны, а несколько позже...

* * *

Судьба Виктора Александровича Лягина была определена приказом НКВД СССР № 00882 от 5 июля 1941 года:

«1. Для выполнения специальных заданий создать Особую группу НКВД СССР.

2. Особую группу подчинить непосредственно народному комиссару.

3. Начальником Особой группы назначить майора государственной безопасности тов. Судоплатова П. А.

Заместителем начальника Особой группы назначить майора государственной безопасности тов. Эйтингона Н. И.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Генеральный комиссар госбезопасности

*Л. Берия*¹³⁴.

Смысл этого документа объяснил в своих воспоминаниях сам бывший начальник Особой группы генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов:

«В первый же день войны мне было поручено возглавить всю разведывательно-диверсионную работу в тылу германской армии по линии советских органов безопасности. Для этого в НКВД было сформировано специальное подразделение — Особая группа при наркомате внутренних дел. Приказом по наркомату мое назначение начальником группы было оформлено 5 июля 1941 года. <...> Главными задачами Особой группы были: ведение разведопераций против Германии и ее сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на территориях, находившихся под немецкой оккупацией, руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника»¹³⁵.

Кстати, уже в другой своей книге Судоплатов уточняет еще один очень важный для нас — вернее, для нашего героя — момент:

«Особая группа формировалась на базе Первого (разведывательного)* управления НКГБ — НКВД. Костяк ее составляли оперативные сотрудники, имевшие опыт разведывательной работы за рубежом и партизанских действий во время гражданской войны в Испании»¹³⁶.

Неудивительно, что Виктор Лягин сразу же подал рапорт о зачислении в состав Особой группы и направлении его для работы на временно оккупированную врагом территорию. Точно так же, кстати, поступили и многие другие чекисты — как проходящие службу в органах НКГБ, так и уволенные в запас заслуженные ветераны, а также и те со-

* Позволяем себе чуть-чуть уточнить цитату, потому как в оригинале написано «Первого (разведывательного) управления НКГБ — НКВД», что может ввести в заблуждение даже подготовленного читателя; можно решить, что в составе НКГБ — НКВД было несколько «номерных» разведывательных управлений.

трудники, которые были изгнаны из «конторы» в ходе разного рода чисток.

О том, что это будет за работа, сотрудникам органов НКВД — НКГБ было понятно заранее — уж такова специфика их деятельности, чтобы готовиться к разного рода «неожиданностям», возможность которых простые (можно также употребить термин «непосвященные») люди даже и не предполагают. Ну а более четкие и конкретные указания были изложены в директиве НКГБ № 168 — о задачах органов госбезопасности в условиях военного времени, датированной 1 июля 1941 года:

«Приказываю немедленно приступить к осуществлению следующих мероприятий:

1. Весь негласный штатный аппарат НКГБ, сохранившийся от расшифровки, подготовить для оставления на территории в случае занятия ее врагом для нелегальной работы против захватчиков.

Аппарат должен быть разделен на небольшие резидентуры, которые должны быть связаны как с подпольными организациями ВКП(б), так и с соответствующими органами НКГБ на территории СССР.

Способы связи (радио, шифры, окации и пр.) должны быть заблаговременно определены. Перед резидентурами поставить задачу организации диверсионно-террористической и разведывательной работы против врага.

2. Из нерасшифрованной агентурно-осведомительной сети также составить отдельные самостоятельные резидентуры, которые должны вести активную борьбу с врагом.

В резидентуры как штатных негласных работников НКГБ, так и агентурно-осведомительной сети нужно выделять проверенных, надежных, смелых, преданных делу партии Ленина—Сталина людей, умеющих владеть оружием, организовать осуществление поставленных перед ними задач и соблюдать строжайшую конспирацию.

3. В целях зашифровки этих работников необходимо заранее снабдить их соответствующими фиктивными документами, средствами борьбы (оружие, взрыв вещества, средства связи и т. д.).

4. В отдельных случаях допустим перевод на нелегальное положение и гласных сотрудников органов НКГБ, но при условии тщательной зашифровки этого мероприятия в каждом отдельном случае.

Сотрудники НКГБ, как правило, на нелегальное положение должны переводиться в местностях, где они мало известны населению.

5. Также заблаговременно необходимо подготовить для упомянутых выше резидентур и отдельных работников-нелегалов соответствующие конспиративные квартиры и явочные пункты, должным образом зашифрованные.

6. В качестве одного из методов зашифровки агентуры, оставляемой на занятой врагом территории, практиковать фиктивные аресты и заключение в тюрьму якобы за антигосударственные преступления отдельных влиятельных агентов, осведомителей.

Повторяю, при разработке этих мероприятий учтите необходимость соблюдения строгой конспирации, тщательного инструктажа лиц, переводимых на нелегальную работу, и всесторонней разработки форм и методов борьбы с врагом.

7. В качестве основной задачи перед работниками НКГБ, переводимыми на нелегальное положение, необходимо ставить задачу по организации совместно с органами НКВД партизанских отрядов, боевых групп для активной борьбы с врагом на занятой им территории СССР. <...>

Каждому чекисту надо твердо помнить, что в захваченных врагом районах необходимо создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу и срывать все их мероприятия. <...>¹³⁷

Да простит нас читатель за этот довольно-таки большой фрагмент из документа, однако все здесь изложенное будет иметь к нашему герою самое непосредственное отношение. В общем-то всю его последующую работу можно будет буквально раскладывать по пунктам этой директивы, в полном смысле ставшей для Виктора Лягина «руководством к действию».

И опять — пояснение генерала Судоплатова:

«Руководство конкретными операциями и наша инициатива проявлялись в рамках задач, ставившихся перед нами наркомом внутренних дел Берией. Не могу не отметить, что с его стороны поступали четкие и высококомпетентные указания. Однако связано это было не с тем, что он обладал фантастическим особым даром предвидения. Берия был, безусловно, крупной, незаурядной личностью. Важно и другое: как член ГКО он имел доступ к всеобъемлющей военной информации. От него, например, мы получили ценное распоряжение при создании подпольных групп на оккупированной территории — резко усилить разведывательную работу на Южном направлении. Берия исходил из

того, что немцы обязательно будут пытаться использовать Одессу, Николаев и другие крупные портовые города как транзитные пункты для вывоза сырья в Турцию, особенно в случае успешного развития их операций на Ближнем Востоке.

Тогда в спешном порядке мы укомплектовывали резидентуры в Одессе, Николаеве и затем в Киеве. Они должны были отслеживать, как используются порты, выводить из строя судоверфи, сделать все, чтобы захваченное противником зерно не шло через эти порты для нужд немецкой армии»¹³⁸.

И опять генеральный комиссар государственной безопасности Лаврентий Павлович Берия, нарком внутренних дел, выступает совсем не в той роли мрачного злодея, к которой мы так привыкли. К тому же это трезвый реалист, понимающий, что, несмотря на все приказы Сталина и тогдашний сохранявшийся еще официальный оптимизм, не только Киев, лежащий на пути одного из трех основных немецких ударов — на столицу Советской Украины были нацелены войска гитлеровской группы армий «Юг», — но и черноморские порты Николаев и Одесса вскоре будут заняты врагом...

Ну почему мы не умеем (а скорее, не желаем) давать людям — да и событиям тоже — объективные оценки, рассматривая и человека, и явление с различных сторон?! Думается, что особый вред нашей исторической науке нанес Никита Сергеевич Хрущев, со своей «командой», разумеется. Оказавшийся хитрее всех наследников Сталина и претендентов на освободившийся «престол», он старательно доказывал, что до него было ЕЩЕ хуже, тщательно скрывал свои преступления (кто бы знал, сколько было уничтожено документов в самых секретных архивах!) и выпячивал чужие грехи, заодно увеличивая их количество и при этом тщательно утаивая или вообще зачеркивая всё положительное... Ведь в результате подобного одностороннего и предвзятого подхода наша история — в частности, периода 1930-х годов и Великой Отечественной войны — оказалась искажена и оболгана самым беспардонным образом, так что теперь все кому не лень требуют от нас извинений, покаяния и компенсаций.

Не бойтесь говорить про ошибки, грехи и даже преступления Лаврентия Павловича Берии, но отдайте ему должное за его заслуги! Очень многое давно уже можно было бы рассекретить, чтобы сказать правду. Но... Мы до сих пор

предпочитаем не называть во всеуслышание некоторые заслуженные имена (практика, отработанная еще в эпоху борьбы с «врагами народа»), а в дни военных парадов в честь Дня Победы даже закрываем пластиковыми щитами Мавзолей В. И. Ленина — чего не делалось ни во время парада 7 ноября 1941-го, ни во время парада 24 июня 1945-го, воистину ставших основными вехами Великой Отечественной войны.

* * *

Ну что ж, решение о создании нелегальных резидентур было принято — теперь следовало подобрать людей, которые могли бы эти резидентуры возглавить.

Как известно, разведчику-нелегалу, которого отправляют «в поле», самым тщательным образом составляется «легенда», то есть придумывается биография, как бы совсем другая жизнь, в которую ему нужно воистину врать, — процесс это длительный, разносторонний и кропотливый, так что на сей раз в подробности вдаваться не будем. Но в данном случае требовались люди, которые бы под «легенду» подходили. Ведь для организации работы в «Одессе, Николаеве и других крупных портовых городах» требовались не просто опытные сотрудники органов безопасности, которые могли бы руководить деятельностью нелегальных резидентур и координировать усилия подпольных групп, но и в первую очередь высококвалифицированные специалисты-корабелы. Только такие люди и могли вызвать интерес у захватчиков, войти к ним в доверие, занять соответствующие позиции в новой иерархии... Времени и условий для того, чтобы «работать по правилам»: легализовываться, переезжая с места на место, обрести необходимыми связями и постепенно делать карьеру при оккупационных властях, не было — следовало изначально парализовать работу захваченных гитлеровцами портов и верфей. Но зато и проверить очередного «кандидата на сотрудничество» немцам было гораздо сложнее — война сняла с насиженных мест и переместила миллионы советских людей, и в том, что кто-то как будто бы совершенно случайно оказался где-то, не было ничего удивительного и тем более подозрительного... Зато убедиться в уровне знаний и технической подготовки «инициативника», то есть человека, добровольно вызвавшегося на сотрудничество, никакого труда бы не составило — у гитлеровцев хватало высококвалифициро-

ванных специалистов, которые могли устроить и провести экзамен любой сложности. И если бы разведчик не прошел этот экзамен, то ему не помогла бы и самая лучшая «легенда».

Что ж, война недаром именуется «особым периодом» — там всё по-особому, всё не так, как в привычной мирной жизни...

Есть неподтвержденная версия (неудивительно, ведь разведка живет по принципу лермонтовского Печорина: «Я никогда сам не открываю моих тайн, а ужасно люблю, чтоб их отгадывали, потому что таким образом я всегда могу при случае от них отпереться»¹³⁹), что якобы некий сотрудник, который планировался для отправки в город Николаев, дрогнул и отказался.

Заведующая николаевским областным музеем «Подпольно-партизанское движение на Николаевщине в годы Великой Отечественной войны. 1941 — 1944 гг.» Людмила Борисовна Ташлай так излагает данную ситуацию:

«В начале войны руководство не собиралось отпускать В. А. Лягина из центрального аппарата, поручив ему подготовку разведывательно-диверсионных групп для деятельности в захваченных немцами промышленных центрах. Отказ подготовленного им руководителя резидентуры отправиться в Николаев, в тыл противника, Виктор Александрович расценил как собственный просчет. Он считал, что сам должен исправить ситуацию, лично возглавив разведывательно-диверсионную работу в крупнейшем судостроительном центре Причерноморья»¹⁴⁰.

Честно говоря, запинаясь на том месте, где говорится, что Лягин готовил разведывательно-диверсионные группы. Видимо, точнее будет сказать, что он принимал определенное участие в подготовке таковых — все же основная тяжесть этой деятельности, без сомнения, была возложена на сотрудников, имевших опыт разведывательно-диверсионной работы в той же Испании, ну и, возможно, кое-где еще, хотя по каким-то техническим вопросам он и мог кого-то консультировать.

Ладно, вышесказанное примем к сведению, потому как для нас главным и не вызывающим сомнения является тот факт, что Виктор Лягин подал рапорт с просьбой направить его на оккупированную территорию — в Николаев. Но это его желание, что называется, «не нашло понимания» у вышестоящего руководства. Во-первых, как мы уже говорили, Виктор Александрович был руководителем отделения на-

учно-технической разведки — а это, особенно в условиях войны, был важнейший участок деятельности. Во-вторых, для работы в Николаеве требовался инженер-кораблестроитель, а Лягин, насколько мы помним, окончив ленинградский Политех, получил специальность «инженер-механик по конструированию автомобилей и тракторов». Были и еще серьезные «противопоказания», о которых написал в своей книге Павел Анатольевич Судоплатов:

«В тыл противника он отправился по собственной инициативе. Поскольку до этого Лягин работал в США, достаточного опыта контрразведывательной работы у него не было, но он горел желанием отличиться на войне. Его вело бесстрашие.

Он оставил семью, все свои привилегии руководящего работника, даже личную автомашину, что было в то время большой редкостью, которую он привез из-за границы. Несмотря на мои возражения, добился приема у Берии и лично подписал рапорт у руководства Наркомата внутренних дел о направлении его резидентом в Николаев накануне оккупации города. Обосновывал Лягин свое решение тем, что возглавить резидентуру крупных портовых районов, захваченных противником, может только человек, имеющий хорошую инженерную подготовку. Такая подготовка у него была. Однако мы категорически возражали против этого, зная, что он был довольно обстоятельно осведомлен о работе нашей разведки за кордоном. И назначение такого человека на рискованное дело противоречило нашим основным принципам и правилам использования кадров»¹⁴¹.

Понятно, что если бы Лягин оказался в застенках гестапо и, паче чаяния, «развязал язык» на допросах, то это могло иметь для разведки катастрофические последствия. Как нам известно, разведчик сохранил верность присяге — и враг от него ничего не узнал. Впрочем, гитлеровцам не удалось узнать и того, кем был на самом деле «инженер Корнев» — у Виктора, разумеется, была и «отступная легенда» на случай провала. Но речь о том еще впереди.

А вот на слова генерала Судоплатова о том, что «достаточного опыта контрразведывательной работы у него не было», следует обратить особое внимание — именно этот момент имел для разведчика роковые последствия.

Итак, Лягин подал рапорт с просьбой направить его в Николаев. Рапорт не подписали. Думается, что Павел Фитин — на правах не только начальника разведки, но и друга — убеждал Виктора, и, вполне возможно, не раз, переменить свое

решение. Бесплезно! Лягин настаивал на своем и, в конце концов, добрался до самого Лаврентия Павловича. Хотя официально Наркомат госбезопасности еще не возвратили в лоно НКВД, всем уже было ясно, что так и будет, а потому для сотрудников обоих народных комиссариатов Берия представлялся высшей инстанцией.

«По воспоминаниям племянницы В. А. Лягина Ирины Николаевны Лягиной, работавшей в особом отделе НКВД, Л. П. Берия первоначально категорически возражал против его отправки в Николаев. *“Это не твоя война. Ты специалист по США и научно-технической разведке. Справимся с Германией без тебя. Твоя война — следующая. Для тебя есть достойная должность”*. Но В. А. Лягин настоял на своем, обосновав это решение тем, что возглавить резидентуру крупных портовых районов, захваченных противником, может только человек, имеющий хорошую инженерную подготовку. Такая подготовка у него была»¹⁴².

Сложно понять, что означает «Твоя война — следующая». Вполне возможно, что Ирина Николаевна по ходу времени что-нибудь и перепутала. Ведь тогда, во время Великой Отечественной, многие искренне верили, что именно эта война окажется самой последней. Впрочем, точно так же думали и во время Первой мировой, считая пулемет «оружием массового уничтожения», которое сделает войны невысмысленными... Но сразу по прошествии что той войны, что следующей становилось очевидно, что это еще далеко не конец в длинной череде вооруженных конфликтов. Ирина Николаевна, как сотрудница НКВД, прекрасно знала (разумеется, ей стало известно об этом несколько позже), что уже вскоре советская разведка вступила в свою «тайную войну» за обладание «атомными секретами», и именно благодаря нашим спецслужбам начавшаяся в 1946 году холодная война так и не превратилась в термоядерную. Так что вряд ли Лаврентий Павлович говорил тогда про следующую войну, а вот о том, что «это не твоя война», он сказал однозначно.

Но Берия на сей раз ошибся — Виктор Лягин остался в истории именно как один из героев той самой Великой Отечественной войны.

Вот что интересно: Лягин, трезво оценивая свои силы, прекрасно понимал, что он сможет «сработать» за кораблестроителя. Это же не тот вариант, когда какой-нибудь юноша, движимый патриотическим порывом, рвется на

фронт, говоря, что он всё умеет, а потом просит товарищей показать, как надо заряжать винтовку. Нет, Лягин юношей давно уже не был, и его специфическому опыту могли позавидовать многие. А главное, он сознавал, что от него зависит не только выполнение важнейшего задания Родины (миссия в тылу врага воспринималась именно так), но и жизни тех людей, сотрудников, которые войдут в состав возглавляемой им нелегальной резидентуры. То есть переоценивать свои возможности он просто не мог — слишком дорого пришлось бы платить за самоуверенность. Поэтому ему с холодной головой — как завещал товарищ Дзержинский — пришлось оценить свои шансы. Не исключается, что Виктор мог советоваться с кем-то из специалистов, а также, вполне возможно, штудировал некоторые необходимые материалы по судостроению. Что ж, думается, что прекрасное образование, полученное им в Ленинградском политехническом институте и опыт работы в США по линии научно-технической разведки, где ему пришлось заниматься вопросами, связанными с военно-морскими силами, давали ему твердую уверенность в том, что он сумеет выполнить возложенную на него миссию.

В конце концов, Лаврентий Павлович Берия подписал его рапорт — значит, и он поверил. После этого, насколько нам известно, Виктор проходил специальные курсы, занятия на которых проходили, можно сказать, по 25 часов в сутки. Ну а что было делать? Нужно было по-настоящему подготовиться к очень серьезной, ответственной, самостоятельной, автономной и смертельно опасной работе — и притом совершенно незнакомой. Ведь «оттуда» в Центр за консультацией уже не позвонишь и даже с более опытным коллегой вряд ли посоветуешься.

* * *

Положение на фронте становилось все хуже... Впрочем, не стоит думать, что это был сплошной «драп», как утверждают некоторые сегодняшние как бы историки — хотя не только сегодняшние, ибо активно фальсифицировать историю Великой Отечественной войны начали еще в приснопамятные хрущевские времена. Да, советские войска отступали, но всем известно, что в глубоком немецком тылу, в сплошном окружении, более месяца сражался героический гарнизон Брестской крепости, оттянув на себя с фронта

целую немецкую дивизию. Гораздо менее известно, что с 23 по 29 июня, в течение недели, в районе Дубно, Луцка и Ровно проходило танковое сражение, которое хотя и закончилось в конечном итоге победой противника, но серьезно задержало немцев, заставив их ввести в действие незапланированные резервы и несколько изменить свои планы. Можно еще долго приводить примеры упорного сопротивления советских войск, периодически даже переходивших в контрнаступление, — но скажем о главном: стратегия «блицкрига», казалось бы, отработанная гитлеровцами на полях Польши, Франции, Бельгии, в России им явно не удавалась. Несколько забегая вперед можно уточнить, ссылаясь на работы историков:

«Противнику не удавалось вести наступление в запланированных темпах. Если первые три недели войны немецкие войска продвигались в среднем по 20—30 км в сутки, то с середины июля — начала августа лишь по 3—8,5 км. В конце августа командование вермахта вынуждено было признать, что попытка разгромить СССР в 1941 г., вероятно, не увенчается успехом и “войну на Востоке” придется продолжать в 1942 г.»¹⁴³.

И все-таки обстановка была очень тяжелой — воевать по-современному мы пока еще не умели. 24 июня советские войска оставили Вильнюс, столицу Литвы, 28-го — Минск, столицу Белоруссии; 1 июля гитлеровцы вошли в Ригу, столицу Латвии; 9 июля были сданы древние города Псков и Житомир; 10 июля началось двухмесячное Смоленское сражение, 11-го — оборона Киева; 12 июля рвущиеся к Ленинграду немецкие войска были остановлены на Лужском рубеже...

Можно понять те чувства, которые испытывал тогда Виктор Лягин, но ясно и то, что, в отличие от многих, он уже не писал рапортов с просьбой направить его на фронт и не теребил начальство нетерпеливыми вопросами о том, когда же, наконец... Виктор прекрасно понимал, что идет та самая подготовка, без которой легализоваться и начать работу в Николаеве его группе было невозможно. А потому оставалось напряженно готовиться и терпеливо ждать своего часа.

Но вот, наконец, поступила команда — собираться и выезжать в Киев.

Перед отъездом Лягин успел написать два письма — маме и жене. Начинаем со второго, копию которого нам передали:

«Дорогая Зиночка!

Сегодня 14 июля, как будто бы, я выезжаю. Настроение очень хорошее. Все мысли направлены к тому, чтобы как можно лучше выполнить поставленную цель. Не волнуйся, по всем признакам должно быть неплохо.

Помни все, о чем я тебя просил:

1/ Обязательно береги и расти сына.

2/ Помогай Татке*

3/ Примиришься со всеми неудобствами военного времени, не будь чрезмерно требовательна к товарищам.

4/ Целуй Витика от моего имени каждый день

5/ Не волнуйся, если по отчаянию потеряем возможность переписываться

6/ Помни о семье, обо мне.

Итак, дорогая, крепенько тебя целую. Как вы добрались, я уже не спрашиваю. Знаю, знаю, что очень важно, знаю, что пришлось измучиться, знаю, что устроились не совсем хорошо, но ничего не поделаешь — время такое. Помни, что многим нашим товарищам будет жить значительно хуже, а может быть некоторым уже и живется. Большую надежду возлагаю на Матильду Андреевну**. Очень благодарен ей за согласие поехать с тобой и взять на свои руки Виктора. Виктора не балуйте, с пеленок приучайте его к физическим недомоганиям. Суровая зима должна его закалить. Одним словом, ты знаешь мое здоровье, мою выносливость. Пускай он будет таким, но физически сильнее.

Таточка пускай останется с Аней, а когда и Матильда Андреевна сдаст в ее силах, отдай Витьку Ане. Поверь, дорогая, что это тебя от Виктора не оторвет, он всегда будет твой, но ты можешь быть вполне спокойна, что он получит нужное воспитание. Тебя это предложение может несколько обидеть, но если ты знала бы, как Аня любила и любит меня, ты бы простила мне за мою дерзость.

Где наши ленинградцы, я еще не знаю. Тов. Крепчеву*** оставляю письмо на их имя, но когда дойдет до них, не знаю.

Помогай им деньгами. Как я уже тебе говорил, зар. плату за июль месяц я уже получил и передал Матильде Андреевне. Прошу тебя оформить.

* Здесь и в нескольких местах далее точки отсутствуют.

** Мать Зинаиды Тимофеевны, теща В. А. Лягина.

*** Кто-то из сотрудников разведки НКГБ.

В последующие месяцы ты будешь полностью получать мою зарплату 1900. 1000 рублей переводи им, я полагаю, хватит 900 + 900 твоих.

Вот и все, дорогая Зинуша.

Прости за некоторые вопросы моего письма, но сама понимаешь. Может быть я зря навожу панику, но попросить тебя об этом я должен.

Крепко, крепко тебя целую. До скорого свидания.

Твой Витя.

Крепко поцелуй Викторчика. Называй его своим именем.

Крепко целуй Матильду Андреевну. Спишись с Соней — он* рядом. Передавай мой привет и поцелуй всем Косухиным.

Ириша осталась в Москве, работает в особом отделе.

Виктор».

Оригинал второго письма нам, к сожалению, найти не удалось — приходится пользоваться текстом, помещенным в книге «Право на бессмертие»:

«Мои дорогие мама, Аня и Татка!

С большой горечью я сознаю невозможность нашей встречи после долгой разлуки, тем более, что нас ждет новая, столь же продолжительная... Знаю, как вам хотелось увидеть меня, поверьте, и у меня болит душа. Но сейчас, когда советскую землю оскверняют фашистские варвары, я не могу быть в стороне от великой войны, на которую поднялся весь народ. Сегодня я выезжаю на фронт. Бесконечно счастлив, что буду лично участвовать в священной борьбе за честь и свободу нашей Советской Родины. Тысячи проклятий Гитлеру! Отольются ему наши слезы, сторицей заплатит он за кровь и страдания народа...»¹⁴⁴

Слово «приходится» мы использовали не от какого-то ущемленного авторского самолюбия — мол, кто-то до нас уже его опубликовал, но потому, что тексты писем в книге «Право на бессмертие» не совсем соответствуют оригиналу. Подчас видна редаKTура — и довольно-таки основательная. Мы ранее говорили об этом, но вот еще один свежий, так сказать, пример. Письмо Лягина жене, приведенное нами выше, в книге начинается так:

«Дорогая Зиночка!

Сегодня я выезжаю. Настроение приподнятое, все мои помыслы только об одном — как лучше выполнить порученное мне задание...»¹⁴⁵

* Ошибка в тексте.

Между тем, насколько мы помним, в оригинале всё несколько менее определенное: «Сегодня 14 июля, как будто бы, я выезжаю», менее литературное и менее грамотное: «Настроение очень хорошее. Все мысли направлены к тому, чтобы как можно лучше выполнить поставленную цель».

Но чему тут удивляться? Виктор спешил, волновался — он лучше всех понимал, насколько опасная работа ему предстоит. Нацистские «экзаменаторы» — а «экзамен», в чем у него не было никаких сомнений, будет продолжаться весь период «долгосрочной командировки» (так в разведке называется поездка за рубеж на длительное время) — и в случае ошибки ему не станут предлагать «второй билет», но постараются как следует проверить весь «уровень его знаний». Как они проверяют, было уже хорошо известно.

В общем, думается, что текст письма в Ленинград явно отредактирован — уж слишком много в нем какой-то казенной патетики, которая, заметим, напрочь отсутствует в его послании жене... Тем более что, как мы уже сказали, письмо Зинаиде, помещенное в книгу, «причесано» весьма основательно — причем без всякой на то необходимости.

Ладно, не это главное — нам бы, во-первых, понять, куда эвакуировались жена Лягина и его сын, а во-вторых, разобраться, где были в то время мама Виктора, его сестра и дочь. В письме жене он пишет: «Где наши ленинградцы, я еще не знаю...», тогда как Анна Александровна в своем интервью, данном более чем четверть века спустя после описываемых событий, утверждала:

«Я его не провожала на юг. Когда началась война, мы были в Ленинграде, а Витюша в Москве. За час до отъезда в Николаев он позвонил мне из Москвы и сказал, чтобы я забирала Татку и эвакуировалась из Ленинграда... Это, говорит, мой приказ. Дети должны жить. Ну что же, я выполнила этот его приказ»¹⁴⁶.

Может быть, и так... А может, Анна Александровна ошибается, и лягинский «приказ» об эвакуации поступил к ней несколько раньше, чем 14 июля. Но кто сейчас об этом точно знает?

...Служивцы, провожавшие Виктора на вокзал, рассказывали, что, когда поезд уже набирал ход, он крикнул им с подножки вагона: «Если не вернусь — детей берегите!» Лягин очень любил своих детей Витю и Таточку, всю свою семью.

ЖИЗНЬ НА ПОРОГЕ БЕССМЕРТИЯ

Повторим те самые слова, которыми закончили предыдущую главу, — Виктор Лягин очень любил своих детей, свою семью. И очень по ним скучал. Вот почему, наверное, добравшись в конце концов до Киева 19 июля, он уже на следующий день уселся за длинное, подробное и обстоятельное письмо. Письмо большое, но его стоит привести целиком:

«Здравствуйте, дорогие: сыночка, Зиночка и Матильда Андреевна!

Надеюсь, что вы уже получили мое первое письмо и знаете о моем отъезде. Кое-как добрался до Киева. Ехали мы на автомашине через мои родные края. (Вполне возможно, что поездом Лягин ехал не дальше Калуги, где его встретили товарищи из областного УНКГБ. — А. Б.) Всё изменилось до неузнаваемости. Никто из наших, конечно, не в состоянии был узнать старых селений и городов.

Будешь писать маме, напиши, что я был в Жуковке, Ржанице, Бежице и Брянске. Все эти места стали центром промышленности и все без исключения по несколько раз в день бомбятся немцами, особенно Алсуфьевка.

За четыре дня своего путешествия несколько раз был свидетелем бомбежек. За день пребывания в Брянске было две бомбежки. Не скажу, чтобы было очень страшно. Немцы бомбить не умеют. Так, например, из 30 бомб, сброшенных под Брянском, только 4 попали в цель, убив 4-х человек. Остальные бомбы легли далеко от цели. От всех этих бомбардировок много больше паники, чем действительно-го урона.

То же самое и в Киеве. Киев бомбили несколько раз. С хитростью и без хитрости, с упрямым желанием разрушить мосты, соединяющие Киев с левым берегом, и просто так поугагать жителей. В результате же всех бомбежек разрушено три дома и один цех одного завода...

Я живу в Киеве второй день, и я абсолютно не вижу каких-либо видимых изменений, вызванных войной. Правда, на улицах большое количество военных, многие из них крепко “вооружены”. Нашлись молодчики, навесившие на себя по паре, тройке пистолетов разных систем и калибров, через плечо ленты, набитые патронами, и на поясе — по паре гранат. Недалеко от Киева имеется большая группа

противника, но не главные силы, главные силы далеко от Киева, и их с успехом сдерживают наши войска.

Был я также в Рославле и под Смоленском, там дело обстоит серьезнее. Но и там успех решается не столько силой противника, сколько еще недостаточной организованностью с нашей стороны. Некоторые объяснения этому обстоятельству могут быть найдены в нашей еще неопытности ведения войны по сравнению с системой, которая проверена и исправлена в опыте 2-х летней войны.

Проезжая через населенные пункты, мы останавливались кушать. Встречаясь с местным населением, беседовали на военную тему. Во время этих бесед у меня часто наворачивались слезы — любовь и преданность к Советской родине и глубокая ненависть к врагу проявлялась в этих беседах. Одна какая-то старушка во мне нашла большое сходство с ее сыном Федей. С плачем она пожимала мне руку...

Посмотрел на наши поля и нивы. Видел брянские, орловские, белорусские, украинские. До чего богатый урожай! Душа кровью обливается, когда вспоминаешь, что большая часть этого добра должна погибнуть. Народ идет на жертвы сознательно, с жалостью, с чувством полного понимания обстановки, жгут свои хаты, уничтожают скот. Конечно, это стоит больших усилий и переживаний, чтобы уничтожить свое добро, создаваемое их прадедами, дедами или ими самими. Все в один голос заявляют: “Ну, это ничего, наживем новое — лишь бы Гитлера разбить”.

Наверное, сегодня уезжаю дальше. С места своего назначения рассчитываю еще написать Вам пару строк.

О здоровье и жизни Вашей на новых местах спрашивал в письме, буду надеяться, что все обстоит благополучно. Наладила ли связь с мамой и Аней, а также с Соней? Напиши мне письмо через наркомат в адрес Упр. НКГБ гор. Николаева (Украина). Напиши о Витьке, о себе и обо всех наших.

Крепко Вас целую
Ваш (подпись)»¹⁴⁷.

Судя по подписи, письмо это — как и ряд последующих — отпечатано на машинке. В данное время оно хранится в Николаевском музее, и потому мы обращаемся к тексту в книге, написанной его заведующей.

Нет, видимо, смысла объяснять, что это послание было отправлено не обыкновенной почтой, а по линии «конторы» — это гарантировало быструю и надежную его доставку, а также и то, что письмо не будут читать те, кому это не

надо. Разумеется, соответствующую цензуру оно проходило — война есть война, — но читали свои люди, знавшие, что автор может написать несколько больше, нежели обыкновенный «корреспондент», как тогда называли отправителей и получателей почтовой корреспонденции.

Ведь в этом письме сказано очень много — не только о том, что происходило вокруг Виктора Лягина, но и о нем самом, видно, как открывается здесь его душа — истинного патриота и человека из народа, готовящегося принести себя в жертву во имя этого народа, во имя своей Родины. Ведь Лягин, в отличие от романтически настроенных комсомольцев, только что оставивших школьную парту и стремившихся отправиться во вражеский тыл со специальным заданием (а таких было немало, и самый яркий пример — Зоя Космодемьянская, служившая в военной разведке), прекрасно сознавал, что его ждет. Профессиональный разведчик, он, думается, имел достаточное представление об абвере и гестапо, об их эффективности и методах работы — не только по поиску вражеских для них агентов, но и по организации допросов, получению информации... И здесь, в отличие от Америки, не будет никакого дипломатического прикрытия, и в консульство за помощью не побежишь, а в качестве многоопытного резидента, который всегда поможет найти выход из трудной ситуации, — только ты сам.

...Несмотря на свой, так скажем, лошенный вид — а он явно не стремился сменить заграничный имидж, ему нельзя было, как это говорилось в XIX столетии, «опроститься», — Виктор без всяких проблем находил общий язык с простыми людьми. Недаром же какая-то старушка нашла в нем сходство с сыночком Федей, которого ей вряд ли когда уже доведется увидеть: сыночек где-то воюет, отступает, а она остается «под немцем»... Отметим, что в письме своем Лягин так и пишет «сыночек» — явно ведь, что материнская боль царапнула и его сердце. Конечно, это профессиональный навык — разведчик должен уметь находить общий язык с любым человеком. Однако в тот «особый период» сделать это было гораздо сложнее, нежели в мирное время...

Но вот интересно, как смотрели на Лягина те самые обмотанные пулевыми лентами и обвешанные пистолетами «молодчики» на улицах Киева. Они-то вроде бы готовились пролить кровь за Отечество — и действительно проливали, потому как это явно был какой-то «молодняк», пороку еще не нюхавший, ибо после первых выстрелов же-

ление пофорсить у подавляющего большинства исчезало напрочь, — а он явно выглядел как какой-то тыловой пиджон, в дорогом импортном костюме, в кожаном пальто, по неизвестным причинам избежавший призыва в действующую армию... Впрочем, думается, что чужие оценки Виктора волновали меньше всего. Он сознавал, что чем меньше он сейчас нравится соотечественникам, тем более придется ко двору «немецким товарищам», тем меньше подозрений у них вызовет.

Война между тем подходила к столице Советской Украины все ближе и ближе.

«Поскольку группа армий “Юг”* в начальный период войны не достигла ближайшей стратегической задачи на южном крыле советско-германского фронта, перед ней стояли прежние задачи: овладеть Киевом, захватить плацдармы на восточном берегу Днепра и одновременно левым крылом (1-я танковая группа и 6-я армия) совершить глубокий охватывающий маневр через Белую Церковь в юго-восточном направлении, а затем всеми своими силами окружить, расчленить и уничтожить советские войска на Правобережной Украине. <...>

Во второй половине июля — первой половине августа решающие события развернулись на киевском направлении в полосе Юго-Западного фронта. Командование группы армий “Юг” вначале считало, что для наступления на Киев и захвата плацдарма на левом берегу Днепра достаточно будет 3-го моторизованного корпуса, что главные силы 1-й танковой группы после прорыва обороны советских войск в районе Бердичева осуществят глубокий охватывающий маневр через Белую Церковь, западнее Днепра в общем направлении на Кировоград, а 6-я и 17-я армии, наступая от Бердичева в юго-восточном направлении, соединятся с 11-й армией и замкнут кольцо окружения вокруг советских войск.

Советское командование приняло срочные меры для устранения угрозы, нависшей над столицей Украины: были усилены войска Киевского укрепленного района; активи-

* Образована в июне 1941 года в составе 6, 11 и 17-й полевых армий, 1-й танковой группы, двух румынских армий, а также венгерского, словацкого и итальянского корпусов; действовала на южном крыле советско-германского фронта: Львов — Киев — Севастополь — Одесса — Ростов-на-Дону. Командующий — фельдмаршал Герд фон Рундштедт.

зировала действия 5-я армия*, наносившая удары с севера во фланг 6-й немецкой армии и 1-й танковой группе; началось наступление 26-й армии Юго-Западного фронта против этой же танковой группы с юга. В результате к середине июля серьезная попытка противника использовать разрыв между 5-й и 6-й армиями Юго-Западного фронта для захвата Киева с ходу была сорвана. 11 июля войска Киевского укрепленного района остановили передовые части мотопехоты и танков 3-го корпуса противника на реке Ирпень.

Так началась оборона Киева»¹⁴⁸.

Как мы понимаем, столица Украины была для Виктора Лягина — как и для бойцов его группы, о которых мы расскажем чуть позже, — всего лишь одним из «остановочных пунктов». Возможно — и сборным пунктом, где все они наконец-то встретились. Уже буквально на следующий день после написания своего подробного письма жене Виктор отправлялся далее по выработанному в Центре маршруту — на юг, в город у Черного моря Николаев.

О том, как он туда добирался, Лягин написал в еще более подробном, нежели предыдущее, письме. Переписка — и то уже односторонняя — оставалась той единственной ниточкой, а может быть даже и тончайшей паутинкой, что пока еще связывала Виктора с семьей, со всей той прежней, невозвратной, довоенной жизнью. Конечно, он надеялся, что ответ еще успеет прийти, — но он даже не знал, где в это время находится Зинаида с сыном и когда до них дойдут его послания. Зато было понятно, что совсем скоро переписка оборвется полностью — из немецкого тыла вряд ли чего уже напишешь, разве что сделаешь приписку к зашифрованной радиограмме: «Передайте родным — жив и здоров». Да и вообще, твердой гарантии, что всё сложится именно так, как запланировано в Центре, ни у кого не было: а вот не захотят гитлеровцы привлекать к работе русских специалистов — и всё! Или засадят их всех на какое-нибудь тюремно-казар-

* 5-я армия сформирована 28 сентября 1939 года в Киевском Особом военном округе для участия в Освободительном походе в Западную Украину и Западную Белоруссию; в июне—июле 1940 года в составе Южного фронта принимала участие в присоединении Северной Буковины к СССР. С начала войны 5-я армия вошла в состав Юго-Западного фронта, вступив в бой с войсками группы армий «Юг» на Ковельском и Луцком направлениях, участвовала в Киевской оборонительной операции. 20 сентября 1941 года управление армии было расформировано, а остатки ее соединений и частей переданы на укомплектование других армий Юго-Западного фронта.

менное положение, с автоматчиками у порога и минимальным продовольственным пайком — что тогда делать? Но даже в идеальном случае, если всё получится именно так, как задумано, не стоит надеяться, что «командировка» во вражеский тыл окажется краткосрочной... О том же, что он может погибнуть, Виктор, очевидно, старался не думать — такими мыслями только себя запугаешь, но делу никак не поможешь.

Вот и стремился Лягин написать как можно больше, рассказать о себе всё, что можно — а потом, видимо, когда была возможность, думал о том, как это письмо будет читать Зинаида, как передаст его маме и Ане и что они тогда скажут, как будут его обсуждать, сидя вечером на кухне, под оранжевым абажуром...

Письмо, которое мы здесь помещаем, было написано 29 июля, уже из Николаева, и хранится ныне в Николаевском музее. Воспроизводим его полностью, письмо очень интересное по своему содержанию и написано хорошим русским языком, так что, думаем, читатель на нас за это в обиде не будет:

«Дорогая Зиночка!

Исключительно мучительно и трудно оставаться в неведении о своей семье. Ведь я же совершенно не знаю, как вы устроились. Ничего не знаю о Татке и всех ленинградцах. Несколько дней назад говорил по телефону с Павлом Михайловичем <Фитиным>. Он говорит, что все добрались, все благополучно, но никаких подробностей о вас, конечно, рассказать не мог.

Как сын? Наверное, еще больше стал смеяться и мучить свою бабушку попрыгушками.

Получила ли ты мои первые два письма? Помнишь ли мою просьбу целовать Витьку от моего имени каждый день с прибавлением: “Это папка тебя целует”. Очень прошу тебя, не забывай этого делать.

Зинуша, дорогая, пиши чаще. Учти, что почта идет очень плохо и долго. Бери пример с меня, видишь, я пишу уже третье письмо.

Восстановила ли ты связь с Таткой и ленинградцами? Если они недалеко, проси их писать через тебя, а если далеко, то тоже через тебя.

Это письмо пишу с места моего нового назначения. Пришлось перепробовать все виды транспорта: авто, конный, речной и железнодорожный. Каждый из видов транс-

порта имел свои трудности и воспоминания, связанные с некоторыми приключениями.

Как я уже писал, до Киева наша группа добиралась грузовой машиной. Ехал и вспоминал наши путешествия по Америке, нашего Бьюика и Плимут-7, вспоминал американские дороги и с большой обидой признавался, что нам за такой короткий срок существования Советской власти было, конечно, не под силу одолеть российское бездорожье...»¹⁴⁹

И тут мы, уважаемый читатель, сделаем остановку и вспомним «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова:

«Когда закрываешь глаза и пытаешься воскресить в памяти страну... представляешь себе не Вашингтон... не Нью-Йорк... не Сан-Франциско... а скрещение двух дорог и газолиновую станцию на фоне проводов и рекламных плакатов».

Между прочим, ни Петрову, ни Ильфу — так же как и Виктору Лягину — возвратиться в Америку было не суждено. Фронтовой корреспондент газеты «Красная звезда» Евгений Петров погибнет меньше чем через год, 2 июля 1942-го, возвращаясь из командировки в осажденный гитлеровцами Новороссийск, — транспортный самолет, на котором он летел, будет сбит немецким истребителем. А Илья Ильф к тому времени давно уже умер — во время поездок по прекрасным американским дорогам у него открылся застарелый туберкулез, и он скончался в злосчастном 1937 году.

Вернемся, однако, к письму Виктора Лягина и к нашим советским (российским) реалиям:

«...Правда, мне все же повезло. Как второй водитель, я получил место в кабине вместе с шофером, остальные же товарищи ехали в кузове. Ехали под палящими лучами солнца, ехали часами в клубах бесконечной пыли, ехали в дождь, ехали ночью, жутко мерзли...

Поездка на пароходе превратилась в хорошую прогулку по Днепру. Три дня мы плыли по великим водам Днепра. Грязен и мутен Днепр! Взбудоражилось дно, верховья мертвецами полны. Кто-то из киевлян рассказывал, что в одном местечке немцам удалось прорваться к мосту через Днепр. Лавиной бросилась фашистская свора на наш берег. Мост был переполнен немцами. Казалось, немцы были у цели, как вдруг грянула наша артиллерия, несколько удачных попаданий, мост — взлетает, и через несколько секунд все падает вниз на дно и образует новую переправу через

обмелевшую реку. Немцы бросились на нашу сторону по трупам своих товарищей. Стон тяжело раненных, просьба о помощи, хватание за ноги бегущих не останавливали стервятников. Нашей артиллерии пришлось бить по трупам и разрушать эту новую переправу.

Так можешь себе представить, что представляет собою сейчас Днепр и его воды?!

Иногда немцы по своему радио передают “письма” от солдат с фронта своим родным. Содержание этих писем вкратце следующее: живем на Украине, кушаем белый хлеб с салом и купаемся в Днепре...

Как они живут в действительности и как они грабят население, чтобы, хоть чуть-чуть, утолить свой голод, ты хорошо знаешь из газет...

Жаль реки. Какие чудные места, какая красота! Реки уже ископаны. Спокон веков местные жители пользовались днепровской водой. А сейчас уже категорически запрещено пить сырую воду из Днепра, Десны.

Последний этап моего маршрута я прокладывал поездом. В этих местах передвижение любым видом транспорта связано с известным риском: вражеские самолеты обстреливают все, что можно обстрелять, а особенно мирные, незащищенные объекты. Что же может быть безопасным, как обстрелять санитарный поезд, движущийся по шоссе автомобиль или маленький гражданский пароходик. Правда, даже эти налеты кончаются смертью для многих немецких летчиков. Если ты еще не устала, я опишу тебе один эпизод, произошедший пару дней тому назад.

Немецкий самолет возвращался на свой аэродром после неудачной бомбежки. Ему, по-видимому, было дано задание — разрушить промышленные пункты, железнодорожные мосты, военные объекты. Летчик принял задание, подлетел к одному объекту — зенитка, опасно для жизни, он подлетел к другому — наши “ястребки” идут навстречу, еще опаснее, чем зенитка. Остается одно — удирать, удирать и еще раз удирать, пока не поздно, пока “ястребки” не набрали высоту.

Летчик бросился обратно. Летя вдоль берега, он бросил одну бомбу в стадо, другую в пастухов-мальчишек, стрелял из пулеметов. Вдруг вдаль он заметил два мирных, незащищенных маленьких пароходика. Герой воспрял духом и направился к одному из пароходов. Бросает одну, другую, третью, четвертую бомбу, но некоторые из них не разрываются, некоторые ложатся по сторонам от парохо-

да. Бомбы глушат рыбу... Река покрывается большой бело-пузой рыбой.

Озлобленный летчик бросается на второй пароход. Снижается до минимальной высоты и дает пулеметную очередь, но очередь что-то коротка, моментально последовал какой-то треск, содрогание пароходика, а затем на глазах всех пассажиров немецкий самолет рухнул в воду. "Герой"-летчик успел выбраться из самолета и с плачем просил о помощи.

Оказывается, в своем наглom стремлении расстрелять мирных людей "герой" не рассчитал высоты и зацепил корабельные мачты.

Значительно чаще немецкие летчики находят себе смерть от пуль нашей авиации...

Работаю здесь, не считаясь со временем. Работы очень много. Приходится нести две нагрузки: совсем как в Америке. Надо к приходу немцев легализовать себя. Много сделано к их встрече, но еще больше надо сделать. Надеюсь, что если придут, найдут хороший прием, а не придут — жалеть, что труд пропал зря, не буду. Это, пожалуй, первая моя работа, на которую убиваешь много сил и средств, и не буду жалеть, если не придется посмотреть на результаты своих трудов.

Вот, кажется, и всё. Пиши, моя дорогая, пока есть возможность.

Крепко целую тебя, сына и Матильду Андреевну.

Страшно хочется написать несколько строк Татке, Ане и маме, но повторять письмо лень.

Пожалуйста, передай это письмо и адресуй им.

Еще раз крепко, крепко целую.

Ваш: Папа

Витя (подпись)

Зять

Письмо пиши: Николаев, Одесской обл., УНКГБ. Мне (фамилия моя). Пишу через Управление»¹⁵⁰.

Такое вот послание. Неудивительно, что адресовать ответ нужно было не на Корнева — фамилию, под которой Виктор легализовался в Николаеве, а на Лягина. Ведь вдруг по какой-то причине письмо попадет в руки гестаповцам или их «соседям» из абвера — и конец «легенде» инженера Корнева. А Лягин... ну, пусть ищут этого Лягина, которого в Николаеве никто не знает! По той же причине письма писались на пишущей машинке — это, конечно, быстрее, нежели выводить буквы от руки, так называемым

«вечным пером», определенно привезенным из Америки, тогда как простые советские граждане долго еще писали ручками-«вставочками», постоянно обмакивая перышко в чернильницу-«непроливайку», — но главное, никто не сможет предъявить все тому же «Корневу» письмо, прошедшее тщательную графологическую экспертизу, и с усмешкой заявить: «Это ваш почерк, герр Корнев... или товарищ Лягин!»

Ведь гитлеровцы были близко и обстановка делалась все сложнее.

«К середине июля 1941 г. германский вермахт с помощью армий союзников нанес советским армиям первого стратегического эшелона громадный урон. 28 дивизий было потеряно, а 70 лишились половины своего состава в людях и боевой технике.

Исход приграничных сражений для СССР был крайне неблагоприятным. Немецкие войска продвинулись в северо-западном направлении на 400 — 450 км, в западном — на 450—600 км, юго-западном — на 300—350 км. Они захватили Латвию, Литву, почти всю Белоруссию, значительную часть Эстонии, Украины, Молдавии, создали угрозу Ленинграду, Смоленску и Киеву. Над СССР нависла огромная опасность. Немецкое военно-политическое руководство уже предвкушало победоносное завершение войны. Гальдер* 3 июля в своем дневнике писал: «...кампания против России выиграна в течение 14 дней... Когда мы форсируем Западную Двину и Днепр, то речь пойдет не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы забрать у противника его промышленные районы и не дать ему возможности, используя гигантскую мощь своей индустрии и неисчерпаемые людские резервы, создать новые вооруженные силы»¹⁵¹.

Ну что ж, вспомним грибоедовское: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете!»

Однако время шло, но не только «выигранная кампания» не завершалась, а гитлеровцам даже не удавалось форсировать Днепр.

19 июля Гитлер подписал директиву ОКВ, Верховного командования вооруженных сил, под номером 33, «О дальнейшем ведении войны на Востоке». В ней, в частности, говорилось:

* Франц Гальдер (1884—1972) — генерал-полковник, начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта в 1938—1942 годах.

«Активные действия и свобода маневрирования северного фланга группы армий “Юг” скованы укреплениями города Киева и действиями в нашем тылу войск 5-й советской армии.

2. Цель дальнейших операций должна заключаться в том, чтобы не допустить отхода крупных частей противника в глубину русской территории и уничтожить их. Для этого провести следующие мероприятия.

а) Юго-Восточный фронт.

Важнейшая задача — концентрическим наступлением западнее Днепра уничтожить 12-ю и 6-ю армии противника, не допуская их отхода за реку.

Главным румынским силам обеспечить прикрытие этой операции с юга.

Полный разгром 5-й армии противника может быть быстрее всего осуществлен посредством наступления в тесном взаимодействии войск южного фланга группы армий “Центр” и северного фланга группы армий “Юг”.

Одновременно с поворотом пехотных дивизий группы армий “Центр” на юг в сражение вступят новые, прежде всего подвижные силы... Эти силы будут иметь задачей не допустить дальнейшего отхода на восток русских частей, переправившихся на восточный берег р. Днепр, и уничтожить их»¹⁵².

Всё по-немецки четко, всё предельно ясно — да только 23 июля, теперь уже фельдмаршалу Кейтелю*, пришлось дописывать к директиве № 33 дополнения. Мол, фюрер еще приказал:

«1. Южный участок Восточного фронта.

Противник, все еще находящийся западнее Днепра, должен быть окончательно разгромлен и полностью ликвидирован. Как только позволит оперативное и материально-техническое положение, следует объединить 1-ю и 2-ю танковые группы под руководством командующего 4-й танковой армией и совместно с идущими за ними пехотными и горнострелковыми дивизиями после овладения Харьковским промышленным районом предпринять наступление через Дон на Кавказ. Первоочередной задачей основной массы пехотных дивизий является овладение Украиной, Крымом и террито-

* *Вильгельм Бодевин Йоханн Густав Кейтель* (1882—1946) — начальник штаба Верховного командования вермахта (вооруженных сил Германии) в 1938—1945 годах, фельдмаршал. Казнен в Нюрнберге по приговору Международного военного трибунала.

рией Российской Федерации до Дона. При этом оккупационная служба в областях к юго-западу от Буга возлагается на румынские войска»¹⁵³.

В общем, хотя и жутко было — но все ж таки не смертельно. Не удавалось гитлеровцам сокрушить советскую военную машину — что бы ни приказывали из Берлина, каких бы стараний ни прикладывали на фронте.

Тут даже и генерал Гальдер — месяц и неделю спустя после вышеприведенной записи в дневнике от 11 августа — запел по-иному:

«Во всей обстановке в целом становится все очевиднее, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне, при всей безудержности, присущей тоталитарным государствам, был нами недооценен. Эта констатация относится как к организационным, так и к экономическим силам, а в особенности к чисто военному потенциалу. Начиная войну, мы рассчитывали иметь против себя примерно 200 вражеских дивизий. Но теперь мы насчитываем их уже 360. Эти дивизии, конечно, не вооружены и не оснащены в нашем понимании этого слова, и командование ими в тактическом отношении во многом неудовлетворительно. Но они есть. И если дюжина их разбита, русский выставляет новую дюжину»¹⁵⁴.

Серьезные потери несли и гитлеровцы, что подтверждается материалами, полученными внешней разведкой:

«В первую неделю августа в Стокгольме было получено следующее сообщение шведского военного атташе в Берлине:

1) В германском Генштабе усиливается озабоченность в связи с непредполагавшимся советским сопротивлением. Германский план быстрого уничтожения Красной армии сорван.

2) По его подсчетам, к 20 июля уничтожено 6 бронетанковых и 20 пехотных германских дивизий полностью. Потери военных материалов, особенно танков, колоссальны.

Немцы вынуждены сейчас использовать танки старой модели K2*.

3) Немцы испытывают исключительно большие трудности в обеспечении своих войск снабжением.

* Неточное название. Имеется в виду танк Panzer II — вооружение: пушка 30 мм и пулемет 20 мм, лобовая броня — 30 мм, карбюраторный двигатель 140 л.с., скорость — 40 км/час, запас хода по пересеченной местности 125 км.

4) Советские танки оказались первоклассными, а их броня значительно лучше, чем немцы предполагали.

5) Задержка кампании дала русским время для полной мобилизации, которая должна быть закончена к 15-му августа»¹⁵⁵.

Текст этого спецсообщения, направленного в Государственный Комитет Обороны СССР, подписал начальник Первого управления НКВД СССР Фитин.

Красноармейцы отважно и беззаветно сражались на фронте и в кольцах вражеского окружения на временно оккупированной территории; рабочие налаживали выпуск оборонной продукции на эвакуированных вглубь России предприятиях, а чекисты — те, кому выпал такой жребий, — готовились к своим тайным боям на той земле, которая пока еще оставалась советской и где царила та обманчивая тишина, которая обычно обрывается внезапным и оглушительным раскатом грома... Виктор Лягин приехал в Николаев под «легендой» инженера-судостроителя Корнева, командированного из Ленинграда, с прославленного Балтийского завода, а потому, как это и положено командировочному, первым делом отправился на место назначения — предприятие, именовавшееся «Николаевские объединенные государственные заводы им. Андре Марти*» или же «завод № 198».

(Нет смысла объяснять, что к зданию НКВД, расположенному на улице Декабристов, бывшей Глазенаповской, а ранее — Молдавской, Лягин не подходил как минимум на пистолетный выстрел. Мало ли кто мог заметить командированного из Ленинграда инженера, почему-то запросто заходящего в здание «конторы»?)

Завод, на который был командирован Виктор Лягин, считался крупнейшим судостроительным предприятием на Черном море. Открыт он был еще в 1897 году, именовался тогда заводом «Наваль» и должен был выпускать машины и котлы для кораблей, строившихся в Николаеве для Черноморского флота. Одним из первых заказов был выпуск главных паровых машин, котлов и артиллерийских башен

* *Андре Марти* (1886—1956) — французский коммунистический деятель, член Национального собрания, секретарь Коминтерна (1935—1943), комиссар Интернациональных бригад в Испании (1936—1938). В годы Второй мировой войны находился в СССР, позже исключен из компартии по обвинению в сотрудничестве с полицией.

для строившегося в Николаеве печально известного броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Затем подобные заказы выполнялись для броненосцев «Иоанн Златоуст», «Евстафий» и крейсера «Кагул». Уже в 1901 году «Наваль» как бы перешел в «автономное плавание» — здесь был заложен эскадренный миноносец «Заветный», сданный Черноморскому флоту в 1903 году. То есть завод уже сам стал строить боевые корабли. Вслед за «Заветным» последовали эсминцы «Завидный», «Задорный», «Звонкий» и «Зоркий». Потом на заводе были построены минные крейсера «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Зацаренный», «Лейтенант Пущин» и первый в мире подводный минный заградитель «Краб», а в 1915 году Черноморскому флоту был передан линейный корабль «Императрица Екатерина Великая»...

При советской власти завод был довольно быстро восстановлен, и на нем вскорости были построены крейсера «Червона Украина» и «Красный Кавказ», а также несколько подводных лодок типа «Декабрист»; с 1935 года здесь было начато строительство крейсеров, эскадренных миноносцев, ледоколов и подводных лодок для Тихоокеанского и Черноморского флотов и для Северного морского пути.

В 1941 году, сразу же после начала войны — то есть когда в Николаев приехал Виктор Лягин, — на заводе в срочном порядке было организовано производство авиабомб, переправочных понтонов, а также ускорено строительство кораблей, находившихся на стапеле и на плаву. Пройдет немного времени, и из города начнут эвакуировать недостроенные суда, которые уже могли держаться на воде — в том числе крейсера «Фрунзе» и «Куйбышев», — уникальное технологическое оборудование, инструменты, ценные материалы и высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. Людей и оборудование вывозили на недостроенных боевых кораблях и даже на подводных лодках.

Понятно, что для немецких захватчиков это судостроительное предприятие должно было представлять огромнейший интерес. Приезд на завод в начале войны командированного инженера из Ленинграда удивления не вызвал: при нашей традиционной неорганизованности подобное было в порядке вещей. Чем Лягин тогда официально занимался, сказать трудно, хотя понятно, что на заводе ему нужно было как следует примелькаться и войти в курс всех тамошних дел.

Зато хорошо известно, что «Корнев... немедленно приступил к подготовке работы в нелегальных условиях, и прежде всего к организации надежного прикрытия. Кроме того, Лягиным были заложены тайники со взрывчаткой, оружием и шрифтом для типографии, а также установлена связь с местными подпольщиками»¹⁵⁶. Не нужно понимать буквально — оборудованием тайников занимался не непосредственно Виктор, но сотрудники его группы и областного управления НКВД. Тайники с большими «порциями» оружия и взрывчатки были обустроены в центре города — во дворах 17-го дома по улице Свердлова, 16-го — по Большой Морской, дома 9 по Московской улице, ну и еще в нескольких иных дворах и подвалах и даже в склепе на одном из городских кладбищ...

Сохранилось описание тайника, находившегося на улице Свердлова, которая при немцах именовалась Спасской:

«Аккуратно выкопали яму глубиной метра полтора, прямо у глинобитной стены, за которой был двор соседнего дома — по Большой Морской улице, 16 (улицы Спасская и Большая Морская проходят параллельно. — А. Б.). Яму внутри обшили досками с трех сторон. От четвертой, обращенной к глинобитной стене, прокопали лаз. Так что добраться до тайника можно было легко: сделать подкоп под стеной из соседнего двора. В ту же ночь загрузили яму минами, пистолетами, капсюлями, ящиками с патронами, толом и другими боеприпасами. Сверху яму закрыли досками, засыпали землей и — кому-то из чекистов пришла блестящая мысль — соорудили над тайником живописную клумбу»¹⁵⁷.

Тайник был оборудован за две недели до прихода в город гитлеровцев, так что за это время к клумбе, неизвестно каким образом вдруг появившейся посреди двора, жильцы дома уже успели привыкнуть...

* * *

Примерно одновременно с Лягиным прибыла и его группа, которая официально называлась «нелегальная резидентура “Маршрутники”». Группа в основном состояла из выпускников Ленинградской школы НКВД, впервые оказавшихся в Николаеве и потому совершенно незнакомых с местной спецификой. Хотя Виктор Лягин также ранее никогда не бывал на берегах Черного моря, но ему «по легенде» этого как раз и не требовалось.

Итак, в состав резидентуры вошли следующие сотрудники, считавшиеся прибывшими в распоряжение УНКВД по Николаевской области:

лейтенант госбезопасности Григорий Тарасович Гавриленко, 32 лет, уроженец хутора Андреева, села Петровзвановка Чутовского района Полтавской области. Его жена, Александра Давыдова, проживала в Ленинграде, в Мучном переулке — это неподалеку от Невского проспекта, между Садовой улицей и каналом Грибоедова. Очевидно, там же до войны жил и сам Григорий Тарасович. Его оперативный псевдоним — «Бывалый». Гавриленко должен был исполнять обязанности связного руководителя резидентуры;

старший лейтенант госбезопасности Александр Петрович Сидорчук, 27 лет, житель Киева, столицы Украины. Впрочем, таковым он писался лишь в официальных документах, потому как там прошло его детство и жила семья, — кстати, отец у него, как и у Виктора Лягина, был железнодорожником. А сам Александр, отслужив срочную службу на Тихоокеанском флоте, вернулся на Украину и стал ходить по Черному морю на рыболовецких судах — неудивительно, что псевдоним ему был присвоен «Моряк». Хотя знаменитые черноморские кефаль, скумбрию и барабульку Сидорчук ловил не так уж долго: вскоре недавнего краснофлотца пригласили в Ленинградскую школу НКВД, после чего он, скорее всего, служил в каком-то из подразделений Ленинградского управления. Можно понять, что для группы это был самый ценный кадр;

старший лейтенант госбезопасности Александр Васильевич Соколов, 32 лет, оперативный псевдоним «Васильев». Известно, что он был из города Вологды и хорошо разбирался в подрывном деле;

старший лейтенант госбезопасности Петр Платонович Луценко, киевлянин — также подрывник и минер;

лейтенант госбезопасности Иван Коваленко, 32 лет, уроженец села Табурищи Кременчугского района;

лейтенант госбезопасности Александр Николаев, ранее житель города Горького, бывшего Нижнего Новгорода; в родном городе Александр работал на знаменитом автозаводе. Оперативных псевдонимов у него было целых два, «Наумов» и «Саша Черный», и на него, кстати, были возложены функции поддержания связи с николаевским городским подпольем;

лейтенант госбезопасности Демьян Андреевич Свидерский, 30 лет, он же «А. Ф. Демьянов» — ранее служил в пограничных войсках;

лейтенант госбезопасности Николай Васильевич Улезько, житель города Россошь Воронежской области, оперативный псевдоним «Николай Васильев».

Перед отправлением в тыл противника все эти сотрудники прошли соответствующую, весьма интенсивную специальную подготовку.

В состав резидентуры входили также две «содержательницы консквартир» — то есть конспиративных квартир — Елена Васильевна Полохова, ранее работавшая в Николаевском областном УНКВД (она также и «содержательница продбазы» — имеется в виду законспирированный склад с продовольствием), и Зинаида Кузьминична Дзюрилова, 1913 года рождения, учительница одной из городских школ. Был еще и радист — Борис Иванович Молчанов, 20 лет.

Эти сведения получены из официального документа — «Докладной записки о результатах проверки работы резидентуры “КЭН”а и розыска ее участников», — копия которого была передана нам из Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. К этому документу мы не раз еще обратимся, но сейчас уточним, что, во-первых, документ не имеет датировки — подпись исполнителя и дата подготовки текста просто отрезаны по неведомым нам соображениям; во-вторых, «КЭН» (или же «Кент») — это также оперативный псевдоним Лягина. Ну и в-третьих, это подтверждает ранее сказанное: в этом официальном документе Виктор Александрович именуется подполковником госбезопасности — то есть новым, установленным в 1943 году званием, соответствовавшим прежнему капитану госбезопасности...

Говоря о составе нелегальной резидентуры, следует добавить — это уже информация из других источников, — что перед самым приходом гитлеровцев в город к группе Лягина были также прикомандированы сотрудники областного управления НКВД Иван Егорович Соломин и Петр Андреевич Шаповал, что, понятно, значительно усилило резидентуру.

Но ранее, сразу же по прибытии спецгруппы в Николаев, произошел серьезный прокол «на местном уровне». Нет, очевидно, смысла уточнять, что с давнего времени за областными управлениями НКВД были зарезервированы вполне приличные номера в тамошних наиболее комфортабельных гостиницах — чтобы при необходимости не было проблем с поиском таковых. Когда же из Москвы в

Николаев поступила команда на размещение прибывающих сотрудников, то явно, что за пределами занятого руководство «управы» без объяснений и подробностей спустило ее исполнение на какого-то хозяйственника, который без всякой задней мысли поступил по шаблону: позвонил в гостиницу и попросил разместить «наших товарищей».

Кажется, одну ночь «маршрутники» в своих комфортабельных номерах все-таки провели. Узнав об этом, Виктор пришел в ужас: группа изначально оказалась «засвечена». Можно, конечно, было даже предположить, что за гостиницей вела наблюдение вражеская агентура, но гораздо вернее, что вновь прибывшие «попали на язычок» местным кумушкам — дежурным, коридорным, горничным, которые вполне могли рассказать каким-то своим подругам и родственницам, что, мол, приехали тут такие молодые и симпатичные, поселились в тех самых номерах... Ну и всё — пиши пропало, можно собирать чемоданы и отправляться восвояси! Где гарантия, что эта информация впоследствии не дойдет до гестапо, которое организует поиск тех самых «молодых и симпатичных» в оккупированном городе?

Однако задание надо было выполнять, а потому Виктор приказал своим товарищам немедленно покинуть гостиницу, рассредоточиться, расселившись по «частному сектору», легализоваться — и не высовываться в течение как минимум пары месяцев после прихода оккупантов. Никакой активной деятельности!

Затеряться в городе, в котором перед войной жило порядка 190 тысяч человек, для подготовленных чекистов не составило особого труда. Со своими товарищами Виктор Лягин встречался только в индивидуальном порядке, с каждым по отдельности, назначая встречи через своего связного Григория Гавриленко.

Свою же легализацию Виктор осуществлял в соответствии с «легендой», тщательно продуманной и всесторонне разработанной заранее.

* * *

Чтобы не смутить читателя, предупреждаем заранее: доклад, фрагмент из протокола которого мы приводим ниже, проводился нашими, как это называется, «компетентными органами» в послевоенное время. Неудивительно: нужно было выяснить все обстоятельства гибели оперативной

группы и отыскать предателя. А потому и беседовали со всеми, кто выжил, кто уцелел.

Материалы эти в настоящее время хранятся в Центральном архиве ФСБ России.

«Выписка из протокола допроса ДУКАРТ Магдалины Ивановны, 1920 г.р. ...

...*Дочь врача. Мой отец ДУКАРТ Иван Яковлевич, 1883 г.р., немец, врач-невропатолог водолечебницы г. Николаева, умер в 1933 году. Моя мать — ДУКАРТ Эмилия Иосифовна, 1888 г.р., немка, после смерти отца работала сестрой-хозяйкой туберкулезного санатория в гор. Николаеве. <...>

...Мои родители по своему родословному исчислению относятся к немцам-колонистам так называемого екатерининского времени, проживали на территории России с момента своего рождения. Отец мой окончил гимназию в г. Николаеве, в 1904—05 г. выехал в Германию для получения университетского образования. Он окончил университет в Мюнхене и проживал там вместе с матерью до 1914 года. В 1914 году они прибыли в Россию и с того времени проживали в Одессе и в Николаеве. За это время находились и в ссылке в Сибири».

На этом «ужастике» по теме «царская Россия — тюрьма народов» прерываем цитату и приводим фрагмент из допроса теперь уже Эмилии Иосифовны Дукарт, непосредственно подвергавшейся, так сказать, «депортации»:

«В связи с объявлением войны /1914 г./ нас, как принадлежащих к немецкой национальности, по указанию царского правительства переселили из гор. Николаева в гор. Челябинск, где мой муж работал в качестве военного врача эвакуопункта».

Можно понять, что «царское правительство» поступило вполне гуманно — уральский промышленный город Челябинск это вам не сибирская глухомань, да и работать военным врачом — не с кайлом на шахте трудиться... Ладно, продолжаем читать показания Магды Дукарт.

«В 1936 году, будучи 16-летней, я поступила в музыкальное училище гор. Николаева, где окончила первых два курса, затем в 1938 году перевелась в Ленинград на 3 курс Музыкально-педагогического училища, которое окончила в 1940 году. По окончании музыкального училища в г. Ленинграде я поступила на работу в 262 среднюю школу

* Многозначие здесь и далее — так в оригинале.

Дзержинского района Ленинграда, где была преподавателем музыки.

В 1941 году я выехала из Ленинграда к своей матери в г. Николаев на каникулы, где меня и застала война.

В 1937 году я вышла замуж за ШАХОВА Ивана Алексеевича, 1913 г.р., уроженца Курской области, ст. лейтенанта военно-морской службы на корабле “Безупречный”. Постоянное место его службы было в г. Севастополе. В связи с этим фактически мне с ним жить не пришлось и я в 1941 году в апреле месяце вторично вышла замуж за МАКАРЕНКО Игоря Борисовича, 1911 г. р., уроженца Севастополя. С ним я познакомилась в бытность его в Ленинграде в командировке и там же вышла за него замуж, но так как после женитьбы он все время находился в Севастополе, то я с ним разошлась и в 1941 году 14—16 августа вышла третий раз замуж за КОРНЕВА Виктора Александровича, 1909 г. р., уроженца Брянска. Под этой фамилией он находился и в подполье во время немецкой оккупации г. Николаева».

Можно понять, что к приходу гитлеровцев Виктор Лягин сумел легализоваться самым основательным образом. Что тут скажешь? Да, умел все-таки Виктор Александрович находить общий язык с женщинами — и, очевидно, кружить им головы! Но, как видим, это не всегда шло во вред его службе, равно как и ему самому. Однако обо всем по порядку, а потому возвращаемся к началу этой истории...

Эмилия Иосифовна Дукарт проживала в городе Николаеве, в доме 61 по улице Шевченко, квартира 4. С началом войны она, как истинная советская патриотка (таковых, кстати, в нашей стране в тот период было большинство), обратилась к руководству местного эвакогоспиталя, чтобы ее взяли туда на работу медсестрой. Так как сестринский опыт она имела очень богатый, то и вопросов не было — что называется, оторвали с руками. Но не успела еще Эмилия Иосифовна освоиться на новом месте, как к ней пришел симпатичный молодой человек и любезно пригласил ее прийти в управление НКВД, к майору Соколову.

Майор также оказался очень любезным и приветливым человеком, который отнесся к Дукарт с большим уважением и как-то сразу ей приглянулся. Он поздоровался и, как вспоминала потом Эмилия Иосифовна, сказал:

«Уважаемая Эмилия Иосифовна, у меня к вам большое, серьезное дело. Ваше семейство знают и уважают в городе, положение у вас прочное и спокойное. И вы не раз в трудные годы оказывали важные услуги Советской власти. Вот

и сейчас хочу просить вас... Это очень нужно... От имени всей Советской власти буду просить: не уезжайте из города, останьтесь, если придут немцы. И примите в свою семью одного человека. Для вас и окружающих он — инженер-кораблестроитель Виктор Александрович Корнев. Полюбите его, как сына. А дочь придет — убедите и ее остаться. Я уверен, Корнев вам понравится...»¹⁵⁸

Уточним, чтобы было немножко понятнее, что это обращение к Эмилии Иосифовне было совсем не случайным:

«Дукарты пользовались покровительством николаевских чекистов еще со времен Гражданской войны, когда глава семьи — известный в городе врач-невропатолог И. Я. Дукарт — укрывал в своем доме красных подпольщиков»¹⁵⁹.

Кстати, насколько известно, Магдалина Ивановна приехала в Николаев уже 23 июня, на второй день после начала войны и, думается, еще до вышеизложенного разговора. По официальной версии, Магда достаточно долго ничего не знала и потому была очень удивлена, когда Эмилия Иосифовна воспротивилась ее предложению поскорее уехать из города...

И опять — воспоминания Эмилии Иосифовны Дукарт*:

«Однажды под вечер раздался звонок в дверь. Открываю. На пороге — высокий, интересный мужчина лет тридцати пяти, в прекрасном темно-синем костюме с иголки. Прямо иностранец из кинофильма! В одной руке огромный чемодан, в другой — коричнево-желтое кожаное пальто. «Здравствуйте! Я — Корнев, Виктор Александрович. Вам майор Соколов говорил обо мне». Входит. Лицо открытое, приятное. Улыбается. «Буду вашим квартирантом, вы не возражаете?» И тут Магда влетает в комнату! Не здороваясь и даже не глядя на гостя, начинает метаться, что-то ищет, хватает, бросает, а сама выкрикивает: «Какие квартиранты? Нашли время для устройства квартирных дел! С ума посходили, что ли! Мама, скажи ты ему!» Я обомлела: «Магда, ты что меня позоришь? Или я тебя никогда не учила вежливости?» Тут гость вмешался: «Не обращайтесь на нее внимания, Эмилия Иосифовна. Война не для чувствительных дамских нервов!» Ну, Магда и взорвалась: «Ах, у меня дамские нервы? Да как вы смеете? Кто вы такой, чтобы меня учить? Я сама знаю, что мне делать!» Выскочила из комнаты и затихла...»¹⁶⁰

* В книге «Право на бессмертие» ее фамилия ошибочно пишется «Дуккарт».

Вот так произошло их первое знакомство.

На следующий, что ли, день «квартирант» предложил Магде пойти прогуляться по городу. Предложение это восторга не вызвало, однако она пошла. Кстати, прямые и широкие улицы Николаева, аккуратно расчерченные по строгому градостроительному плану XVIII столетия, напоминали им обоим далекий Ленинград...

Снова обращаемся к рассказу Эмилии Иосифовны, но теперь уже взятому из другого источника:

«Вернулись примерно часа через три. Я не узнала дочь. Спокойная и даже чуточку гордая. Попросила у меня прощения и стала прибираться в квартире. К Виктору Александровичу обращалась только по имени-отчеству и явно с уважением. Что он ей говорил во время прогулки — не знаю. Но у Лягина, я потом это сама почувствовала, была удивительная способность убеждать людей. Вроде ничего особенного и не говорит, но ему веришь. И сразу хочется сделать так, как он просит»¹⁶¹.

Неудивительно, что когда Магда обо всем узнала, то она охотно согласилась принимать участие в операции — из того немногого, что мы про нее уже знаем, человеком она была достаточно авантюристичным... Впрочем, так же как и сам герой нашей книги.

Ну и вот, для полноты картины, фрагмент из письма, которое 4 июня 1945 года Магда Дукарт, находившаяся тогда в немецком городе Хемнице, написала нарккому госбезопасности Меркулову (в письме она ошибочно именуется его нарккомом внутренних дел):

«При отступлении советских войск из Николаева я категорически заявляла было т. КОРНЕВУ о своем желании эвакуироваться со своим братом, который добровольно пошел в Красную Армию и отступил с войсками вглубь Советского Союза, но тов. КОРНЕВ упорно настаивал на моем пребывании в г. Николаеве для участия в подпольной организации вместе с матерью.

Наша совместная подпольная работа, которая была связана с большим риском и жизненной опасностью, спаяла меня с т. Корневым не только чисто служебным положением, но и в душевном, на основании чего мы решили нашу жизнь связать официальным браком. Этот шаг был также чрезвычайно полезен для нашей подпольной работы, так как мне удалось доказать свое немецкое происхождение, этим самым получить для своего мужа и себя все немецкие привилегии и документы»¹⁶².

А теперь — немного о другом...

В разведке нельзя думать по шаблону, но при том необходимо строжайшим образом соблюдать установленные правила.

Так, повествуя о работе Виктора в Америке, генерал Судоплатов, в частности, отметил: «Чтобы не вызывать подозрений, Лягин воздерживался от любых контактов с американскими прокоммунистическими кругами»¹⁶³.

Это, что называется, азбука. Советским разведчикам категорически запрещалось вербовать себе помощников среди коммунистов страны пребывания — во-первых, они могли быть под подозрением из-за своей причастности к компартии; во-вторых, чтобы в случае провала не компрометировать компартию слишком тесными связями с Советским Союзом, Коминтерном и т. д.

Нет смысла также напоминать, что гитлеровцы на временно оккупированной ими территории в первую очередь выявляли чекистов и коммунистов, а от евреев требовали проходить регистрацию.

Известно также, что многие в нашей стране свято верили, что коммунисты, члены ВКП(б), действительно являются самыми лучшими, самыми надежными, самыми преданными из советских людей. Мол, если человек коммунист — значит, на него можно положиться в любом деле и ему, без всяких сомнений, можно доверять по любому вопросу.

К сожалению, людей для подпольной работы на временно оккупированной врагом территории оставляли не только органы госбезопасности и внутренних дел, военная разведка, но также партийные и комсомольские комитеты — не говоря уже о всякого рода «патриотической самодеятельности». Так получилось, что среди тех, кто по заданию одного из парткомов был оставлен в Николаеве, куда вскоре должны были прийти немецкие войска, оказалась и врач-фтизиатр поликлиники № 2 Мария Семеновна Любченко, член КП(б)У. Женщина немолодая, недавно перешагнула за пятьдесят, вроде бы хороший специалист. Вот только, насколько известно, желания заниматься подпольной работой у нее не было, как не было для этого никакой подготовки, однако секретарь Сталинского райкома партии города Николаева твердо сказал, что это ответственное партийное поручение, от которого она, как коммунист, не имеет права отказаться... Ну, она и не отказалась.

Но в данный момент Любченко нас пока еще не интересует. Хотя уточним, что Мария Семеновна была достаточно близко знакома с матерью и дочерью Дукарт — Эмилией Иосифовной и Магдалиной.

* * *

Машинописный текст на пожелтевшей бумаге, переданный нам из Николаевского музея:

«Дорогая Зиночка и сына!

Наступает момент нашего разрыва в почтовой связи. Друзья уже на машинах, и мне остается несколько минут, чтобы написать Вам пару строк.

Люблю Вас бесконечно! Всегда только с Вами. Сына береги и обязательно вырасти преданным и верным сыном партии. Зиночка, дорогая, прости за многое, — в моей любви ты не сомневалась, а за грубости прости.

Жди меня 2 года, не вернусь значит...*

Крепко тебя целую. Целуй Витьку, Татку и всех наших. Твой и Ваш Виктор.

Зинуша! В случае чего, сообщи свой адрес ленинградцам.

Целую много много раз Виктор».

Внизу от руки чернилами написано «Получила» и рядом машинописное — «Октябрь 1941 года». Как долго шло это письмо — последнее письмо, написанное «КЭНом» домой...

А дальше уже была та жизнь, которая являлась подвигом с первого и до последнего ее дня, которая в своем итоге обессмертила имя Виктора Александровича Лягина...

«Война на территорию Николаевской области пришла с севера в конце июля 1941 г. Стойко и мужественно защищали этот край войска 18-й и 9-й армий Южного фронта под командованием генералов А. К. Смирнова и Я. Т. Черевиченко. Но силы были неравными. Армии были окружены с трех сторон немецкими механизированными частями танковой группы генерала фон Клейста. Командование Южного фронта осуществило прорыв в двух направлениях, ожесточенные бои развернулись на подступах к Николаеву»¹⁶⁴.

17 августа 1941 года в город вошли гитлеровские войска.

* Так в тексте.

Глава десятая
КРЫСЫ В ГОРОДЕ

Ну, вот оно и случилось — то самое ужасное, чего ожидали, к чему так готовились, очень надеясь в глубине души, что все-таки оно не произойдет, что Бог милует. Однако не помиловал...

«17 августа 1941 года немецкая орда на автомашинах и мотоциклах ворвалась в Николаев. Город встретил оккупантов хмуро, еще черные дома дымились от пожаров. В уцелевших домах люди прятаясь*, с трепетом прислушивались к топоту немецких сапог. Но они не ошиблись, это была ужасная действительность, снова, как в 1918 году, немецкий сапог с шипа<ми> топтал нашу землю, но люди знали, что это будет недолго.

Первыми в город в"ехали СС и сейчас же стали врваться в квартиры. В поисках оружия они грабили у населения самые ценные вещи. Вслед за СС двигались регулярные войска, также входили в дома и тоже грабили. Не стеснясь женщин и детей, немцы заходили в квартиры, раздевались догола, мылись, брились, вычищались. "Победители" ложились отдыхать в мягкие постели, как правило, хозяев выгоняли с квартиры, а кто оказывал сопротивление, с теми беспощадно расправлялись.

С первых дней оккупации начались обыски и аресты. Искали оружие, коммунистов, партизан и красноармейцев. Вовсю заработало гестапо. Расстрелы и виселицы стали обычным явлением. Особым репрессиям и пыткам подвергались коммунисты. В городе установилась власть военного коменданта, затем управа из тех же немцев и маорионеток — украинских националистов». Этот текст взят из справки «Подпольно-партизанское движение в Николаевской области в 1941—1944 гг. в дни Отечественной войны», хранящейся в музее «Подпольно-партизанское движение на Николаевщине в годы Великой Отечественной войны. 1941—1944 гг.».

Известно, что Николаев был оккупирован войсками 11-й немецкой армии, состоявшей из восьми дивизий, немецким 48-м моторизованным и венгерским (номера не знаем) корпусами.

А вот как рассказывала о произошедшем Эмилия Иосифовна Дукарт:

* Так в тексте.

«Помню, утром 16 августа* в город ворвались передовые части одиннадцатой немецкой армии. Несколько часов по улицам громыхали танки, они двигались через Бут в сторону Одессы. А потом все стихло, лишь по мостовым шуршали легковые автомобили с офицерами. Было страшно, что же дальше? И вдруг Виктор Александрович сказал: «Откройте все окна. Магда, садитесь за рояль. Играйте что-нибудь классическое, Баха, Бетховена, а лучше Вагнера — ‘Кольцо Нибелунгов’. И как можно громче, главное громче»»¹⁶⁵.

Музыка Рихарда Вагнера в данном случае звучала почти как пароль, но реально — как манящая мелодия дудочника из Гаммельна... Помните старинную немецкую легенду про музыканта, который, играя на дудочке, увел из города всех крыс? Так и теперь музыкой Вагнера — любимого композитора германского фюрера — следовало завлечь коричневых нацистских крыс, чтобы потом напрочь избавиться от них город Николаев. (Сказка, насколько мы знаем, завершилась печально: обманутый местной администрацией колдун-дудочник безвозвратно увел из Гаммельна, вслед за крысами, и всех детей... Сюжет нашей истории развивался на советской земле, а потому всё непременно должно было закончиться оптимистично, в духе, так сказать, соцреализма — всё должно было завершиться изгнанием из города нацистских крыс.)

И ведь действительно — крыса клюнула! К тому же это оказалась одна из самых жирных нацистских крыс, что бежали тогда в оставленный советскими войсками город: не то генерал, не то полковник Гофман**, только что назначенный немецкий комендант Николаева.

Как известно, улица Шевченко (бывшая Таврическая) расположена в самом центре Николаева, между основными городскими магистралями — улицей 25 Октября (в прежние и нынешние времена — Большой Морской) и Перво-

* По официальным данным, город Николаев был оккупирован гитлеровцами 17 августа 1941 года [см. справочник «Освобождение городов» (М., 1985. С. 166), в котором указаны не только даты освобождения населенных пунктов и наименования частей и соединений, их освобождавших, но и даты их оставления, а также энциклопедию «Великая Отечественная война. 1941—1945» (М., 1985. С. 488)]. Однако в ряде источников указывается 16-е число.

** Мы не знаем ни его чина, ни того, как его звали, — но это не столь уж и важно. Впрочем, в четвертом томе «Очерков истории российской внешней разведки» Гофман вообще именуется майором.

майской улицей (ранее — улицей Херсонской, а ныне — Центральным проспектом); впрочем, от этих магистралей улица Шевченко отделялась улицей имени польского коммуниста Мархлевского* (она же — бывшая Католическая, название это было определено тем, что на ней располагался католический костел) и Плехановской (ранее Потемкинской) улицей.

...В знаменитом советском фильме «Чапаев» некий мужик рассуждал примерно следующим образом: «Белые придут — грабят, красные придут — грабят...» Так добро было бы, если бы только грабили! Все, кто когда-либо у нас приходил к власти, тут же еще и улицы начинали переименовывать! Что в Ленинграде-Петрограде-Петербурге, что в Николаеве. Но не о том сейчас речь...

Итак, дом, где проживало семейство Дукарт, находился в центре Николаева и был расположен, как можно понять, в достаточно тихом и по-своему уютном месте, определенно представившем интерес для гитлеровцев, самочинно определявшихся на постой в оккупированном ими городе. Сотрудники Николаевского УНКВД не просто так поселили своего «московского гостя» в квартире на улице Шевченко. Но и далее все было разыграно как по нотам — известно, что по-настоящему удачный экспромт должен быть как следует подготовлен, а если этот экспромт лежит в основе спецоперации — то и подавно.

Как бы совершенно случайно возле дома, из окон которого вырывались мощные аккорды вагнеровской музыки, оказался Григорий Гавриленко — связной руководителя резидентуры, имевший многозначительный оперативный псевдоним «Бывалый», к тому времени уже легализовавшийся в городе. Расчет тут был тончайший: а вдруг «фрицы» (хотя это наименование для гитлеровских вояк вошло в обиход несколько позже), которые неминуемо должны появиться на тихой улице Шевченко, окажутся абсолютно равнодушны к музыке? Вагнера не узнать они не смогут — уж если это любимый композитор «первого лица», то его музыку обязаны знать и любить в рейхе абсолютно все! — но, так сказать, «примут к сведению» и поедут себе дальше... Однако в то самое время по пустынной, притихшей улице идет некто — и вдруг этот некто заметит, что кто-то

* В 1986 году переименована в улицу Адмирала Макарова, поскольку в начале этой улицы находится дом, где родился и жил вице-адмирал Степан Осипович Макаров.

проигнорировал любимую музыку обожаемого фюрера! А мало ли кем может оказаться этот некто, почему-то оказавшийся на улице в то время, когда все прячутся...

Открытый длиннющий «мерседес» или «хорьх», или что там еще, сияющий начальственным черным лаком, хотя и несколько запыленный, плавно притормозил возле дома. «Хэй, мужитчок! Halt!» — примерно так окликнули из машины прохожего. «Dass?»* — преспокойно отозвался тот по-немецки, словно бы встреча произошла где-нибудь в Нюрнберге, и пассажиры машины поняли, что, остановившись, они поступили совершенно правильно. Сидящий в авто генерал (или полковник?) с подчеркнутым интересом спросил по-немецки, кто это так хорошо играет, и получил ответ на своем родном языке, что, мол, «здесь живут русские немцы». После чего «мужитчок» вежливо попрощался и преспокойно ушел...

Тогда, выйдя из машины, люди в мундирах серого крысиного цвета, вслед за своим начальником, вереницей стали подниматься по лестнице на второй этаж, к дверям, из-за которых была слышна дудочка... То есть, конечно, не дудочка, а пианино, на котором Магда Дукарт играла музыку Вагнера. Дверь в квартиру предусмотрительно оказалась незапертой — разве кто запирает дверцу у мышеловки?

Произошедшее далее Эмилия Иосифовна описывала так:

«С грохотом распахнулась дверь... и сразу шестеро вваливаются в комнату. “Кто такие?” — спрашивает один из вошедших, видно, самый главный. Виктор совершенно спокойно рассматривает фашистов: “Я — инженер Корнев, с Балтийского завода из Ленинграда. Прибыл сюда в командировку, да не успел выехать”. — “О! Вы говорите по-немецки?” — “Да, мне приходилось бывать в Германии по делам службы. А это мои родственники — потомки немецких колонистов. Мать и дочь”. — “Какая приятная неожиданность! Здесь, в Николаеве, — наши соплеменники! Это замечательно. А вы не жалеете, что не успели уехать. Вы нам нравитесь. И эта милая фрейлейн тоже — ха-ха! Мы, немцы, ценим деловых людей. Хотите быть бургомистром? Впрочем, об этом позже... Мы остаемся у вас!”»¹⁶⁶.

И тут — по словам все той же Эмилии Иосифовны — уже такое началось! Женщины незамедлительно накрыли

* Что? (нем.).

на стол, после чего Виктор твердо взял управление в свои руки: «Гостеприимный хозяин непрерывно доливал рюмки, рассказывал анекдоты, от которых “гости” под стол лезли от смеха, декламировал стихи и даже напевал что-то». В итоге, по свидетельству той же Дукарт-старшей, генерал изрядно «накушался» и Лягин буквально на себе утащил его в одну из комнат и уложил спать. Затем — благо остальные «гости» уехали — он провел маленькое оперативное совещание с семейством Дукарт, на котором сообщил, во-первых, что представил генералу Магду в роли своей жены, а во-вторых, что Гофман пообещал ему порекомендовать его супругу секретарем к шефу всего судостроения в Причерноморье адмиралу фон Бодеккеру*.

Рассказ этот вызывает противоречивые чувства и некоторое, причем немалое, сомнение.

С одной стороны, что для нас более чем интересно — открывается кое-что о предвоенной работе Виктора Лягина, тщательно засекреченное. Насколько мы знаем, до поездки в Соединенные Штаты Лягин несколько раз «выезжал в краткосрочные командировки» в какие-то зарубежные страны. В какие — нигде не говорится, но теперь из воспоминаний Эмилии Иосифовны не составляет труда понять, что одной из этих стран была Германия. Виктор сказал об этом немцам — и тут уж соврать он никак не мог: явно ведь, что его собеседники не ограничились одобрителем «Gut!» с похлопыванием по плечу, но задали хотя бы несколько вопросов — даже и не для проверки, а просто из вежливости — мол, в каких городах побывал, какие предприятия посетил, где жил и что больше всего понравилось... В общем, какое впечатление произвел на русского гостя «тысячелетний рейх»? А для проверки, это уже чуть позже, в случае необходимости, можно было и соответствующий запрос на указанное предприятие послать: мол, приезжал ли к вам в такое-то время некий инженер Korneff из Санкт-Петербурга (название «Ленинград» немцы не переносили органически) и что вы об этом любезном инженере можете рассказать? При хваленном немецком порядке выяснить это было бы совсем несложно — и в Центре, при составлении лягинской «легенды», вероятность такой проверки прекрасно понимали.

* *Карл Бодеккер* (1875—1957) — контр-адмирал; заведовал размещением военно-морских сил и надзором за строительством кораблей на верфях Николаева, Херсона и Очакова.

С другой стороны, далее уже начинаются «легенды» не то рассказчицы, не то автора книги, цитату из которой мы привели выше.

Во-первых, согласно известным нам показаниям Магды Дукарт, она перед приходом в Николаев гитлеровцев официально вышла замуж за Виктора Лягина — и это явно было зафиксировано в документах, хотя бы для надежности. (Третий брак двадцатилетней дочери вряд ли вызывал горячее мамино одобрение — даже если в этот брак дочка вступила исключительно из патриотических соображений, а потому, думается, Эмилия Иосифовна несколько исказила события.) Во-вторых, более чем сомнительной представляется вся сцена застолья, в результате которого упился в хлам комендант только что завоеванного города. Нужно все-таки понимать: в город входят войска, причем в очень большом количестве — впоследствии гарнизон Николаева составил порядка шестидесяти тысяч человек; всю эту ораву следует соответствующим образом разместить, позаботиться об их снабжении, организовать внутреннюю службу в гарнизоне, наладить охранение — в общем, задач выше крыши, и все, у кого возникают какие-то вопросы, представители всех оказавшихся в Николаеве частей и соединений, обращаются именно к коменданту. Но где комендант-то? Да пьянствует где-то! За такое можно и погон лишиться, даже генеральских...

То есть очень ненадолго заглянуть в квартиру, где исполняют музыку Вагнера, немецкий генерал вполне мог — так же как мог и предложить первому встречному, буквально с порога, стать бургомистром Николаева. Требовалось срочно налаживать быт в городе, здешних людей никто еще не знал — и тут вдруг появляется человек, определенно вызывающий симпатию! Однако заманчивое это предложение так и повисло в воздухе — вполне возможно, нашелся некто более подходящий, а вот обещания со стороны Гоффмана рекомендовать Магду Дукарт на работу секретарем к весьма ответственному лицу, скорее всего, в тот раз вообще не было. Хотя такое назначение и произошло, но оно, так сказать, было результатом уже более поздних наработок...

(Впрочем, в 1942 году в Николаеве был уже новый комендант — генерал-лейтенант Герман Винклер, которого 17 января 1946 года, по приговору советского военного трибунала, повесили в столь знакомом ему черноморском городе на прекрасно известной ему — а почему, мы скажем несколько позже — Базарной площади. И ведь было

за что! Под руководством Винклера гитлеровцы замучили и уничтожили на территории Николаевской области порядка 105 тысяч мирных советских граждан. Вполне возможно, Гофману очень повезло, что его на комендантском посту заменили.)

Известно, конечно, что у нас бытовала традиция изображать гитлеровских захватчиков эдакими насквозь аморальными типами, к тому же — изрядными тупицами. Возможно, потому-то комендант Гофман и предстает перед читателем в виде опустившегося алкаша. Хотя известно, что в гостеприимном доме Дукартов он действительно прожил несколько первых дней оккупации. Однако никаких следов герра Гофмана мы впоследствии не нашли — может, он и взаправду оказался «алкашом» и его быстро сняли с ответственной работы?

Но вообще, всё происходившее тогда было совсем не столь забавно, как это может показаться из рассказанного выше.

«17 августа 1941 года советские войска оставили Николаев. Гитлеровцы установили в городе жестокий оккупационный режим, в первые дни оккупации они расстреляли около 4 тысяч советских патриотов, близ Николаева создали концлагерь, угнали на работы в Германию около 5 тысяч человек»¹⁶⁷.

Так вели себя нацистские крысы в занятом ими городе... Понятно, что подобное «поведение» не было чем-то исключительным — оно определялось указаниями «сверху», из Берлина, а немцы — народ исполнительный.

И вот — документ тому в подтверждение:

«Из указания штаба ОКХ* командующим войсками тыла групп армий “Север”, “Центр” и “Юг” об обращении с гражданским населением и военнопленными на оккупированной территории.

25 июля 1941 г.

Большое расширение оперативного пространства на Востоке, коварство и своеобразие большевистского противника, особенно на чисто русских территориях, уже с самого начала требуют обширных и эффективных мер, чтобы управлять занятой территорией и использовать ее.

Стало известно, что не везде еще действуют с нужной строгостью...

* ОКХ (нем. *Oberkommando des Heeres*) — Верховное командование сухопутных сил вермахта в 1936—1945 годах.

Поэтому главнокомандующий <сухопутными войсками> распорядился со всей решимостью указать на соображения следующего порядка:

При любых действиях и при всех предпринимаемых мерах следует руководствоваться мыслью об обязательной безопасности немецкого солдата.

1. Обращение с гражданскими лицами.

...Необходимое быстрое умиротворение страны возможно достичь только в том случае, если всякая угроза со стороны враждебно настроенного гражданского населения будет беспощадно пресечена. Любая снисходительность и нерешительность — это слабость, представляющая собою опасность...

Нападения и насилия всякого рода против лиц и имущества, как и любые попытки к этому, должны быть беспощадно пресечены оружием, вплоть до уничтожения противника.

Там, где возникает пассивное сопротивление или же где при завалах дорог, стрельбе, нападениях и прочих актах саботажа сразу обнаружить виновных и указанным образом покарать их не удастся, следует незамедлительно прибегать к коллективным насильственным мерам на основании приказа офицера, занимающего служебное положение командира батальона и выше. Категорически указывается на то, что предварительный арест заложников для предотвращения возможных незаконностей не требуется. Население отвечает за спокойствие на своей территории без особых предупреждений и арестов.

Нападения и злодеяния, направленные против назначенных нами на работу (например, на строительство дорог, в сельском хозяйстве, на промышленные предприятия, фабрики) лиц из местного населения или на надзирающий персонал, рассматриваются как выступления против оккупационных властей и должны соответственно караться...

Всякая поддержка или помощь со стороны гражданского населения партизанам, бродячим солдатам и т. д. точно так же карается, как партизанщина.

Подозрительные элементы, которые не уличены в тяжелых преступлениях, но по своим убеждениям и поведению представляются опасными, должны быть переданы оперативным группам, то есть отрядам полиции безопасности (или СД). Передвижение гражданских лиц без соответствующих пропусков следует прекратить.

Спокойствие и умиротворение наступит в районе скорее и вернее всего в тех случаях, когда гражданское население будет привлечено к работе. Потому следует, исчерпывая все возможности, всемерно поддерживать любые мероприятия в этом направлении. <...>»¹⁶⁸

Ну что ж, все тут предельно ясно: «слабость — это опасность», любые попытки к сопротивлению нужно «беспощадно пресекать оружием», в ответ на «пассивное сопротивление» — предпринимать «коллективные насильственные меры», «подозрительные элементы» передавать в СД, а всех остальных заставить работать, ибо, как испокон веку известно любому русскому человеку, «праздность — мать всех пороков». Если же по-немецки, то это звучит как «Arbeit macht frei»* — кстати, такая памятная надпись «украшала» ворота Освенцима, Заксенхаузена и целого ряда других гитлеровских лагерей смерти.

Однако прошло почти два месяца, но, судя по всему, жесткие эти меры желаемого результата не принесли, а потому в очередном приказе начальника штаба ОКХ — приказ этот, озаглавленный «О подавлении коммунистического повстанческого движения», был подписан фельдмаршалом Кейтелем 16 сентября 1941 года — уже явственно зазвучали истерические нотки:

«...2. Принимавшиеся до сего времени мероприятия, направленные против** этого всеобщего коммунистического повстанческого движения, оказались недостаточными. Фюрер распорядился, чтобы повсюду пустить в ход самые крутые меры для подавления в кратчайший срок этого движения. Только таким способом, который, как свидетельствует история, с успехом применялся великими народами при завоеваниях, может быть восстановлено спокойствие.

3. При этом в своих действиях следует руководствоваться следующими положениями:

а) каждый случай сопротивления немецким оккупационным властям, независимо от обстоятельств, следует расценивать как проявление коммунистических происков;

б) чтобы в зародыше подавить эти происки, следует по первому поводу немедленно принять самые суровые меры для утверждения авторитета оккупационных властей и предотвращения дальнейшего расширения движения.

* «Arbeit macht frei» (нем.) — «Труд освобождает» или «Работа делает свободным».

** Здесь и далее — курсив в тексте.

При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна считаться смертная казнь для 50—100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен еще более усилить устрашающее воздействие.

Обратный образ действий — сначала ограничиться сравнительно мягкими приговорами и угрозой более строгих мер — не соответствует этим положениям и его следует избегать; <...>

д) если в порядке исключения потребуется проводить военно-полевые суды над участниками коммунистических восстаний и прочих действий против немецких оккупационных властей, то следует применять самые строгие меры наказания. Действенным средством запугивания при этом может быть только смертная казнь. Особенно следует карать смертью шпионские действия, акты саботажа и попытки поступить на службу в наши вооруженные силы. В случае неразрешенного хранения оружия следует, как правило, выносить смертный приговор»¹⁶⁹.

Ну вот, теперь все предельно конкретно: 50—100 советских патриотов за одного уничтоженного «фрица», незваным явившегося на нашу землю.

А ведь, казалось бы, чего им, гитлеровским крысам, беситься — как раз в те самые дни, в ночь на 19 сентября, немецкие войска вошли в город Киев, столицу Советской Украины. Героическая и очень кровавая оборонительная операция, начатая 7 июля, завершилась. Наступление германских войск продолжалось, хотя совсем не в таком стремительном темпе, как на то надеялись в Берлине.

У нас сегодня порой рассказывают, что немцы — то есть германские нацисты — на советской территории не зверствовали; это, мол, всякие-разные венгры и румыны старались, а «истинные арийцы» были гуманными и цивилизованными людьми. Впрочем, и массовый коллаборационизм, проявившийся у ряда национальностей, населяющих российскую территорию, сегодня замалчивается чуть ли не на официальном уровне, а сами эти народы почему-то стыдливо именуется «репрессированными» или «депортированными», тогда как их выселение являлось не просто наказанием, но было обусловлено необходимостью обеспечения безопасности тыла сражающейся

Красной армии. Но это несколько иная история, которая происходила уже в период победоносного наступления Красной армии...

Оккупанты начинали зверствовать, считая, что любого человека можно запугать. Реакция местного населения оказалась обратной: «На южном участке советско-германского фронта в тылу группы армий “Юг” летом и осенью 1941 г. действовало 883 партизанских отряда и 1700 небольших групп общей численностью около 35 тыс. человек. Из них с войсками Юго-Западного и Южного фронтов взаимодействовали 165 отрядов»¹⁷⁰.

Разумеется, «Маршрутники» оказались далеко не единственной подпольной группой, действовавшей в оккупированном Николаеве. Нам передали копию документа, хранящегося в музее «Подпольно-партизанское движение на Николаевщине в годы Великой Отечественной войны. 1941—1944 гг.» — «Список руководителей подпольных групп Николаевского Центра». В списке этом указаны фамилии, имена и отчества, года рождения, национальности, уровень образования и профессии руководителей групп, а также — графа «Состав группы и где находилась». Уже авторучкой дописано, по какой причине данный человек оказался в оккупированном Николаеве.

Наш герой, открывающий список под номером один, значится в нем как «Корнев Виктор Александрович»; в графе «Профессия» указано: «Работник НКГБ» и дописано: «оставлен со спецзаданием»; его группа значится как «Спецгруппа работников НКГБ».

Далее в списке перечислены (разбивать всё по графам мы не будем): «...2. Бондаренко Всеволод Владимирович, 1913 г.р.; военнослужащий, лейтенант, попал в окружение»; его группа — «сборные, из бывших рабочих заводов». «3. Комков Михаил Антонович, 1918 г.р.; военнослужащий, лейтенант, летчик, самолет которого был сбит»; группа — «сборная, из местных жителей». «4. Зашук Павел Яковлевич, 1908 г.р.; политраблотник, попал в окружение»; группа — «сборная, из местных жителей и военнослужащих». «5. Воробьев Леонид Иванович, 1908 г.р.; мастер, не эвакуировался; завод А. Марти, с XII — 1941 г., 12 человек». «6. Пульканов Иван Григорьевич, 1914 г.р.; техник судостроения, не эвакуирован; Торговый порт с VII — 1942 г., 9 человек». «7. Нено Николай Елиферович, 1909 г.р.; работник отдела снабжения завода им. 61 коммунара, не эвакуировался; Торговый порт, грузчики». В списке указано

также и то, какая судьба постигла каждого из руководителей групп — кто погиб, кто остался жив, но о том мы будем говорить в свое время.

Однако известно, что это далеко не все действовавшие в оккупированном городе подпольные группы и, соответственно, не все руководители таковых. Например, в постановлении бюро Николаевского обкома КП(б) Украины о деятельности подпольной патриотической организации «Николаевский центр» (в томе 4, книга 1 сборника документов «Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны» это постановление ошибочно датировано 17 апреля 1943 года — на самом деле документ был принят 17 апреля 1946 года)* указаны также «Соколов Василий Иванович, 1910 года рождения, член ВКП(б), работал до войны механиком на судостроительном заводе, в период оккупации — механиком на Николаевском сантехзаводе, где он руководил подпольной группой»; «Воробьев Федор Алексеевич, 1903 года рождения, член ВКП(б), работал до войны директором пригородного хозяйства. В период оккупации работал экспедитором потребсоюза Белозерского района и руководил подпольной группой в г. Херсоне». Далее в документе говорится: «Проверкой установлено, что в “Николаевский центр” в разное время входило свыше 25 подпольно-диверсионных групп, в деятельности которых принимало участие несколько сот советских патриотов»¹⁷¹.

Отметим, что «Николаевский центр», одним из организаторов и руководителей которого считается герой нашей книги, оформился не сразу, а примерно через год — к сентябрю 1942-го. Ну а пока что каждая из групп, а то и каждый отдельно существующий, ни в какие организации не входивший советский патриот поступали по своему собственному разумению. Немцы хотели, чтобы все работали? Пожалуйста! Но уж русский человек — так же как, разумеется, и украинец — научен создавать видимость работы, притом абсолютно ничегошеньки не делая. Кто не знает весьма ак-

* Данная ошибка ни в коем случае не принижает ценности капитального труда — многотомника «Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны», подготовленного прекрасным ученым и очень хорошим человеком Владимиром Павловичем Ямпольским (1935—2010), которого мы никогда не забудем. Хочется сказать: «Спасибо тебе, Палыч! Как жаль, что ты больше не зайдешь ко мне в кабинет попить кофе, который ты считал лучшим кофе в Москве...»

туальной пословицы: «Они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем»?

«С актами саботажа немецкие оккупационные власти сталкивались почти повсеместно. В октябре 1941 г. начальник диверсионной службы вермахта на южном участке советско-германского фронта Т. Оберлендер доносил в Берлин: “Гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление партизан, здесь является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодолении которого мы имеем еще меньшие шансы на успех”»¹⁷².

Кстати, в данном случае не можем не выразить уважения гражданам Чехословакии, которые проявляли свой протест против гитлеровской оккупации гораздо более откровенно, нежели наши соотечественники. Есть сведения, что на ряде военных заводов они демонстративно приходили на работу в черных траурных костюмах и... добросовестно изготавливали боевую технику для вермахта. Это считалось протестом!

А вот один из лягинских «бойцов» Петр Луценко, работавший на макаронной фабрике, никакого черного костюма, за неимением оного в собственном гардеробе, не надевал. Зато он пару раз запустил в тесто изрядную порцию битого стекла — и макаронные изделия, вместо того чтобы быть направленными «доблестным солдатам вермахта», отправились прямиком на свалку. Конечно, осуществлять подобные «непищевые добавки» можно было бы и почаще, но ведь спецподготовку Петр проходил для куда более серьезных мероприятий, а потому излишне рисковать по мелочам не следовало. Тем более он понимал, что его примеру (разумеется, не зная, чей это именно пример) последуют и другие рабочие...

Впрочем, в городе Николаеве происходили и более «громкие» — в прямом и переносном смысле — события. Об одном из них даже сообщалось в сводке Совинформбюро:

«Героически действуют партизаны в городах, оккупированных немецко-фашистскими полчищами. На окраинах гор. Николаева каждое утро находят убитых немецких и румынских солдат и офицеров. В начале октября в окно ресторана, где шел кутеж офицеров, была брошена бомба необычайно разрушительной силы. Взрывом бомбы убито восемь офицеров»¹⁷³.

Что ж, есть такая присказка: «Получи, фашист, гранату!» Получили... Правда, от кого именно, нам в данном случае сказать затруднительно. Ведь сотрудники резидентуры

«Маршрутники» в основном пока еще легализовывались и выжидали, что называется — вращались в обстановку. Как мы сказали, Луценко, а с ним и Николай Улезько с виду добросовестно трудились вальцовщиками теста на макаронной фабрике, Александр Соколов устроился старшим кондуктором на железной дороге, туда же, в паровозное и вагонное депо, поступил слесарем Иван Коваленко, а Демьян Свидерский работал в совхозе имени Шевченко...

К тому же молодые, обаятельные и предприимчивые (в условиях подпольной работы без подобного качества не обойтись) сотрудники умудрялись даже и в обстановке постоянной смертельной опасности налаживать свою личную жизнь. Хотя, как нам известно, первым это сделал сам руководитель группы, официально оформивший свои отношения с Магдой Дукарт.

Доброму его примеру последовал Александр Сидорчук, который был размещен на квартире Адельхейд Келем, как и Магда, происходившей из «русских немцев». Галина, как все ее называли, осталась в оккупированном городе по заданию управления НКВД и вскоре смогла устроиться на «хлебную должность» — официанткой в офицерскую столовую 4-го воздушного флота люфтваффе, германских ВВС. Сидорчук также превратился в «русского немца» — определенно, немецкий язык у него был, а тут явно еще и жена его «пообтесала», и вскоре он, как истинный «фольксдойче»*, был принят на работу на Ингульский военный аэродром слесарем.

Николай Улезько, имевший официальное и надежное прикрытие «рабочего человека», на звание «фольксдойче» не претендовал и женился на местной жительнице из русских — Елене Свиридовой. Семейное счастье обрел и «железнодорожник» (по совместительству — подрывник) Александр Соколов, также познакомившийся с местной жительницей Зинаидой Николаиди. Пожениться они решили уже после прихода в город гитлеровцев, и тут, совершенно неожиданно, Лягин предложил им сыграть свадьбу с демонстративно широким, как это называлось на Руси — купеческим — размахом...

Многие считают, что разведчик должен быть внешне неприметным и незапоминающимся, сидеть тихо-тихо — серая мышка, так сказать... Ерунда все это! Чем более есте-

* Фольксдойче (*Volksdeutsche*) — «этнические немцы», проживавшие за пределами рейха.

ственно человек себя ведет, чем более он открыт и интересен для окружающих — тем сильнее он привлекает к себе людей, что ему профессионально необходимо, и тем меньше каких-либо подозрений он вызывает. «Тихушники» нередко настораживают — недаром же в нашем народе сложилась поговорка, что «в тихом омуте черти водятся». А вот если у человека, как говорится, «душа нараспашку», скрывать ему совершенно нечего — в чем тогда его подозревать?

Потому и закатили боевые товарищи для своего «Васильева» шумную свадьбу, на которой некоторые ребята из группы «легализировались», так сказать, в роли друзей Александра. Что ж, старший кондуктор — хоть и небольшой, но начальник, а немцы начальников уважают, и этот маленький начальник своим поведением, в свою очередь, как бы оказал уважение новому режиму. Даже можно сказать, «расписался в верности», ибо свадьбу в испуганно притихшем городе сыграли в соответствии со всеми правилами, по православному, с позабытыми «при большевиках» традициями — а не просто сходили в загс и расписались в присутствии друзей и родственников. Во-первых, нашли священника, который и обвенчал молодых. Во-вторых, от церкви до дома добирались праздничным кортежем, чтобы всем видно было — свадьба! Мол, нам скрывать нечего, мы счастливы и всё нас устраивает.

«Свадьба получилась действительно громкой, и ее в городе запомнили надолго. Изумленные николаевцы видели, как по центральной улице промчался свадебный поезд из нескольких бричек, с иконами, “боярами” и “дружками”, как у порога своей квартиры молодые, преклонив колени, целовали руки посаженным отцам, клялись в верности друг другу...»¹⁷⁴

В общем, чтобы «легализоваться», надежно скрыться среди чужих, совсем не обязательно забираться в самую глубокую щель или «притворяться упавшим листом в осеннем лесу»...

Вот и Виктор Лягин, который сразу же изящно «подставил» себя гитлеровцам, тем самым сумел приобрести очень хорошие позиции — и не только для дальнейшей своей деятельности.

Немцы умеют позаботиться о «своих» людях, а семья Дукартов-Корневых казалась им именно «своей». К тому же Эмилия Иосифовна представила городскому руководству документы, которые свидетельствовали, что она со-

стоит в родственных связях — не очень близких, но все-таки — с именитым германским родом фон Шардт. Это еще более добавило к ней уважения — ну и, учитывая все подробности, «новые власти» постарались решить для своих «друзей», имеющих хорошие связи в рейхе, пресловутый «жилищный вопрос». Виктору было предложено осмотреть несколько пустующих особняков, и он остановил свой выбор на просторной квартире в доме 5 по улице Черноморской. Точнее, до войны эта улица называлась по имени немецкого коммуниста Карла Либкнехта, но оккупанты поспешили это название убрать, переименовав улицу по своему, вместо того чтобы возратить ей исконное название — Рождественская. (В настоящее время это улица Лягина; в доме 5 расположен музей «Подпольно-партизанское движение на Николаевщине в годы Великой Отечественной войны. 1941—1944 гг.».)

Новая квартира Виктора находилась недалеко от прежнего его места жительства на улице Шевченко — между улицами Первомайской и Мархлевского (по тем временам уже, очевидно, вновь Херсонской и Католической) и была воистину огромной, шестикомнатной. Однако Виктор решил, что им на троих с женой и тещей вполне будет достаточно четырех комнат — причем одна стала его кабинетом, а еще две комнаты, имевшие отдельный вход, вполне можно сдавать. Разумеется не абы кому, тем более не своим товарищам-подпольщикам, но надежным коммерсантам, приехавшим в Николаев из Германии. Именно такого человека — директора какой-то мануфактуры, разворачивавшей работу в оккупированном городе, Виктору и порекомендовали его немецкие «друзья», на оперативном языке именуемые «контактами». Вскоре уже солидный коммерсант поселился в двух свободных комнатах... Конечно, деньги, получаемые за сдачу квартиры в аренду, лишними не были — скорее даже не для семьи, но для решаемых задач. Но главное, что Виктор еще более вращался в немецкую среду, обрастал связями, производил впечатление солидного и надежного человека прогерманской ориентации.

Определенно, что именно на улицу Либкнехта (назовем ее именно так, назло оккупантам!) Лягин перебрался по той причине, что здесь же поселились комендант Гофман и кто-то из его заместителей, другие немецкие генералы и офицеры, многочисленные оккупационные чиновники, а также разного рода шушера, которая обыкновенно крутится вокруг руководства и всех тех, кто имеет отношение к

распределению жизненных благ... В общем, то самое «избранное» общество, в котором ему теперь приходилось постоянно вращаться. И действительно, представители этого общества вскоре стали частыми гостями в доме 5 на улице Черноморской. Здесь их всегда ждал накрытый и прекрасно сервированный стол, Магда играла на рояле, а Виктор был замечательным и очень остроумным собеседником. Все это напоминало гитлеровским войскам далекую Германию.

Несколько позже новые власти представили Дукартам и прислугу — домработницу и кучера, а также повозку с двумя лошадьми.

Вполне возможно, что на дверях его дома была прикреплена следующая троязычная — на немецком, румынском и украинском языках — табличка (текст подлинный):

«В цьому домі живуть німці. Хто провиниться чимнебудь супроти них або нарушить їх власнісць — добро, буде разстріляний.

Головно Командуючий Німецьких Війск»*.

Вообще, гитлеровские захватчики старались проявлять заботу о своих соотечественниках-«фольксдойче», каковых, согласно данным проведенной оккупационными властями в конце сентября 1941 года переписи, в городе насчитывалось 1228 человек. Однако гитлеровцы, фанатичные приверженцы дисциплины и порядка во всем, умудрились даже «фольксдойче» разделить на четыре категории или сорта. На первом месте стояли те, у кого родители были немцами, а сами они сохраняли не только родной язык, но и «немецкий образ жизни». Подобные же лица, женившиеся или вышедшие замуж за представителей других национальностей, автоматически переходили во вторую категорию, но зато и переводили в нее своих супругов, при том, правда, условия, что те еще в советские времена «испытывали тягу к немецкому образу жизни». Хотя супруги — представители еврейской или цыганской национальностей — в данном случае не только сами не попадали ни в какие «ряды», но и, скажем так, крепко подводили своих «фольксдойче». Однако основное число николаевских «русских немцев» было не только женато отнюдь не на своих патриотах, но и изрядно позабыло язык предков и растеряло добрые традиции далекого «фатерлянда», а потому было

* «В этом доме живут немцы. Кто чем-нибудь провинится против них или посягнет на их собственность, будет расстрелян. Главнокомандующий немецких войск» (укр.).

зачислено в третий разряд. К четвертому же разряду относились все те этнические немцы, которые хотя и ассимилировались с местным населением, однако поддерживали новые власти и процесс «германизации» славянских земель...

Так вот, для «Фольксдойче» — вне зависимости от той категории, к которой они принадлежали, — в оккупированном городе не только выходила немецкоязычная газета «Deutsche Bug-Zeitung»*, но и в украиноязычной газете «Українська думка»** печатались на языке новых «хозяев» информационные сообщения и объявления. Уже в ноябре 1941 года вновь начала работать городская библиотека — и в ней был открыт специальный отдел для «земляков», куда в обилии поступала из Германии научная и художественная литература. А в начале 1942 года в городе открылись бесплатные курсы изучения немецкого языка и «арийского образа жизни», занятия на которых проводились три раза в неделю... Оккупанты даже попытались возродить в Николаеве театральную жизнь, хотя все ранее существовавшие в городе театры ушли с отступавшими советскими войсками. Тогда на базе какой-то колхозной труппы был создан «Новый театр», который уже 26 октября 1941 года поставил свой первый спектакль — известную оперетту «Наталка Полтавка», — с треском провалившийся. Затем, с ненамного большим успехом, вышли сценический вариант «Тараса Бульбы» и пьеса «Невольник» по поэме Тараса Шевченко. Но жители областного города привыкли к более высокому искусству, нежели предлагал «коллаборационный» театральный коллектив, а потому аншлагов не было.

Кстати, «спустя год после установления немецко-фашистского порядка на николаевской земле театральная жизнь города вышла на еще один “новый” уровень. Городская управа объединила разрозненные театральные и художественные коллективы областного центра в единый театр драмы и комедии. В состав труппы вошли: украинский драмтеатр, театр миниатюр, цирковые и эстрадные артисты, а также музыканты духового и джазового оркестров. На сборный коллектив была возложена обязанность организации всей культурно-просветительской работы в городе. В городском Луна-парке установили цирковое ша-

* «Немецкая Бугская газета» (нем.) — напомним, что город Николаев стоит на реке Южный Буг.

** «Украинская мысль» (укр.).

пито, а в Спасском урочище построили летнюю площадку для выступлений артистов всех жанров...»¹⁷⁵.

Такая вот интересная информация.

Только не нужно думать, что гитлеровцы действительно старались «окультурить» завоеванные ими земли. Во время оккупации в Николаеве были взорваны прекрасные здания новых школ — 8, 10, 13-й и еще четырех, уничтожена детская библиотека, насчитывающая в своем собрании порядка двадцати тысяч книг. В других уцелевших школах — так же как и в клубах, техникумах и даже в музеях — оборудовались солдатские казармы. Разумеется, все имущество, ранее находившееся в этих помещениях, расхищалось, уничтожалось или просто выбрасывалось.

Вообще, гитлеровские захватчики старались уничтожать абсолютно всё, что им попадалось под руку, словно полчище крыс, оказавшихся в кладовой.

Вот сводка политуправления Южного фронта, представленная Главному политическому управлению РККА от 5 ноября 1941 года:

«О положении оккупированного фашистами города лучше всего свидетельствует состояние гор. Николаева. Вот как выглядел гор. Николаев в прошлом месяце...

...Весь железнодорожный узел взорван. На строительство и восстановление его немцы мобилизуют рабочих евреев...

На <судостроительный> завод приехали немецкие инженеры, у завода выставлена военная охрана. Немцы предполагали пустить в ход завод, но оборудования там не оказалось, оно вывезено, а то, что осталось, приведено в негодность. Завод сельхозмашин и “Дормашина” также выведены из строя. В Николаеве работал только один хлебозавод, выпекающий хлеб для армии. Подгоревшие кусочки хлеба выбрасывались через окна для населения. Толпы женщин и детей ловят кусочки хлеба. Часто эти картины фотографируют немецкие офицеры.

Николаев сейчас — мертвый город, хлеба нет, базары закрыты. В город впускают только по пропускам. Магазины закрыты... Воды в городе нет, водопровод взорван, люди ходят за водой в яхт-клуб. Электростанция не работает...»¹⁷⁶

Интересную информацию на ту же тему можно почерпнуть и из справки «Подпольно-партизанское движение в Николаевской области в 1941—1944 гг. в дни Отечественной войны»:

«В националистической газете “Українська думка” можно было встретить об”явление следующего характера: “Каждый собственник коровы имеет право оставлять себе только пол-литра молока, остальное молоко должен сдавать на ближайший молочный пункт, кто молоко вовремя не сдаст, коровы будут конфискованы”. “Весь хлеб и различные масленичные культуры, находящиеся в колхозах и совхозах, конфискуются для Германии”. Под угрозой расстрела запрещалось резать скот и птицу, запрещалось иметь собак, голубей и велосипеды».

Что ж, думается, что не от хорошей жизни давали немцы подобные объявления...

Но вот такой интересный момент: месяцем ранее, 3 октября, в Кремль — Сталину, Молотову и Берии — было передано сообщение за подписью начальника внешней разведки Павла Фитина:

«Сообщаем выдержки из разведывательной сводки английского военного министерства за время с 14 по 25 сентября с.г. <...>

Один связник в Москве, японец, от своих друзей в народном комиссариате выяснил следующее:

1. 50—60 процентов зерна на Украине к западу от линии Одесса — Полтава было собрано, обмолочено и в значительной части вывезено до прихода немцев. Точной информации о судьбе оставленного зерна нет.

2. Основная часть урожая сахарной свеклы в этом районе осталась на месте, однако большинство сахарных заводов было повреждено.

3. Лен и конопля не были убраны или уничтожены.

4. Хлебные склады в Николаеве уничтожены не были, а поспешные попытки сжечь собранное зерно успехом не увенчались»¹⁷⁷.

Интересно, куда же девалось зерно с тех самых николаевских хлебных складов, раз в городе уже через месяц было нечего есть? Быть может, немцы все подчистую сразу же вывезли в Германию, надеясь, что им удастся разжиться зерном где-нибудь еще? Или выискались какие-то оборотистые коммерсанты, в погонах или без таковых, которые нашли применение оставленным продуктам? Ответить на эти вопросы мы не можем...

Вот почему Луценко и Улезько, добросовестно работая на макаронной фабрике днем, вечером, к концу смены незаметно набивали тестом свои внутренние карманы и голенища сапог, даже опоясывались полосами этого теста —

и несли его товарищам, своим квартирным хозяевам. Вообще-то за это могли и расстрелять — но что поделаешь, когда всем кушать хочется? Приходилось рисковать.

* * *

Тем временем у «Бати», как называла группа своего командира, дела обстояли очень даже неплохо — процесс «легализации» успешно продолжался, и всё, кажется, получалось именно так, как было задумано в Центре...

Уже в сентябре 1941 года Магдалина Дукарт-Корнева была принята на работу на Николаевский судостроительный завод им. Андре Марти — при немцах он именовался «Южными верфями» — в качестве личного переводчика контр-адмирала Карла фон Бодеккера, являвшегося «шефом судостроительных заводов Причерноморья».

Уточним, что «после захвата немцами Николаева все промышленные предприятия были реквизированы. Черноморский судостроительный завод был переименован в «Южную верфь», судостроительный завод им. 61 коммунара — в «Северную верфь», судоремонтный завод — в «Малую верфь».

На базе «Южной верфи» гитлеровцы создали штаб, который руководил строительством военных кораблей и подводных лодок. Руководителем всеми корабельными заводами Николаева и Одессы был назначен адмирал фон Бодеккер. Техническим экспертом при нем утвержден капитан Хасельман.

По их требованию в Николаеве, в районе поселка Темвод, рядом с «Северной верфью», был создан лагерь для советских военнопленных «Шталаг-364», в котором находилось около 30 тысяч узников. Они должны были стать основной рабочей силой в осуществлении намеченной гитлеровцами программы строительства военных кораблей»¹⁷⁸.

Руководство рейха очень рассчитывало на то, что в скором времени удастся ввести в строй весь комплекс судостроительных и судоремонтных заводов Причерноморья, а для этого требовались надежные и подготовленные местные кадры. Невозможно ведь было укомплектовать все предприятия работниками, командированными из Германии, — получилось бы слишком расточительно во всех смыслах, а потому никто этого и не пытался делать. Напротив, из Николаева на работу в рейх было (по различным данным) вывезено от пятидесяти до шестидесяти тысяч че-

ловек, в том числе порядка трех тысяч квалифицированных рабочих...

Ну что ж, теперь дорога для окончательной «легализации» Лягина была открыта.

«В ноябре 1941 года по просьбе КОРНЕВА* я познакомилась с фон-БОДЕККЕРОМ. Последний предложил моему мужу работу инженера на заводе им. Марти, он согласился и работал там до 5 февраля 1943 года» — так говорится в известном нам допросе Магдалины Ивановны Дукарт, хранящемся в Центральном архиве ФСБ России.

Разумеется, на самом деле все было несколько (или гораздо) сложнее. Рекомендация очаровательной супруги — это, конечно, хорошо, но, прежде чем принять окончательное решение, адмирал фон Бодеккер устроил для кандидата самый настоящий экзамен по судостроению. С Виктором достаточно пристрастно беседовали дотошные немецкие специалисты по строительству и ремонту кораблей. Как мы можем понять, высокий уровень базового образования, полученного им в стенах Ленинградского политехнического института, плюс опыт, приобретенный во время работы в Соединенных Штатах Америки по линии научно-технической разведки, да еще и подготовка, которую он прошел перед отправкой в немецкий тыл, превратили Виктора Лягина в квалифицированного специалиста-судостроителя. С такой аттестацией он и вошел в ближайшее окружение адмирала — в качестве наблюдающего за ремонтом боевых кораблей.

И тут мы делаем паузу, чтобы поставить под сомнение всю вышеизложенную официальную версию...

В сборнике «Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения», выпущенном, как мы помним, издательством Политехнического университета, представлены два документа — удостоверения, выданные Лягину 4-м (экономическим) отделом полевой комендатуры № 193.

В первом из них указано:

«Предъявитель настоящего удостоверения Виктор КОРНЕВ, паспорт № 735642, занят ремонтом автомашин полевой комендатуры № 193. Просьба не отбирать у него какие-либо запасные части»¹⁷⁹.

* М. И. Дукарт знала своего супруга только под фамилией «Корнев». Думается, что и сотрудники нелегальной резидентуры «Маршрутники» никогда не слышали фамилии «Лягин».

Удостоверение, снабженное печатью подразделения «полевая почта 17773», подписано каким-то майором с неразборчивой подписью.

Второе удостоверение:

«Предъявитель настоящего удостоверения Виктор КОРНЕВ работает в своей мастерской в г. Николаеве, Штефаника (улица Шевченко) 61 для немецких вооруженных сил. Я прошу снабжать его током для освещения и рабочих нужд»¹⁸⁰.

Те же печать и подпись; в обоих удостоверениях дата выдачи не указана.

Копии оригиналов этих документов — на немецком, разумеется, языке — хранятся в архиве Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Вполне возможно, что рассекретили их не так давно, и именно по этой причине они оказались неизвестны для тех, кто ранее писал про Виктора Лягина...

А может, причина тут несколько иная. Мы любим «героизировать» своих героев — порой даже «прощаем» им какие-то ошибки, что-то чуть-чуть «ретушируем» или «исправляем». Вот и в данном случае у всех авторов получалась этакая романтически-красочная картина, нечто типа: «пришел — его увидели — победил». Так сказать, завлекли германских крысюков в квартиру на улице Шевченко, очаровали их — и вот уже Магда становится «секретарем шефа всего судостроения в Причерноморье», а через некоторое время и Виктор занимает достойное место в «аппарате» того же адмирала фон Бодеккера. Весь такой представительный, в кожаном пальто... (Лучше бы этого пальто не было! Однако читатель поймет это несколько позже.)

Да нет, не всё, к сожалению, получилось так легко и просто! На основании этих двух представленных удостоверений мы можем сделать вывод, что поначалу Виктору пришлось организовать небольшую частную авторемонтную мастерскую, что для него, как специалиста-автомобилиста, было делом вполне посильным. Однако — малоприятным, потому как в данном случае он оказался в «сфере услуги», то есть для немцев определенно человеком второго сорта (впрочем, как русский, он для них автоматически был таковым). Так что ему надо было заискивать перед «хозяевами», демонстрировать полную к ним лояльность и даже, очевидно, бегом и с улыбкой выполнять любые распоряжения и приказания... А это ведь совершенно не вяжется с образом того героического разведчика, который вскоре возглавит все николаевское подполье и заставит оккупантов бояться

собственной тени! Вот и остается этот эпизод незамеченным, хотя соответствующие документы, как мы видим, лежат, в полном смысле, на поверхности.

Все дело в том, что разведка — работа не только тяжелейшая, труднейшая и опаснейшая, но порой и достаточно неприятная. Особенно неприятным во всех отношениях бывает процесс легализации, когда разведчику-нелегалу, позабыв про свое офицерское звание, высшее образование и имеющиеся заслуги, приходится работать слесарем в гараже или приемщиком белья в прачечной, а то и служить рядовым солдатом в какой-нибудь иностранной армии... Это ведь только в романах XIX века обыденным явлением считалось возникновение из ниоткуда какого-то обаятельнейшего красавца-богача — типа графа Монте-Кристо или Родольфа, принца Герольштейнского («Парижские тайны», Эжен Сю), прикрывающегося весьма хлипкой и даже сомнительной «легендой», но сразу же вызывающего всеобщую симпатию и доверие. В жизни и тем более в разведке все должно быть объяснимо или тем более «легендировано» весьма тщательным образом. Вот и приходится начинать с самых низов, с черновой работы...

К тому же — тут нам приходится открыть читателю одну очень серьезную тайну — разведчику совсем не обязательно выходить на какие-то ключевые посты, устраиваться на работу на суперзакрытые объекты, становиться большим начальником. Нужно понимать, что людей, занимающих серьезные посты, проверяют особенно тщательно, а это во много раз повышает опасность провала, да и карьерный рост зачастую требует немалого времени. Поэтому гораздо перспективнее и безопаснее искать подходы к этим объектам через людей, там работающих, и устанавливать с ними доверительные, так сказать, отношения. То есть, говоря общепонятным языком, вербовать агентуру.

Впрочем, разведчики, которые рассказали нам о таких своих первых шагах — солдатом или приемщиком белья, — впоследствии сделали очень неплохие карьеры в странах пребывания. Ну и в разведке, разумеется, тоже.

Вот так и Виктору Лягину пришлось для начала «пошестерить» самым старательным образом, собственными руками приводя в порядок автомобили захватчиков, вплоть до протирания стекол, чтобы затем, делом доказав лояльность оккупационному режиму и преданность «новым хозяевам», а заодно и свое мастерство инженера, двинуться вверх по карьерной лестнице. Но это будет несколько позже...

Мы оставили в стороне один очень важный момент в жизни оккупированного Николаева. Не стоит забывать, что в городе очень серьезно работали нацистские спецслужбы — гестапо, абвер и др. Одно дело, что военные патрули, каратели и полицаи хватали на улицах и правого, и виноватого, что любого человека могли бросить в тюрьму или даже расстрелять без суда и следствия, но совсем другое, что гитлеровские спецслужбы целенаправленно выискивали тех, кто вел против оккупантов тайную войну, представляя для новых властей реальную опасность.

Как мы говорили ранее, в первую очередь внимание спецслужб было обращено на оставшихся в городе коммунистов — членов КП(б)У. Так как немцы народ рациональный и расчетливый, то для начала они дали соответствующее объявление — чтобы, не затрачивая лишних усилий, сразу же выявить всех слабонервных.

«Объявление

Военного командования

Все члены и кандидаты коммунистической партии, которые в 3-х дневный срок со дня опубликования этого объявления добровольно явятся в районные префектуры полиции, будут рассматриваться, как люди, заблуждавшиеся в своих политических воззрениях и разочаровавшиеся в идеях коммунизма.

Им гарантируется жизнь и свобода.

Члены и кандидаты коммунистической партии, уклонившиеся от явки согласно этого объявления, будут считаться ВРАГАМИ и, при их обнаружении, будут арестованы и преданы военно-полевому суду.

Та же мера наказания угрожает тем квартирохозяевам, управляющим домами и дворникам, которые укрывают у себя неявившихся по сему объявлению коммунистов.

Военное командование

*ГУЛЯНКА**

7 ноября 1941 года».

Специально, что ли, дали германские крысы такое объявление в праздничный день?

Кто-то пришел сразу — и их действительно поначалу не тронули. Что с этими людьми было потом, мы не знаем и

* Можно понять, что это какой-то чин оккупационной администрации из украинских коллаборационистов.

нас это не слишком интересует, но думается, что судьба их впоследствии все равно была печальной. Других гитлеровцам пришлось искать — подчас довольно долго...

Врач-фтизиатр Мария Семеновна Любченко на этот призыв «новых властей» не откликнулась, хотя тут же по приходе немцев — как и было рекомендовано на инструктаже в райкоме — явилась в комендатуру, прошла соответствующую регистрацию как врач и по-тихому продолжала работать в своей поликлинике. По поводу своего «коммунистического прошлого» она затаилась в наивной надежде, что пронесет, что беда пройдет стороной, что о ней просто-напросто не вспомнят.

Да нет, вспомнили, разумеется, — но это произошло гораздо позже, когда Мария Семеновна уже полностью успокоилась, решив, что действительно пронесло...

* * *

Бытует версия, что 19 августа все того же 1941 года в только что оккупированный Николаев прилетал с краткосрочным визитом «фюрер германской нации» Адольф Гитлер.

В частности, в своей книге Людмила Борисовна Ташлай пишет:

«Оккупанты возлагали большие надежды на быстрое возобновление судоремонтной промышленности в Николаеве, как могучего средства господства на Черном море и проведения военных операций по овладению Кавказом. Поэтому еще в августе 1941 года кратковременную остановку в Николаеве сделал сам Гитлер»¹⁸¹.

Но мы в этот вариант не очень верим — на этот счет нет не только никаких подтверждающих документов или газетных сообщений, но и никто из близких к фюреру людей подобный вояж в своих мемуарах не описывает. (Есть лишь несколько расплывчатых кадров кинохроники, запечатлевших Адольфа Алоисовича у борта какого-то самолета, а закадровый дикторский голос утверждает, что это он прибыл в Николаев.) А ведь если бы фюрер побывал почти что на передовой, то это же должна была быть безумно выигрышная тема для геббельсовской пропаганды! Так не бывает, чтобы сервильная пресса не постаралась расписать геройские подвиги своего вождя. Однако пропаганда об этом молчала...

Что ж, как известно, «первые лица» более всего пекутся о своей личной безопасности, и если нет стопроцентной га-

рантии ее обеспечения, то никуда они не поедут. В России для Гитлера такой гарантии не было — могли и прибить, как обнаглевшую крысу.

Так что об этой версии мы вспоминаем лишь для того, чтобы никто из просвещенных читателей не мог нас упрекнуть, что мы, мол, замалчиваем столь значительное событие. Не замалчиваем! Просто считаем, что ничего подобного в действительности не было. Не надо переоценивать фюрера — хотя признаем, что в Первую мировую войну он был хорошим и храбрым солдатом, о чем свидетельствуют его чин ефрейтора, а также боевые награды — Железные кресты I и II степени и Крест с мечами за боевые заслуги III степени. В общем, в свое время главный германский крысюк был весьма заслуженной личностью...

Глава одиннадцатая

КОНЕЦ «КУРОРТНОГО СЕЗОНА»

Лето, столь успешно начинавшееся для гитлеровских вояк, давно прошло, уже миновали сентябрь и октябрь, и слово «блицкриг», некогда столь популярное и внушавшее оптимизм, позабылось словно бы само собой...

Обстановка на советско-германском фронте ничем не напоминала июльскую.

«Результаты октябрьского наступления не радовали гитлеровцев. Главные цели операции “Тайфун” — уничтожение Советской Армии и захват Москвы — не были достигнуты. Исход кровопролитных сражений был неожиданным не только для солдат, но и для генералов вермахта. <...> Упорное сопротивление советских войск явилось главной причиной колебаний, появившихся у командования вермахта, расхождения мнений при определении путей дальнейшего ведения войны против Советского Союза. <...>

Но фактически у гитлеровцев не было выбора. Зима приближалась, а цели плана “Барбаросса” оставались недостижимыми. Враг спешил, стремясь во что бы то ни стало овладеть столицей Советского Союза до наступления зимы.

Замысел немецко-фашистского командования на продолжение наступления в ноябре содержал ту же идею, что и в октябре: двумя подвижными группировками одновременно нанести сокрушительные удары по флангам Западного фронта и, стремительно обойдя Москву с севера и юга, замкнуть кольцо окружения восточнее столицы»¹⁸².

В общем, под Москвой «фрицы» застряли.

Застряли они и под Ленинградом — город был окружен, взят в кольцо блокады, но не сдавался и таким образом приковал к себе значительные силы немецкой группы армий «Север».

На Крайнем Севере — в Советском Заполярье, на Мурманском направлении — германское наступление не удалось изначально. В сентябре гитлеровцы, сунувшиеся было на нашу территорию, оказались отброшены обратно за реку Западная Лица и на протяжении всей войны оттуда уже больше не высывались.

Зато на южном направлении продолжались тяжелейшие, кровопролитные бои, и гитлеровцы, хотя и медленно, но все-таки продвигались вперед.

«К концу ноября 1941 г. немецкие войска заняли район Харькова, юго-западную часть Донбасса и вышли на подступы к Ростову-на-Дону. Но эти успехи обошлись врагу дорого. Упорное сопротивление советских войск вызвало резкое ослабление боеспособности фашистских армий. Наступательный порыв солдат и офицеров настолько снизился, отмечало ОКХ, что общий пессимизм распространился даже на командование группы армий “Юг”. Гитлеровскому руководству пришлось принять энергичные меры, чтобы поднять боевой дух своих войск»¹⁸³.

Только 16 октября закончилась героическая 73-дневная оборона Одессы, откуда затем советские войска были переправлены для обороны Крыма, в котором также уже шли бои... 30 октября началась битва за Севастополь, которая продлится аж до 4 июля 1942 года.

А в городе Николаеве была тишина. Точнее, город оказался в глубоком тылу гитлеровцев, и поэтому здесь не было войны в ее самом прямом понимании — то есть когда вооруженные люди, представляющие две противостоящие армии, сражаются друг с другом. Но зато здесь вооруженные люди, представляющие карательные органы как минимум двух союзных армий, германской и румынской, методически уничтожали беззащитное мирное население.

Вот строки из уже известной нам справки «Подпольно-партизанское движение в Николаевской области в 1941—1944 гг. в дни Отечественной войны»:

«На каждом шагу люди ощущали национальный и политический гнет. На улице больше 3 человек не разрешалось собираться, если подходил четвертый, значит “сборище”, заговорщики, людей хватили и больше они не возвращались.

Фашистские людоловы устраивали “охоту” на людей, оцепляли кварталы, днем и ночью врываются в квартиры и забирали людей. Человек не имел права задать вопрос, зачем его берут и куда его ведут. Если находился смельчак и спрашивал, вместо ответа получал пощечины, окрики “Век”, “Век” («долгой». — А. Б.) и никаких вопросов.

Немецкие садисты с особым привкусом изощрялись в издевательствах над другими националистами*. Они поголовно истребили еврейское и немалую долю польского населения. Русские были на особом учете: им запрещалось работать на руководящей работе, запрещалось говорить по-русски. С украинцами немцы вели политику заигрывания, но исходя из своих человеконенавистнических фашистских планов, они уничтожали украинцев так же, как и другие национальности. Недаром же в народе была поговорка: “Немцам гут, евреям капут, русским тоже, украинцам позже”».

Вот такая была страшная обстановка!

Так, буквально сразу по приходе в город гитлеровцев полевой жандармерией было расстреляно 28 рабочих — по ничем не подтвержденному подозрению, что они якобы хотят взорвать местную электростанцию. За короткое время в лагере для военнопленных, находившемся в окрестностях Николаева, было расстреляно свыше двухсот человек — как бы в назидание всем прочим. Только в ходе одной карательной экспедиции, которой руководил майор Бютнер, начальник жандармерии Николаевской области, на территории этой самой области было сожжено шесть населенных пунктов, расстреляны сотни советских граждан. 21 октября каратели из Николаева расстреляли в Херсонской психиатрической больнице порядка ста человек пациентов...

Казалось, оккупированный город был не просто придавлен — растоптан кованым сапогом нацистских захватчиков. Но это только казалось — советские чекисты, группа капитана госбезопасности Лягина «Маршрутники» начала свой поединок с врагом.

Не надо, однако, считать, что ранее группа вообще бездействовала, только лишь легализуясь и «врастая в обстановку». Сотрудники нелегальной резидентуры проводили активную разведку, наблюдая за перемещениями войск про-

* Неправильное словоупотребление. Если бы было именно так, то нынешние «патриоты Украины» вряд ли так гордились бы своей службой немецким хозяевам.

тивника, перевозкой грузов, за всем происходящим в порту и на николаевских верфях, изучая состояние находящихся в городе и его окрестностях подразделений германской и румынской армий... Гитлеровские спецслужбы несколько раз перехватывали зашифрованные радиogramмы, но ничего, кроме подписи «Кент» или «КЭН», расшифровать так и не смогли.

Теперь же чекисты собирались начать открытые боевые действия. Разумеется — своими тайными методами.

Но, как это делали люди чести в соответствии со старинным «дуэльным кодексом», подпольщики перед тем послали оккупантам свой вызов.

«К ноябрьским праздникам Виктор Александрович раздобыл шрифт и организовал распространение в городе листовок, которые несли правду о борьбе советских людей с немецко-фашистскими захватчиками и призывали к сопротивлению оккупантам. Листовки опровергали утверждение гитлеровской пропаганды о разгроме Красной Армии и падении Москвы»¹⁸⁴.

Понять, что это вызов на поединок, «фрицы» не смогли. Очень уж спокойно и вольготно чувствовали они себя в завоеванном приморском городе, откуда, определенно, отсылали в Берлин весьма оптимистичные доклады — мол, тут «не жизнь, а малина!». Недаром же Альфред Розенберг, рейхсминистр оккупированных восточных территорий, выступая в ноябре 1941 года по берлинскому радио, назвал Николаев «одной из жемчужин русского Причерноморья, где немецкие солдаты чувствуют себя как на курорте». Уверенности гитлеровцам придавало и то, что город расположен в степной, удаленной от лесов местности — тут уж партизанам и завестись негде...

...В то время почти что в самом центре города находился парк имени Петровского, названный так в честь бывшего председателя Всеукраинского ЦИКа Григория Ивановича Петровского (в 1939 году его сняли со всех должностей за «связь с врагами народа», но не посадили, а потому и парк переименовывать не стали) — впрочем, парк этот находится там же и сейчас, только именуется он «Народным садом». Он был разбит в самом начале XX столетия на месте расположения 58-го пехотного Прагского полка — в конце Большой Морской улицы, в четырехугольнике между улицами 1-й и 3-й Военными, Котельной и Столярной. Полк пребывал в Николаеве до самого начала Первой мировой, но изменил свою внутригородскую дислокацию, после чего

бывшая Военная слободка стала застраиваться саманными лачугами мастеровых, а находившийся там рынок, именуемый в народе «Военным», пришел в полное запустение, и на его месте тут же понастроили кабаков, трактиров и иных питейных заведений, куда мастеровые охотно заглядывали в свободное от трудов время. Неудивительно, что вскоре район этот приобрел недобрую славу. Но городское руководство спохватилось, посоветовалось с благонамеренными горожанами и постановило шинки и трактиры закрыть, а на освободившемся месте основать городской «Сад трезвости № 1», для которого был составлен оригинальный план, выписано 87 видов деревьев и кустов из Крымского питомника и нанято три садовника. Вскоре действительно сад стал «любимым местом отдыха горожан» — штамп этот в данном случае вполне соответствовал реалиям. Но в 1922 году «Сад трезвости» был переименован в парк имени Г. И. Петровского, потом вместо деревьев на главной аллее разбили цветочные клумбы, повсюду понаставили скульптуры пионеров, спортсменов и рабочих, появились киоски, танцплощадка и летний кинотеатр, а экзотические деревья и кустарники, за которыми следовало тщательно ухаживать, постепенно были заменены на гораздо менее прихотливые тополя, акации и клены... Гитлеровские захватчики также попытались внести свою лепту в развитие сада — они переименовали его в «Луна-парк», но скоро одумались и уже в сентябре 1941 года, изрядно повырубив деревья, построили здесь автомобильный гараж и склад для военного имущества, которые обеспечивали находившийся неподалеку Ингульский аэродром.

Вот этот-то объект резидентура Виктора Лягина и выбрала для своей первой диверсии. Склад располагался в центре города, так что в случае удачи — а в ней сомнений не было — эта диверсия не могла остаться незамеченной, не вызвать широкого резонанса в испуганно притихшем городе. Склад был очень важен для гитлеровцев, а потому его укрепили самым серьезным образом: по периметру парк был окружен высоким забором, опутанным колючей проволокой. Подступы к ограждению освещались прожекторами, сторожевые посты находились как снаружи, так и внутри объекта... В общем, «орешек» был твердый, потому и «разгрызть» его представлялось для подпольщиков делом весьма заманчивым и даже можно считать — почетным.

План этой операции — как, впрочем, и всех последующих акций — самым тщательным образом разрабатывал

Виктор Лягин. Как и положено руководителю, он был подлинным «мозговым центром» резидентуры, но сам в проведении диверсий никакого участия не принимал. Он должен был оставаться вне каких-либо подозрений.

О том, что было далее, рассказать не так-то просто — официальное описание операции сохранилось только в «Докладной записке о результатах проверки работы резидентуры “КЭН” а и розыска ее участников» и отличается предельным лаконизмом:

«В декабре 1941 года уничтожен путем поджога немецкий военный гараж и склад с автопокрышками, находившийся в парке “Петровского”. В результате сгорело до 30 автомашин, 100 комплектов автопокрышек и погибло до 40 немецких солдат. Исполнители: Гавриленко Г. Т., Коваленко И. и член “Контрольного комитета Николаевского центра” Бондаренко Владимир».

По всем другим свидетельствам, с которыми мы ознакомились, взрыв был осуществлен 22 ноября.

В книге «Право на бессмертие» этот эпизод пересказан со слов Галины Адольфовны Келем и звучит несколько по-иному и даже с другими именами исполнителей диверсии:

«Целую неделю чекисты Александр Сидорчук, Александр Соколов (Васильев) и местный патриот-подпольщик Федор Воробьев изучали подступы к объекту диверсии. Удалось все-таки найти слабое звено в охране парка — момент смены часовых. Этим и воспользовались. Сделали проем в заборе, тщательно замаскировав его. В ночь диверсии добрались к проему, бесшумно сняли часового и проникли на территорию склада. Остальное было делом техники, отлично освоенной чекистами еще до войны: быстро заложили толковые шашки, подожгли бикфордов шнур и бесшумно исчезли. Спустя несколько минут над парком взвился столб пламени»¹⁸⁵.

Несколько разочаруем читателя: о том, кто именно в операции участвовал, Галина Келем в то время знать не могла, потому как это ее напрямую не касалось. Одно из строжайших требований конспирации — никто не должен знать ничего лишнего. Конечно, про Сидорчука она могла догадываться — все-таки муж куда-то исчезал из дома, но вряд ли он посвящал Галину хоть в какие-то подробности. Так было спокойнее и для него, и для нее, да и для всей резидентуры... Поэтому, кстати, далеко не все рассказы уцелевших «маршрутников» представляются достоверными.

Возвратимся, однако, к событиям ноября 1941-го.

«Заявка» была сделана серьезная! Очевидно, гитлеровцы поняли, что это уже совсем не то, что расстрелянные ими 28 несчастных рабочих, которые «якобы хотели взорвать местную электростанцию», — совсем иной уровень!

Ну а для полного, так сказать, комплекта именно в тот злосчастный день, когда склад взлетел на воздух, до Николаева дошли берлинские газеты, в которых была перепечатана та самая радиоречь Розенберга, одного из главных идеологов рейха — мол, в Николаеве «немецкие солдаты чувствуют себя как на курорте». Думается, что перепуганные и озлобленные наци крыли рейхсминистра за его неуместный оптимизм не меньшими — извините! — «хренами», нежели коварных партизан, совершенно позабыв, откуда он совсем еще недавно получал ободрявшую его и фюрера информацию о «курортной» жизни в завоеванном городе.

Немецкая администрация пришла в бешенство:

«Приказ полевого коменданта гор. Николаева

22 ноября 1941 г. умышленно сожжены в парке Петровского (Луна-парк) деревянные помещения.

Ввиду этого приказываю:

1. Городу заплатить до вторника — 25 ноября 1941 г. до 9 часов утра 500 000 руб.

2. В случае если до вторника до 18 часов вечера не найдутся виновники, прикажу повесить определенное количество жителей.

3. С 18 часов вечера до 5 часов утра воспрещается каждому выходить на улицу, за исключением тех жителей, которые имеют удостоверения от своего учреждения, что они находятся в пути до или после работы.

Запрещение входит в силу с понедельника с 18 часов вечера»¹⁸⁶.

Виновные, разумеется, не нашлись — и десять ни в чем не повинных горожан были повешены...

Кстати, подобные расправы над мирными жителями относятся к разряду военных преступлений, за что, как мы знаем, «николаевские» гитлеровцы во главе с генерал-лейтенантом Германом Винклером понесли соответствующую суровую кару. Но это будет еще впереди. А пока же всем стало ясно: «курортный сезон» в причерноморском Николаеве для гитлеровцев завершился окончательно и бесповоротно — до самого конца их проклятой оккупации.

И еще стоит обратить внимание на слова приказа про «деревянные помещения». То, как горело, видели очень

многие, а потому всем было понятно, что «партизаны» уничтожили не только эти самые сараи... Но такова уж природа оккупационных властей, что не врать они не могут.

Между тем всем уже было очевидно, что война затягивается. Изначально уповая на пресловутый «блицкриг», командование вермахта более чем легкомысленно отнеслось к подготовке к «зимнему сезону». Кстати, тщательно отслеживая военные приготовления гитлеровской армии в начале 1941 года, наша военная разведка отмечала, что немцы не готовят ни зимнего обмундирования, ни горюче-смазочных материалов (ГСМ) на холодное время года. Из этого делался вывод, что в текущем году германского нападения не будет. Но это была ошибка — просто «фрицы» надеялись завершить свою «восточную кампанию» уже осенью.

Однако и осень на завоеванной территории оказалась для немцев непривычно холодной, а там уже «и зима катит в глаза». Следовало срочно утепляться. Прежде всего представители «древней европейской культуры» постарались обворовать местное население, конфискуя и просто отнимая теплые вещи у мирных граждан; конечно, запросили о помощи рейх — понимая, что из Берлина пришлют обмундирование менее качественное, чем у русских, но хоть что-то...

И действительно, из Германии в Николаев (разумеется, и в другие города тоже, но это не наша история) начало поступать теплое обмундирование, о чем Лягину незамедлительно сообщил работавший на железной дороге Александр Соколов. Однако раздавать своим солдатам зимнюю форму германское командование не спешило — во-первых, немцы народ экономный, они понимали, что нечего солдатам трепать обмундирование, пока настоящие морозы не ударили; во-вторых, надо было оценить имеющиеся запасы и потом уже их делить, исходя из самых разных соображений: лучшее для войск СС, ну и так далее... То есть всё привозимое имущество поначалу отправлялось на какие-то склады — но вот на какие именно, этого, разумеется, старший кондуктор узнать не мог, такой вопрос с его стороны сразу бы вызвал подозрение.

Помогли местные подпольщики — Николай Нено, работавший в отделе снабжения завода имени 61 коммунара, переименованного в «Северную верфь», сообщил, что склад устроен в подвале обувной фабрики на улице Советской — ранее Соборной, некогда бывшей главной улицей в городе. Осведомленность Николая вопросов не вызывала:

в его группу входили грузчики, а без них в общем-то ни в какой работе не обойдешься, потому они и многое знают.

План диверсии на складе разрабатывал опять-таки Виктор Лягин. Понятно, что обмундирование будет гореть гораздо хуже, нежели автомобили и ГСМ, а потому следовало обеспечить условия для того, чтобы тряпье могло как следует разгореться. Поэтому Петр Луценко получил задание заблокировать пожарное депо, находившееся неподалеку, на улице Маяковского (до революции — Наваринской, а позже улицы Троицкого, Крестьянского интернационала, а затем уже Маяковского). Луценко и его помощники сумели вынести с «Северной верфи» несколько листов железа и большое количество металлических шпилек, из которых, проявив изрядную сообразительность и использовав старые ватники, сделали очень надежные колючие ленты. В нужный момент эти ленты должны были быть расстелены на дороге, по пути от улицы Маяковского к Советской (или от Наваринской к Соборной, как они там тогда назывались?), где-то на выезде на Католическую (Мархлевского) улицу, что напрямую вела к обувной фабрике...

Операцией, которая проводилась 16 декабря, непосредственно руководил Александр Сидорчук, в ней также участвовали Александр Николаев и местные подпольщики.

Как кажется, немцев подвела именно начальственная скупость. Охранявшие склад часовые были обмундированы недостаточно тепло, а потому, в нарушение требований устава, периодически заходили в караулку, чтобы хоть немножко погреться. Дождавшись очередного такого захода, подпольщики, затаившиеся в разрушенном доме по улице Католической, молниеносным броском прорвались к фабричному зданию, разбили стекла в его подвальных окнах и забросили внутрь помещения бутылки с зажигательной смесью. Убедившись, что на складе вспыхнул пожар, Александр Николаев и его товарищи растворились в ночи...

Выйдя через некоторое время из караулки, немецкие часовые с ужасом увидели, что огонь в подвале разгорается не на шутку, и подняли тревогу. Вскоре сообщение о возгорании дошло до пожарной команды, но только лишь выехавшие по сигналу тревоги пожарные машины успели набрать скорость, как налетели на металлические шипы, камеры полопались, автомобили сели на обода колес, две машины, потеряв управление на скользкой мостовой, столкнулись, и все встало... Пока немцы разбирались с произошедшим, бежали к зданию пожарного депо, готовили новые машины

взамен внезапно вышедших из строя дежурных, затем ехали кружным путем через улицу Шевченко (или Таврическую?) и, не набирая скорости, внимательно вглядывались в темноту, чтобы опять не налететь на русские «колючки», — в общем, пока суд да дело, всё на том складе сгорело дотла! Немцы, прослезившись, подсчитали примерные убытки: оказалось, уничтожено порядка восемнадцати грузовиков теплого обмундирования! Ладно, хоть часовые у костерка немного погрелись перед своей неминуемой отправкой на фронт в составе штрафных рот. Что ж делать — любые армейские уставы в полном смысле слова пишутся кровью. Уж если тебе поручен пост, то охраняй и обороняй его от звонка до звонка, ничем не отвлекаясь. Тем более если не сешь службу в неприятельском тылу.

Ну что ж, теперь гитлеровцы со всей очевидностью понимали, что попали они не на курорт, а совсем даже наоборот, на враждебную и весьма опасную для них территорию. Причем этому запоздавшему пониманию способствовали не только — а может быть, и не столько — «громкие» и эффективные (к тому же и весьма эффективные!) диверсии, но и простая, так сказать, «повседневная жизнь», явно не оправдывавшая ожидания оккупантов...

«В октябре 1941 г. начальник диверсионной службы вермахта на южном участке советско-германского фронта Т. Оберлендер* доносил в Берлин: гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление партизан, здесь является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодолении которого мы имеем еще меньшие шансы на успех»¹⁸⁷.

Вот и в Николаеве подобного «трудового саботажа» было больше чем достаточно. Известно, что в том же ноябре 1941 года на «Южной верфи» вдруг, что называется, «сжался в гармошку» и ушел на дно Бугского лимана плавучий док, затопленный нашими специалистами при отходе советских войск, а потом с невероятными усилиями поднятый немцами на поверхность для его последующей «ре-

* Теодор Оберлендер (1905—1998) — оберштурмбаннфюрер СА. Перед Великой Отечественной войной был назначен политическим руководителем батальона «Нахтигаль», участвовавшего во «львовской резне». В 1941—1943 годах командовал батальоном «Бергманн» — подразделением абвера, укомплектованным добровольцами с Северного Кавказа. В 1945—1946 годах — в американском плену. С 1953 по 1960 год — министр ФРГ по делам беженцев, переселенцев и пострадавших от войны.

анимации». Есть версия, что это Лягин что-то аккуратно посоветовал кому-то из тех немецких специалистов, с которыми общался: мол, а что, если попробовать сделать вот так — соответственно, с какими-то расчетами и выкладками... Подхватив дармовую идею, немец блеснул перед коллегами техническим кругозором и смелостью новаторских решений, а далее все получилось по принципу «хотелось, как лучше...». Наверное, это и выручило самого немца — все понимали, что он старался, но, очевидно, в расчет вкрались какие-то технические погрешности. Естественно, что немец, отделавшийся легким испугом, умолчал о роли Лягина в «Endlösung» — то есть «окончательном решении» (была такая лукавая нацистская формулировка, означающая полное уничтожение) — вопроса с доком. Уж очень это было бы несолидно — вначале принимать поздравления и видеть искреннее восхищение коллег, а затем спешно оправдываться: «Нет-нет, это совсем не я!» Да в этой ситуации коллеги вполне могли и усомниться в оправданиях «специалиста». Говоря по-русски: «единожды солгавший, кто тебе поверит?» Хотя гитлеровцы и не читали Козьму Пруткову, но все-таки кое-что соображали...

Но может быть — эту версию предлагает в своей книге Геннадий Лисов — это была работа других отважных людей:

«Только что отремонтированный громадный железобетонный док быстро погружался на дно Бугского лимана. История не сохранила нам всех имен отважных патриотов, затопивших док. Но два имени стали известны из объявления немецкой полевой комендатуры Николаева 14 ноября 1941 года. В нем говорилось о расстреле “за саботаж, выразившийся в затоплении дока”, инженера Дмитрия Костина и механика Сергея Водаша. Крановщик Петр Ширяев при разгрузке немецкого транспорта сбросил в воду несколько станков. И тоже был за это расстрелян. Его подвиг повторил Николай Моисеенко. Он тоже поплатился жизнью за свой героический поступок»¹⁸⁸.

К тому же и здесь не исключается, что Костин был как-то связан с Лягиным — все-таки «простых инженеров» не учили делать диверсии, а затопление было выполнено весьма профессионально. Но гитлеровцы могли и просто «назначить» этих людей виновными, чтобы было о чем доложить в Берлин...

Но, несмотря на зверства нацистов — казнили и правого, и виноватого, и вообще любого, подпавшего под подозрение, — на крупнейшей «Южной верфи» Николаева,

которая находилась в «зоне особого внимания» нашего героя, постоянно происходило что-то не то. С точки зрения оккупантов, разумеется. То поступившие детали на сборке агрегатов оказывались пронумерованы таким способом, что их было невозможно собрать в единое целое; а то в уже собранный, отлаженный и проверенный механизм кто-то незаметно и аккуратно подсыпал мелкого морского песочку — и механизм вскорости безвозвратно выходил из строя...

Сказать, в чем была личная заслуга Виктора Лягина, а что делали другие патриоты, сегодня очень трудно — никакого «дневника боевых действий» «Корнев», разумеется, не вел, да и в Москву сообщать обо всех делах вскоре также оказалось невозможно. «Маршрутников» поразила весьма распространенная на то время «болезнь»:

«Тяжелые условия, в которых действовали разведывательно-диверсионные группы в тылу врага, особенно в первый период войны, сказывались на обеспечении бесперебойной связи с Центром. К сожалению, некоторые резидентуры быстро лишались связи. Не миновала эта участь и резидентуру “Маршрутники”. Вышедшая из строя рация не позволяла осуществлять связь с Центром. Это сильно усложняло положение резидентуры»¹⁸⁹.

Как известно, главное в разведке — связь. При отсутствии оной любая эксклюзивная информация может оказаться просто подборкой бесполезных сведений, сколь бы ценными они на самом деле ни являлись. Проблемы с организацией связи сильнейшим образом ударили по советской разведке в начале Великой Отечественной войны — в частности, приемная станция, оборудованная в районе Бреста, перестала существовать в первые же ее дни, а другого узла связи для получения радиogramм из Европы у разведки НКГБ тогда не было. Маломощные радиопередатчики нелегальных зарубежных резидентур не покрывали все увеличивающееся из-за отступления советских войск расстояние, а потому оказалась прервана связь с ценной агентурой, были потеряны многие резидентуры в Западной Европе — в том числе и легендарная «Rote Kapelle» — «Красная капелла»...

Виктору Лягину необходимо было срочно искать способы восстановления связи.

Ну а резидентура «Маршрутники» все равно продолжала действовать — на страх врагам, в пример и ободрение местному населению.

Для очередной диверсии Виктор Лягин, всем своим товарищам на удивление, выбрал старое, отработанное, так сказать, место — все тот же парк имени Петровского. Во-первых, гитлеровцы никак не ожидали повторного визита туда подпольщиков, хотя после предыдущей диверсии и укрепили свой склад самым основательным образом. Но, как это всегда бывает, после очередного теракта или диверсии начинается активная «игра в бдительность», затем мнимое спокойствие всех убаюкивает, бдительность неизбежно начинает снижаться — ну и можно начинать все сначала... Во-вторых, на этом складе, по полученной информации, опять было собрано много разного военного имущества, необходимого для обеспечения жизнедеятельности Ингульского аэродрома.

«Визит» был назначен на посленовогодний день 2 января, когда люди обычно пребывают в несколько расслабленном состоянии. Диверсанты — Григорий Гавриленко, Александр Николаев и Иван Коваленко — действовали по ранее отработанной схеме: дождались смены часовых, проделали дыру в заборе, подобрались к хранилищам, заложили толовые шашки, подожгли бикфордов шнур... В общем, никакого «новаторства», всё по шаблону. Понятно, что подобной наглости гитлеровцы от них никак не ожидали, а потому все прошло успешно — рвануло не хуже, нежели в предыдущий раз. А может, и еще гораздо лучше.

«В январе 1942 г. в Парке культуры и отдыха им. Петровского была проведена вторая диверсия, во время которой уничтожено до 20 автомашин, 5 мотоциклов, 30 тонн горючего и запасные части к автомашинам»¹⁹⁰.

Сложно представить, каким «костром» полыхали 30 тонн горючего. Но думается, что не этот сгоревший бензин явился для гитлеровцев самой большой потерей — огнем, что также зафиксировано в ряде документов, было уничтожено порядка «4000 штук автопокрышек разных систем».

Какую ценность представляли собой автомобильные покрышки, Виктор Лягин хорошо знал еще по своему американскому опыту. Помните, отец и сын Форды поставляли Германии автопокрышки, которых тогда не хватало даже в самих США? То есть покрышки были самым что ни на есть дефицитным товаром, мертвым грузом они на складах не лежали!

Конечно, если бы — предположим — «маршрутники» уничтожили целую тысячу германских грузовых автомобилей, это, разумеется, выглядело бы гораздо впечатляюще. Но как и где собрать вместе такую массу грузовиков? А вот четыре тысячи покрышек — это как раз на тысячу таких машин, как весьма популярная грузовая «трехтонка» «Opel Blitz» или легкий штабной автомобиль «Kubelwagen Typ 82» (кстати, эти трофейные германские машины охотно использовали не только англичане и особенно американцы — за один «Kubelwagen» они отдавали французам или англичанам по три своих «Willys MB», — но и командиры Красной армии). Так что четыре тысячи уничтоженных покрышек вполне могли надолго поставить на прикол ту самую тысячу немецких автомобилей, чтобы они ржавели под снегом и дождем! Да и внешне, можно представить, эффект этим пожаром был произведен ошеломляющий: море огня от бензина и уходящий вверх столб коптящего чернейшего дыма, возвращающегося потом на землю противными жирными липкими хлопьями...

Может, именно из-за этого «повторного визита» известный нам комендант Гофман, не сумевший обеспечить в городе Николаеве тишину и образцовый немецкий порядок, был заменен на генерал-лейтенанта Винклера? Ну да какая нам с того разница!

Для нас гораздо важнее, что как раз в период этой второй операции в парке Петровского — и несколько позже — Лягин в городе Николаеве вообще отсутствовал.

Вот какие показания давала по этому поводу Магдалина Дукарт:

«По заданию моего мужа Корнева я в ноябре 1941 года выехала из Николаева в Одессу для подыскания конспиративной квартиры для мужа на предмет установления связи с подпольной организацией в г. Одессе. С этой целью я официально получила от фон Бодеккера для себя и для мужа перевод в Одессу в филиал «ВЕРФТЕЕАУФТРАГТЕР»*, находившийся в подчинении того же фон Бодеккера. Там я работала с конца ноября 1941 по 17 февраля 1942 года переводчицей у Гассельмана, являвшегося адъютантом фон Бодеккера и назначенного последним руководителем указанного филиала.

Согласно перевода, 16 декабря 1941 года в г. Одессу в тот же филиал, где работала и я, прибыл и мой муж Кор-

* Что-то типа представительства на верфях.

нев, где он работал на заводе № 2 им. Марти* инженером с 16 декабря 1941 по 17 февраля 1942 года.

В гор. Одессе я заболела и 17 февраля 1942 года вместе с мужем Корневым возвратилась в г. Николаев, где он продолжал работать на заводе им. Марти».

Действительно, Виктор Лягин лихорадочно искал возможность выйти на связь с Центром. (Но мы прекрасно понимаем, что Магда не ведала о том ни сном ни духом!) Вполне также возможно, что он намеренно исчезал на время диверсий — ну и еще могли быть причины. Но все же думается, что поиски связи — это причина основная.

Поначалу Виктор возлагал свои надежды на николаевское подполье. В известной нам «Докладной записке о результатах проверки работы резидентуры “КЭН”а и розыска ее участников» говорится:

«В процессе работы ЛЯГИН В. А. установил в гор. Николаеве связь с патриотическими группами и так называемым “Контрольным Комитетом Николаевского центра” в составе председателя ЗАШУК К. П. (повешен) и членов — БОНДАРЕНКО В. (жив), ВОРОЛЬЕВ Ф.** (повешен), КОМКОВ М. (расстрелян), ВОРОБЬЕВ Б. (жив). Этот Комитет руководил деятельностью отдельных патриотических групп в гор. Николаеве и Николаевской области и партизанским отрядом НЕЧЕСАНСКОГО (жив) в Херсонских плавнях. Идейным руководителем всего подполья являлся ЛЯГИН В. А. Связь с “Николаевским центром” осуществлялась через участников резидентуры СОКОЛОВА А. и НИКОЛАЕВА А.».

Все это замечательно, но только и у «Николаевского центра» радиосвязи с Москвой не было.

Вот тогда-то Виктор и принимает авантюрное в общем-то решение: отправиться в Одессу и там разыскивать подпольщиков. Нет, разумеется, идея по большому счету была хорошей — Лягин знал, что в Одессе, как и в Николаеве, действует нелегальная резидентура НКВД, и рассчитывал на какое-то фантастическое везение. Он мог даже не знать

* Одесский судоремонтный завод, Николаевский (Черноморский) судостроительный завод и Ленинградский Адмиралтейский судостроительный завод носили имя одного и того же французского моряка-коммуниста Андре Марти. Создается впечатление, что в России — СССР — никогда не было не только собственных флотоводцев, мореплавателей, корабелов, но даже и — на крайний случай — моряков-революционеров.

** Опечатка — Федор Воробьев.

руководителя резидентуры, так как изначально это ему не требовалось, а «ненужные» знания в разведке не приветствуются. Допустим, провалился один резидент, в гестапо «заплечных дел мастера» сумеют развязать ему язык — и где гарантия, что он тогда не сдаст всех других резидентов? Конечно, в разведке к своим сотрудникам было стопроцентное доверие, но только в части, непосредственно касающейся их собственного задания. А прочие знания, как мы уже говорили, могут порождать «многие печали»...

Была бы действующая рация — Лягин связался бы с Центром, и тогда бы, наверное, ему назвали адрес явки в Одессе — где-нибудь на Дерибасовской или Малой Арнаутской улице (где, кстати, по словам незабвенного Остапа Бендера, производят всю контрабанду); Виктор бы подошел к указанному дому, убедился, что на подоконнике известного ему окна стоит горшок с геранью, поднялся на третий этаж, нажал бы на кнопку условленное количество раз — два коротких звонка и один длинный — и спросил бы приглушенным голосом: «Здесь продается славянский шкаф?» И всё, никаких проблем! Подготовленный читатель нас прекрасно понимает.

Хотя тогда-то зачем было бы ему связываться с одесской резидентурой?!

Однако ни явки, ни пароля Виктор Лягин не имел, а потому отправлялся в Одессу «на авось», неведомо к кому и куда именно...

* * *

А ведь, конечно, в этом удивительном и прекрасном черноморском городе ему было к кому приехать! В Одессе в это время честно трудились совершенно замечательные люди — коллеги Виктора Лягина, его соратники по тайной войне.

Действовавшей в городе нелегальной резидентурой «Форт» руководил капитан госбезопасности Владимир Александрович Молодцов*, сотрудник НКВД с 1934 года, переведенный во внешнюю разведку 1 марта 1941 года — в центральном аппарате он курировал румынское направление. Оперативная разведывательно-диверсионная группа, которой руководил Молодцов, в основном состояла

* *Владимир Александрович Молодцов* (1911—1942) — оперативный псевдоним «Бадаев». Герой Советского Союза.

из одесских чекистов. Даже не беремся сказать, как будет точнее — не то под командованием Молодцова было три различных отряда, не то его группа была разделена на три подразделения. Но точно известно, что одно подразделение, занимавшееся исключительно разведкой, находилось в Одессе, так сказать, в рассредоточенном состоянии, люди жили по квартирам, под чужими или своими именами, а два других подразделения, разведывательно-диверсионные, укрывались под землей, в знаменитых одесских катакомбах, превратившихся в настоящую крепость, которая продолжала вести свой бой до самого окончания гитлеровской оккупации.

«С уходом советских войск бадаевцы практически в тот же день — 16 октября 1941 года — начали боевые действия. В полдень на счету боевиков отряда уже значилась операция по ликвидации фашистских патрулей. За три месяца 1941 года отряд Бадаева провел шесть боевых операций. От пуль бадаевцев доставалось прежде всего полиции и жандармам. В первых числах ноября из города исчез Ион Попов, начальник одесской полиции. В ночь на 16 ноября 1941 года, в месячный «юбилей» оккупации Одессы, у станции Дачная был пущен под откос поезд-люкс из Бухареста. Под его обломками погибли около 300 немецких и румынских чиновников, подобранных для оккупационной администрации в городе. Подрывники на перегоне Одесса — Раздольная пустили под откос четыре железнодорожных состава с войсками и боевой техникой, в результате чего погибло свыше 250 солдат и офицеров противника.

Разведчики бадаевской наземной группы с помощью жителей города собирали важную информацию о расположении воинских частей и различных объектов противника. Связные регулярно доставляли сведения в катакомбы. Ежедневно вечером рация отряда направляла эту информацию в Центр. На основании этих сообщений советская авиация дальнего действия наносила бомбовые удары»¹⁹¹.

Нелегальная резидентура активно работала, у нее была связь с Москвой — вот только как было найти ее человеку, впервые приехавшему в город и не имевшему здесь никаких «завязок»? Конечно, можно было выйти на Привоз и доверительно, вполголоса, спросить у народа: «Таки что вы мне можете сказать за партизан?» Возможных вариантов ответа было три — исключая, разумеется, тот, что просто пошлют подальше. Либо действительно скажут, где их искать; более вероятно, что примут не за того, за кого надо

и, пригласив в какой-нибудь переулок, стукнут по голове; третий вариант — и очень, очень вероятный — оказаться в гестапо и там уже объяснять свой интерес праздным любопытством... В общем, ерунда это, а не выход! Но даже если бы он попытался поступить более реально и разумно, поискать подпольщиков на своем, так сказать, заводе, присмотревшись к людям, — эффект все равно мог быть тот же самый. А права рисковать он не имел, потому как был не рядовым «связником», но руководителем резидентуры. На нем лежала вся ответственность.

И ведь обиднее всего то, что в это же самое время «Форт» искал выход на другую нелегальную резидентуру — причем по указанию Москвы! Однако объектом интереса Центра являлись не «Маршрутники», а резидентура «Максима», Ивана Кудри*, работавшая в Киеве. Почему не было предложено установить связь с Николаевым, находившимся не более чем в полторастах километрах от Одессы, нам остается лишь безуспешно гадать. Не исключено, что это делалось из соображений безопасности: установив между собой тесные контакты и завязав взаимодействие, две соседние группы могли и одновременно «провалиться», в случае если с одной из них что-либо случится...

Может быть, в конце концов, Лягин и сумел бы выйти на след Молодцова и его товарищей, однако румынская сигуранца смогла это сделать раньше. Почему не гестапо? Дело в том, что Одесса тогда оказалась «столицей» так называемого «губернаторства Транснистрия», то есть временно попала под власть румынской короны. Весьма встревоженные действиями подпольщиков и партизан оккупанты старались внедрить в группы сопротивления своих людей, чтобы через них выйти на руководителей резидентур и отрядов. В конце концов агентуре удалось «нащупать» и группу Бадаева, выяснить адрес конспиративной квартиры, за которой сразу же было установлено плотное наблюдение. 9 февраля, когда в квартиру, где находились еще несколько подпольщиков, пришел Молодцов, туда ворвались каратели.

Генерал Судоплатов, руководивший всеми нелегальными резидентурами, вспоминал:

* *Иван Данилович Кудря* (1912—1942) — лейтенант госбезопасности; служил в погранвойсках, после окончания Военно-политического училища НКВД в 1938 году направлен на работу в центральный аппарат внешней разведки. В марте 1941 года был командирован в Киев, где его застала война; оставлен для руководства подпольной разведывательно-диверсионной группой. Герой Советского Союза.

«Владимир Молодцов был схвачен румынами. Суд над ним и его группой получил большую огласку. Об этом процессе писала вся румынская пресса. Когда его и членов группы приговорили к расстрелу, председатель суда предложил им подать апелляцию королю Румынии с просьбой о помиловании. Молодцов ответил: никогда не станет просить пощады у врага и не обратится с подобным прошением к главе иностранного государства, солдаты которого топчут нашу землю»¹⁹².

Владимира Молодцова расстреляют 12 июля 1942 года.

Руководитель киевской резидентуры Иван Кудря будет арестован по предательскому доносу 5 июля 1942 года, осужден гитлеровцами и расстрелян — однако точная дата его казни неизвестна.

...Когда до Виктора Лягина дошли слухи об аресте руководителя одесского подполья, он понял, что в этом городе ему больше делать нечего, хотя устроился он там очень неплохо — проживал в доме 75 по Нежинской улице, квартира 6, и туда к ним с Магдой даже приезжала теща Эмилия Иосифовна Дукарт.

К тому же в Одессе Виктор уже вплотную подобрался к германской судостроительной промышленности, что опять-таки бюрократически подтверждено немецкой справочкой из архива Питерского УФСБ:

«Инженеру Виктору КОРНЕВУ этой справкой подтверждается, что он работает в местном подразделении и что по приказу он должен был переселиться сюда из г. Николаева»¹⁹³.

Удостоверение на сей раз снабжено печатью подразделения «Полевая почта 13927» и торжественно подписано «Уполномоченным по верфи филиала Одесса» Хандманом, «капитан-лейтенантом и командиром».

Ну что ж, прощай «малый бизнес»: инженер Корнев уходил в «большое плавание» на государственном, точнее — оккупированном, предприятии. Хотя и здесь ему пришлось работать в автомастерской, ремонтировавшей грузовики и тракторы, но там он уже был руководителем, мелким оккупационным чиновником. То есть карьерный рост налицо...

Однако же не карьеру он приехал делать в Одессу! А потому, сославшись на болезнь жены — мол, здешний климат не пошел Магде на пользу, — Виктор поспешил уехать из города через неделю после ареста Бадаева, 17 февраля.

В общем, в Николаев Лягин возвратился ни с чем, тогда как отсутствие связи приносило всё новые проблемы. Хотя, конечно, на первом месте оставалась старая и самая главная проблема — невозможность передать собранную сотрудниками резидентуры разведывательную информацию. Но, как мы сказали, добавлялись и другие... После ряда проведенных диверсий подготовленные в начале войны тайники со взрывчаткой, боеприпасами и оружием несколько опустели. Необходимы были новые немецкие и румынские документы, а также разного рода бланки для самостоятельного изготовления таковых. Да и деньги требовались. Конечно, тем, кто работал, оккупанты платили зарплату в своих оккупационных марках, но много ли получал слесарь или вальцовщик теста? Это вам не советские времена, когда хороший квалифицированный рабочий мог зарабатывать не меньше генерала*, — тут еле на жизнь хватало... К тому же для работы с агентурой и решения прочих «деликатных» задач предпочтительнее были рейхсмарки. В общем, много чего требовалось от Центра, но как было передать эти просьбы в Москву?

Единственно возможным решением проблемы было послать человека через линию фронта, но этот вопрос пока всесторонне и тщательно прорабатывался.

Между тем, вскоре по возвращении в Николаев, Виктор познакомился со знакомой своей «оперативной семьи» Марией Семеновной Любченко, нам также уже хорошо известной. Вот что она рассказала следователям НКВД во время допроса 5 июня 1945 года о своей встрече с руководителем николаевского подполья:

«С КОРНЕВЫМ я познакомилась в феврале месяце 1942 года через его жену — ДУККАРТ Магдалину Иванов-

* Тому, кто в это не верит, рекомендуем обратиться к книге Леонида Владимировича Шебаршина «Рука Москвы». Узнав, какое денежное содержание получал начальник Первого главного управления КГБ СССР — советской разведки, — рабочие Московского авиационного завода «Знамя труда» отвечали: «У нас столько слесарь может заработать!» (Шебаршин Л. В. Рука Москвы. М., 1992. С. 228.) Конечно, это очень хорошо, когда у рабочих высокие заработки — но все-таки, если начальник разведки имеет такое же денежное содержание, это ненормально. Как ненормальны и заоблачные зарплаты многих сегодняшних чиновников и топ-менеджеров государственных монополий при реальной нищете четвертой части населения страны!

ну, местную жительницу гор. Николаева по национальности немку, которую я знала еще до войны. Первая встреча с КОРНЕВЫМ состоялась у меня на квартире, куда он пришел ко мне в гости совместно с ДУККАРТ, и последняя, сообщив, что она вышла замуж, отрекомендовала КОРНЕВА как своего мужа. Должна сообщить, что КОРНЕВ с первой встречи произвел на меня исключительно приятное впечатление, так как являлся всесторонне грамотным, культурным человеком, владел несколькими иностранными языками, очень скромно вел себя в обществе, в разговорах был сдержан. В одну из встреч КОРНЕВ в разговоре со мной сообщил, что он уроженец и житель Ленинграда, откуда приехал в отпуск к своей жене в первые месяцы войны и по семейным обстоятельствам остался на оккупированной немцами территории. Встречи с КОРНЕВЫМ и его женой ДУККАРТ у меня происходили систематически, вплоть до моего ареста органами «СД», а также и после освобождения из-под стражи, т. е. уже после того, как я была завербована немецкими контрразведывательными органами и принимала непосредственное практическое участие в деле выявления и предательства советских патриотически настроенных лиц»¹⁹⁴.

(Выписка из протокола допроса представлена в интервью Алексея Викторовича Есипова, внука В. А. Лягина, журналу «Родная Ладога».)

Как видим, опасность ходила рядом.

* * *

Если следовать старым традициям публикаций о «народных мстителях», то нужно было написать, что, узнав о гибели одесской резидентуры «Форт», Лягин в ответ на действия карателей принял решение о проведении наиболее масштабной диверсии — как бы в качестве неотвратимого возмездия. Самая большая и громкая «акция» действительно была проведена вскоре по возвращении Виктора из Одессы, но это была давно готовившаяся «Маршрутниками» операция... Сначала, однако, несколько слов о ее предыстории.

Известно, что победа советских войск под Москвой родила несколько неоправданный оптимизм — как у нас в стране, так и у наших союзников.

«Вооруженные силы СССР еще не были готовы разгромить врага. Но советское политическое и военное руковод-

ство, окрыленное первыми успехами, считало, что потуги “ржавой машины Гитлера” уже “не смогут сдержать напор Красной Армии”*. Исходя из многократно преувеличенных сведений о потерях немецких войск, предоставленных Главным разведуправлением, Сталин в первомайском приказе вооруженным силам поставил задачу: “добиться того, чтобы 1942 г. стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев”»¹⁹⁵.

Однако у немцев пока что был еще свой достаточно обоснованный оптимизм, и они настойчиво готовились к реваншу за поражение под Москвой, за неудачную для них в конечном итоге кампанию 1941 года. Ведь, несмотря на все свои летние успехи, победить Красную армию «в ходе одной кратковременной кампании», как это предусматривалось планом «Барбаросса», гитлеровцы не смогли.

На сей раз командование вермахта изрядно скорректировало свои планы по сравнению с 1941 годом.

«Вести наступление одновременно на всем советско-германском фронте гитлеровцы уже не могли. Основным направлением действий они избрали юго-западное. Захват Кавказа с его нефтеносными богатствами мог, по замыслам немецкого командования, ускорить вовлечение в войну Турции на стороне рейха и позволить занять выгодное положение для вторжения вермахта в страны Среднего Востока»¹⁹⁶.

Хотя, конечно, воевать сразу на три фронта — на Западе, против СССР и на Среднем Востоке — Гитлер не собирался. Основной задачей считалось сокрушение Советского Союза, и уж тогда «тевтонским воинам» можно было выходить на азиатские просторы...

Советская разведка своевременно вскрыла планы германского командования и сообщила об этом в Кремль. Вот лишь одно из многих — сообщение Первого управления НКВД СССР (внешняя разведка) «о данных, полученных из японских дипломатических кругов в Софии» от 23 марта 1942 года. Резидент передает сведения, полученные им «от заслуживающего доверия источника “Грина”»:

«По сведениям, имеющимся у Татеиси**, главный удар будет якобы нанесен на южном участке фронта с задачей

* Несколько измененные (в оригинале вместо «ржавой» — «разболтанной») слова из приказа народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина с поздравлением по случаю 24-й годовщины создания Красной армии, 23 февраля 1942 года.

** Помощник японского военного атташе в Софии.

прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти и в последующем через Иран и Ирак выйти в тыл английским и советским войскам, действующим на Ближнем Востоке. В случае удачного исхода операции с выходом к Волге у Сталинграда немцы намерены повести наступление на север вдоль Волги, чтобы нарушить коммуникации между центральными и восточными районами СССР и лишить советское командование возможности подвоза к фронту продовольствия и резервов»¹⁹⁷.

Ну что ж, насколько нам известно, поначалу у гитлеровцев все получилось именно так, как было задумано: они вышли к Северному Кавказу, оказались в Сталинграде — но тут простой русский мужик сержант Василий Зайцев* решительно заявил: «За Волгой для нас земли нет!» — и все это поняли, и остановились насмерть... Впрочем, думается, что всё то, что было далее, нашему читателю хорошо известно.

Но ведь разведка предупреждала, что гитлеровцы нацеливаются на Сталинград! Так почему ей не поверили? Чтобы понять это, возвратимся к процитированному ранее документу, причем к следующему же абзацу из донесения нашего софийского резидента:

«По сведениям, имеющимся у японского военного атташе в Турции Цикуды, немцы этим летом не только будут стремиться выйти к Волге и Каспийскому морю, но предпримут также активные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немецкого командования вопросом престижа»¹⁹⁸.

Все победоносные гитлеровские кампании во Вторую мировую войну заканчивались после взятия германскими войсками столицы подвергшегося агрессии государства. Насколько мы помним, 28 сентября 1939 года пала Варшава и 8 октября фюрер подписал декрет о ликвидации Польского государства; 14 июня 1940 года немецко-фашистские войска вошли в Париж, а 22 июня Франция капитулировала перед «бошами». Недаром и основной удар гитлеровской танковой армады летом 1941-го был направлен в сторону Москвы.

* *Василий Григорьевич Зайцев* (1915—1991) — снайпер, Герой Советского Союза. В историю вошли его слова: «Для нас, бойцов и командиров 62-й армии, за Волгой земли нет. Мы стояли и будем стоять насмерть!»

Вот и теперь, весной 1942-го, в районе Ржевско-Вяземского выступа, в 150 километрах от Москвы, стояло порядка семидесяти немецких дивизий — реальная и очень серьезная угроза для советской столицы. При наличии такой угрозы и еще не выветрившейся полностью эйфории от наших зимних побед, высшее военно-политическое руководство страны фактически проигнорировало все предупреждения о том, что на южном направлении складывается очень опасная обстановка.

«28 мая 1942 г. на совместном заседании Ставки и ГКО в целом было поддержано предложение Генерального штаба о переходе к стратегической обороне (целью ее было «сорвать предполагаемое новое наступление противника, ослабить его, накопить резервы». — А. Б.), но одновременно Сталин отдал распоряжение о проведении в ближайшее время на фронте от Мурманска до Севастополя серии частных наступательных операций»¹⁹⁹.

Да не предадут нас анафеме истовые поклонники Иосифа Виссарионовича Сталина, но мы твердо убеждены, что в 1942 году он еще не был тем великим Сталиным, имя которого неразрывно связано с Победой советского народа над немецким фашизмом в Великой Отечественной войне. Нам кажется, что истинным Верховным главнокомандующим его сделало именно отрезвление 1942 года.

План грядущей летней кампании Красной армии изначально был провальным. Зато гитлеровцы на сей раз ставили перед собой совершенно реальные задачи. В частности, в директиве ОКВ, Верховного главнокомандования вермахта № 41, подписанной Гитлером 5 апреля, было указано без всякого пафоса: «В первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет»²⁰⁰.

* * *

Дорога на Кавказ и Сталинград проходила аккуратно через Николаев — причем дорога не только в буквальном смысле. В частности, неподалеку от причерноморского города были сосредоточены крупные силы немецкой авиации, которая наносила удары с воздуха по нашим войскам, державшим оборону на юго-западном направлении.

25 марта под Сталинградом, в районе хутора Ляпичево, был сбит немецкий самолет-разведчик «Юнкерс-88»; его экипаж, четыре человека, выбросился с парашютами и был взят в плен.

«По показаниям захваченных немецких летчиков, самолет входил в состав 2-го разведывательного отряда главнокомандующего вооруженными силами Германии, дислоцирующегося в г. Николаеве на старом аэродроме, который сейчас именуется немцами “Николаев-Восток”.

Гроссе <пилот, лейтенант> и Беркенгоф <штурман-наблюдатель, фельдфебель> также показали, что в Николаеве расположен штаб воздушных сил генерала Лойера и три аэродрома бомбардировочной авиации, обслуживающей Южный фронт.

2-й разведотдел по заданиям германского главного командования с декабря 1941 г. ведет разведку глубокого тыла СССР в районах Черноморского побережья до г. Батуми включительно, Сталинграда, Ростова, Саратова, Каменска и Пятигорска.

Задачей разведки, по словам летчиков, является: по Черному морю — выявление движения военных и торговых кораблей, их тоннажа, состояние портов и их обороны; по Сталинградскому району — выявление по железным и грунтовым дорогам движения войск и боеприпасов, выявления путей снабжения сталинградской военной промышленности и отправки вооружения фронту, а также наличия аэродромов на подходах к Сталинграду»²⁰¹.

Разумеется, об этом сообщении, подписанном лично наркомом Берией и адресованном Сталину, Виктор Лягин не имел ни малейшего понятия. Зато через своих товарищей он прекрасно знал, чем занимаются «асы люфтваффе», базирующиеся на расположенных неподалеку от Николаева аэродромах, и понимал, какую опасность представляют эти «осиные гнезда» для советских войск. Не имея на то никаких указаний из Москвы по причине отсутствия связи, руководитель группы по собственной инициативе давно уже разрабатывал планы нападения на эти объекты. Впрочем, не вызывает сомнения, что германские аэродромы изначально находились в зоне особого интереса разведчиков-диверсантов...

* * *

Подготовка к большой и очень серьезной операции не мешала чекистам-подпольщикам организовывать диверсии масштабом поменьше, но также достаточно эффективные.

Надежным их подспорьем в этой работе являлись серьезное техническое образование и профессиональный опыт — насколько мы помним, большинство из ранее перечисленных нами сотрудников НКВД имели, что называется, «рабочую закваску». А потому диверсии на технике они проводили с таким искусством, что никто ни до чего докопаться не мог...

Высококвалифицированный слесарь Иван Коваленко, добросовестно трудившийся в паровозном депо, умудрился на длительное время вывести из строя целых три паровоза — как оказалось, у них почему-то совершенно случайно расклепались котлы... И никто из немцев про Ивана ничего плохого не подумал, ни в чем его не заподозрил.

Весьма интересный эпизод рассказала Эмилия Иосифовна Дукарт:

«Как-то Виктор Александрович пришел с работы и говорит: “Вы знаете, к нам в гости направляются два моряка. Сейчас к нам прибыли военные корабли. Капитан и его помощник спрашивают к нам в гости. Я пригласил к нам”.

Пришли они к нам, долго у нас просидели. Когда они уходили, они рассказали все секреты, как будут ехать, куда едут и зачем. Их не прельщала их поездка и работа. Когда они уходили, они пригласили к себе на корабль: “Мы вас приглашаем на чашку кофе”. Магдочка и Виктор Александрович поехали на этот корабль. Их уже ждали лодки. Там их угостили коньяком, кофе, потом пришел капитан и говорит: “Идемте, посмотрите на наш корабль”. Это было уже вечером. Виктор Александрович отстал, Магдочка развлекала разговором, Виктор сделал замыкание. Свет враз потух на всем корабле. Тогда пригласили старшего механика, он подошел, что-то сделал, его ударил ток и он погиб. Оказалось, что Виктор Александрович сделал замыкание. Это была его работа. Магдочка волновалась, но все обошлось благополучно»²⁰².

Может быть, все именно так и было. А может — легенда. Уж больно какой-то искусственной выглядит ситуация: случайные люди оказываются на корабле, причем один из них куда-то исчезает, после чего повсюду гаснет свет, погибает «дед» (традиционное флотское прозвище старшего механика), но гости ни у кого на борту не вызывают ни малейшего подозрения... Да и что потом, возвратившись домой, Виктор и Магда наперебой рассказывали об этом Эмилии Иосифовне? Как «хохмочку», с таким дружным смехом...

А иначе откуда она могла узнать про все про это? В общем, как-то не вяжется...

Что ж, работа разведчика зачастую бывает окружена воистину фантастическими легендами, хотя впоследствии нередко выясняется, что правда о ней превосходит даже самые смелые фантазии...

Да, уточним, что по возвращении из Одессы Магда Дукарт поступила на работу переводчицей в городской комиссариат, а Виктор наконец-то был взят инженером на «Южную верфь», то есть бывший завод имени Андре Марти.

...Итак, перед «Маршрутниками» стояли две важнейшие задачи: восстановить связь с Центром и осуществить диверсию на немецком аэродроме.

Глава двенадцатая

САМОЛЕТЫ ВЗЛЕТАЛИ НА ВОЗДУХ

В то время наибольший интерес для разведчиков представлял находившийся неподалеку от Николаева Ингулинский аэродром, на котором базировалась одна из авиационных войсковых частей 4-го воздушного флота люфтваффе, торившая, как мы знаем, дороги к Сталинграду и Кавказу. На аэродроме постоянно базировалось не менее 25—30 самолетов различных типов, для стоянки которых были возведены ангары. Здесь находились также ремонтные мастерские, а при них склады с запасными частями; были оборудованы хранилища для боеприпасов — снарядов и авиабомб, в стороне от поля в большом количестве стояли цистерны с авиационным топливом. Что очень важно отметить, в мастерских не только ремонтировали старые, потрепанные в боях самолеты, но и «доводили до ума» привозимую из Германии новую авиационную технику: самолеты из «фатерлянда» доставлялись по железной дороге, в эшелонах — без крыльев и килей, в полуразобранном состоянии.

На этот весьма привлекательный объект и устроился работать Александр Сидорчук. Превратившись в «фольксдойче», он добросовестно трудился слесарем-кочегаром, тогда как его жена Адельхейд, она же Галина Келем работала в летной столовой официанткой. В общем, прекрасная трудовая семья, мечтающая после победы над большевиками возвратиться на «историческую родину». Галина, интересная женщина, прекрасно владевшая своим родным

немецким языком, вежливая, аккуратная и подчеркнуто услужливая, много чего узнавала из громких разговоров летчиков, большинство из которых только и встречались, что за столом, и, соответственно, спешили обменяться новостями, сплетнями и информацией, зачастую проходившей под грифом «секретно». Но здесь-то какие могут быть секреты? Вокруг все свои, доблестные германские асы! К тому же Галина иногда и сама задавала офицерам какие-нибудь вопросы — разумеется, совершенно невинного свойства, но с большим смыслом, ибо не она их придумывала. Ответы, так же как и вся прочая собранная информация, потом поступали к Виктору Лягину...

У Сидорчука же была совершенно иная задача: он составлял схему минирования, рассчитывал детонацию взрывчатки — она должна была сработать так, чтобы одновременно поднять на воздух весь аэродромный комплекс, вместе с самолетами, хранилищами, летчиками и аэродромной службой. По всем расчетам выходило, что для такой основательной диверсии требуется более двух центнеров взрывчатки. Но ведь динамит или тол (что именно там было, для нас особой разницы нет) — не пиломатериалы или кирпичи, которые можно привезти на аэродром и свалить в кучу (только не нужно говорить, что кирпичи у нас в кучу не сваливают!). Нет, тут не то что 200 килограммов взрывчатки открыто не пронесешь — за одну только толовую шашку на месте расстреляют...

Есть разные версии того, что происходило дальше.

Согласно одной из них, подрывник решил переправить основную часть своего «груза» ночью через реку — аэродром, как мы сказали, находился неподалеку от реки Ингул, на которой был мост, разумеется, охраняемый гитлеровцами. И вот якобы Сидорчук соорудил небольшой плот — и поплыл, толкая его перед собой. Причем, так как за один раз 200 килограммов на плоту не перевезешь, то ему пришлось плавать с одного берега на другой несколько раз, в течение нескольких дней. Между прочим, это был конец февраля.

Александру также помогала его супруга Галина, которая приходила на аэродром, чтобы принести мужу обед. Обед — кастрюльку с супом, лепешки, вареные яйца — она загружала в корзинку, на дно которой прятала взрывчатку... Часовые на мосту, так же как и на входе на аэродром, ее знали, а потому проверяли не слишком внимательно — если вообще проверяли.

Честно говоря, первая версия вызывает сомнения — как-то не очень верится, что подрывник не раз и не два плавал ночью в ледяной воде, никем не замеченный (ночью-то тихо, всякий плеск хорошо слышен, а подступы к аэродрому и реку, разумеется, освещали прожекторы) и без всяких последствий для своего здоровья. Может, конечно, был у него «моржовый» опыт? Но сомнительно, не северянин все-таки...

Вариант же с доставкой на аэродром взрывчатки в корзинке с обедом представляется вполне реальным. Тем более что он самым прекрасным образом был отработан разведывательно-диверсионной группой Алексея Николаевича Ботяна*, уничтожившей немецкий гебитскомиссариат в Овруче 13 сентября 1943 года. Но это, понятно, совершенно другая история... А так было или нет на Ингульском аэродроме — мы не знаем, тем более что жена Сидорчука работала официанткой в столовой и вряд ли при этом могла носить мужу обед из дома. Хотя вполне возможно, что Галина Келем и доставила на аэродром сколько-то килограммов взрывчатых веществ...

Еще одна версия способа проноса взрывчатки на объект описана в изданной в Киеве в 2011 году книге «Розвідники, народжені в Україні» («Разведчики, рожденные в Украине»), автор — Александр Скрипник. Один из помещенных в ней очерков, «“Моряк” из николаевского подполья», посвящен судьбе Александра Петровича Сидорчука. Вариант, предложенный автором книги, представляется нам наиболее реальным. (Описание этого эпизода предлагается в нашем собственном, а потому и приблизительном, за что приносим читателю свои извинения, — зато вполне литературном — переводе.) Значит, скорее всего, дело обстояло так:

«Наитруднейшим для выполнения запланированной операции по подрыву аэродрома было перенести взрывчат-

* *Алексей Николаевич Ботян* (р. 1917) — полковник, Герой Российской Федерации. В годы Великой Отечественной войны — боец спецотряда НКВД «Олимп»; 13 сентября 1943 года его группа уничтожила гебитскомиссариат (оккупационную областную администрацию) в городе Овруч. Взрывчатку на объект проносила Мария Каплюк, взрыв произвел ее муж Яков Захарович Каплюк. Эта диверсия признана классической и подробно описана в соответствующих учебных пособиях (совершенно секретных). О судьбе легендарного разведчика А. Н. Ботяна можно узнать из книги: *Бондаренко А. Ю.* Подлинная история «майора Вихря». М.: Молодая гвардия, 2013 (серия «Дело №...»).

ку через речку Ингул, поскольку мост тщательно охранялся. Выход нашел член разведывательно-диверсионной группы Петр Луценко. По его предложению мины, обшитые темной материей, обложили поленьями, и они выглядели как вязанки дров. Люди с такой ношей ни у кого не вызывали подозрения. Всего перенесли свыше двухсот килограммов взрывчатки и спрятали во рву поблизости от аэродрома. На это понадобилось несколько дней. Потом, на протяжении двух недель, Сидорчук по ночам собственноручно закладывал взрывчатку в наиболее подходящих для подрыва местах.

7 марта 1942 года подготовка к выполнению этой сложной операции была закончена. Сидорчику требовалось алиби на случай последующего расследования. Он изобразил, что захворал, немедленно вызвал врача и получил от него необходимую справку. Кроме того, он доложил коменданту аэродрома, что из-за болезни не может работать. Тот разрешил ему оставаться дома»²⁰³.

Александр был работник исполнительный и добросовестный, а потому ни у кого не возникло никаких подозрений, что он «сачкует» — у немцев подобное вообще было не принято. Так что его, заболевшего, проводили с пожеланием скорейшего выздоровления; очевидно, что самого Сидорчука при этом очень интересовало, кого из своих «новых товарищей», незваными пришедших на нашу землю, ему уже никогда не придется увидеть...

Известно, что Александр сумел мастерски сымитировать острый приступ почечных колик и, по еще одной версии, даже попал в больницу — но этот вариант мы отмечаем сразу, так как исчезновение из больницы было бы замечено незамедлительно. (Такая «приблизительность» информации неудивительна: разведчики делали всё в строжайшей тайне и потом, по окончании операции, отчетов не писали. Те же, кто что-то знал и остался жив, получили информацию уже потом, через вторые-третьи руки, причем неизвестно, в каком объеме, и впоследствии многое могли забыть или перепутать — им ведь столько еще пришлось пережить.)

В известной нам «Докладной записке» также указано, что помощь Сидорчуку оказывал «местный немец, работавший на аэродроме, Кречет Геннадий» — однако что именно он делал и какова была его роль в совершении этой диверсии, мы точно не знаем. В том же документе говорится, что «10 марта 1942 г. Кречет был арестован гестапо, а в августе отправлен в Германию». Всё, вся информация! Так что

вполне может даже быть, что Геннадий попал под подозрение совершенно случайно, — когда в руках у гитлеровцев оказались сотрудники нелегальной резидентуры, их судьба была совершенно иной...

Есть, правда, вариант, что Геннадий Кречет был немецким военнослужащим, он охранял ворота аэродрома в ночь на 10 марта и впустил Сидорчука на объект, чтобы тот смог заложить мины... Может быть, и так — а может, этот часовой просто был назначен «козлом отпущения». Для армии это в порядке вещей.

В книге Геннадия Лисова «Право на бессмертие» предложен такой вариант развития событий:

«В начале марта Сидорчук сказался больным и несколько дней не выходил на работу. Его навещали сослуживцы с аэродрома, сочувствовали, желали скорейшего выздоровления. А в ночь на 10 марта, когда на аэродроме дежурил Геннадий Кречет, Сидорчук незаметно проскользнул в свою котельную. Кречет сдержал слово — у самолетов подпольщику никто не помешал. Нагруженный минами отважный разведчик быстро перебежал от самолета к самолету, временами останавливался, прислушивался к ночной тишине и вновь следовал своим маршрутом. Этот маршрут был много раз выверен им вместе с Лягиным по заранее вычерченной схеме аэродрома. Сидорчук часто посматривал на часы, стараясь уложиться в намеченный график. Время подгоняло подпольщика. Наконец все мины разнесены. Сидорчук начал новый круг. В ночной темноте, почти на ощупь, он укладывал мины в дренажные колодцы у взлетно-посадочных полос и соединял их электропроводкой. Где возможно, старался продублировать соединения, делал все, чтобы не допустить осечки. Вот где проявилась профессиональная выучка чекиста-разведчика! Наконец уже перед самым рассветом Сидорчук закончил свой тяжелый труд. Осталось последнее — поставить часовой механизм на двенадцать часов дня»²⁰⁴.

Далее автор пишет, что «пробравшись к проходной, Сидорчук выждал, когда там был один Кречет, быстро проскочил ее и исчез в предугтренной дымке».

Подробный этот рассказ весьма впечатляет, но и вызывает немало вопросов. Ладно, информацию про сослуживцев, навещавших больного, мы оставляем на совести автора — очень уж это звучит «по-советски», когда товарищей с работы в рабочее же время запросто отпускали навестить захворавшего. Иногда даже и отправляли в приказной фор-

ме... Но тут-то — не советский НИИ, а немецкий аэродром в лихорадочный период подготовки к наступлению. И вообще, для немца «Ordnung», порядок — святое понятие, с работы никто никого просто так не отпустит, а вне рабочего времени у всех оставалось очень и очень мало... Ну ладно! А вот кто был такой Геннадий Кречет — кстати, человек со славянской фамилией и отнюдь не немецким именем, — что запросто мог на всю ночь снять охрану с самолетных площадок? Лисов пишет, что он дежурил на КПП. Однако снять караул мог не меньше как комендант аэродрома — но под каким предлогом? И что делать, если пожалуют с инспекцией (а в армии это любимое занятие — караулы проверять!) из вышестоящего штаба или городской комендатуры?

Ну и так далее. По всем свидетельствам, на аэродроме было заложено более двух центнеров взрывчатки. Говорится даже о 224 килограммах — хотелось бы знать, по сколько весили эти шашки или патроны и сколько их было? Нет сомнения, что были их десятки — многие десятки. Так разве за несколько ночных часов можно было расставить все эти заряды, подвести к ним провода и всё замаскировать так тщательно и аккуратно, что никто из аэродромной obsługi, с утра до полудня, то есть до самого взрыва, сновавшей по стоянкам, ангарам, бензохранилищам и т. д., абсолютно ничего не заметил? Знаете, несмотря на всю профессиональную выучку чекиста-разведчика, в это как-то не верится... Все-таки думается, что работа по минированию аэродрома действительно шла в течение двух недель, в ночные дежурства, аккуратно, неторопливо и с оглядкой... Разумеется, это никоим образом не принижает величие подвига героя! Задание было выполнено — только не по-суперменски лихо и стремительно, а с разумной осторожностью, как и следовало делать профессионалу. Очевидно также, что с 7-го числа Сидорчук и близко не подходил к аэродрому — если бы хоть кто-то увидел там его, «больного», это было бы равносильно провалу. Единственное, что в самую ночь перед диверсией он все-таки побывал на аэродроме и запустил то, что называется «адской машинкой». Часы неторопливо и равнодушно — ибо часы никогда не выражают эмоций — начали отсчет времени существования гитлеровского аэродрома и его персонала...

Вот в ту самую ночь Кречет и мог ему помочь, беспрепятственно пропустив его туда и обратно через КПП, но под каким предлогом появился на аэродроме Сидорчук, мы не знаем.

В общем, как бы там все ни происходило, но спасибо этому самому Геннадию Кречету! Либо за то, что он сделал, либо за то, что он невольно оказался «громоотводом», отвлекшим на себя внимание немецких спецслужб и невинно пострадавшим...

Взрыв произошел в полдень 10 марта 1942 года. Вернее, в это самое время на аэродроме гроыхнули сразу десятки взрывов в ключевых, что называется, местах — рядом с самолетными стоянками, ангарами, «артиллерийскими погребками» и бензохранилищами. Самолеты, бомбы и снаряды, резервуары с топливом и все прочее, что могло взрываться, взрывалось вместе с зарядами или, несколько позже, от огня мгновенно вспыхнувшего пожара. Пламя молниеносно охватило самолеты, строения, склады с горючим — то есть всё, что только могло гореть...

В городе Николаеве, находящемся неподалеку, услышали мощный взрыв — это слились воедино взрывы отдельных зарядов, потом грохот взрывов стал непрерывен, а над аэродромом поднялось и зависло огромное облако черного дыма... Некий солдат-фотограф, шелкнув затвором своей «лейки», запечатлел уникальный кадр: германские офицеры и солдаты, замерев в оцепенении, смотрят на громадный столб дыма, поднимающийся из-за реки. Немцы сняты со спины, поэтому, к сожалению, лиц не видно. А жаль! Понятно, почему все стоят неподвижно — бежать к такому пожару не имело никакого смысла...

Фотографию эту уже в 1945-м нашли советские солдаты (где и при каких обстоятельствах — неизвестно) и передали сотруднику контрразведки «Смерш». На обороте снимка было написано: «Эльза, это самое страшное — партизаны! Курт. Николаев. Март 1942 г.».

В течение двух суток профессиональные пожарные — при активной помощи солдат, разумеется, — не могли справиться с огнем, в котором к тому же постоянно что-то еще и взрывалось. При позднейших подсчетах выяснилось, что в результате диверсии было уничтожено 27 самолетов различных марок, 25 новеньких авиамоторов, бензохранилище, до 35 тонн горючего, два ангара, авиамастерские — ну и еще целая куча всякого разного, что непременно находится на любом аэродроме. В общем, Ингульский аэродром оказался полностью и надолго выведен из строя. К тому же при взрывах и при последующем тушении пожара погибло немалое число летчиков, техников, специалистов аэродромной obsługi и солдат охраны — похоже, что

цифры этих потерь германское командование постаралось скрыть...

Вот вам и «причерноморский курорт»! Тут уж было совершенно не до отдыха — особенно «специалистам» из гестапо и абвера. Они тщательно «перетрясли» весь обслуживающий персонал аэродрома, в том числе, разумеется, допрашивали и Сидорчука — и, невзирая на все его алиби, допрашивали вроде бы «с пристрастием» — но при всем своем старании никого, кроме вышеназванного Григория Кречета, «зацепить» не смогли. Гитлеровцы искали подрывников и по всему городу, наводнив своими агентами все, так сказать, людные места типа базаров и барачолок, агентов «подводили» ко всем, кто мог представить хоть какой-то оперативный интерес для спецслужб, но всё было напрасно... «В наказание» в городе было повешено десять совершенно случайных местных жителей. Невинно пострадавших людей, конечно, очень жалко — но кто скажет, сколько народу мог уничтожить каждый из сгоревших самолетов? И вообще, на войне подобная арифметика неуместна — тут свои законы, свои правила, а точнее, свой, как это сейчас называется, «беспредел».

Также в целях обеспечения безопасности из obsługi спешно восстанавливаемого аэродрома были уволены все местные жители, замененные гражданами рейха. Нужно ли объяснять, что подобное «кадровое решение» было только на руку Александру Сидорчуку? Оставшись без работы, он был «вынужден» устроиться сторожем на нефтебазу. Как говорится, «пустили шуку в реку».

...Самая крупная диверсия в истории николаевского подполья так и осталась не раскрыта гитлеровцами.

«Благодарные жители Николаева установили после войны громадный камень в память о подвиге Сидорчука. Надпись на камне гласит: “На этом месте 10 марта 1942 года чекист-разведчик Александр Сидорчук совершил одну из крупнейших диверсий против немецких оккупантов”»²⁰⁵.

* * *

Не нужно, однако, считать, что в Москве могли позабыть о потерявшей связь с Центром нелегальной резидентуре «Маршрутники». Об этих людях там прекрасно помнили, причем не только как о сотрудниках, выполняющих сложнейшее, ответственнейшее и очень опасное задание за линией фронта, но и просто как о своих коллегах, о друзьях...

...Насколько нам известно, Виктор Лягин, отправляясь в командировку «на юг», наказывал своей сестре как можно скорее уезжать из Ленинграда. Человек его профессии иллюзий относительно дальнейшего развития событий не питал: крайне невыгодное географическое положение Ленинграда обуславливало тревожные прогнозы относительно судьбы города, опасность того, что гитлеровцы могут скоро к нему подойти, и даже то, что он может оказаться отрезанным от страны. Думается, что возможность оккупации Ленинграда гитлеровцами Виктор отрицал категорически — иначе бы он не рвался в Николаев, а ждал возможности «работать» в этом городе, фактически ставшем для него родным. (Слово «работать» взято в кавычки по причине специфики данного рода деятельности.)

В начале июля Анна Александровна с детьми — десятилетней племянницей, то есть дочкой Виктора Татой и своим девятилетним сыном Юрой — поездом доехала до Москвы, перешла с Ленинградского вокзала на Ярославский, добралась до Ярославля, откуда и отправилась в Алма-Ату, где проживал ее старший брат Николай Александрович Лягин, инженер-строитель, возводивший, кстати, алма-атинский оперный театр.

Уже довольно скоро столицу Казахстана наводнили эвакуированные из Европейской России. Устраивались они кто как и где мог, без особых претензий, по принципу «в тесноте, да не в обиде». Наши обычные граждане свои права знают достаточно плохо, да и по начальству ходить не любят... Вот и Анна Александровна как остановилась у брата, так и жила с родственниками и детьми в весьма стесненных условиях, утешаясь тем, что другим приходится гораздо хуже...

В один из весенних дней 1942 года она отправилась на базар — не то купить что-то, не то, скорее, продать или обменять что-либо из своих вещей. И надо же было так случиться, что на этом самом базаре она, совершенно, разумеется, неожиданно, повстречалась с Лилией Фитиной — женой начальника разведки Павла Фитина, с которым, как мы помним, Виктор в свое время не только учился, но и дружил. Поэтому и женщины оказались между собой знакомы. Фитина возвращалась откуда-то самолетом в Москву и, оказавшись в Алма-Ате буквально на несколько часов, отправилась на рынок за свежей клубникой. (Только

не нужно делать скоропалительных выводов, что, мол, тут война — а генеральша на рынок за клубникой ходит! Ну, оказалась она в Алма-Ате, где в это время клубнику и дворничихи покупали, и пенсионерки — ей-то почему нельзя?) Наверное, разговор двух женщин был достаточно коротким — у каждой из них были свои заботы, да и Лилии надо было спешить на самолет. «Как там Павел? Про Виктора что-нибудь слышали?» — «Нет, ничего... Ну а как вы тут?» — «Как видите... Да кому ж теперь легко?» На том, очевидно, они и расстались.

Но уже через два-три дня к дому, где проживала Анна Александровна, вдруг подъехала целая кавалькада строгих черных автомобилей. На первом, огромном ЗИСе, приехал сам нарком внутренних дел Казахстана, который выразил глубокие и самые искренние извинения — мол, простите, не знали, что вы здесь! — после чего Анне Александровне были вручены ключи от квартиры, куда на одном из тех черных автомобилей сразу же перевезли и ее с ребятами, и все их немногочисленные пожитки. Семья была поставлена на довольствие, положенное семьям руководящих работников НКВД.

Вот такой эпизод остался в памяти семьи Лягиных...

Можно считать, что это мелочь. Но она показывает и то, как ведомство относилось к своим сотрудникам, и то, как конкретные люди относились к своим друзьям. Очевидно, возвратившись в Москву, Лилия Фитина поспешила рассказать мужу про встречу на алма-атинском базаре, а Павел Михайлович при первой же встрече с наркомом — а общались они ежедневно и не по одному разу — доложил обо всем Берию, который (чувствуется его тяжелая рука!) тут же позвонил народному комиссару внутренних дел Казахстана, дав ему четкие указания...

Хотя если подходить формально (а подобный подход бытует у нас сплошь да рядом), то в данном случае никто ничего не должен был делать. Это же не семья Лягина, а, говоря казенным языком, «семья, в которой проживает его дочь от первого брака». Но в службе государственной безопасности, как мы можем понять, над формальностями не очень задумывались — сотрудник выполнял задание во вражеском тылу, а значит, в его собственном «тылу» всё должно было быть спокойно и надежно. Вот только сообщить об этом резиденту Лягину было, как мы знаем, невозможно по причине отсутствия связи...

Восстановить связь с Москвой было жизненно необходимо.

«И Лягин принимает единственно верное решение — отправить через линию фронта одного из членов своей группы. Выбор пал на Павла Платоновича Луценко. (Как мы помним, старший лейтенант госбезопасности Луценко, подрывник и минер по своей «основной специальности», теперь трудился вальцовщиком теста на макаронной фабрике. — А. Б.) Лягин напутствовал Петра Луценко в квартире учительницы средней школы Зинаиды Кузьминичны Дзюриловой. “Золотой человек, — говорил о ней Павел Платонович. — Двух малых детей имела, а судьбу свою связала с нами, подпольщиками. Вот и в тот день, вижу, Зина волнуется: в ее квартире — руководитель николаевского подполья, наш Батя, за жизнь которого отвечает каждый из нас. Успокаиваю ее — дом охраняют друзья. Они видны из окна и о возможной опасности мы сразу будем знать...”»²⁰⁶.

Сделаем остановку, а заодно переведем дыхание и немного придем в себя. Тексты про разведчиков иногда читать просто страшно — столько всего понапридуманно, понакручено для пушей завлекательности! Ну что ж, проанализируем этот фрагмент...

Во-первых, вряд ли Зинаида Кузьминична знала, кто такой «инженер Корнев», если вообще знала, что это Корнев. Мы уже не раз повторяли, что «лишние знания порождают скорби», и для чего бы тогда было «грузить» хозяйку конспиративной квартиры излишней информацией, знание которой действительно могло привести ее, да и всех прочих, к большим неприятностям? А так на любом допросе следовал бы чистосердечный ответ: «Да, иногда приходили к моему квартиранту какие-то мужики — а кто они такие, он мне не докладывал, а мне оно и не интересно!» Всё! Никаких сомнений, потому как женщина реально ничего не знает и рассказать не может, с какой бы настойчивостью у нее ни спрашивали...

Во-вторых, про охрану, которая была видна из окна. Так не одно же окошко вокруг! Неминуемо еще кто-то увидит, что торчат поблизости какие-то настороженные подозрительные типы сурового вида, ну и может «стукануть» или просто соседей предупредить на всякий случай... А зачем им, этой «охране», стоять-то тут было? «Инженер Корнев» работал в Николаеве на легальном положении, оккупанты

его знали и уважали, никто его не искал и не выслеживал. Тогда от кого же его следовало охранять, привлекая таким образом внимание окружающих? В общем, что называется, «литературщина» или даже «детективщина»...

Понятно, что по пути на явку Виктор, как опытный разведчик, не один раз «проверился», чтобы за ним не было слежки; вполне возможно, даже прошел по какому-то «проверочному маршруту», на котором он или его связник непременно обнаружили бы наличие «хвоста». К тому же он четко знал, зачем именно «инженер Корнев» мог прийти к учительнице Дзюриловой или к ее квартиранту, и эта «легенда» не должна была вызвать ни малейшего сомнения у тех, кому бы она была рассказана. А вот если бы его схватили с охраной, то есть с теми людьми, с которыми ему знаться в общем-то было «не по чину», — тогда действительно была бы беда и отвертеться получилось бы уже гораздо сложнее...

Всё это «азбука» разведывательной работы. Без всякого сомнения, Виктор Лягин «ходил по лезвию бритвы», но делал это очень и очень профессионально.

Ладно, снижаем пафос и «детективный напруг» и, продолжая цитату, переходим к более реальной части того же рассказа Петра Луценко:

«Рассматриваем с Батей карту Украины, намечаем примерный маршрут моего движения. Линия фронта проходила тогда по реке Донец. Перейти ее мне предстояло где-то в районе Белгорода. Решили, что отправляюсь со своими документами, без денег, с корзиной, в которой буханка хлеба, кусочек сала, десяток яиц и немного сахара. Несколькими раз повторил я Бате выученное наизусть донесение»²⁰⁷.

Ну ладно, пока об этом достаточно. Уточним лишь, что в путь Петр Луценко отправился 6 апреля 1942 года.

* * *

Николаевская резидентура «Маршрутники» продолжала жить своей, скажем так, как бы тихой повседневной жизнью. Но ведь мы знаем, что «в тихом омуте черти водятся»! А немцы такой поговорки и не слышали...

Возвратившись из Одессы, Виктор теперь действительно (как мы помним, Магда ошибочно утверждала, что это произошло раньше) поступил на работу на «Южную верфь» инженером-механиком, вскоре став там чуть ли не правой рукой адмирала фон Бодеккера. Перед тем, ра-

зумеется, ему пришлось пройти тот самый экзамен на «профпригодность», о котором мы говорили ранее. Ведь немцы требовали от кандидата, претендующего на ответственную должность, не только безусловной лояльности, но также профессиональных знаний и компетентности, и это, кстати, у них считалось не менее важным, чем преданность делу фюрера. Кому-то такое может показаться странным, но это так...

Однако куда теперь девалось все обаяние Виктора Лягина? «Инженер Корнев», как его все называли, превратился в надменного, строгого до придирчивости, мелочного чинушу. Хотя, общаясь с немцами, он оставался очень и очень любезен, даже чуть-чуть заискивал, но не терял при этом чувства собственного достоинства — и это было весьма естественно при обращении с «высшей расой». Неудивительно, что русские рабочие и специалисты, в большинстве своем загнанные на завод из-под палки, вынужденные трудиться на гитлеровцев из-за куска хлеба, откровенно ненавидели этого «фашистского прислужника»...

Некоторые авторы пишут, что Лягин аккуратно «прошупывал» рабочих, искал среди них патриотов — да чушь все это! У него, резидента, были совсем иные задачи, он руководил деятельностью всей организации, а не выполнял обязанности вербовщика. К тому же, не понаслышке знакомый с агентурной работой, он прекрасно понимал, что для проверки немецкая контрразведка сумеет «подставить» ему самого искреннего «патриота» с прекрасной биографией и даже конкретными заслугами в борьбе с оккупантами. Пример опытного Овакимяна, погоревшего на «подставе», обеспечивал ему стопроцентный иммунитет от каких-либо шагов по вербовке.

Да, здесь мы, конечно, высказываем свою точку зрения — но Лягин просто не мог так не думать!

Вот и приходилось ему буквально наталкиваться на ненавидящие взгляды, которые тут же угасали в спешно опущенных глазах рабочих, слышать за спиной смачное «сука!», а то еще и чего покрепче — и продолжать выполнять задание Родины и партии. Такова была не только официальная формулировка, но и твердое его убеждение. Даже с подпольщиками, входившими в группы Николаевского центра, в том числе и с большинством руководителей этих групп, он не имел абсолютно никаких контактов, и они ничего не знали ни про «подлинное лицо» Виктора, ни даже про его существование. Есть, мол, некто присланный из

Москвы — или не из Москвы? — какой-то общий руководитель надо всеми, такая полумифическая фигура, которая в нужный момент принимает мудрые решения, но кто он и где скрывается, это никому не ведомо. Думается, что мало кто из подпольщиков стремился это выяснить, прекрасно сознавая, что «меньше знаешь — крепче спишь».

Но каково же зато было удивление рабочих Николаевского судостроительного завода, когда впоследствии им стало известно, что инженер Корнев, ненавидимый ими «гитлеровский прихвостень», на самом деле являлся чекистом Виктором Лягиным и удостоен звания Героя Советского Союза! Восклицания «кто бы мог подумать!» и «да если бы я знал!» звучали тогда на заводе на каждом шагу.

Пока же, однако, никто ничего не думал и ничего не знал...

Но вот вроде бы никто из подпольщиков никак не высывался, никак себя не проявлял, а у стенки «Южной верфи», на ремонтировавшемся румынском судне «Лола» вдруг взорвался котел. Причем по какой-то «досадной случайности» взрыв произошел как раз в тот самый момент, когда там были только немецкие специалисты — они, разумеется, пообедали не с русскими рабочими, а раньше, потому первыми и возвратились на борт. В итоге рейх лишился где-то порядка тридцати инженеров и техников.

И вообще, с различной техникой на оккупированной территории у немцев что-то постоянно не ладилось. Так, в течение все того же 1942 года, в разные месяцы, на различных перегонах Николаевской железной дороги — в частности, в районе станции Знаменка и в районе станции Явкино — каким-то непонятным образом свалились под откос три эшелона с военными грузами, а еще два эшелона просто столкнулись друг с другом, ну и тоже, очевидно, сошли с рельсов. Но опять никаких виновных в этих катастрофах гитлеровцам отыскать не удалось. Фатальные неудачи — и всё тут!

«Лично В. А. Лягиным было обеспечено потопление плавучего крана, что сделало невозможным проведение ремонтных работ крупных судов германского флота. Это не считая мелких диверсий, состоящих, например, в порче деталей для ремонта кораблей, что затягивало сроки сдачи объектов и не поддавалось контролю оккупантов»²⁰⁸.

Ну вот, опять результаты прекрасной технической подготовки Виктора Лягина! Сломать что-то так, чтобы это было по-настоящему серьезно, но притом никто не дога-

дался, что поломка является искусственной — это высокий профессионализм!

Но и его профессиональная подготовка как разведчика также, можно понять, была на высоком уровне. Известно, что Виктор сумел завербовать шифровальщика штаба германского 4-го воздушного флота Ганса Лиштвана, антифашиста по своим тайным убеждениям. Для любой разведки шифровальщики представляют особенный интерес — как с долей иронии поясняют сотрудники разведки, если у вас есть выбор, кого именно вербовать, посла иностранной державы или шифровальщика, нужно выбирать шифровальщика.

Можно, конечно, рассуждать: мол, ну и что тут такого, если этот Лиштван был антифашистом, то трудно ли было его завербовать? Трудно, очень трудно! Ведь сначала его еще нужно было найти и проверить, затем суметь с ним познакомиться, войти к нему в доверие и убедить его в том, что ты действительно являешься тем, кто есть, а не хитроумной «подставой» гестапо. Не будем забывать, что соответствующие спецслужбы приглядывают за своими шифровальщиками — не то что не доверяют, но на тот случай, если кто-нибудь станет ими излишне интересоваться... Так что искать подход к шифровальщику — это все равно что совать свою голову в пасть льва. Но если что-то не понравится косматому зверюге, то он просто закроет пасть — и всё, а вот если что-то не понравится гестапо, то этого «всё» придется ждать, как милости с небес... Потом будет тот случай, когда говорят «отмучился». Но на какой только риск не приходится идти ради ценнейшего источника! Ведь в результате Ганс Лиштван аккуратно и в большом количестве снабжал подпольщиков важнейшей информацией.

И тут мы повторяем еще раз: в разведке главное связь! Но связи с Москвой у «Маршрутников» не было.

* * *

Сохранилось описание того долгого пути, которым продвигался к линии фронта Петр Луценко. Впрочем, для начала ему требовалось еще суметь выйти из самого Николаева, что также было весьма непростой задачей: покидать город без письменного разрешения оккупационных властей местным жителям было категорически запрещено. Поэтому Петр сначала походил по городским окраинам, по пустырям и огородам, а затем, убедившись, что никто его не видит, нырнул в какой-то овраг... Дошел до железной

дороги и пошел вдоль нее — разумеется, в порядочном отдалении, так как дороги немцами тщательно охранялись и была большая возможность натолкнуться на патрулей. Вот так он и шел — мимо станций Гороховка, Грейгово, Явкино, Новый Буг, Долинская, Новая Прага... Шел, себя не жалея, пока, как говорится, ноги несли. Так, за 17 апреля Петр прошел 68 километров, в основном по бездорожью и по пересеченной местности...

Одной из весьма серьезных преград на его пути оказался Крюковский мост через Днепр в Кременчуге — длиной более чем в километр, вход и выход на который бдительно охраняли немецкие часовые, а на самом мосту к тому же дежурили патрули. Громадный этот мост, построенный еще в семидесятых годах XIX века (при отступлении советские войска его не разрушили, зато это сделают в 1943 году гитлеровцы), соединял правобережный Крюковский и левобережный Автозаводской районы. Луценко тщательно изучил подступы к переправе, а потом, дождавшись утра, когда по мосту пошли толпы рабочих — как мы знаем по Николаеву, на оккупированной территории немцы заставляли трудиться все оставшееся население, — незаметно присоединился к идущим. Петр кого-то о чем-то спросил, завязался разговор, в котором приняли участие несколько человек — со стороны все казалось совершенно естественным: идут рабочие, разговаривают о своих делах, и таким образом он, не обратив на себя внимания немецкой охраны, перешел по длинющему мосту через Днепр на правый берег...

Но впереди был еще очень долгий путь — через Полтаву, многие села и станции... По счастью, как знал Петр, близ села Первозвановка, лежащего на его пути, находился хутор Андреево, где проживали мать и брат его боевого товарища «Бывалого» — Григория Гавриленко. Понятно, что здесь Петра Луценко встретили как родного. Сложно сказать, что говорил им Петр о судьбе их сына и брата, которого им не суждено было более увидеть, — опять, опять и опять повторяем про «многие знания, порождающие скорби». Ведь правду говорить было нельзя: заметит кто-то, что в дом приходил посторонний человек, сообщит гитлеровцам или полициям — и всё... Объяснять не надо! Скорее всего, «легенда» была о том, что Гриша не то в плену, а Петр бежал, не то, что уже давно развела их, друзей-сослуживцев, судьба и Гриша где-то сейчас воюет, а Петр, попавший в окружение, выбирается к своим... Однозначно, что название города Николаева в их разговорах и близко не

звучало, и тем более про подпольную работу не было ни малейшего намека...

Два дня Луценко отсыпался в погребке, а хозяева чинили его одежду и обувь, собирали продукты. Потом какими-то неприметными тропами вывели его с хутора к дороге, указали направление в сторону Белгорода, где уже были наши войска. И опять — долгий, километров двести, путь в ту сторону, откуда вскоре стал все сильнее и сильнее доноситься грохот артиллерийской канонады...

Вот что рассказывал о произошедшем далее сам Петр Платонович Луценко:

«Фронтная полоса оказалась совершенно непроходимой. Я попал в зону сплошных окопов, заграждений, немецких огневых точек. Кругом кишели фашисты, и мне приходилось все время прятаться. После десятка неудачных попыток приблизиться к передовой я понял, что здесь не пройти. И стал выбираться из этого “мешка”, надеясь прорваться в другом месте... Вот тут-то я и попался. На мое счастье, не фашистам, а полицаям. Повели меня в село Кульбахи к старосте: “Пан Кожемякин, мы задержали какое-то падло на передовой!” — “Документы!” — гаркнул староста. Заставили раздеться. “Лицом к стене! О-от, гад! А спина-то чистая. Слышал я, Советы у своих шпионов на спине донесения пишут!” — “Какой я шпион, я измучился, изголодался в дороге, домой иду”. Страшный удар свалил меня с ног... “Веди его к себе, — приказал староста одному из полицаяев. — А завтра сдадим в гестапо”»²⁰⁹.

Полицай, слава богу, попался человечный, а может и просто ленивый — поместил задержанного в своей хате, дождался, пока тот громко захрапел, ну и сам ушел спать под бок к жене. Петру же, разумеется, было не до сна. Теперь он дождался, пока уснул полицай — и по-тихому выбрался из дома, заклинив за собой дверь так, чтобы сразу не вышли... Произошло это все 30 апреля.

После «знакомства» с полицаями, совершенно измотанный, не знающий, куда и как идти дальше, Луценко решил возвратиться к родственникам Гриши Гавриленко. Добрался до них чудом — по его рассказу, последние три километра до хутора Андреево он брел полдня, а когда пришел, то хозяева не узнали его — «страшного, обросшего и оборванного седого старца». На этот раз Петр беспробудно проспал три дня и три ночи, а потом Степан Гавриленко, брат Григория, принес ему географическую карту и сообщил, что Красная армия ведет бои на территории Харьков-

ской области, в районе Изюм — Барвенково, неподалеку от тех мест, где находился Луценко.

И снова — в путь, на этот раз уже недолгий. Дня два, наверное, он добирался до реки Берестовой, за которой уже находились советские войска... Под прикрытием стада коров, шедших на водопой, он сумел подобраться почти к самому берегу, потом рванул к реке, бросился с обрыва в воду. Скоро почувствовал, что не доплывет — было безумно обидно известно сгинуть в водах какой-то речонки, а тут еще и немцы открыли огонь по одинокому пловцу. Но именно выстрелы словно бы подстегнули его, заставили мобилизовать последние силы. Петр доплыл до небольшого, покрытого кустарником островка, что оказался посреди реки, и затаился там до темноты. Уже ночью он вновь пустился вплавь, добрался до берега и потерял сознание... Там его и нашли советские бойцы — на сорок шестой день его «похода».

В числе переданных нам уникальных материалов, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России, есть и «Выписка из протокола допроса Луценко Петра Платоновича, 1913 г.р., уроженца поселка Боровая Фастовского района Киевской области, члена КПСС, работающего ст. инженером Гос. Планового комитета СМ УССР, проживающего в г. Киеве» (далее указан конкретный адрес; кстати, место очень хорошее, в центре города).

«Выписка» начинается словами: «С 16 августа 1941 по 5 апреля 1942 года я был участником спецгруппы НКГБ СССР в г. Николаеве, руководителем которой был сотрудник НКГБ СССР ЛЯГИН Виктор Александрович, известный мне в тот период под псевдонимом “КОРНЕВ”».

Приводим этот абзац для того, чтобы было понятно, какая конспирация была в группе — даже ее сотрудники-чекисты не знали подлинной фамилии своего руководителя.

Теперь обращаемся к тому фрагменту «Выписки», что в данный момент конкретно интересует нас по ходу развития сюжета:

«В апреле 1942 года по заданию “КОРНЕВА” я ушел из Николаева на Восток для перехода линии фронта с донесением для отправки в Москву.

21 мая 1942 года в районе Конграда* я перешел линию фронта, явился в Особый отдел 137 кав<алерийского> пол-

* Город Конград — он же Константиноград или Червоноград; в настоящее время — если опять не переименовали — Красноград, районный центр Харьковской области.

ка 26 дивизии 6 армии. Мои донесения были переданы в Москву, но 26 мая 1942 года в составе 6 армии я оказался в окружении немецких войск, а затем был взят в плен немцами...»

Вот такая вот жуть — из огня, да в полымя! А ведь, наверное, товарищи даже тайно завидовали Петру — все-таки с временно оккупированной территории возвращается на нашу советскую землю. Это ли не счастье? Но оно вон как все получилось... Однако мы еще вернемся к судьбе Петра Луценко и расскажем о том, как он, всем обстоятельствам вопреки, все-таки сумел возвратиться в Николаев и встретиться с «Корневым» и своими боевыми товарищами...

А пока уточним, что же именно произошло в районе Харькова — в глобальном масштабе, что называется.

«Военные действия на советско-германском фронте возобновились в первой декаде мая. Они развивались не в пользу Красной Армии. Начатые советским командованием наступательные операции под Харьковом и Любанью, оборонительная операция в Крыму и в районе Ржев—Вязьма, а также попытка уничтожить противника под Демянском окончились поражениями. Вермахт вновь завладел стратегической инициативой. Особенно тяжелые последствия имел провал Харьковской наступательной операции (12—24 мая 1942 г.). В ходе ее войска Юго-Западного и Южного фронтов потеряли 277 190 человек, из них 170 958 безвозвратно и 106 232 ранеными. Это способствовало возникновению благоприятных условий для завершения подготовки и перехода в наступление 28 июня 1942 г. группы армий «Юг» (операция «Блау» — «Голубая»)»²¹⁰.

В Харьковском сражении, уже во второй раз за время Великой Отечественной войны — в первый раз это произошло в июле—августе 1941 года, во время Киевской оборонительной операции, — погибла 6-я армия. Ее командующий, генерал-лейтенант Городнянский*, 27 мая погиб в бою на Барвенковском плацдарме.

...Можно понять, что сообщение из николаевской резидентуры дошло до Центра в самое неподходящее время — фронт не просто трещал по швам, но казалось, что повторяется катастрофа лета 1941 года. Военная «машина Гитлера» оказалась совсем не такой «ржавой», как это думалось в

* *Авксентий Михайлович Городнянский* (1896—1942) — генерал-лейтенант, во время Великой Отечественной войны командовал 13-й и 6-й армиями. Участник Первой мировой войны, старший унтер-офицер.

Кремле, тем более что излишне оптимистические идеи «ослабить противника стратегической обороной» были, как часто у нас случается, к тому же еще и «интенсифицированы» на местах, а потому реальную активную оборону заменило неподготовленное наступление. Не будем говорить о том, какие настроения царили тогда в Кремле и на Лубянке, но ясно, что задача установить связь с нелегальной резидентурой, вдруг оказавшейся в гораздо более глубоком тылу, нежели раньше, стала еще более сложной. К тому же сначала следовало разобраться в обстановке, а как тут разобраться, если она стремительно менялась: стальные танковые клинья гитлеровцев вновь рвались вперед, на сей раз — к Сталинграду и Кавказу. 4 июля был оставлен Севастополь; 17 июля началась Сталинградская битва; 24 июля советские войска сдали Ростов-на-Дону, а 25-го началась битва за Кавказ...

И все-таки сообщение, пришедшее от «Маршрутников», не осталось без внимания.

* * *

На ту пору у гитлеровских захватчиков заметно поприбавилось не только оптимизма и уверенности, но и подлой их активности.

В 1941-м, понимая, что ход войны затормозился, гитлеровцы не стали спешить с «окончательным решением еврейского вопроса». В частности, в оккупированном Николаеве они не трогали евреев-медиков, предоставив им возможность спокойно заниматься своим профессиональным делом. Но где-то в начале лета 1942 года немецкий врач здравоохранения при гебитскомиссариате — то есть, как мы уже объясняли, оккупационной «областной администрации» — сообщил в соответствующие «компетентные органы», что без врачей еврейской национальности вполне можно обойтись, так как положение с медицинскими кадрами улучшилось. Возможно, германский представитель «самой гуманной профессии» решил, что победа близка, поэтому боевые потери уменьшатся и для лечения «высшей расы» вполне уже можно будет обойтись без «недочеловеков».

Его точка зрения удивительным образом совпала с точкой зрения руководства местного СД, считавшего, что без «недочеловеков» вообще можно обойтись, а потому гестаповцы пригласили медиков и членов их семей на небольшую «прогулку», которая завершилась на еврейском

кладбище. Там несчастным было приказано лечь на землю, после чего их расстреляли из автоматов в затылок. Возиться с могилами было лень, поэтому трупы казненных были брошены в огромные костры. Личные вещи — в основном драгоценности — были взяты палачами в качестве «сувениров».

Было расстреляно 20 врачей и 22 члена их семей, ну и заодно порядка двухсот больных, находившихся на излечении в местной больнице. Однако уничтожили не всех задержанных: в числе избежавших этой печальной участи оказались Мария Семеновна Любченко и еще несколько человек, которых просто отпустили. Возможно, для прикрытия агента. В «доверительном» разговоре гестаповцы напомнили Любченко и ее «коммунистическое прошлое», и то, что она осталась в городе по заданию Сталинского райкома партии. Совсем неинтересно рассказывать, как «ломали» перепуганную женщину, заставляя ее пойти по пути предательства. В итоге Мария Семеновна дала согласие на сотрудничество, при этом изображая из себя жертву («легенда», разработанная в СД), которой непостижимым образом удалось вырваться из лап гестапо. Мол, просто заменить ее на посту доктора-фтизиатра гитлеровцам оказалось нечем. («Но вы понимаете, если кого-то потом найдут — мне дорога одна...») Любченко получила четкие установки, на кого ей в первую очередь следует обращать внимание...

Хотя вполне возможно, что «доверительный разговор» в гестапо, закончившийся согласием на сотрудничество, происходил и несколько раньше — только об этом никто не знает (в агентурной работе скрывается все, что представляется возможным утаить, в особенности — время начала «работы»), а задержание ее вместе с другими врачами являлось «профилактической» или какой-либо еще мерой — для того, к примеру, чтобы активнее работала...

Такая «работа» была крайне необходима для гитлеровцев.

«Николаевское сопротивление всерьез обеспокоило Берлин. Гестапо наводнило город агентурой. Предпринимались попытки выйти на группу Лягина под видом связников из подпольных организаций. Но проверка выводила провокаторов на чистую воду, профессионально и оперативно грамотно действовали Лягин и члены его группы»²¹¹.

По вышеприведенной оценке из почти что официального источника кажется, что у «Маршрутников» все было хорошо... Но вспомним слова генерал-лейтенанта Судо-

платова, сказанные им про Виктора Лягина: «достаточного опыта контрразведывательной работы у него не было». Не зря, ох как не зря говорил это «гроссмейстер отечественных спецслужб»!

...Как хочется рассказать о том, чем именно занимался герой нашей книги, о чем он в это время думал, что чувствовал, — но, к сожалению, сделать это практически не представляется возможным. Конечно, мы можем «смоделировать» ситуацию, аккуратно поставив себя на место Виктора Лягина (не надо обвинять автора в нескромности: так делают многие писатели, опираясь на свой более или менее — в зависимости от конкретной личности — богатый жизненный опыт), но все-таки реальный биографический жанр подобных «вольностей» не допускает. Ведь мы не роман пишем, но фактически восстанавливаем биографию, некогда скрытую грифом «Совершенно секретно». Если кому-то из коллег Виктора Лягина повезло и они впоследствии смогли написать мемуары, в которых открыли часть правды о своих жизни, деятельности и подвигах, то наш герой не только ничего не смог написать, потому как не дожил до «мемуарного возраста», но и ничего не рассказал — даже тогда, когда от него этого настоятельно требовали. Ведь требовали не свои коллеги и не заинтересованные читатели, но сотрудники гестапо на допросах. Уж они-то бы все записали, во всех мельчайших подробностях... Не получилось!

Но о том мы расскажем в свое время — к сожалению, уже довольно-таки скоро.

И вот для иллюстрации того, что происходило в оккупированном городе, — фрагмент из сообщения Советского информбюро от 16 августа 1942 года:

«Немецко-фашистские захватчики истребляют мирное население оккупированных районов Украины. В гор. Николаеве гестаповцы 27 июля обнаружили труп убитого немецкого офицера. Это послужило поводом к новой зверской расправе над мирным населением. За одну ночь гитлеровские бандиты арестовали более 120 человек, вывезли их за город и всех расстреляли»²¹².

Кто и почему убил гитлеровца, мы не знаем. Вполне возможно, что бойцы какой-нибудь подпольной группы. Но может так статья, что убийство носило и чисто бытовой характер. Нет, про «совместное распитие спиртных напитков, переросшее в последующую ссору», мы не говорим, но не исключается, что какие-то «уркаганы» (ка-

ковых, как нам известно, в Николаеве было предостаточно) просто-напросто подкараулили «фрица», убили его и ограбили. А 120 человек расстреляли...

* * *

В августе 1942 года николаевские подпольщики «преднесли» гитлеровским люфтваффе свой очередной «подарок»: на немецком военном аэродроме, расположенном в районе Широкая Балка, они организовали взрыв, в результате которого были уничтожены два боевых самолета и четыре тонны горючего.

Конечно, по количеству это несравнимо с потерями гитлеровцев при взрыве на Ингульском аэродроме, но ведь на войне масштабные Московские или Курские битвы происходят далеко не каждый месяц — зато постоянно, изо дня в день, идут «бои местного значения», кровопролитные и изматывающие. Вот так примерно и в данном случае. К тому же, как мы говорили, в июле начались Сталинградское сражение и битва за Кавказ, и тут уже каждый самолет был на счету, и каждый литр горючего ценился хотя и не на вес золота, но уж точно — на вес крови, пролитой своими войсками и противником.

Известно, что подготовили и осуществили эту диверсию два отрядных подрывника: все тот же «Моряк», Александр Сидорчук, и «Васильев», Александр Соколов, а помогали им комсомольцы-подпольщики Саша Николаев и Володя Васильев, которые в качестве местных жителей завербовались на какое-то строительство, проводимое на территории аэродрома. Больше двух недель парни добросовестно привозили на подводах строительный материал, основательно примелькались для часовых и своих «немецких товарищей», ну а когда поняли, что настороженное внимание гитлеровцев к ним ослабло, то вместе со стройматериалами привезли и мины, которые аккуратно заложили в заранее выбранные и подготовленные места...

А в оккупированном городе — на стенах зданий, заборах, телеграфных столбах — чуть ли не ежедневно появлялись листовки с призывом оказывать сопротивление захватчикам, с сообщениями о том, что Красная армия продолжает вести бои с противником.

Подпольщики Николаевского центра проводили и другие активные мероприятия. В документальной книге «Право на бессмертие» рассказывается о том, как в оккупиро-

ванный город приезжал известный уже нам рейхсминистр Альфред Розенберг — да-да, тот самый, который оптимистично поведал своим соотечественникам про «Николаевский курорт» аккурат перед самым взрывом склада в центре города!

Получив сведения о том, как будет организована охрана высокого берлинского гостя, Виктор Лягин понял, что подпольщикам добраться до него будет достаточно сложно: визит был кратковременным, охрана — очень и очень сильной. Но все-таки один шанс, похоже, представился... То, что произошло далее, описано в книге Геннадия Лисова:

«Лягин узнал о предстоящем торжественном ужине в честь рейхсминистра. Оккупационные власти собирались провести его в том самом ресторане, где действовала группа подпольщиков. Такой случай нельзя было упустить, и Лягин поручил своим друзьям организовать покушение. Местный житель Федор Воробьев и “мальчики” подготовили все для диверсии в ресторане. Но в последний момент ужин перенесли в особняк коменданта города. Взрыв все же состоялся... Работников ресторана не заподозрили»²¹³. (О том, кто такие «мальчики», мы расскажем в следующей главе.)

Известно, что «под раздачу» тогда попало порядка десятка германских офицеров-тыловиков, которые воспользовались возможностью поужинать «на халяву», — понятно ведь, что абсолютно всё приготовленное в ресторане перетащить в комендантский особняк не смогли...

(Автор книги «Право на бессмертие» почему-то связал эту акцию с ранее приведенным нами сообщением Совинформбюро про взрыв в ресторане, произошедший в октябре 1941 года, но это совсем, совсем не то...)

Что тут скажешь? Если честно, то рейхсминистру Альфреду Розенбергу в общем-то не повезло: мог ведь, по гитлеровским канонам, умереть «смертью героя» от рук «бандитов» — с последующими пышными похоронами и официальным трехдневным трауром по всей лицемерно скорбящей Германии. Однако он бесславно окончит жизнь в нюрнбергской петле...

* * *

Москва между тем не забывала своих сражавшихся за линией фронта сыновей и дочерей и также настойчиво искала с ними связь. Об этом свидетельствуют даже сами гит-

леровцы — вот «Сообщение» (документ озаглавлен именно так), не совсем внятно подписанное «Командующий наземными силами» и относящееся как раз к июню 1942 года. Оригинал этого документа хранится в Центральном архиве ФСБ России:

«В последние недели в различных местах Восточной Украины большевики сбросили с парашютами или перебросили через линию фронта ряд групп саботажников и снабженных рациями шпионов. Многие из этих шпионов и саботажников уже выловлены благодаря прекрасной помощи населения. Несмотря на это, есть основание предположить, что некоторые группы продолжают еще нелегально существовать. В интересах немецких вооруженных сил этот остаток также должен быть выловлен в самое короткое время.

Немецкая армия знает, что часть этих большевистских агентов не имеет намерения выполнять полученные задания и прячется от нас только из боязни наказания. Эта боязнь необоснованна.

Каждому, кто в течение 8 дней после опубликования данного сообщения добровольно явится в одно из военных управлений, украинскую милицию или городскую управу и сдаст данные ему рации и оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества, гарантируется безопасность. Эта гарантия действует и на будущее для тех агентов, которых большевики будут засылать, при условии, если они будут немедленно добровольно заявлять об этом в указанные учреждения.

Группы, которые, несмотря на эту гарантированную безнаказанность, будут продолжать свое нелегальное существование, должны быть уничтожены любыми мерами. Для оказания действенной помощи военным учреждениям в розыске саботажников и шпионов следует привлекать население.

Всякая помощь будет вознаграждена участком земли или денежной премией до 1000 рублей.

Тот же, кто окажет большевистским агентам поддержку едой, убежищем или иным образом, будет приговорен к смертной казни»²¹⁴.

Что тут сказать-то? Если бы все было именно так благостно — с точки зрения немцев, разумеется, — как говорится в первом и втором абзацах этого документа, то в подобном «Сообщении» просто-напросто не было бы нужды. Особенно в трех последних его абзацах.

Глава тринадцатая
ГЕРОИ И ПРЕДАТЕЛИ

Итак, всем обстоятельствам вопреки, сообщение «Маршрутников», переданное Петром Луценко, было, что называется, «услышано» в Центре — и вот тому официальное подтверждение:

«В мае 1942 г. была выброшена в тыл противника вблизи г. Николаева группа из двух человек: командир группы Палагнюк Анатолий Васильевич и радист Днищенко Александр Васильевич. Палагнюк (Андреев Владимир Иванович), 1903 года рождения, член ВКП(б), при помощи своей тещи, Сцепинской Екатерины Васильевны, установил связь с существовавшими подпольными группами и подчинил их своему руководству»²¹⁵.

Последняя фраза этого фрагмента, взятого из «Постановления бюро Николаевского обкома КП(б) Украины о деятельности подпольной патриотической организации «Николаевский Центр»», вызывает у нас некоторые сомнения. Палагнюк мог руководить другими группами — но только не резидентурой «Маршрутники», которая должна была работать по заданию и под непосредственным руководством Центра и к тому же объединяла вокруг себя ряд николаевских подпольных организаций.

Анатолий Васильевич Палагнюк, он же — лейтенант госбезопасности Владимир Иванович Андреев, оперативный псевдоним которого был вроде бы «Горец», — был прислан в оккупированный город для установления контакта с местным сопротивлением и, разумеется, для восстановления утраченной связи с нелегальной резидентурой. Он был женат на местной уроженке, прекрасно ориентировался в городе, в котором ранее бывал неоднократно, имел здесь личные контакты. Поселился Палагнюк на улице Плотничной, в частном доме под номером 21. Кстати, улица эта упирается прямо в тот самый парк Петровского, где находился дважды уже взрывавшийся склад, и думается, что место это было выбрано совсем не случайно. Вряд ли гитлеровцы предполагали, что «злоумышленники» устроятся по соседству с тщательно охраняемым объектом, — зато всякая шушера, которой в любом оккупированном городе всегда оказывается немало, определенно старалась держаться отсюда подальше.

Радист Саша Днищенко, псевдоним «Чеченец», поселился на улице Кузнечной. Хотя ее название и созвучно с

Плотничной (недаром же параллельно с Плотничной идут Столярная, Котельная, Мастерская и другие улицы с подобными «производственными» названиями), но все же Кузнечная находится от нее довольно-таки далеко. Вполне возможно, квартира была подобрана там затем, чтобы передатчик не работал уж слишком близко к немецкому складу...

Вот что написано в тексте справки «Подпольно-партизанское движение в Николаевской области в 1941—1944 гг. в дни Отечественной войны»:

«В июне 1942 года Корнев установил связь с группой Пологанюка*.

Ознакомившись с обстановкой, которая сложилась в Николаеве в начале 1942 года, Корнев в процессе борьбы с немецкими оккупантами выявил, что ряд товарищей, выделенных Николаевским обкомом, погибли в начале оккупации города, ряд товарищей п/п** обкома КП/б/У, райкомов КП/б/У, начальников партизанских отрядов и руководителей п/п диверсионных групп самовольно выехали из области или бездействовали/ скрывались, не дали о себе знать по явке/ и тем самым срывали борьбу с оккупантами. При отсутствии руководства, п/п партизанское движение носило стихийный характер и не давало тех результатов, которые требовала военная обстановка.

Николаевский обл<астной> п/п центр.

Корнев, преследуя цель расширения п/п партизанской борьбы против оккупантов, способствует созданию ряда новых п/п-диверсионных групп на заводе “А. Марти”, им. “61 коммунара”, в порту, сан-тех. заводе. Создается группа моряков, сборная группа рабочих завода “А. Марти” и порта и т. д.

Под руководством Корнева, п/п группы: Корнева, Пологанюка и Бондаренко становятся центром организации п/п партизанской борьбы в Николаевской области.

Корнев ставит ряд практических задач перед руководством п/п групп:

Создание новых разведывательных групп, активизация существующих групп, путем диверсий государственного значения.

Разведать знаменский лес с целью установления связи с партизанским отрядом при наличии такового, или организовать п/отряд, если таковой отсутствует, увеличить ти-

* Так в оригинале.

** Здесь и далее «п/п» означает «подпольный».

раж агитационно-пропагандистской литературы: сводок Информбюро, докладов и приказов тов. Сталина, призыв к вооруженному восстанию против немцев, разоблачение немецкой — лживой геббелевской* пропаганды. Увеличить выпуск листовок, улучшить технику распространения их среди населения города и районов».

И тут мы вынуждены сообщить читателям, что радость по поводу восстановления связи оказалась недолгой. Немцы давно уже поняли, на какой «курорт» они попали, а потому искали подпольщиков денно и ночью. Их выслеживали патрули, каратели, их следы вынюхивали агенты гитлеровских спецслужб. Естественно, постоянно работали системы радиоперехвата, терпеливо выжидая, пока появится в эфире нелегальный передатчик и его удастся запеленговать. Конечно, шифрованные сообщения, передаваемые в Москву, были предельно короткими, противник не успевал запеленговать рацию, но Александр Днищенко уже несколько раз видел, как по Кузнечной медленно проезжают машины радиоперехвата, покачивая своими чуткими антеннами... Как знать, не появится ли здесь такая машина во время очередного сеанса связи? Тогда на засечку работающей рации много времени не потребует и провал окажется неизбежным. В общем, было ясно, что район расположения передатчика пора менять...

Подпольщики стали переносить радиостанцию на новое место. Станция была мощная, а потому и громоздкая. Переносили ее по частям, небольшими блоками — так, чтобы не привлечь внимания немцев и местных полицейских. Последних особенно интересовала разного рода поклажа, которую носили прохожие, — не от высокой бдительности, но из желания чем-либо поживиться.

Время для того, чтобы переносить узлы станции, выбиралось наиболее тихое — но как тут угадаешь, когда немцы решат устроить очередную облаву? У них ведь тоже работали профессионалы... Вот и получилось, что в самое, казалось бы, спокойное время подпольщик Федор Воробьев, переносивший один из блоков станции, чуть было не попал в руки полицейских. Документы у него были вполне надежные, да только свою ношу он гитлеровцам никак показать не мог — никто не поверит, что этот агрегат (какой — не знаем, придумывать не будем) он нашел на улице и несет домой исключительно потому, что «в хозяйстве все сгодит-

* Так в тексте.

ся». Пришлось убежать, прыгать через заборы, скрываться в подвале разрушенного здания — неудивительно, что при этом Федор здорово, может быть и не один раз, обо что-то стукнул несомый им блок. Ну и всё, пиши пропало!

Александр Днищенко пытался воскресить рацию, но это оказалось совершенно безнадежным занятием. Нелегальная резидентура вновь оказалась без связи...

...И вот теперь, наконец, пришла пора рассказать о тех самых «мальчишках», которых мы, ссылаясь на книгу Геннадия Лисова, упомянули в предыдущей главе нашего повествования.

Эти ребята — пионеры-герои, как их называли во времена советской власти (хотя, если бы не война, то они определенно уже вступили бы в комсомол), Витя Хоменко и Шура Кобер*, боевые соратники Виктора Александровича Лягина, которого они, скорее всего, никогда и не видели, — заслуживают отдельного рассказа. Недаром же им, навеки шестнадцатилетним, установлен памятник в Николаеве, их именами были названы улицы в Николаеве и Одессе.

* * *

Итак, николаевские школьники Витя Хоменко и Шура Кобер — юные герои подполья. Сегодня их имена кажутся неразрывно связанными между собой, однако их дружба была совсем недолгой — хотя и на всю оставшуюся жизнь...

Они познакомились в начале 1942 года, на конспиративной квартире одного из подпольных отрядов Николаевского центра. Людьми они были совершенно разными: Витя — подвижный, энергичный и любознательный, любил математику, хорошо владел немецким языком, увлекался спортом; Шура был круглым отличником, мальчиком дисциплинированным и рассудительным, очень любил читать, играл на скрипке.

Поначалу Витя устроился работать в немецкой офицерской столовой — мыл посуду, убирал со столов в зале, нередко помогал официанткам обслуживать многочисленных посетителей, а при этом внимательно слушал разговоры, которые вели немцы, чтобы потом пересказать услышанное

* Виктор Кириллович Хоменко (1926—1942) и Александр Павлович Кобер (1926—1942) — разведчики Николаевского центра; в 1965 году посмертно награждены орденом Отечественной войны 1-й степени.

подпольщикам. Он всегда замечал, когда надо убрать посуду, хорошо понимал язык жестов — так казалось немцам, не знавшим, что он владеет их языком, — и германские офицеры сумели оценить услужливость, внимательность, ловкость и быстроту мальчика. Гитлеровцы стали давать Вите мелкие поручения — куда-то сходить, что-то принести, а потом и вообще сделали его посыльным при штабе. В итоге Витя Хоменко превратился в «слугу двух господ»: он быстро и аккуратно доставлял по назначению немецкие пакеты, но притом успевал занести их на конспиративную квартиру, где специалисты, прошедшие соответствующую подготовку, эти пакеты вскрывали, копировали находившиеся в них донесения или документы, а затем заклеивали так, что, как говорится, комар носа не подточит. Немцы, особенно поначалу, очень внимательно осматривали приносимые мальчиком конверты, но никто ничего не замечал. Конечно, посыльному приходилось бегать с рекордсменской скоростью, но тут уж куда деваться!

Задача у Шуры была иного плана: он визуально разведывал расположение военных объектов в Николаеве, следил за передвижением немецких подразделений. Для этого нужно было много ходить по городу, часами сидеть в засаде, наблюдая за штабом или комендатурой. К тому же Шура еще и поддерживал связь с другими подпольными группами.

Понятно, что, если бы гитлеровцы узнали, чем занимается что один мальчик, что другой, — каждому из них грозила бы смертная казнь. Такие вот совсем не детские «игры» были навязаны ребятам войной...

Вот этих самых ребят — точнее, проверенных, испытанных и закаленных бойцов — было решено отправить за линию фронта. Чему удивляться? Пацанам было гораздо проще пройти по занятой врагом территории, нежели взрослым мужчинам, — война наплодила огромное количество сирот и малолетних бродяжек, так что вряд ли кто мог заподозрить в беспризорных мальчишках партизанских разведчиков. К тому же задержанного взрослого человека можно было использовать на каких-то работах, а что толку с этих двух грязных и худосочных побирушек?

И вот, одетые в залатанные куртки и короткие старые брюки, Витя и Шура, взвалив на спину вещевые мешки с какой-то одеждой — по «легенде», родители послали их в село менять вещи на продукты, — отправились в путь. У каждого в руке был дорожный посох — хорошая, увесистая пал-

ка, неотъемлемый атрибут настоящего путника. Но только одна из этих палок была искусно сделанным тайником, в котором были спрятаны документы для Центрального штаба партизанского движения: отчет о действиях подпольщиков, адреса конспиративных квартир и пр. Впрочем, этого ребята не знали: «дядя Палагнюк», самолично и очень подробно инструктировавший Витю и Шуру, объяснял, что в крайнем случае — понятно в каком — палку следует просто уронить. Не прятать в спешке, не стараться забросить ее как можно дальше, а просто уронить под ноги и забыть про ее существование. Точнее, даже не палку, а обе палки, так как для того, чтобы ребята меньше напрягались и не пытались как-то соперничать, о том, в какой из двух палок сделан тайник, им сказано не было.

Путь к линии фронта получился долгий — порядка тысячи километров, мимо Луганска, Ростова-на-Дону, Краснодар, да он к тому же еще и постоянно увеличивался. Июль 1942-го, как мы помним, в полном смысле слова был жутким временем для Красной армии и для всей нашей страны, чему самым ярким подтверждением является знаменитый сталинский приказ № 227, вошедший в историю как «приказ “Ни шагу назад!”»:

«Враг бросает на фронт всё новые силы и, не считаясь с потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население.

Бои идут в районе Воронежа на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами.

Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утикает* на восток. Некоторые неумные люди на фронте утешают

* Так в тексте.

себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам. Каждый командир, красноармеец и политработник должен понять, что наши средства неограничены. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети, территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги.

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территорий, стало быть, намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более десяти миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. <...>²¹⁶

Пожалуй, никогда еще советское руководство не обращалось к народу (да, в данном случае — к вооруженным силам, но ведь это неотъемлемая часть народа, причем, безусловно, лучшая его часть) так откровенно и честно, без ложной многозначительности и всегдашнего нарочитого всеведения. Что ж, обстановка была аховая, и в такой обстановке только и оставалось надеяться, что на реальную народную мудрость — а не на «высочайшие указания». Ладно, о том, что происходило дальше, нам очень хорошо известно, поэтому возвращаемся к двум парнишкам-пионерам, упрямо идущим к линии фронта...

Можно понять, что катастрофа, происходившая на фронте, им благоприятствовала. Победоносная немецкая армия вновь наступала — и кому тут, в тылах стремительно продвигающихся вперед германских соединений, было какое-то дело до двух чумазных нищебродов? Тем более что в это самое время количество людей, лишившихся крова над головой, а потому неведомо куда идущих, выросло весьма основательно. Так что немцам было на них наплевать, да и полициям, очевидно, оказалось совершенно не до них.

Правда, один раз, где-то под Ростовом, их остановили немецкие солдаты, но выручил Витин прекрасный немецкий язык: мол, мы из «фольксдойче», отдыхали на Черном море, теперь вот домой пробираемся. Отпустили!

Так что ребята не очень-то и хоронились. Когда была возможность, ехали на крестьянских подводах; несколько раз, что значительно сократило их путь, пристраивались на тормозные площадки вагонов следовавших к фронту немецких воинских эшелонов, но при этом парнишки старались не попасться на глаза часовым... Спрыгивая с площадки при подъезде поезда к очередной большой станции — на станции их бы непременно заметили, могли и задержать; ребята сожалели, что не имеют возможности оставить немцам «на память» хотя бы гранату без кольца, с зажатой скобой, чтобы в пути сработала от вагонной тряски. Но никакого оружия им при себе нельзя было иметь категорически, а выполняемое ими задание было гораздо важнее, нежели подрыв одного-двух вагонов или даже целого эшелона...

Линия фронта, до которой они добрались в середине августа, проходила по какой-то реке. Днем Витя и Шура приметили на берегу рыбацью лодку, которую затем, пользуясь августовской ночной темнотой, «конфисковали». А что было делать? Не зря же говорится — «война все спишет»! Гребли очень осторожно, однако «фрицы» все-таки услышали, открыли огонь, «подвесили» над рекой мертвенно-бледные осветительные ракеты. Когда автоматные очереди стали хлестать по воде вокруг лодки, ребята, не выпуская из рук свои заветные посохи, бросились в воду. Тут как раз по немцам открыли огонь красноармейцы, завязалась перестрелка, и под этим прикрытием ребята смогли добраться до берега, где их уже ждали советские бойцы, разглядевшие в черной воде «ночных пловцов».

Выбравшись на берег, Витя и Шура отказались отвечать на какие-либо вопросы красноармейцев и уверенно потребовали, чтобы их немедленно отвели к самому старшему командиру. Бойцы понимали, что вряд ли кто-нибудь от нечего делать рванет вплавь через реку под огнем противника, а потому и возражать не стали, только дали ребятам во что-то переодеться... После недолгого разговора в узком кругу — с командиром, сотрудниками особого отдела и разведчиками — Витя и Шура были накормлены и отвезены на ближайший аэродром, откуда их уже утром доставили самолетом в Москву.

В Москве же отвезли в Центральный штаб партизанского движения, созданный недавно, в самом конце мая,

при Ставке Верховного главнокомандования. Только здесь Витя и Шура наконец-то расстались со своими посохами-тайниками (разумеется, тайник был один), к которым так привыкли за время своего долгого пути. В штабе с ними очень уважительно, как со взрослыми бойцами, разговаривали генералы и командиры со «шпалами» на петлицах*. Мальчики рассказали им во всех подробностях о деятельности Николаевского центра, об обстановке в оккупированном городе, о том, чем они сами занимались в отряде, — в общем, ответили чуть ли не на тысячу вопросов своих очень заинтересованных собеседников... Затем — после недолгого отдыха — их как следует отпарили в прекрасной бане, дали возможность по-настоящему выспаться и покатали на машине по Москве, показав все основные достопримечательности советской столицы, в которой они раньше никогда не бывали, — парнишки с огромным удовольствием и желанием прошли «краткосрочные курсы разведчиков». Специально для них провели занятия, в основном практические, по радиоделу и минно-взрывной подготовке, им дали возможность пострелять из различного оружия — в основном трофейного, объясняя при этом его особенности и «капризы»; инструкторы говорили с ними по-немецки, помогая парнишкам не только лучше понимать разговорную речь, но и самим как следует «развязать язык»... В программу подготовки входили даже прыжки с парашютом, и ребята прыгнули по несколько раз — это им было нужно не просто для «общего развития» в качестве разведчиков, но потому, что возвращаться в родные края Шура и Вите предстояло по воздуху.

В один из свободных вечеров, 25 сентября, Шура Кобер написал письмо своим родственникам, находившимся где-то в эвакуации:

«Здравствуйте, дорогие родственники дядя Леня, тетя Марцелина, Паулина. Я жив-здоров, чего и вам желаю. Я прибыл сюда в Москву неожиданно, меня послали сюда. Мама с Женей остались там, все живы пока. Я хотел писать письмо к вам, но забыл адрес ваш; потом думаю, дай-ка я напишу на завод к дяде Лене, и послал телеграмму. Мне прежде всего интересно, как вы живете. Нам плохо живется: всё за-

* Знаки различия в виде прямоугольников; одна «шпала» означала звание «капитан» (или «лейтенант госбезопасности»), две — «майор» («старший лейтенант госбезопасности»), три — «подполковник» («капитан госбезопасности») и четыре — «полковник» («майор госбезопасности»).

бирают и отправляют в Германию, — но ничего, все это мы обратно заберем. Пусть они не думают остаться хозяевами. Много раз меня били немцы за то, что я отвечал им грубо на вопросы. Но я пока имею силу и жду того момента, чтобы показать им свою силу. Я посылаю это письмо, а вы обратно мне не пишете, потому что меня здесь не будет. Бабка, дед, Клава, Фаня, Катя — все пока живы, на дальнейшее не ручаюсь, что сделают немцы при отступлении. Я написал вам коротенькое письмо, а после войны мы еще встретимся и поговорим тогда, как вы жили и как мы жили. С тем до свидания, остаюсь ваш племянник Александр Кобер.

Повторяю, что больше мне не пишете, потому что меня здесь не будет, меня посылают обратно на работу. Я рад узнать о вас, но время не позволяет...

До свидания. *Шура*²¹⁷.

Вроде бы совершенно простое личное послание — вот только читать его без волнения невозможно...

Почти два месяца продолжалась их «специальная подготовка» (это официальное название) где-то в лагере под Москвой, а в ночь на 9 октября 1942 года Витя и Шура, а также радистка Лидия Брыткина, комсомолка, направленная за линию фронта по заданию Центрального штаба партизанского движения, десантировались на парашютах неподалеку от села Себино, в нескольких десятках километров от Николаева. С самолета были также сброшены контейнеры с оружием, боеприпасами и медикаментами и радиопередатчик, которые ребята нашли и спрятали в кустарнике, тогда как сами возвратились в город налегке.

Потом в указанное ими место приехали подпольщики и всё забрали...

Правда, тут случился один казус: парашюты за ненадобностью были так и оставлены в «схронах», то есть тайниках, но спрятали их не очень хорошо, а потому какая-то местная жительница один парашют нашла... Добротный белый шелк ей очень понравился, и она, ничтоже сумняшеся, выкроила себе из него юбку. Получилось очень даже красиво, а потому в этой самой новехонькой юбке из белого парашютного шелка она и поперлась в город на базар. Естественно, что первый же патруль задержал тетку-щеголиху, после чего немцы сначала усадили в указанном месте засаду, потом перекопали все поле — однако уже было поздно, отыскать им ничего не удалось. А рация Николаевского центра заработала вновь, передавая в Москву ценнейшую и очень нужную информацию.

Вот только Анатолий Васильевич Палагнюк, он же Владимир Иванович Андреев, не дождался возвращения юных героев. 12 сентября 1942 года он был задержан гитлеровцами. В тексте справки «Подпольно-партизанское движение в Николаевской области» названа чуть-чуть иная дата: «14 сентября 1942 г. по предательству Соловьевой (бывший чл<ен> Горсовета) на явочной квартире арестован был тов. Пологанюк А. В.». Разведчик более полугодом находился в немецкой тюрьме, его допрашивали и пытали, но, так ничего не добившись, расстреляли 29 мая 1943 года...

Далее в справке указывается: «В сентябре этого же <1942> года, выполнив задание “Центра”, были выброшены обратно в тыл врага с самолета на парашютах связисты Кобарь* и Хоменко с радисткой и зап. частями к радию. По предательству Круглова (который проник в группу Пологанюка) все упомянутые товарищи при приземлении были арестованы. Вслед за арестами Пологанюка, Кобарь, Хоменко и присланной радистки, последовал ряд арестов чл. п/п организации». Здесь необходимо уточнить, что, как мы знаем, Витя и Шура, а также и радистка комсомолка Лидия Брыткина приземлились вполне успешно и, спрятав всё «привезенное», своевременно покинули район приземления. Гитлеровцам действительно удалось задержать Витю Хоменко и Шуру Кобера, но только произошло это полтора месяца спустя — 24 ноября 1942 года.

Вполне возможно, что юные герои сумели убедить врагов в своем абсолютном неведении: да, были в подпольной группе, выполняли какие-то мелкие задания, на уровне отнести-принести, а более ничего и никого не знаем. Безусловно, про поездку в Москву, про которую кроме них и командира никто ничего не знал, они не говорили ни слова — в противном случае гестаповцы постарались бы «выпотрошить» ребят самым безжалостным образом. А так, убедившись после десяти дней допросов в их полной «бесперспективности», немцы приняли решение казнить мальчишек в назидание всем прочим. 5 декабря 1942 года ребят повесили на Базарной площади города Николаева вместе с семью другими подпольщиками, взрослыми. (Знал бы руководивший экзекуцией генерал-лейтенант Герман Винклер, что он в общем-то присутствует на репетиции своей собственной казни, которая произойдет на том же самом

* Так в тексте.

облюбованном им, комендантом Николаева, месте — только несколько позже.)

Традиционно, для предупреждения и устрашения местных жителей, трупы повешенных оставили болтаться в петле до утра, если не еще дольше. Неподалеку от эшафота расхаживали немецкие часовые — чтобы подпольщики тайно не сняли трупы своих товарищей для захоронения.

Однако поутру по городу разлетелось известие, что прохожие увидели на досках помоста большой букет поздних осенних цветов и лист бумаги, на котором крупными буквами было написано: «Слава юным героям!»...

* * *

И снова — все та же справка «Подпольно-партизанское движение в Николаевской области»: «В связи с проникновением в “Центр” Круглова (который выдавал себя за капитан-лейтенанта флота, уполномоченного от полковника Пенькова по Николаеву), аресты в организации приняли массовый характер. В первых числах декабря 1942 г. от Пологанюка*, который находился в тюрьме, стало известно, что Круглов — предатель, а Пеньков — агент гестапо, работник немецкой контрразведки. По предательству Круглова в ноябре 1942 г. арестовывается чл. комитета Воробьев Федор. В первых числах декабря сего года арестовывается Зашук П. Я. — председатель комитета и Соколов В. И., член комитета. 4 декабря арестовывается член п/п “Центра” Горлай. 5 декабря 1942 года немцы, с целью запугать участников п/п движения, на базарной площади публично повесили 9 товарищей, среди которых были Воробьев Ф., Хоменко и Кобарь. Преследуемые Бондаренко и Комков вынуждены были скрыться...»

Можно понять, что какая-то, пусть и крайне обрывочная, но все же информация о руководителе николаевского подполья неизбежно накапливалась в сейфах работавших в городе подразделений германских спецслужб.

Свидетельствует Мария Семеновна Любченко (материалы из протокола того же допроса, что приводился нами ранее):

«На одной из явок с официальным сотрудником “СД” РЕЛИНГОМ мне было заявлено о том, что в гор. Николаеве проживает на нелегальном положении оставленный со

* Подчеркнуто в оригинале.

специальным заданием для ведения подпольной работы против немцев некий майор ХЕНТ или КЕНТ. Тогда же было пояснено РЕЛИНГОМ, что этот майор ранее проживал в Ленинграде. Судя по названным внешним приметам этого майора, я сделала вывод, что с ним имеет сходство знакомый мне инженер КОРНЕВ, и с этого момента, т. е. примерно с ноября 1942 года приступила к активной разработке последнего.

На одной из последующих встреч с КОРНЕВЫМ я сообщила о том, что до войны являлась членом ВКП(б) и с целью расположения его к себе высказала ему, вернее создала видимость своей враждебности к немцам и “желание” выполнить свой долг в этом вопросе как советского гражданина и члена ВКП(б). Мои предположения в результате такого поведения оправдались, КОРНЕВ, ранее присматривавшийся и изучавший меня, в разговорах стал более свободен, чаще стал заходить ко мне на квартиру и в процессе встреч заводил разговоры на политические темы, информировал об обстановке на фронтах, в очень осторожной форме давал понять, что мне как члену ВКП(б) необходимо серьезно подумать о своих обязанностях и долге перед партией. Со всеми его доводами я соглашалась»²¹⁸.

Если всё действительно обстояло именно так, как рассказала Мария Семеновна, то реально взвыть от досады хочется! Для чего нужно было резиденту фактически раскрывать себя и заниматься вербовкой? Мы уже говорили о том, что в разведке — как в общем-то и в любой другой сфере человеческой деятельности — каждый сотрудник работает по своей непосредственной специальности. Один выступает в роли «вербовщика», другой является «агентуристом», третий — «групповод», ну и так далее... Над ними — резидент, который всех знает и которого людям посторонним (тем же агентам) лучше не знать. Хотя и у резидента на связи могут быть особенно ценные агенты, никому более не известные, но у него в этих людях должна быть стопроцентная уверенность. Ну, это так, немножко «азбуки»... Так что если «объект», то есть какая-то личность, вызывает интерес резидента, то лучше всего подвести к нему кого-нибудь из сотрудников, и чтобы встреча эта получилась совершенно случайной, и ничьи, извините, уши нигде не торчали, ну и потом уже решать, следует ли организовывать вербовку! Так нет же...

Но, может, Виктор уже так истосковался по нормальным советским людям, что при ощущении такой встречи

потерял необходимую для разведчика бдительность? Нет, вряд ли... Нам кажется, выдержка у Лягина была железная.

А впрочем, быть может, все происходило и не совсем так, как говорила Любченко? Она ведь понимала, что терять ей все равно уже нечего — ну и, вполне возможно, несколько приукрасила ситуацию, пытаясь показать себя гораздо более «крутой», нежели была на самом деле. Различные документы, которые у нас есть, представляют несколько иные варианты развития событий...

Кстати, названный Марией Семеновной «Релинг» — это сотрудник СД Роллинг, по всей видимости — куратор Любченко.

* * *

Вскоре резидентура «Маршрутники» понесла очень тяжелую потерю: при выполнении боевого задания погиб Александр Сидорчук. Произошло это не из-за предательства или каких-то козней противника — скорее всего, по нелепой случайности, трагическому стечению обстоятельств. Есть разные версии произошедшего (в том числе и зафиксированные в официальных документах), потому как рассказать о том, что произошло на самом деле, было уже некому.

Как известно, праздники и юбилеи у нас очень любят, а в советское время была еще и, что называется, добрая традиция «ознаменовывать юбилей новыми трудовыми успехами». Трудящиеся — а скорее, руководители — очень старались подогнать к празднику выполнение плана, пуск нового объекта и т. д. К сожалению, эта «подгонка» порой приводила к обратным, весьма негативным результатам... Но вот то, что николаевские подпольщики намеревались сделать «подарок» германским оккупантам к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, к 7 ноября 1942 года, это было очень достойно! Кто бы и что бы сегодня ни говорил, но Великая Отечественная война носила ярко выраженный политический, идеологический характер, а потому задуманный чекистами в самый канун «пролетарского праздника» взрыв нефтебазы, расположенной в Николаевском порту и снабжавшей топливом почти весь оккупированный город, имел бы в полном смысле слова политическое значение — при его несомненном экономическом эффекте.

Исполнителем диверсии являлся «Моряк», Александр Сидорчук, который после увольнения с руин Ингульского аэродрома трудился на этой нефтебазе кочегаром.

Скажем честно, в книге Людмилы Ташлай «Виктор Лягин» эта ситуация описана довольно-таки невнятно (впрочем, точно так же и почти теми же словами эта ситуация была описана и в книге Геннадия Лисова «Право на бессмертие», но в данном случае мы цитируем более свежее издание):

«В ночь на 5 ноября с наступлением темноты он добрался до бензохранилища (в различных источниках этот объект именуется по-разному: «нефтебаза», «бензохранилище», «склад горючего» и т. д.; в общем, можно понять, что там находилось большое количество ГСМ. — А. Б.) и, забросав его бутылками с зажигательной смесью, побежал к складским помещениям. До цели оставалось всего несколько метров, когда А. П. Сидорчук неожиданно споткнулся. От толчка у него в руках взорвалась самодельная мина. Фашисты нашли А. П. Сидорчука изувеченным, но еще живым и немедленно отправили его в свой госпиталь. Через двое суток подрывник скончался, причем немцы так и не раскрыли тайны его гибели...»²¹⁹

К тайне гибели Александра Сидорчука мы еще вернемся, а пока уточним, что нас в данном варианте смущает. Как подсказывает опыт, вряд ли бы кто сначала забрасывал склад бутылками с зажигательной смесью, а после этого, при неверном, мятущемся свете разгорающегося пожара, хладнокровно устанавливал мину. И вообще, поверьте, кидать бутылки или гранаты, держа еще что-то в руках, не очень-то и удобно...

Есть также варианты, что взрыватель у самодельной мины сработал слишком рано или что немцы-часовые послали Сидорчука к резервуарам за сырой нефтью (как говорится, «что охраняем — то и воруем»), чтобы быстро растопить печь, а мина была в двойном дне ведра, обмотанного бикфордовым шнуром — для прочности немцы обматывали ведра проволокой. Случайно ли произошел взрыв или Сидорчук сознательно пожертвовал собой, понимая, что иного пути выполнения задания у него нет, — неизвестно.

В книге же «Розвідники, народжені в Україні», с которой мы уже знакомы, подвиг Александра Сидорчука описывается следующим образом (постараемся перевести с украинского):

«В ночь на 5 ноября Сидорчук пробрался до баков (цистерн или резервуаров, это как кому нравится. — А. Б.) с горючим, под которые заранее заложили взрывчатку. Он запалил бикфордов шнур и уже собирался возвратиться на

свой только что оставленный пост, как вдруг увидел проходивших неподалеку немецких солдат. В темноте они вполне могли заметить огонек. Тогда он повернулся и стал прикрывать полою плаща зажженный шнур. Но убежать на безопасное расстояние ему уже не удалось. Взрывная волна откинула его на десятки метров.

Пожар был настолько огромен, что его не могли погасить двое суток. Были уничтожены все резервуары с нефтью и нефтепродуктами. Александр Сидорчук получил тяжелую контузию и ожоги всего тела — первой и второй степени. Его доставили в больницу, где он через некоторое время умер, так и не придя в сознание. Следственная группа и на этот раз не смогла найти причастных к взрыву. Под подозрением остался и Сидорчук»²²⁰.

Ну, совершенно естественно, что подозрение будет! Хотя в жизни случается всякое (помнится, в одной из книг про Джеймса Бонда Ян Флеминг утверждал: «Один раз — случайность, два — совпадение, три — враждебная акция»), но все же, когда один человек работает сначала на одном взорвавшемся объекте, потом на другом, это не может не вызывать у спецслужб, так сказать, «смутные подозрения». Но... «нет человека — и нет проблемы». Точнее — нет никаких доказательств причастности скромного и работающего кочегара-«фольксдойче» к масштабным диверсиям.

Более того, Галина Келем, теперь уже вдова Сидорчука, устроила гитлеровцам грандиозную истерику, предложив им свою «версию» произошедшего: Александр наткнулся на диверсантов и то ли их вспугнул, то ли вообще вступил с ними в схватку и был ими убит. Кстати, ему не раз уже угрожали в городе какие-то незнакомые люди — мол, ты служишь немцам, берегись... В общем, он герой рейха и верный сын «фатерлянда», и как смеет кто-то чернить своими нелепыми подозрениями его светлую память!

Если говорить очень честно, подобная версия была выгодна и сотрудникам местной службы безопасности. Все-таки подумать: человек работал на том самом аэродроме, где произошла чудовищная диверсия, — а его без всяких сомнений принимают на работу на такой важнейший стратегический объект, как нефтехранилище! Ну и куда тут местная СД смотрела? На симпатичную Галину Келем, которая очень заботливо хлопотала за мужа? Да, следствие не установило причастности Сидорчука к взрыву на аэродроме — но ведь, как говорится, береженого Бог бережет. Что, не могли без него на нефтебазе обойтись? Преспокойно

могли! «Прокол» был явно налицо, а потому и приходилось принимать версию геройской гибели кочегара в схватке с бандитами. Мол, к этому человеку — никаких подозрений!

«Следователю Роллингу ничего не оставалось, как сообщить в Берлин: “Сторож Сидорчук спугнул диверсантов и сам стал их жертвой, подорвавшись на mine”... Галине выдали тело мужа. Тяжело пришлось боевой подруге Сидорчука. Никто из друзей не мог прийти к ней, чтобы утешить в страшном горе и помочь в погребении мужа. Действовал категорический приказ Бати: сразу после диверсий не встречаться. Галина Адольфовна сама похоронила мужа на городском кладбище. После войны над могилой поднялся обелиск с барельефом героя-чекиста. На обелиске надпись: “Сидорчук Александр Петрович. 1913—1942 гг. Погиб при выполнении боевого задания... Вечная слава несгибаемому разведчику!”»²²¹.

Вот так, очень дорогой ценой жизни замечательного человека, гитлеровским оккупантам был нанесен очередной чувствительный удар...

Руководство Александра Сидорчука — имеется в виду его высшее, московское, руководство — по достоинству оценило его подвиги.

«Среди неизвестных погибших героев тайной войны в тылу врага следует назвать заместителя Лягина по диверсионной работе, сотрудника НКВД Украины Н. Сидорчука*, — написано в посмертно изданной книге начальника Четвертого управления НКВД СССР генерал-лейтенанта Павла Анатольевича Судоплатова «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год». — Он лично и организовал, и провел диверсию на немецком аэродроме, в результате которой было уничтожено 24 самолета противника. Сидорчук заслужил звание Героя Советского Союза, но, к сожалению, мое представление на этот счет не было поддержано. После окончания войны он был посмертно награжден лишь орденом Красного Знамени. Объясняется это тем,

* Сидорчук не был сотрудником НКВД Украины, инициалом его была буква «А», а не «Н», но эти ошибки вполне простительны для автора, прожившего почти 90 лет, да еще в каких условиях! И вряд ли он имел собственную картотеку на своих сотрудников... Здесь главное — та высокая оценка, которую генерал Судоплатов дает старшему лейтенанту госбезопасности Сидорчуку, и то, что руководство Четвертого управления НКВД СССР пыталось отметить своего сотрудника самым достойным образом. К сожалению, наша бюрократия во все времена оказывалась непрошибаемой.

что по таким эпизодам, участником которого оказался Сидорчук, представления о награждении принимались только после проверки специальной следственной группой реальных обстоятельств гибели наших людей»²²².

Но что могла выяснить через три года «специальная следственная группа», когда даже очень опытные германские следователи не смогли ничего раскрыть по горячим — в прямом и переносном смысле — следам? Ну а последующим журналистам и писателям только и оставалось, что предлагать свои версии или переписывать ранее сказанное.

...На этом можно бы и поставить точку в изложении данного эпизода, однако объективность требует обратиться и к рассекреченной «Справке о героических подвигах в тылу врага СИДОРЧУКА Александра Петровича», подписанной начальником Управления КГБ при СМ УССР по Николаевской области Павлом Яковлевичем Семеновым 4 апреля 1967 года.

В справке говорится про диверсию в парке Петровского, про уничтожение Ингульского аэродрома, про взрыв «на втором немецком аэродроме (на Широкой Балке)», однако 4-й пункт текста совсем не соответствует тому, что было сейчас рассказано нами про диверсию на нефтебазе: «3 ноября 1942 года, осуществляя диверсию по уничтожению немецкого склада боеприпасов и горючего, находившегося на территории торгового порта, СИДОРЧУК уничтожил бочку бензина и при этом героически погиб сам вследствие неисправности самодельной мины, изготовленной участниками группы».

То же самое в общем-то можно понять и из «Постановления бюро Николаевского обкома» (но там почему-то сроком диверсии называется сентябрь): «В сентябре 1942 г. на территории торгового порта г. Николаева была подготовлена диверсия — взрыв склада горючего и снарядов. Диверсию должен был провести Сидорчук Александр, который во время проведения операции подорвался сам и погиб»²²³.

Кажется, ясно: «была подготовлена», «должен был провести», но... Получается, что никакого двухсуточного пожара не было.

Что интересно, в книге Людмилы Ташлай (цитату из нее мы приводили выше) говорится о том, как Сидорчук «забросал бензохранилище бутылками с зажигательной смесью», как он «побежал к складским помещениям», как он

взорвался сам, — а вот о том, что произошло после этого на нефтебазе, не сказано ни слова. Так что действительно можно понять, что все ограничилось единственной бочкой бензина. Роковое стечение обстоятельств...

И все равно подвиг остается подвигом — даже если герою по-человечески не повезло. Недаром же справка, подготовленная в Николаевском управлении КГБ, заканчивается словами:

«Совершая диверсионные акты против немецкой армии, СИДОРЧУК проявлял смелость, мужество и героизм».

* * *

А жизнь и боевая деятельность нелегальной резидентуры продолжались. Кажется, у «Маршрутников» опять возникли проблемы со связью, в результате чего Виктор пошел на откровенную уголовщину — самым примитивным образом утащил радиостанцию с румынского военно-морского катера, стоявшего в ремонте на его «родном» теперь уже заводе. С большой долей уверенности можем предположить (зная высокий уровень начитанности нашего героя и его любовь к отечественной литературе), что Лягин при этом вспомнил двустишие из «Советской азбуки» поэта Владимира Владимировича Маяковского:

Рим — город и стоит на Тибре.
Румыны смотрят, что бы стибрить.

Ну вот, теперь он сам, получалось, уподобился румынам — можно над собой посмеяться... Хотя, будем говорить честно: работа разведчика и общепринятые нормы общечеловеческой морали — это, как у Пушкина, «две вещи несовместные». Если сотрудник разведки будет в полном объеме соблюдать библейские заповеди, то очень скоро его уволят за профессиональную непригодность и бездеятельность. Не знаем, удалось ли использовать румынский передатчик для работы резидентуры, но то, что рацией не смогли воспользоваться и сами румынские оккупанты, уже грело душу. «Практика малых дел», так сказать...

Но ведь и враг делал свои дела — причем небезуспешно. А потому мы снова обращаемся к протоколу допроса Марии Семеновны Любченко:

«Убедившись во мне как в “честном советском человеке” — КОРНЕВ в одну из встреч в ноябре месяце 1942 года

у меня в квартире зачитал мне принесенный с собой доклад СТАЛИНА от 7 ноября 1942 года, посвященный годовщине Октябрьской социалистической революции. Внимательно прослушав зачитанный доклад, я создала видимость, что этот исторический документ расцениваю, как подобает подлинному патриоту Социалистической Родины, и принимаю его к непосредственному руководству и исполнению во всей своей деятельности. Такое мое поведение окончательно убедило КОРНЕВА в моей “благонадежности”, и он в этой же беседе сообщил, что оставлен партией в тылу у немцев для выполнения специальных заданий, что настоящая его фамилия не КОРНЕВ, а ХЕНТ или КЕНТ (точно не помню), что он имеет специальное звание советского офицера в ранге майора.

На поставленный мною вопрос, чем он занимается в своей практической подпольной деятельности и имеет ли конкретных лиц в качестве его помощников — КОРНЕВ ответил одним словом: “Да” и, заручившись от меня согласием помогать ему в подпольной деятельности, дал мне следующие задания:

1. Оказать материальную помощь и, в частности, продуктами питания какой-то работавшей под его руководством молодой девушке по имени АНЯ (фамилии и адреса не назвал).

2. Достать и передать ему достаточное количество соответствующих химических веществ, которыми бы можно было отравить зерно на элеваторе в гор. Николаеве, а также значительное количество скота, сконцентрированного немцами в одном из районов области.

3. Выдать справку о плохом состоянии здоровья одному молодому человеку, подчиненному ему по подпольной деятельности (фамилии не помню), который на основании этой справки имел бы возможность уволиться из учреждения, в котором он служил, и поехать в Днепропетровскую область с каким-то специальным заданием.

Внимательно выслушав КОРНЕВА, я заявила, что все эти задания принимаю с желанием и сделаю все необходимое для их выполнения.

В результате такого заявления с моей стороны КОРНЕВ остался очень доволен мной, вернее, выразил мне свое удовлетворение, и, попрощавшись, ушел от меня, обещав зайти через несколько дней.

В результате этой состоявшейся встречи и разговора с КОРНЕВЫМ для меня стало ясно, что он и является тем

самым майором ХЕНТ или КЕНТ, на розыск которого я получила задание, о чем и представила подробную информацию РЕЛИНГУ во время состоявшейся с ним очередной встречи»²²⁴.

А ведь врет, поганка! Уж слишком доверчивым и до нелепости откровенным предстает в ее рассказе Виктор Лягин — он якобы выболтал все, вплоть до своего оперативного псевдонима и специального звания. Хотя «майором Кентом» называли его гитлеровцы — по расшифрованной подписи в не поддающихся расшифровке радиограммах. На самом же деле, как мы помним, Виктор Александрович имел специальное звание капитана государственной безопасности, приравненное к армейскому подполковнику.

Не совсем также понятно, откуда врач-фтизиатр смогла бы достать такие воистину «лошадиные» дозы отравляющих веществ, чтобы отравить и зерно на элеваторе, и скот в скотоприемнике. Попросить одну-две ампулы с ядом Лягин, как представляется, мог — но тут-то были совершенно иные масштабы и он, без всяких сомнений, прекрасно понимал, что Любченко такая задача просто не по силам... Так что вряд ли он мог обращаться к Марии Семеновне с подобной нелепой просьбой. Ну и опять «азбука» — кто будет сообщать, для чего именно ему нужен яд? Даже если Лягин и был на все сто процентов уверен в патриотизме Любченко, то были ли у него гарантии, что она не попадет вместе с этим ядом в гестапо, а если, не дай бог, такое произойдет, то сумеет ли она вынести все пытки, не завалив готовящуюся операцию?

Это всё — во-первых. Во-вторых, если Любченко, как она показывала на допросе, еще в ноябре сообщила в гестапо, что «Корнев» — это совсем даже не Корнев, но тот самый неуловимый «Кент», то почему же тогда «Корнев»-Лягин-«Кент» еще так долго оставался на свободе? Подумать только: в городе чуть было не произошла диверсия на нефтехранилище, дважды горел крупнейший склад, были взорваны два аэродрома, уничтожены запасы зимнего обмундирования, портовый кран утонул — так неужели же николаевские гестаповцы не чувствовали, как качаются под их, извините, задницами стулья, не слышали, что по ночам в их окошки настойчиво стучит зловеющий призрак Восточного фронта? Одно дело — постфактум вешать или расстреливать десятки безвинных заложников, тем самым еще более озлобляя местное население, а совсем другое — представить своему руководству самого главного здешнего

партизана. Так неужели, если бы фрау Любченко в то самое время действительно «сдала» Лягина гестаповскому старшему следователю Роллингу, он бы не принял никаких радикальных мер? Не верим!

Показания Марии Семеновны — хотя это и совершенно официальный документ — вызывают немалое сомнение и, повторим, похожи на намеренный самооговор. Нет, не сделанный под нажимом «безжалостных следователей НКВД», какими показывают их в наших телесериалах, но скорее представляющий собой акт отчаяния — примерно так же старается ужалить хоть кого-то издыхающий скорпион. Своими «признаниями» Любченко дает понять, что она была всех умнее, а потому и сумела «переиграть» и Лягина, и Роллинга, который, по ее мнению, определенно ее недооценивал.

...И вот здесь мы буквально утыкаемся в личность Марии Любченко, потому как для нас она представляется некоей загадкой.

Как она выглядела внешне, мы не представляем. Женщина за пятьдесят — это, конечно, женщина, что называется, в возрасте. Но ведь Мария Семеновна давно уже жила одна — вдова без детей, ни о ком кроме себя заботиться не надо, по своей работе она постоянно, что называется, «на публике», то есть должна была следить за собой. Наверное, следила тщательно, а потому и могла выглядеть лет эдак на десять моложе, чем была на самом деле... В гестапо ведь, в конце концов, не дураки работали! Понимали, что агентесса должна притягивать к себе людей, вызывать их интерес, желание распушить перед ней хвост — и вообще желание... Будь это какая-то «кошелка», давно уже позабывшая про косметику и свою женскую природу, вряд ли бы она смогла сдать гестапо нескольких разоблаченных ею подпольщиков — а таковых в общем-то оказалось немало...

Кстати, что интересно, в одних источниках Любченко проходит как подруга Эмилии Иосифовны Дукарт, тогда как в других значится как знакомая или подруга самой Магдалины. Явно ведь усердно молодилась! Вот и «инженер Корнев» с ней весьма охотно контактировал, вроде бы не раз встречался, даже у нее дома, кажется, бывал...

И вот тут уже мнимая откровенность Виктора Лягина, о которой так подробно рассказывала на допросе Любченко, приобретает совершенно иной «окрас» — мол, даже сам руководитель подполья не устоял перед ее чарами...

Однако хотя Мария Семеновна и предлагала такой вариант следователям НКВД, мы в это категорически не верим! Если Любченко действительно добросовестно и оперативно передавала получаемую информацию сотрудникам СД — то они, как мы уже говорили, схватили бы «Кента» при первом же на него указании. Не та, повторим, была ситуация в городе, чтобы играть в оперативные игры с уже разоблаченным резидентом, а «допрос с пристрастием» гестаповцы считали наиболее эффективным методом дознания... К тому же, насколько мы понимаем, Виктор Александрович был человеком разумным, и, вдобавок, думается, что печального «американского опыта» ему с лихвой хватило на всю оставшуюся жизнь, чтобы не заводить без санкции руководства новых «служебных романов».

...Но все-таки Любченко крутилась вокруг Лягина — понять бы: для чего? Ведь, как мы полагаем, ничего предосудительного — с точки зрения своих «хозяев» — она про «инженера Корнева» тогда не знала.

Глава четырнадцатая

ЛЮДИ МОЛЧАЛИВОГО ПОДВИГА

Ну, вот и последняя глава... Заключительная глава нашей книги, последняя глава жизни Виктора Александровича Лягина — Героя Советского Союза, капитана госбезопасности. Впрочем, 9 февраля 1943 года, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О званиях начальствующего состава органов НКВД и милиции», он был переименован в подполковника государственной безопасности, что теперь соответствовало одноименному армейскому званию, но Лягин об этом уже не узнал...

К своему завершению поистине страшный для нашей страны 1942 год вновь коренным образом изменил положение дел на советско-германском фронте. Хотя год этот начинался под победную канонаду Московской битвы, рождавшую уверенность в скорой победе над ненавистным врагом, однако потом были катастрофы весны и лета, в результате которых немецкие войска оказались на Волге и на Кавказе. Но 19 ноября в районе Сталинграда на гитлеровцев, совершенно для них неожиданно, обрушился всесокрушающий артиллерийский удар небывалой силы. (Недаром же в этот день отмечают свой профессиональный

праздник наши артиллеристы и ракетчики.) Вот как оно было:

«Еще до рассвета 19 ноября 1942 г. части и соединения Юго-Западного и Донского фронтов заняли исходное положение. На аэродромах готовые к вылету экипажи ожидали команды, чтобы обрушить на врага свой смертоносный груз. Однако природа внесла существенные коррективы в использование авиации и артиллерии. Густой туман и снегопад сплошной пеленой окутали весь район предстоявших боевых действий. Видимость не превышала 200 м. Из-за нелетной погоды авиация действовала лишь мелкими группами. Артиллерия могла вести только ненаблюдаемый огонь по целям...

Несмотря на исключительно неблагоприятные метеорологические условия, в 7 часов 30 минут, как и было предусмотрено, залпом реактивной артиллерии началась 80-минутная артиллерийская подготовка. Затем огонь был перенесен в глубину вражеской обороны. Следуя за разрывами своих снарядов и мин, к позициям противника устремились атакующие пехота и танки 5-й танковой, 21-й армий Юго-Западного и ударной группировки 65-й армии Донского фронтов. В первые два часа наступления советские войска на участках прорыва вклинились во вражескую оборону на 2—3 км. Попытки противника оказать сопротивление огнем и контратаками срывались массированными огневыми ударами советской артиллерии и искусными действиями наступающих стрелковых и танковых частей»²²⁵.

Уже 23 ноября фашистская группировка в Сталинграде — точнее, в междуречье Волги и Дона — была взята в стальное кольцо советского окружения. До общегерманского трехдневного траура по войскам 6-й армии вермахта (кстати, в 1940 году именно она входила в Париж, а в 1941-м — в Киев) было, по масштабам войны, еще довольно далеко — но гитлеровцы на оккупированной территории уже просто озверели. Вот что сообщало Совинформбюро утром 2 декабря 1942 года:

«Получено сообщение о зверствах немецко-фашистских мерзавцев в гор. Николаеве, Украинской СССР. За время оккупации гитлеровские бандиты замучили и расстреляли тысячи мирных жителей. Более половины населения города немцы насильно отправили на каторгу в Германию. Оставшихся жителей гоняют на принудительные работы. Неявка на работу рассматривается как саботаж и влечет за собой суровое наказание вплоть до расстрела.

В конце октября фашистские палачи расстреляли в городе 167 больных и нетрудоспособных женщин только за то, что они не вышли на работу. Жизнь в Николаеве замерла. Все попытки оккупантов восстановить и пустить в ход предприятия наталкиваются на упорное сопротивление советских патриотов. В связи с этим немцы начали вывозить остатки оборудования в Германию»²²⁶.

...Вспоминается, что некоторое время тому назад громко и торжественно «отмечался» очередной юбилей «падения» известной Берлинской стены, отделявшей Восточный Берлин от Западного. Западногерманский канцлер Вилли Брандт когда-то нарек ее «Позорной стеной», и это определение в те дни звучало достаточно часто. Вот только чей же это был позор? По подтвержденным данным правительства ГДР, за 38 лет существования стены при попытке перебраться через нее было убито 125 немцев. Как мы только что сказали, в одном лишь городе Николаеве и только в конце октября 1942 года немецкими оккупантами было расстреляно «167 больных и нетрудоспособных женщин». Оценивать человеческие жизни с математических позиций (больше-меньше) нельзя, но в нашем сравнении нет никакой математики. С одной стороны — чьи-то матери, жены, невесты, продолжательницы рода человеческого, ни в чем не повинные; с другой стороны — люди, сознательно рискующие своей жизнью для того, чтобы очутиться в «капиталистическом раю», не только диссиденты, но и беглые уголовники. Ну и кого же следовало поставить к «позорной стене» — строителей Берлинской стены или строителей нацистских лагерей смерти? К сожалению, сегодня мы слишком часто пытаемся выдать следствие за причину и о многом почему-то стараемся не говорить. Вот поэтому нам и приходится делать в своем рассказе такое совсем не лирическое отступление...

* * *

18 декабря 1942 года в Николаев возвратился Петр Луценко — выходец с того света в полном смысле слова...

Как же ему это удалось? В ночь на 27 мая 1942 года безлошадные остатки бойцов 137-го кавалерийского полка, в котором Петр оказался после перехода линии фронта, внезапно открыли огонь по противнику и попытались прорвать кольцо окружения, работая штыками и шашками. «Фрицы» бежали, но затем начинали стрелять издалека.

Потери были ужасающие, но те, кто мог идти вперед, — шли, а те, кто не мог, — падали на землю только мертвыми. Под утро остатки полка, сколько-то десятков человек, каковых и на полуэскадрон не хватит, израсходовав все патроны, оказались прижатыми к земле автоматнo-пулеметным огнем, и так лежали около часа, не имея возможности поднять головы... А после такого часа сделать что-то было уже невозможно. Немцы стали сгонять оставшихся бойцов в жалкую кучку и сразу же отделили от них Петра, который, на свою беду, был в штатской одежде — они решили, что это проводник из местных, какими-то тайными тропами выводивший красноармейцев из окружения. Его тут же основательно побили — сначала для острастки, потом требуя, чтобы он показал эти самые дороги... Луценко упорно стоял на своем, косноязычно и тупо твердя, что он простой беженец и совершенно случайно оказался вместе с бойцами, мол, с ними идти не так боязно было, да и харч в наличии оставался... В конце концов на него плюнули и вместе со всеми отправили в спешно сооруженный лагерь для военнопленных.

Заключенных из лагеря водили на работу, и однажды он сумел бежать. Несколько дней прятался по лесам, однако вскоре напоролся на немецких солдат, был возвращен за колючую проволоку, жестоко избит и фактически угасал...

Но вот что рассказал автору книги «Право на бессмертие» сам Петр Платонович Луценко:

«Я потерял счет дням, стал опухать от голода, большей частью лежал неподвижно в странной, тяжелой дремоте. Никогда потом я не мог вспомнить, что случилось в те дни. Однажды я особенно долго лежал в забытьи и, очнувшись, вдруг увидел себя в какой-то сырой, темной камерке. Слышу женский голос, говорящий мне ласковые слова. Потом я узнал — возле меня сидели Ефросинья Иосифовна Любарцева и Софья Ивановна Нартова. До конца дней не забуду своих спасителей! Они дежурили по очереди и кормили меня с ложечки. Когда я немного окреп, мне рассказали, что произошло. Ужас сковал душу: оказывается, я был *расстрелян* и сброшен в ров у лагеря вместе с другими убитыми. Женщины ходили ко рву искать своих расстрелянных мужей и вдруг слышали стон... У меня была пробита пулей кисть руки. Значит, гитлеровцы стреляли по умирающим не целясь...

Ефросинья Иосифовна Любарцева отправила меня в село, к подруге — Галине Нерубацкой. Там я совсем окреп

и уже видел мысленно, как встречу снова с Батей, со всеми моими друзьями — николаевскими подпольщиками. Но война распорядилась по-своему: в село нагрянули немецкие автоматчики с овчарками. Опять тюрьма и концлагерь на Лозовой»²²⁷.

Потом немцы зачем-то расформировали этот лагерь, и был этап — через Артемовск, Лисичанск, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Минеральные Воды, Георгиевск... И снова — побег, совершенный этим воистину железным человеком. Теперь — удачный, хотя затем Петру пришлось преодолевать еще тысячу километров пути... Но все-таки, как мы сказали, 18 декабря Петр Луценко был в Николаеве, а через четыре дня встретился с Батей — Виктором Лягиным.

Вновь обратимся к известной нам «Выписке из протокола допроса Луценко»:

«Числа 22 декабря 1942 года я встретился в Николаеве с “КОРНЕВЫМ”, который, выслушав мой доклад, предложил мне выехать из Николаева, т. к. группа оказалась в тяжелом положении, а именно: СИДОРЧУК при выполнении диверсионного акта подорвался на самодельной mine при уничтожении нефтебазы в порту. Кроме того, был неудачный выход подпольщиков в Знаменские леса для организации партизанских отрядов.

26 декабря 1942 года из Николаева я ушел в Киев и здесь проживал у ОДАРИЧ Татьяны Андреевны, которую знал до войны. В Киеве я проживал до его освобождения Советскими войсками».

Ну что ж, так получилось, что Виктор Лягин сохранил жизнь Петру Луценко — этому столь многое пережившему и уже единожды умиравшему человеку.

Прочитав про все это, какие-нибудь уж слишком строгие моралисты, знающие войну лишь по телесериалам, могут прийти к выводу, что весь оставшийся период оккупации Петр Луценко просто «отсиживался» в Киеве у вышеназванной Татьяны Андреевны. И мы согласимся — да, совершенно точно, именно что отсиживался. Но тут же задаем вопрос — а что ему, бедолаге, следовало делать? Оставаться в Николаеве для него не было никакой возможности — он давно уже исчез со своей макаронной фабрики, его явно искали, а затем, как говорится, поставили на нем крест... Ну и как теперь легализовываться по-новому? Какую «легенду» предлагать гитлеровским контрразведчикам, «стоявшим на ушах» после всего произошедшего в городе? К тому же, как нам известно, он выглядел совершенно изможденным, по-

старевшим — гестаповцы определенно бы догадались, что за его плечами были какие-то большие приключения... Так что хотя у «Маршрутников» на счету был каждый «штык», но все же Петру Луценко следовало как можно быстрее исчезнуть из города, пока его здесь кто-нибудь не узнал, или пока он не наткнулся на очередную облаву, — и он успешно это сделал.

Вряд ли кто скажет, что ему следовало пробираться не в Киев, но к войскам Красной армии — то есть вновь через линию фронта, за многие сотни верст. В конце концов, как у металла наступает «усталость» — есть такой технический термин, — так и у «железных людей» есть предел возможного...

Подвиг Петра Луценко был отмечен боевым орденом Красной Звезды.

* * *

События, происходившие в то время в николаевском подполье, приходится воистину реконструировать по обрывкам информации и, к сожалению, версиям, по большей части ничем не подтвержденным. К примеру, один из авторов живописует, как в новогоднюю ночь наступающего 1943 года на квартиру Лягина, в которой собрались на праздничный ужин чиновники и офицеры рейха, явились чуть ли не все руководители Николаевского центра (вот это конспирация!), чтобы сообщить, что гитлеровцы «накрыли» радиопередатчик и что радист Борис Молчанов взорвал связкой противотанковых гранат и немцев, и себя, и рацию, и дом, в котором он жил, так что весь дом сгорел... Между тем тот самый Молчанов — если верить официальному документу, который мы приведем ниже, — был расстрелян 17 февраля.

Значит, не было этого «новогоднего визита» подпольной «верхушки» и предшествующего ему события? Не знаем, подтверждения тому не найти...

И вообще, обо всем том, что произошло дальше — то есть о гибели Николаевского центра, — существуют совершенно разные варианты, ибо каждый из немногих уцелевших свидетелей и участников тех событий рассказывал о том по-своему...

Вот, например, как мы помним, предательница Любченко утверждала на допросе, что Корнев у нее просил «Выдать справку о плохом состоянии здоровья одному мо-

лодому человеку, подчиненному ему по подпольной деятельности (фамилии не помню)», и было это, по ее словам, где-то в ноябре. Доверия к ее откровениям у нас нет, но все-таки вполне возможно, что речь идет о том же эпизоде, который мы излагаем далее — теперь уже со слов Эмилии Иосифовны Дукарт:

«Вдруг он (Виктор Лягин. — А. Б.) однажды приходит с работы домой и говорит: “Вы знаете, у меня очень большие неприятности”. Я говорю: какие? Он говорит: “Моего связного Гришу Григоренко забирают в Германию. А без него работать не могу, без Гриши. Гриша — это моя правая рука”. Магдочка говорит: “Что ты думаешь делать?”»²²⁸.

Но тут мы обрываем цитату. Несмотря на все наше огромное уважение к памяти Эмилии Иосифовны и Магдалины Ивановны, мы в очередной раз восклицаем: «Не верю!» Да, не верим, и хоть ты тут тресни!

О том, что «Гришу забирают в Германию», рассказать в «своей семье» было можно. Но стал бы профессиональный разведчик с немалым опытом оперативной работы рассказывать, что Гриша — его связной, его «правая рука»? Да и фамилия Григоренко — равно как и другие фамилии сотрудников нелегальной резидентуры — вряд ли когда звучала в этом доме. И вообще, если Эмилия Иосифовна и Магда кого и знали, то только в качестве достаточно обезличенных знакомых «Корнева» — Петя, Саша, Гриша или еще как, без какой-либо информации, кто там «правая рука», а кто — «левая», и кто имеет какое-то отношение к подпольной организации, а кто — нет. А тут такой «военный совет» с двумя дамами, словно бы без них Лягин ни в чем не мог разобраться!

Ладно, продолжаем цитату из воспоминаний Эмилии Дукарт:

«Он говорит: “Я думаю обратиться к Любченко, потому что она партийный человек, и она часто говорила мне, что я, мол, могу вам помочь”. Он знал, что Любченко оставлена Николаевским обкомом партии как подпольный работник»²²⁹.

И опять делаем остановку. Любченко была оставлена не обкомом, а Сталинским райкомом, Лягин это знал, но... откуда могла про то знать Эмилия Дукарт? Ей что, в областном управлении НКВД про это сказали, или Виктор так разоткровенничался, или сама коварная Мария Семеновна расчетливо открыла подруге душу? Разумеется, ни один вариант не проходит — разве что последний, с определенной

натяжкой! Но многим ведь хочется казаться более осведомленными и значительными, чем на самом деле. Особенно когда есть информация, полученная уже задним числом... Последующий рассказ Эмили Иосифовны также вызывает некоторые сомнения:

«Я ему говорю: “Нет, к Любченко не ходи. Пусть Гриша едет, он сможет бежать оттуда”. Магдочка тоже была против того, чтобы Виктор шел к Любченко. Он ответил: “Ладно, не пойду”»²³⁰.

Вот как оно получается — в доме своем они эту Любченко принимали, сами к ней в гости ходили, но верить ей не верили... А на каком основании? И почему тогда не постарались аккуратно и побыстрее с ней раззнакомиться?

Автор документальной книги «Право на бессмертие» Геннадий Лисов предлагает вариант, близкий к вышеизложенному. Не в смысле, что мать и дочь Дукарт всё знали и понимали, а в плане развития событий. Мол, Григорий Гавриленко работал шофером-механиком в городской пожарной полиции, и вот однажды в гараж ворвались эсэсовцы, проводившие облаву. И почему-то Григорий, официально здесь работавший и имевший «железные» документы, поспешил, увидев немецких солдат, незаметно выскользнуть через заднюю дверь. Почему?!

Вот как объясняет произошедшее Геннадий Петрович:

«Сдали нервы у подпольщика? Вполне возможно. Так или иначе, но в момент облавы Гавриленко отсутствовал на рабочем месте, и этому требовалось найти правдоподобное объяснение. Батя, конечно, видел вину своего связного, но вряд ли укорял его. Этим делу не поможешь. Оставалось одно: Гриша должен был исчезнуть из города. Но тогда “майор Кент” лишился бы связи с подпольем, а готовить нового связного не было ни времени, ни возможности. Оставался еще один выход: попытаться заполучить справку о болезни. Она вполне удовлетворила бы начальство пожарной полиции, а Лягин сохранил бы свою единственную в тот момент возможность продолжать руководство подпольем»²³¹.

Ну вот, опять запинаемся и останавливаемся! Уж снова как-то слишком «по-советски» рассуждает автор — это ведь в те блаженные социалистические времена у нас можно было довольно легко «прикрыть» прогул медицинской справкой, полученной, что называется, «постфактум», то есть, говоря по-русски, задним числом. А вот в армии,

например, всегда существовало такое железное правило: если ты заболел, то прежде всего обратись к врачу, получи справку, представь ее командиру — и иди себе преспокойно болеть. Если, конечно, командир это разрешит.

Думается, что и у немцев все было построено именно таким образом: предъявил справку — и болей себе на здоровье. Отнюдь не наоборот! Золотое немецкое правило: «Ordnung muss sein» — должен быть порядок.

Ладно, проследим дальнейшую логику автора:

«К кому обратиться за справкой? Времени на раздумье, повторяю, не было. Справку требовалось предъявить на следующее утро. И Виктор Александрович вспомнил об оставленной для работы в городском подполье враче-фтизиатре местной больницы, немолодой уже женщине Марии Любченко. Он никогда раньше не имел с ней дела, хотя поводы к этому бывали. Старался обходиться другими возможностями. Интуиция разведчика? Очевидно. А почему же сейчас он изменил своей обычной осторожности? Просто не было других вариантов»²³².

Вот то, о чем мы говорили, — не только сама Любченко, которой мы не верим, что называется, «по определению», но и мать, и дочь Дукарт утверждали, что Мария Семеновна и «Корнев» были знакомы достаточно хорошо. А тут четко сказано: «никогда не имел с ней дела». Значит, тут либо кто-то что-то врет, либо кто-то чего-то путает... Однако заканчиваем с эпизодом из книги Геннадия Лисова:

«Любченко охотно согласилась помочь Виктору Александровичу и просила прислать Гришу Гавриленко на следующее утро к семи часам. Тот явился вовремя, но по странной, никому не понятной причине, допустил второй просчет — явился с оружием. Когда он раздевался в кабинете Любченко, из кармана пальто выпал пистолет, громко стукнув о пол. Мгновенно в кабинет ворвались сидевшие в засаде гестаповцы и схватили Гришу. Через час у проходной Южной верфи был арестован инженер Корнев. Это случилось 5 февраля 1943 года»²³³.

И тут напрашивается наивный вопрос: а что, если бы не было этого злополучного пистолета (если таковой вообще был), то гестаповцы так бы и сидели в засаде до самого ухода Григория после получения им справки от врача Любченко? Нелепая какая-то ситуация, на наш взгляд, получилась, намеренно обостренная: гестапо всяко бы арестовало Гавриленко, даже приди он в больницу с демонстративно вывернутыми карманами или же наоборот,

таша на плече трофейный МГ*. Ведь гитлеровцы-то ждали именно его!

Однако если следовать версии автора книги, то получается, что всему виной — череда оплошностей «Бывалого». Но так ли это? Увы, сейчас уже со всей уверенностью не скажешь, тем более что даже документы и свидетельства основательно противоречат друг другу. Например, как мы помним, Любченко утверждала, что справку «о плохом состоянии здоровья» нужно было выдать еще в ноябре. А тут у нас все происходит в начале февраля.

Вновь обращаемся к «Докладной записке» — пожалуй, наиболее реальному документу из всего, что имеется. Хотя и к ней у нас есть некоторые претензии, о которых будет сказано чуть ниже.

«В конце января 1942 года** и начале февраля 1943 года немцы начали прочесывать город в поисках рабочей силы для направления в Германию и на оборонные работы в район Днепропетровска.

Под мобилизацию попал ГАВРИЛЕНКО, работавший в то время шофером-механиком при городской пожарной полиции. Во время облавы ему удалось бежать и скрыться на консквартире. Он принял решение заручиться официальным документом, который дал бы ему возможность освободиться от отправки в Германию.

С этой целью он 2 февраля 1943 года обратился за справкой к врачу-туберкулезнику ЛЮБЧЕНКО Марии Семеновне, выдававшую себя за пострадавшую от немцев участницу патриотического подполья гор. Николаева. Она действительно была арестована в 1942 году гестапо совместно с рядом врачей и представителей интеллигенции города, которые впоследствии были осуждены и расстреляны, а ЛЮБЧЕНКО освобождена.

Любченко пообещала ГАВРИЛЕНКО выдать справку о непригодности к физическому труду и попросила зайти 5 февраля. Придя к ней на квартиру в назначенное время ГАВРИЛЕНКО был схвачен засадой гестаповцев, а вечером того же дня на заводе был арестован ЛЯГИН В. А.»

Как видим, ни облавы в пожарном депо (облава действительно могла быть где-то на улице, но не в полиции!), ни пистолета, как в плохом детективе, с грохотом выпада-

* Немецкий пулемет Второй мировой войны.

** Явная ошибка в тексте — то ли «января 1943», то ли «декабря 1942».

ющего из кармана... Даже про рекомендацию Лягина обратиться к Любченко, «которой он не доверял», тут нет ни слова... Все выглядит гораздо прозаичнее — «прохлопали», что называется. Знали, что есть такая, но никто ею не интересовался, никто ее не проверял — ну и решили при наступившем крайнем случае воспользоваться возможностью. А ведь если бы раньше проявили к Любченко оперативный интерес и проверили ее, то вполне возможно, что всё пошло бы по-другому. Но ведь Лягин-то с ней давно уже общался — вроде бы...

В общем, каким точно путем — нам неизвестно, но Гриша Гавриленко попал в западню. Мария Семеновна Любченко говорила по этому поводу на допросе с какой-то воистину иудиной гордостью:

«На основании представленных мною материалов КОРНЕВ в январе месяце 1943 года был арестован органами “СД”. Что касается молодого человека, которому я должна была выдать справку на предмет освобождения его от работы и поездки в Днепропетровск, мною было предложено КОРНЕВУ направить его ко мне в поликлинику, что и было исполнено, а при появлении в поликлинике он был арестован по моему указанию специально ожидавшими сотрудниками “СД”»²³⁴.

Хотя не будем обижать библейского Иуду, который отнюдь не гордился своим предательством, а потому самостоятельно свел счеты с постылой жизнью. Любченко же своим предательством бравировала... Кстати, интересно: про Днепропетровск она сама придумала? Ведь даже если бы Лягин ей безусловно доверял, то все равно бы не входил ни в какие излишние подробности: мол, надо — и всё тут. Зачем лишняя информация?

Ну да ладно, тут не раскопаешь — кто оправдывается, кто на себя наговаривает, а кто, извините, уходит в «литературшину». Вспомним уже в очередной раз слова генерала Судоплатова про отсутствие «опыта контрразведывательной работы» и поймем, что все роковые ошибки исходят именно отсюда.

Точно так же непросто определить, как именно и когда был арестован Виктор Лягин. Мы уже увидели, по одним утверждениям он был задержан буквально через час, по другим — вечером того же дня... Эмилия Иосифовна Дукарт вообще излагает все совершенно по-своему:

«Вечером приходит домой, а на нем лица нет. Такой страшный, бледный вид у него был. (Речь явно идет о 5 фев-

раля, когда был арестован Григорий Гавриленко. — А. Б.) А еще в этот день у нас все время под окнами ходили и во двор заходили и все рассматривали шпики...

Когда вечером Виктор пришел, он сказал, что был у Любченко. Магдочка расстроилась, была в ужасно убитом настроении.

Он больше ничего не сказал и говорит: “Давайте обедать”. После обеда он сказал: “А теперь идите, сядем и серьезно поговорим, что нам делать”. Мы сели на диванчик. Он и говорит: “Первым долгом, что мы должны сделать, это убрать приемники”. У нас было два приемника: один стоял в его рабочем кабинете, а другой в столовой. Виктор предложил запрятать приемники в соседнюю квартиру немцу в диван. Так мы и сделали.

“Теперь нужно пересмотреть письменный стол”. Он пересмотрел письменный стол и говорит: “Ничего у меня нет, всё в порядке”.

Потом мы сели опять, и он говорит: “У меня есть одна просьба: я прошу найти мою семью — мою дочь, мать и сестру. Магдочка, если ты их найдешь, то можешь и у них пожить в Ленинграде.

И второе. Если со мной что-нибудь случится, добивайтесь, чтобы попасть в Москву, если наши займут <Николаев>. Там в Москве обратитесь к Меркулову — начальнику НКВД. Там вас очень хорошо знают и помогут вам”²³⁵.

И вновь мы запинаемся на всех этих строках, снова появляются «неудобные» вопросы, без которых, однако, не обойтись...

Как мы понимаем, повторим, что речь идет о 5 февраля, иначе с чего Виктору приходиться таким страшным и бледным? И с чего тогда во дворе Дукартов в большом количестве «паслись шпики», как их назвала Эмилия Иосифовна? То есть Гавриленко был уже взят, но Лягин, получается, еще целый день остается на свободе, хотя и под наблюдением, и преспокойно может уничтожить «компромат». Почему же его не арестовали? Некоторые авторы считают, что гестапо предпочитало не ссориться с влиятельным адмиралом фон Бодеккером — но тут они явно недооценивают гестапо: наоборот, это адмиралы предпочитали не ссориться со зловещим IV управлением РСХА...

Как-то уж очень по-детективному выглядит прятание радиоприемников, не имеющее никакого реального смысла. Определенно, что радиоприемники в кабинете и уж особенно в столовой стояли открыто — иначе они бы находи-

лись не там, а были скрыты где-нибудь в кладовке. Корнева часто навещали знакомые немцы, а значит — видели у него аппаратуру. Неужели бы не сказали о том на последующих допросах или просто беседах в гестапо? И то, что приемники исчезли, сразу бы усилило подозрения... Вряд ли также Виктор мог хранить в своем письменном столе хоть какие-то компрометирующие его бумаги.

А почему Лягин велел Магде обращаться в случае нужды именно к Всеволоду Николаевичу Меркулову? Его непосредственным начальником в ту пору был комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Анатольевич Судоплатов, начальник Четвертого управления НКВД (так называемого «Партизанского»); его начальником и другом был комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Михайлович Фитин, возглавлявший Первое управление НКВД СССР — внешнюю разведку; наркомом его, соответственно, был генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия. Меркулов же возглавлял НКГБ в первой половине 1941 года, но в июле Наркомат госбезопасности опять вошел в состав НКВД СССР, и Виктор не мог этого не знать.

Но самое странное из всего вышеизложенного это то, что Лягин якобы побывал у Любченко где-то ближе к вечеру. Тут, честно говорим, нам вообще ничего не понятно! Что Виктору было делать у этой, скажем так, «пожилой докторши»? Тем более зачем он к ней пошел, если он Любченко, как неоднократно повторялось, не доверял, и она уже «сдала» Гавриленко? А почему Эмилия Иосифовна пишет, что, узнав об этом визите, «Магдочка расстроилась, была в ужасно убитом настроении»? Да, знать бы нам, как выглядела эта самая зловещая Мария Семеновна!

При внимательном анализе рассказа Эмилии Дукарт можно прийти к выводу, что либо она все перепутала или вообще придумала, либо же то, о чем шла речь, в действительности происходило 4 февраля, то есть еще до ареста Гавриленко. Значит, случилось такое, о чем мы не имеем ни малейшего представления — может быть, и нечто личного плана... Не исключено, что именно это произошедшее и сыграло какую-то роковую роль в судьбе Виктора Лягина.

А вообще, если так стусутились тучи, что даже во двор заглядывала «наружка»*, то чего же ждал наш герой? Его ведь ничего не держало в городе, своим исчезновением он бы никого не подвел, кроме разве что адмирала фон Бодекке-

* Сотрудники службы наружного наблюдения.

ра, «прохлопавшего» вражеского агента у себя под носом. В той ситуации он должен был не прятать радиоприемники, но незамедлительно исчезнуть! И такая возможность у него определенно была.

Однако на следующий день, по утверждению тещи «Корнева», Виктор утром преспокойно ушел на работу, откуда больше уже не вернулся... Зато вскоре, в 11 часов, к ним на квартиру в доме 5 по улице Черноморской пришел с обыском старший следователь Роллинг — разумеется, в компании вооруженных автоматами крепких парней в черной эсэсовской форме.

Кстати, есть еще и такая версия, что Лягина подвело то самое кожаное пальто полярного летчика Глеба Косухина, которое перед отъездом в Николаев отдала ему сестра Софья. Мол, кто-то как-то откуда-то прознал, что руководитель подполья ходил в кожаном пальто. Чуть ли не какая-то бабка, пытаясь спасти своего внука, попавшего в заложники, заявила про неких людей «в кожах и с пистолями». (Однако весьма сомневаемся, что добропорядочный «инженер Корнев» ходил с парабеллумом за поясом — а иначе как случайная старуха могла разглядеть у него пистолет?) Но так как оказалось, что внука уже не спасти — повесили парня фашисты, то бабка-бедолага в исступлении бросилась на немецкого офицера, чтобы расцарапать ему холерную морду, и ее тогда застрелили, не вникая в сказанное ранее. Однако, как говорится, «осадочек-то остался». Слово «кожух» запало в память все тому же весьма проницательному следователю Роллингу, и он узнал у переводчика, что «кожух» означает либо шубу, либо дубленку, либо кожаное пальто. Тут же была дана команда обратить внимание на всех николаевцев — а в городе, между прочим, местного населения проживало свыше ста тысяч, — обладателей подобной теплой одежды. Любченко также получила данную «ориентировку», что еще более усилило ее небеспочвенные подозрения по отношению к Лягину... В общем, то самое шикарное коричнево-желтое кожаное пальто якобы также сыграло свою роковую роль. Но может, и это — из числа «украшательств» детективного плана.

Так что без всякого сомнения можно утверждать лишь одно: Виктор был арестован; по всей видимости, это случилось 5 февраля. Все-таки, думаем, для него это было совершенно неожиданно. В тот же самый день, разумеется, его квартиру обыскали гестаповцы. Эмилия Дукарт вспоминает:

«К нам в 11 часов пришел Роллинг с переводчиком, сделать обыск в нашем доме. Он говорит: “Где комната герр Виктора?” Я говорю: вот его комната. А в спальне отдыхает жена. В это время Магдочка вылетела из комнаты и говорит: “Кто это к нам пришел?” Роллинг представился и говорит: “Я следователь, ваш муж арестован”. Магда говорит: “На каком основании?” Роллинг ответил: “Ваш муж большой преступник”. Магда говорит: “Это ошибка, мой муж работает инженером на заводе, он честный человек и преступником быть не может”.

Роллинг ответил: “Ваш муж большой подпольщик. Он вас, наверное, обманул”. Магда ответила: “Я знаю одно: мой муж никогда никуда не ходил по вечерам и всегда был дома, а работал он инженером у адмирала Бодеккера на заводе”.

Он у нас ничего не нашел, извинился и ушел.

(Уточним также, что во время этого разговора следователь Роллинг предупредил Магду Дукарт о том, чтобы она сообщала в гестапо обо всех людях, приходящих к Корневу по их адресу. — А. Б.)

Через день приходит военный и говорит: “Вас вызывают в гестапо на свидание с Корневым”.

Мы на следующий день пошли на свидание. Когда мы пришли, Роллинг попросил нас сесть. Мы сели. Он послал за Виктором Александровичем. Когда он появился в дверях, Магдочка вскочила и побежала навстречу ему и крикнула. У Виктора Александровича был весь глаз синий. Магда закричала: “Кто тебя ударил? Что случилось?”

Роллинг сказал: “Фрау Магда, вы не забывайте, где вы находитесь”.

Виктор сказал: “Магдочка, ничего нет страшного. Это я упал”.

Магда сказала: “Нет, этого не может быть, тебя били”»²³⁶.

Однако в знакомом уже нам письме наркому госбезопасности Меркулову, написанном 4 июня 1945 года, сама Магдалина Дукарт излагает события совершенно по-иному:

«Корнев был арестован 5 февраля 1943 г.

Все мои старания и усилия доказать невиновность моего мужа не увенчались успехом.

На 6-й день, после ареста т. Корнева, нам удалось по обоюдным хлопотам получить свидание, при котором т. Корнев мне вкратце рассказал о постыдном предательстве Любченко и жутких побоях, которые были явно видны на его лице.

При любых условиях мне удавалось передавать т. Корневу до последних дней жизни его съестные передачи»²³⁷.

Можно понять, что речь идет об одном и том же свидании (второе было гораздо позже), но уже не совсем ясно, когда именно оно происходило, через два дня после ареста, как утверждает мать, или же на шестой день, как говорит дочь. Не совсем также понятно, как Виктор в присутствии немецкого следователя и еще нескольких человек сумел рассказать «о постыдном предательстве Любченко» — такой рассказ гестаповец оборвал бы сразу, однако как-то это получилось...

Ну и еще один загадочный момент — опять-таки из воспоминаний Эмилии Иосифовны:

«К нам однажды (достаточно скоро после ареста Лягина. — А. Б.) пришла Любченко. Она говорит: “Мне с вами хотелось бы поговорить”. Магда услышала и спрашивает: “Мама, кто здесь есть?” Я сказала. Тогда Магдочка подошла и сказала: “Нам с вами не о чем разговаривать”, — и перед самой Любченко хлопнула дверь. Та ушла»²³⁸.

О чем же Мария Семеновна хотела разговаривать? Предательница, агент гестапо, которая «сдала» и Гавриленко, и Лягина, — не оправдываться же она пришла, мол, я этого не хотела, ничего личного, так случайно получилось, и вообще, «в этой проклятой гестапе меня не так поняли!» Значит, были какие-то иные темы, что-то совсем другое, о чем она хотела поговорить. Знать бы о чем!

Сама Мария Семеновна на допросе в НКВД так подвела итог своим отношениям и контактам с Виктором Лягиным:

«Последняя встреча с КОРНЕВЫМ у меня состоялась в январе месяце 1943 года в здании “СД”, куда я была вызвана для изобличения его на очной ставке по всем известным мне в отношении его вышеизложенным материалам. Должна заявить следствию, что КОРНЕВ на очной ставке со мной ни в чем не признал себя виновным, а на мое предложение рассказать все так, как было, с презрением посмотрел мне в глаза и отказался разговаривать. О дальнейшей судьбе КОРНЕВА мне ничего не известно»²³⁹.

Опять-таки, знать бы, что означает это «рассказать, как было!» Но...

Закрывая эту тему — все равно нам в ней не разобраться, — мы констатируем, что были, значит, все-таки какие-то личные моменты, связывавшие Марию Любченко как с семьей Дукарт, так и непосредственно с Виктором Лягиным, но мы о том вряд ли уже узнаем. (К сожалению, ее

следственное дело ныне покоится в недостижимом для нас зарубежном — украинском — архиве, да и что в этом деле есть реально — большой вопрос.)

Ну что ж, тогда обратимся к трагической судьбе Григория Гавриленко, с которой — и опять-таки, к сожалению! — тоже понятно далеко не всё. Но для начала вспомним чело­веконенавистнический приказ начальника штаба ОКХ, подписанный фельдмаршалом Кейтелем: «Следует учи­тывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью»²⁴⁰.

Можно сказать, что несчастный Гавриленко попал под этот приказ.

Свидетельства людей, видевших его в тюрьме, приведе­ны в книге Геннадия Лисова:

«Когда я увидела Гришу в следующий раз, ужаснулась: это уже был не человек. Лицо зеленое, фиолетовое, желтое. Вся грудь черная. А вместо рук торчат бесформенные ко­сти. Они ему все суставы размозжили. Мясо на ногах спек­шееся — электроплиткой палили», — рассказывала учитель­ница Зинаида Кузьминична Дзюрилова, хозяйка конспира­тивной квартиры.

«Они Гришу фактически убили на третий день пыток, — вспоминала Галина Келем. — В камеру приволакивали без­дыханный труп и швыряли его на цементный пол. Мороз доходил до двадцати градусов, и от холода эта бесформен­ная масса начинала оживать, корчиться, как горящая бу­мага. Кровавая щель на месте рта растворялась и слышался хрип»²⁴¹.

Есть еще показания квартирной хозяйки Гавриленко Елены Васильевны Листровой: «У Григория была снята кожа с рук, на спине и груди были вырезаны звезды. Глаз выбит. Лицо распухло. Он не мог стоять...»

Согласитесь, подобного кошмара не придумать — по крайней мере нормальному человеку, а не какому-нибудь автору лихих современных триллеров. Но здесь у нас, по­вторяем, задокументированные рассказы очевидцев, людей совершенно адекватных и вряд ли склонных к творческим фантазиям.

Однако еще страшнее оказалась «посмертная судьба» Григория Гавриленко. Обратимся все к той же «Докладной записке» — к тому ее фрагменту, что, как мы говорили, вы­зывает у нас сомнение. Вот к какому выводу пришел следо­ватель НКГБ в 1944 году:

«Будучи арестованным, Гавриленко не выдержал примененных к нему пыток, рассказал о деятельности резидентуры и выдал остальных товарищей. В результате 11 февраля 1943 года были арестованы Плохова Е., Молчанов Б., Пономаренко В. (радисты), 13 февраля Соколов, Улезько, Коваленко и Соломин, а 13 мая 1943 года Дзюрилова (содержательница явочной квартиры). Из состава резидентуры <не> были арестованы Николаев А., который скрывался в это время в Херсоне, Луценко, который был направлен через линию фронта в 1942 году для установления связи с Центром, и Свицерский, направленный Лягиным В. А. в помощь подпольной организации в совхоз Шевченко. Активный участник резидентуры Сидорчук А. П. погиб при выполнении задания по взрыву в торговом порту в ноябре 1942 года».

На какие документы опирался в данном случае следователь, мы не знаем. Вполне возможно, вывод был сделан скоропалительно и без достаточных на то оснований, так как требовалось поскорее «найти виновного» — а тут как раз человек, взятый первым и при достаточно туманных обстоятельствах. Отсюда и следовал более или менее логичный вывод, что раз он оказался первым, то, значит, всех остальных выдавал он.

В «Докладной записке» описан даже следующий эпизод:

«Не добившись показаний от ЛЯГИНА В. А., гестаповцы устроили ему очную ставку с Гавриленко, который указал на ЛЯГИНА В. А. как на руководителя всего Николаевского подполья. ЛЯГИН В. А. в присутствии следователей гестапо ударил ГАВРИЛЕНКО, назвав его провокатором, но не сознался».

Впечатляет? Еще как! Психологический поединок: мужественный герой и жалкий, растерявшийся предатель.

Но тут возникает вопрос: откуда следователь НКГБ получил эту информацию? Протоколов очной ставки нет, ее участники — скажем, заглядывая вперед, — расстреляны вместе. Кому-то рассказал Лягин? Возможно. Но — кому, кто смог бы вынести эту информацию за пределы тюрьмы?

В общем, версия начинает разваливаться, а если еще раз перечитать вышеприведенные описания того, во что гитлеровские садисты превратили Гришу Гавриленко, так она и вообще рассыплется в прах. Ибо если человек встал на путь предательства, то так изуверски его никто избивать не будет — ну, могут всыпать десяток-другой «горяченьких»,

чтобы «освежить память», если он вдруг почувствует угрызания совести и начнет запыраться. А так — зачем портить информатору настроение и тратить собственные силы? Нелогично!

Да, не исключено, что фашисты изувечили Григория настолько, что он мог потерять над собой контроль и, уже ничего не соображая, что-то говорить в бреду — ведь человеческие силы и возможности не бесконечны, в отличие от изошренной фантазии палачей. Кстати, этот вариант не отрицается и специалистами... Но даже если все было именно так, то разве смог бы Виктор ударить ту «бесформенную массу», в которую превратили его боевого товарища гитлеровцы, по распухшему «зеленому, фиолетовому, желтому» лицу?! Конечно же нет! Лягин ведь был благородным человеком. Более того, доподлинно известно, что он сумел передать на волю информацию: «Гавриленко — не предатель! Предатель — Любченко!»

Ну и последнее. Как известно, ценой предательства люди покупали себе жизнь. В данном вопросе немцы не обманывали, таковы были «правила игры» — иначе следующих предателей стало бы найти гораздо сложнее. Гавриленко, как мы только что сказали, был расстрелян вместе с Лягиным. Вывод отсюда может быть только один — именно тот самый, который сделал Виктор Александрович: «Гавриленко — не предатель!».

Известно, что в конце концов справедливость восторжествовала, и Григорий Тарасович Гавриленко был реабилитирован:

«Спустя 15 лет тщательное расследование показало, как героически вел себя Григорий Тарасович Гавриленко. Он был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «Партизану Отечественной войны»»²⁴².

К сожалению, подтверждающих это документов у нас нет, однако имеются многочисленные ссылки на факт реабилитации.

С самим «Корневым», несмотря на ранее занимаемое им высокое положение и обширные связи, в гестапо также особо церемониться не стали.

«Добиваясь показания от Лягина В. А., палачи из гестапо систематически подвергали его пыткам и издевательствам. Подпольщик Пульканов И. Г., сидевший в одной камере с Лягиным В. А., показал, что Лягин В. А. возвращался в камеру с допросов весь окровавленный, еле держась на ногах, но все же не терял духа. Его жестоко избивали нагайками,

запускали иголки под ногти рук, ставили на горячую плиту, выкручивали цепями руки, кололи шилом в бедра, вырывали щипцами волосы на голове. Тело от шеи до пяток было покрыто коркой запекшейся крови, кожа полопалась, повреждено сухожилие левой ноги».

Описание жуткое! Однако можно понять, что с Гавриленко поступали еще страшнее, вследствие чего, наверное, и удалось вырвать у него какие-то бредовые признания, и потому Виктор сказал однозначно, что «Гавриленко — не предатель!». Повторяем это снова и снова, чтобы запомнилось.

А сам Лягин ни в чем не признавался и ничего не признавал. Гитлеровцы пытались узнать у него хотя бы самую малость: является ли он тем «Кентом» или «КЭНом», резидентом, который подписывал радиограммы, — но Виктор не доставил им и такого удовольствия, не сказав ни «да», ни «нет».

А ведь мучения были нечеловеческие... В «Докладной записке» указано:

«Чувствуя, что палачи до конца не оставят его в покое, Лягин В. А. в марте 1943 года решил кончить жизнь самоубийством. Он ночью перерезал себе вену на левой руке кусочком безопасной бритвы, бывшим у него в козырьке фуражки. Рано утром надзиратель увидел на полу камеры лужу крови, поднял тревогу. В бессознательном состоянии Лягина В. А. вынесли из камеры и перевели в тюремную больницу, где к его кровати поставили двух часовых. Через 8 дней он еще больной вернулся обратно в камеру. Вторичная попытка Лягина В. А. кончить жизнь самоубийством не удалась, так как в результате повторного обыска все острые и режущие предметы были из камеры изъяты».

Не знаем, для чего, но опять-таки некоторые авторы предлагают совершенно иную, более эффектную версию неудачной попытки самоубийства. Мол, дело происходило в бараке, Лягин располагался на верхнем ярусе койки, так что, когда он перерезал себе вены, струя крови облила лицо спящего внизу уголовника, который перепугался спросонья, решив, что его не то режут, не то топят, и поднял крик...

По нашему мнению, драматизма в подлинных событиях хватает и без надуманных версий или какого-то «оживляжа».

О том, как к Виктору попала бритва, мы не знаем. Магдалина Дукарт в своих показаниях, данных ею на допросе 26 марта 1946 года, рассказывала:

«19 марта 1943 года, в очередную годовщину дня моего рождения, РОЛИНГ по просьбе КОРНЕВА, как и в первый раз, устроил мне вторично свидание с КОРНЕВЫМ также в присутствии РОЛИНГА и другого переводчика, фамилии которого я не знаю. На этом свидании также присутствовала моя мать... Во время данного свидания КОРНЕВ просил меня, чтобы я принесла термос с кофе и вложила в него лезвие от бритвы, но я этого не сделала из-за боязни. В этот раз КОРНЕВ предупредил меня, чтобы я не опасалась за его жизнь, и он выразил уверенность в том, что я с ним смогу еще увидеться. Одновременно он просил меня, чтобы я передала привет его матери.

Больше я КОРНЕВА не видела, и на свиданиях, кроме указанных выше двух, с ним не бывала».

В общем, бритву Виктору передал кто-то другой...

А в их квартиру по улице Черноморской заглядывали — это известно по последующим показаниям Магды Дукарт — какие-то неизвестные женщины, спрашивавшие Корнева; 14 февраля там появился «участник организации некто Саша», который об аресте Виктора Александровича не знал.

Ровно через два месяца после первого раза тот же самый Саша появился на квартире Дукартов вновь, и вот что Магда рассказала об этом визите и его последствиях следователю НКГБ:

«14 апреля 1943 года к нам на квартиру снова пришел участник подпольной организации КОРНЕВА указанный выше САША и в подвале нашего дома взял оружие КОРНЕВА, которое там хранилось. В этот раз САША сообщил моей матери о том, что он нелегально был на свидании с КОРНЕВЫМ. После его ухода я вместе с матерью в тот же день отправилась к следователю “СД” РОЛИНГУ, но не застав его, обратилась к сотруднику “СД” — ЦИММЕР, который после ареста КОРНЕВА посещал нашу квартиру. Я сообщила ему, что к нам на квартиру приходил какой-то водопроводчик, имея в виду САШУ, но не указала о том, что это был именно указанный выше САША. ЦИММЕР попросил нас рассказать о его приметах, на что я ответила, что он был в рабочем костюме, других примет я не заметила.

Тогда ЦИММЕР тут же показал нам фотокарточку САШИ, на которой был сфотографирован вместе с ним и неизвестный для нас товарищ и спросил у нас, показывая на САШУ, — может быть этот был у вас? на что мы дали отрицательный ответ, заявив, что это<т> на него не по-

хож. И насколько мне помнится, мы просили ЦИММЕРА об этом сообщить следователю “СД” РОЛЛИНГУ.

Данное наше обращение к ЦИММЕРУ было вызвано тем, что САША в этот раз пришел к нам на квартиру днем, а не вечером, как это было 14 февраля 1943 года. Тогда мы о нем в “СД” ничего не сообщили, а в этот раз его видели соседи, и об этом приходе могли сообщить в “СД”, между тем, были ли они связаны с “СД”, мне об этом ничего неизвестно».

Очевидно, Саша — это «Наумов» он же «Саша Черный» — лейтенант госбезопасности Александр Николаев, отвечавший у «Маршрутников» за связь с «Николаевским центром». В «Докладной записке» о его судьбе сказано:

«Большую работу проделал лейтенант госбезопасности НИКОЛАЕВ А., поддерживая по заданию ЛЯГИНА В. А. связь с “Николаевским центром”, патриотическими организациями гор. Херсона, проводя работу по распространению советских листовок и прокламаций. После ареста ЛЯГИНА В. А. и остальных участников резидентуры, принимал деятельное участие в организации им побега. Погиб во время облавы 17 мая 1943 года при побеге от гестаповцев».

Вот ведь как бывает! Старался спасти товарищей от неминуемой казни — однако сам погиб раньше, чем они...

К слову сказать, Николаевский центр проводил очень серьезную работу по — как это официально называется — «выпуску печатной продукции». Известно, что со времени начала оккупации и по апрель 1943 года подпольщиками было отпечатано и распространено до 16 тысяч экземпляров листовок и прокламаций. Таким образом слова правды из Москвы доходили до жителей оккупированного Николаева, рождая в их сердцах надежду, смущали гитлеровцев и их российских прихвостней. Придя в Николаев, новые власти старались убедить горожан, что они пришли навсегда — однако бойцы Николаевского центра всеми доступными им способами доказывали обратное...

Тем временем жизнь арестованных шла своим чередом. Все в той же «Докладной записке», составленной по горячим следам произошедшего, о ней говорится так:

«Еще 17 февраля 1943 года были расстреляны гестаповцами, как заболевшие тифом, радисты резидентуры Молчанов Б. и Пономаренко В. Остальные по окончании следствия 1 марта 1943 года были переведены в тюрьму, где их выводили под охраной на земляные работы на берег р. Ингул.

Оставшиеся на свободе Николаев, при помощи членов “Николаевского центра” Бондаренко В., Воробьева Б.

и жен арестованных товарищей — Г. Келем*, Николаиди, Свиридовой Е., готовили организацию побега с работы Лягину В. А. и его товарищам. Побег был дважды подготовлен, но в связи с тем, что все арестованные участники резидентуры одновременно бежать не могли, в частности Улезько, который был болен, Лягин В. А. от побега отказался, заявив, что не хочет подвергаться новым репрессиям остающихся товарищей и что бежать необходимо всем вместе».

Вариант относительно неудавшегося побега подтверждает и генерал Судоплатов: «Виктор Лягин, заброшенный в тыл врага, был схвачен немцами и расстрелян: никого не выдав, он отказался бежать, так как ему пришлось бы бросить своего раненого радиста»²⁴³.

В той же «Докладной записке» рассказывается и о второй попытке побега:

«Во время работ на берегу Ингула ЛЯГИН В. А. имел возможность общаться с внешним миром через жен арестованных товарищей НИКОЛАИДИ, СВИРИДОВУ и КЕЛЕМ, которые приносили им пищу, а однажды СВИРИДОВА даже передала два нагана. НИКОЛАИДИ, посещая арестованных, делала неоднократно перевязку руки ЛЯГИНА В. А. и устроила ему свидание с НИКОЛАЕВЫМ, который явился в форме полицейского и договорился о дне побега на 17 апреля 1943 года.

К назначенному времени все было подготовлено — явочные квартиры, одежда и машины для того, чтобы выехать из города. Побег должны были совершить после обеда. Однако перед обедом сбежал работавший вместе с ними уголовник, гестапо немедленно возвратило всех в тюрьму и больше на работу из группы ЛЯГИНА никого не выпускали, а 19 мая все были снова переведены в гестапо».

В общем, уголовники существенно отравляют нашу жизнь.

* * *

Наверное, все-таки отработывался и третий вариант. На нем мы остановимся немного подробнее...

Нам уже немножко знакомо имя летчика лейтенанта Михаила Антоновича Комкова, которое значится в «Списке руководителей подпольных групп Николаевского Центра», хранящемся в областном музее. Осенью его самолет был

* Как мы помним, муж Галины Келем Александр Сидорчук погиб в ноябре 1942 года.

сбит в воздушном бою, и пилот при приземлении с парашютом повредил ногу, после чего был помещен в Николаевский военно-морской госпиталь — немецкие военные порой оказывали должное уважение своим храбрым противникам, почему Михаил и оказался на госпитальной койке, а не на лагерных нарах. В госпитале Комков познакомился с политруком Кузьмой Яковлевичем Понкратьевым, который, находясь там на излечении, сумел создать подпольную группу. Можно понять, что группа эта представляла собой реальную силу, имевшую определенные возможности: 12 января Комков получил от Понкратьева подложные документы, по которым сумел беспрепятственно покинуть госпиталь.

В справке, что была 27 июля 1967 года направлена из Николаевского областного управления КГБ при СМ УССР первому секретарю обкома партии, рассказывалось о дальнейшей подпольной деятельности отважного летчика:

«Оказавшись на свободе, он стал создавать в гор. Николаеве организованное патриотическое подполье для борьбы с оккупантами.

24 января 1942 года через НИКУЛОЧКИНУ Н. С., КУБРАК А. К. и других патриотов, работавших в госпитале, КОМКОВ организовал побег из госпиталя командиру авиаэскадрильи КРУГЛИКОВУ А. Г., старшему политруку ХРАМЧЕНКО Н. Г., а в ночь на 7 февраля 1942 года капитану НОВОСЕЛЬЦЕВУ и старшему лейтенанту БЫКОВУ, сбитым в сентябре 1941 года под гор. Каховкой.

В этом же месяце КОМКОВ организовал побег из лагеря военнопленным лейтенантам авиации — УКРАИНЦЕВУ Виктору, ИЛЬИНУ Леониду, майору МИХАЙЛОВУ Константину, СОРОКИНУ Якову и многим другим военнопленным. Большинство из них затем ушли через линию фронта.

Собрав группу патриотов во главе с КУБРАКОМ Александром, КОМКОВ поручил ей распространять среди населения сводки Сов. информбюро, приобретать оружие и взрывчатку».

А еще Михаил Комков создал несколько подпольных групп — женскую, комсомольскую в поселке Соляные, группы на ремонтно-тракторном заводе и заводе 61-го коммунара.

В начале июня 1942 года он познакомился с уже известным нам Анатолием Палагнюком, он же лейтенант госбезопасности Владимир Андреев, и стал действовать под его руководством...

Доподлинно известно, что в конце 1942 года гестапо напало на след подпольщиков — в том числе из-за предательства провокатора Круглова. Видя, как ухудшается обстановка, лейтенант Комков вывел из-под удара нескольких своих товарищей, переправив их в Херсон, а сам остался в Николаеве. В ночь на 5 декабря, в преддверии Дня Конституции, гитлеровцы попытались арестовать Михаила, устроив засаду на конспиративной квартире, где он должен был встретиться с руководительницей женской подпольной организации Анной Симанович, но получили достойный отпор: лейтенант застрелил одного гестаповца и ранил двоих (есть вариант, что наоборот — двоих убил и одного ранил; что интересно, в каждом варианте указываются конкретные имена личностей, им ликвидированных), как говорится, «ознаменовав праздник новыми боевыми успехами». Разумеется, задерживаться, чтобы принять поздравления с «днем торжества советской демократии», он не стал и вообще предпочел сменить место жительства.

В «Справке о подпольной организации “Николаевский центр”», хранящейся в Николаевском областном музее (к сожалению, на ней, как и на ряде других документов, в свое время поступивших в музей из «компетентных органов», нет ни даты, ни каких-либо уточняющих данных, кроме подписи-закорючки, без расшифровки принадлежности), написано:

«Оставшийся на свободе член руководящего центра Комков Михаил переехал в Херсон, где организовал печатание листовок, продолжавших выходить за подписью “Центра”, и наладил доставку их в Николаев для распространения».

В мае лейтенант Комков принял решение отправить в Николаев группу бойцов для того, чтобы они, во-первых, организовали переправку к партизанам уцелевших подпольщиков, а во вторых, — и это было самым главным — обеспечили побег из тюрьмы Виктора Лягина и его товарищей. То есть можно понять, что план был очень серьезный, и это не сами подпольщики, измученные долгим уже заключением и не раз избитые немецкими палачами, должны будут, пользуясь двумя своим револьверами, уничтожить охрану и бежать, но их освободит группа хорошо вооруженных боевиков*.

* До недавнего времени слово это имело вполне положительное значение.

Можно было надеяться, что человек с подобным подпольно-боевым опытом, не раз освобождавший военнопленных из гитлеровского лагеря, сумеет выполнить принятую на себя задачу, однако и ему ничего не удалось сделать... Не будем забывать, что все спецслужбы гитлеровцев — а в оккупированном городе это были не только гестапо и абвер, но еще и тайная полевая полиция (ГФП), по своим функциям осуществлявшая карательные функции в прифронтовой полосе, и даже румынская контрразведка, — трудились в это время с полным напряжением сил. Врагу удалось получить информацию об этих планах, в чем поспособствовали немцам некие сестры-предательницы Людмила и Тамара Кравченко, о которых нам, кроме их имен и того, что в послевоенное время они были объявлены в розыск, ничего не известно... Зато известен результат предательства. В той же вышеупомянутой справке сказано:

«Группа участников, обсуждавшая на своем совещании вопросы отправки людей в лес, была обнаружена гестаповцами. В завязавшейся борьбе были убиты: один из активнейших подпольщиков группы Корнева Наумов Николай Александрович, Плечев (в том же тексте написано также «Плечов». — А. Б.) Григорий и Слушаев Александр». «Наумов» — это оперативный псевдоним Александра Николаева, он же — «Саша Черный». (Александр Николаева посмертно был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.)

Из этой информации можно понять, что данная «Справка» готовилась если не в конце войны, то сразу же по окончании оной, когда ничего еще не было открыто и хоть сколько-то рассекречено.

Вот так, из-за предательства, рухнул еще один план спасения «инженера Корнева» и его сподвижников. Неудивительно, что 19 мая — через день после той облавы — все заключенные были переведены из тюрьмы обратно в гестапо.

Михаил Комков вскоре также разделит судьбу Виктора Лягина.

«После этого (провала в Николаеве. — А. Б.) Комков с группой товарищей из Херсонской подпольной организации ушли в Знаменские леса, Кировоградской области, но в пути все они были пойманы. Комков был доставлен в Николаев, а остальные расстреляны на месте», — указывалось в «Справке о подпольной организации “Николаевский центр”».

То, что подпольщики напоролись на немецкую засаду в районе села Александровка, также было результатом предательства.

Михаил Комков ненадолго пережил своих товарищей, убитых на месте, — его вскоре расстреляли в николаевском гестапо. Перед этим его пытали, но никакой информации гитлеровцы получить не смогли.

* * *

Известно также, что и Лягина в гестапо вновь подвергли пыткам, но он упорно продолжал молчать...

По счастью, гестаповцы так и не узнали, кто именно скрывался под псевдонимом «инженер Корнев», ибо Виктор Лягин являлся просто кладезем ценнейшей информации — не столько по отдельной нелегальной резидентуре, уже в общем-то разгромленной, сколько в отношении гораздо более широкого круга вопросов, касающихся деятельности всей советской внешней разведки. Узнай гитлеровцы об этом, они бы мучили Виктора не меньше, нежели Григория Гавриленко... Или, напротив, сделали бы все возможное, чтобы его перевербовать и в целостности и сохранности возвратить на Лубянку — как «чудом сумевшего вырваться из лап гестапо». Разные могли быть варианты.

Но Виктор молчал — и это был его самый последний бой, который он все-таки сумел выиграть.

Разведчиков называют «людьми молчаливого подвига». Имеется в виду, что их подвиги и успехи в подавляющем своем большинстве остаются неизвестны, скрыты грифом секретности. Но в данном случае подвиг Виктора Лягина состоял именно в его молчании. Его спрашивали, как говорится, по-хорошему, его били, его пытали — но он упорно продолжал молчать. Молчал, при этом прекрасно зная, что достаточно сказать всего-то одну фразу: «Сообщите в Берлин, что я — Виктор Лягин, шеф научно-технической разведки НКВД», — и тут же незамедлительно прекратятся все мучения, а сам он в международном купе скорого поезда (в том самом, с бархатными полками, застланными накрахмаленным бельем, и свежесваренным чаем в хрустальных стаканах, в каком он ехал из Владивостока) отправится в столицу рейха, навстречу «новой жизни».

Не будем забывать, что это было начало 1943 года. Да, 6-я немецкая армия капитулировала в Сталинграде — но это была только одна армия из всей неисчислимой германской армады, и впереди была летняя кампания 1943 года, к которой гитлеровская армия усиленно готовилась. И вообще, летние кампании традиционно — так произошло и в

1941-м, и в 1942-м — заканчивались убедительной победой вермахта. Так что на рейх вполне можно было ставить, ибо тогда еще было совершенно непонятно, кто же все-таки победит в этой войне, которая неизвестно сколько продлится.

И ведь никто бы ничего не узнал! В Москву бы пришло сообщение о гибели героя-подпольщика — мол, Лягин расстрелян и закопан в общей яме вместе с сотней-другой казненных местных жителей. Всё! Концы в воду, не опровергнуть...

Но Виктор молчал, упорно оставаясь «инженером Корневым», по какой-то совершенно нелепой ошибке арестованным гестапо, — и это в полном смысле слова был его «молчаливый подвиг».

Павел Анатольевич Судоплатов подводит такой итог:

«Наш противник в течение всей войны и ее кануна, не смотря на захват наших агентов и даже руководящего <сотрудника> Центрального аппарата разведки Виктора Лягина в Николаеве, не имел никаких источников внутри Центрального аппарата советских органов безопасности»²⁴⁴.

Гитлеровцы скрупулезно подвели итог деятельности «Маршрутников»: нанесенный убыток (Ингульский аэродром, склад в парке Петровского, потопление плавучего крана, склад с обмундированием и пр.) был оценен не то в 45, не то даже в 50 миллионов марок. (Такой счет — по различным источникам — выставили в гестапо экономные «фрицы» «инженеру Корневу».) Впрочем, вместо этих абстрактных цифр можно было выразить и конкретную, вполне понятную для всех претензию: из-за действий подпольщиков гитлеровцам не удалось наладить работу по судоремонту на Черном море, а уж тем более — какое-то судостроение. Мощнейшие предприятия города Николаева просто-напросто простаивали, несмотря на все капитальные вложения и проводимую там работу, — то есть на выходе, реально, ничего не было. Однако думается, что подсчитывать ущерб, нанесенный германской казне из-за провала программы по судостроению и судоремонту, специалисты «на месте», то есть в Николаеве, не стали — это грозило бы немалыми неприятностями для многих, особенно в местных подразделениях спецслужб, а потому ограничились подсчетами стоимости сожженного обмундирования и взорванных самолетов...

Хотя один весьма серьезный специалист нам уточнил, что спецотряды НКВД, действовавшие за линией фронта — такие как «Победители» Дмитрия Николаевича Медведева

или «Местные» Станислава Алексеевича Ваупшасова, — нанесли оккупантам гораздо более серьезный урон, нежели любая из нелегальных резидентур. Очевидно, что это так. Но вдумаясь: те же «Маршрутники» работали бок о бок с представителями оккупационной администрации, пользовались их доверием — точно так же, как сотни и тысячи искренних коллаборационистов или людей, по тем или иным причинам вынужденных добросовестно служить гитлеровцам.

Но после каждой диверсии у захватчиков нарастала подозрительность, возникало чувство, что почва уходит у них из-под ног, и неизбежно падало доверие ко всем их окружавшим людям. Партизаны, действовавшие на железнодорожных магистралях, в лесных массивах или на проселках, — это неизбежная реальность пребывания на оккупированной территории, к этим встречам захватчики в общем-то морально готовы, они их подсознательно ждут. Однако когда посреди города, про который говорится, что немецкие солдаты чувствуют себя здесь как на курорте, когда этот город «вычищен», запуган и пребывает под круглосуточным надзором, внезапно сгорает тщательнейшим образом охраняемый склад — от этого становится страшно. И угадай теперь, где и что загорится в следующий раз, в кого полетят из-за угла пули или гранаты — никто и ничто не были застрахованы... А ведь любой человек нуждается в отдыхе, жить 24 часа в постоянном напряжении невозможно — но именно так заставляли существовать гитлеровцев (жизнью это уже и не назовешь!) сотрудники нелегальных резидентур.

Впрочем, им самим приходилось жить точно так же, потому как рядом постоянно был враг, потому что они сами существовали под чужими личинами, в чужих шкурах. Успешно выполнив очередное задание, они, в отличие от партизан, не могли посидеть у костра в кругу товарищей, которым можно доверять на все сто процентов, выпить с ними водки, вспомнить о тех, кто ждет тебя дома, позлословить насчет дураков-«фрицев», дружным хором спеть про то, что «Красная армия всех сильнее...» или в одиночку, протяжно и жалостливо, что «...нельзя рябине к дубу перебраться» — в общем, расслабиться самым простым, человеческим образом.

У подпольщиков, для того чтобы расслабиться, условий не было.

Подвиги нельзя сравнивать — их можно только оценивать, причем в совершенно индивидуальном порядке...

* * *

Вот, наверное, и всё. Известно, что когда Виктору Лягину было объявлено, что он будет расстрелян, он попросил его не расстреливать, а повесить — как вешали гитлеровцы большинство арестованных ими подпольщиков. Традиционным местом казни в Николаеве была, насколько мы помним, Базарная площадь. В просьбе этой ему отказали: немцы боялись, что оставшиеся на свободе подпольщики попытаются отбить своего руководителя или же вообще в городе могут начаться волнения... От той самоуверенности, что отличала их осенью 1941 года, теперь уже не оставалось и следа.

...Однако какие сюрпризы преподносит порой история, какие параллели проводит, какие случаются совпадения!

Мы помним, что последним ленинградским адресом Виктора Лягина был дом 7 по улице, носившей имя полковника Павла Ивановича Пестеля, руководителя тайного Южного общества, героя Отечественной войны 1812 года.

Когда 13 июля 1826 года пятерых декабристов, приговоренных к казни через повешение, вывели на кронверк Петропавловской крепости, Пестель сказал: «Ужели мы не заслужили лучшей смерти? Кажется, мы никогда не отворачивали чела своего ни от пуля, ни от ядер. Можно было нас и расстрелять».

Повешение считалось позорной смертью — военных полагалось расстреливать.

Но вот как-то так у них все пересеклось и перевернулось...

* * *

Не будем гадать, как происходил расстрел, говорил ли Виктор Лягин что-нибудь перед смертью. «Реконструировать события» — не наша задача. Мы знаем только одно — он умер честно, и более нам ничего не известно.

Если же обратиться к документам, то из них можно узнать нижеследующее.

В «Справке о подпольной организации “Николаевский центр”» сказано так:

«Всего было арестовано в разное время 97 человек участников “Николаевского центра”, из них 46 человек были расстреляны или повешены, в том числе: Корнев В. А., Зашук П. Я., Воробьев Ф. А., Комков П. Ф. (явная опечатка. — А. Б.) и другие. 29 подпольщиков были вывезены в концентрационные лагеря в Германию».

Эту информацию пополняет «Докладная записка»:

«29 мая 1943 года гестаповцами был расстрелян СОКОЛОВ А. Участники резидентуры УЛЕЗЬКО, ПОЛОХОВА, КОВАЛЕНКО и СОЛОМИН были направлены в Грейговский концлагерь... ПОЛОХОВА осуждена к году каторжных работ, ДЗЮРИЛОВА к 6 месяцам, остальные на разные сроки. 27 сентября 1943 года КОВАЛЕНКО, УЛЕЗЬКО и СОЛОМИН этапом из лагеря были отправлены в Веймарский концлагерь (Германия). ДЗЮРИЛОВОЙ удалось из лагеря во время работы в поле бежать, и она до прихода Красной Армии скрывалась в городе. ПОЛОХОВА находилась в последнее время в тюремной больнице на излечении и была освобождена с приходом Красной Армии».

Справка «Подпольно-партизанское движение в Николаевской области» расширяет эту информацию еще более:

«17 июля 1943 года расстреляны Корнев Виктор Александрович и Гавриленко Георгий Тарасович.

Большое число подпольщиков были вывезены в концентрационные лагеря Германии.

После расстрела Корнева и ареста активной части “Николаевского центра” подпольное движение в городе почти заглохло. Диверсионная работа с врагом ослабла. Оставшиеся на свободе члены п/п организации “Центр” проявляли слабую активность, а часть из них совсем отошла от борьбы с немецкими оккупантами, спряталась и заняла выжидательную позицию».

...Ну что, неужели мы так и закончим наш рассказ на этой минорной ноте?

По счастью, нет! Ведь в той же самой справке о «Подпольно-партизанском движении» далее говорится так:

«В июле месяце 1943 г. прибывшие в Николаев десантники Украинского штаба партизанского движения Кирильченко Ф. М. и Тристан В. Н. (бывший военнотружаший, попавший в окружение) развернули работу по созданию п/п групп из бывших участников подпольного центра...»

А значит, дело Виктора Лягина и его боевых товарищей было продолжено.

Но это уже совсем другая история...

Post scriptum

«В НАШИХ ЖИЛАХ — КРОВЬ, А НЕ ВОДИЦА»

Остается подвести некоторые итоги и рассказать о том, что происходило уже после гибели нашего героя.

Вновь обратимся к хорошо знакомому нам постановлению бюро Николаевского обкома КП(б) Украины о деятельности подпольной патриотической организации «Николаевский центр», утвержденному, как мы теперь знаем, 17 апреля 1946 года. Внимательно прочитав это сообщение, невольно задаешь себе наивно-крамольный вопрос, в стиле горьковского «А был ли мальчик?»: «А был ли “Центр”»? Нет, не совсем так! «Центр»-то, безусловно, был, в него, как известно, входило порядка двадцати пяти подпольных групп, — но что конкретно сумели сделать подпольщики, оставленные в оккупированном городе по заданию партийных органов или взявшиеся за это дело самостоятельно, по зову сердца и в связи со сложившимися обстоятельствами?

В постановлении об этом написано так: «По далеко не полным данным, подпольная организация “Николаевский центр” проделала следующую работу...», и далее идет перечень из десяти пунктов. Среди них, в частности, названы: дважды — уничтожение склада в парке имени Петровского, поджог склада с обмундированием, диверсии на Ингульском аэродроме и аэродроме в селе Широкая Балка, взрыв котла на румынском пароходе и неудачная операция по уничтожению склада горючего и снарядов на территории порта. Итого мы перечислили семь пунктов, а если по номерам — то со 2-го по 8-й. Цитировать мы их не будем, так как читателю все уже известно в подробностях, потому как эти операции были проведены нелегальной резидентурой «Маршрутники», под непосредственным руководством Виктора Лягина.

А что же остается на долю других групп? В пункте первом постановления бюро говорилось, что подпольная организация «Николаевский центр» «организовала печатание и распространение антифашистских листовок, обращений, приказов и т. п. за подписью “Центр”».

Пункт девятый: «Через сельские подпольные группы “Николаевский центр” проводил вредительство в сельском хозяйстве, которое выражалось в борьбе за снижение урожайности путем плохой обработки земли, снижения норм высева, в плохом ремонте сельхозмашин, в их поломке и т. д. Во время уборки допускались большие потери зерна, организовывалось массовое хищение хлеба, затягивалась уборка урожая...»²⁴⁵

Ну и, наконец, десятый пункт: «Значительная работа была проведена по освобождению из лагерей советских военнопленных, главным образом бывших командиров

РККА, которые снабжались подложными документами, перепрыгивались на конспиративных квартирах, а затем переправлялись за линию фронта и в районы расположения лесов для пополнения партизанских отрядов или же оставались на подпольной работе»²⁴⁶.

Впрочем, как мы знаем, «Маршрутники» принимали участие и в этих мероприятиях.

То есть остальные отряды Николаевского центра сделали не то чтобы немного, однако ни одной серьезной диверсии — такой, чтобы все увидели, узнали и были потрясены — не осуществили... Неудивительно, ведь гитлеровцы совсем не были такими дураками, как их изображали в советских кинофильмах первых послевоенных десятилетий. (Не случайно же главный герой легендарного фильма «Подвиг разведчика» с искренним презрением заявляет своему немецкому «коллеге»: «Как разведчик разведчику скажу вам, что вы болван, Штюбинг!») Нет, сотрудники германских спецслужб, в борьбу с которыми отчаянно вступали советские люди, зачастую не имевшие за душой ничего, кроме пламенного патриотизма и горячего желания сражаться с «фашистскими гадами», обладали богатым опытом тайной войны и прекрасной профессиональной подготовкой. По этой причине многие подпольные организации, создаваемые советскими патриотами-энтузиастами на оккупированной гитлеровцами территории, зачастую погибали, даже не успев приступить к работе или оплачивая ценой собственной жизни свой первый и единственный успех. Можно сказать, что этот жертвенный подвиг — сродни тому, что совершает пехотинец, выходящий со связкой гранат против танка, закрывающий своей грудью амбразуру ошестинившегося пулеметным огнем дзота, или летчик, таранящий в воздушном бою вражескую крылатую машину. Результат такого подвига может быть самый разный — что получится, кому как повезет, — но подвиг всяко останется подвигом, и мы преклоняемся перед этими отважными людьми, а противник в любом случае чувствует, что земля действительно горит под его ногами...

Однако реально противостоять гестапо, абверу, тайной полевой полиции и тому подобным гитлеровским «контотрам», получая при этом серьезные оперативные результаты, могли лишь профессионалы, прошедшие соответствующую подготовку по линии НКВД или войсковой разведки. Подвиг для них становился работой — разумеется, не рутинной, но смертельно опасной и безмерно тяжелой...

Вот почему вполне закономерно, что все без исключения основные диверсии Николаевского центра, в прямом и переносном смысле потрясшие город и убедившие гитлеровцев в том, что рейхсминистр Розенберг, говоря про «причерноморский курорт», сморозил несусветную глупость, были совершены профессионалами из нелегальной резидентуры «Маршрутники», которой руководил Виктор Лягин.

Но прочие группы, повторим, также делали свое дело по мере собственных сил и возможностей, а потому мы с полной ответственностью можем утверждать, что сопротивление фашистским захватчикам было массовым. Скажем так — группу Лягина, вне всяких сомнений, следует уподобить солистам, исполнителям главных ролей, тогда как все прочие отряды являлись той самой «массовкой», без которой невозможно создать масштабного «спектакля», и по многим направлениям очень существенно помогали «Маршрутникам»...

Но почему же нелегальная резидентура как бы растворилась в Николаевском центре?

Ну, прежде всего по известным нам причинам секретности — принадлежность многих подпольных групп и партизанских отрядов к НКВД скрывалась долго и тщательно. К тому же в Советском Союзе очень хорошо и умело была налажена пропагандистская работа — вот и создавалась картина, что сопротивление гитлеровским захватчикам было не только общенародным (что реально соответствовало истине), но и весьма эффективным.

К тому же, говоря о событиях Великой Отечественной войны, нам нельзя не коснуться такого важнейшего — но для многих уже непонятного, а для кого-то даже и неизвестного — вопроса, как «партийное руководство». Что бы сейчас ни пытались утверждать отдельные «специалисты», но в то время Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) — ВКП(б), вскоре переименованная в КПСС, действительно являлась «руководящей и направляющей силой советского общества», как это значилось в ее уставе.

В энциклопедии «Великая Отечественная война. 1941—1945» написано: «Коммунистическая партия подняла и организовала советский народ на Великую Отечественную войну. Партия приняла энергичные и экстренные меры к отражению немецко-фашистской агрессии. ЦК ВКП(б) стал боевым штабом, осуществлявшим высшее политическое и стратегическое руководство страной и вооруженными силами»²⁴⁷.

Всё это так, и невозможно переоценить роль ВКП(б), партийных работников и рядовых коммунистов в достижении победы в Великой Отечественной войне. Как бы там ни было, но известно, что за годы войны в партийные ряды вступило порядка 5 миллионов 319 тысяч человек; в армии и на флоте в 1945 году было 3 031 758 коммунистов, тогда как в 1941 году их было всего 559 182 человека. К этим трем миллионам следует добавить еще три миллиона коммунистов, погибших на фронтах. Именно эти «сухие цифры» лучше всего иллюстрируют наше утверждение о том, что авторитет этой воистину сражающейся партии был чрезвычайно велик в стране и в войсках.

К сожалению, как это нередко бывает, в послевоенное время события недавнего прошлого начали «исправлять», «уточнять» и даже «лакировать». В частности, кому-то хотелось еще более повысить роль партийных организаций — вполне возможно, исходя из своих личных интересов.

Вот отсюда-то, очевидно, и появилось то самое постановление бюро Николаевского обкома. Оно начинается словами:

«Проверкой установлено, что с августа 1941 г. по март 1943 г. в г. Николаеве существовала подпольная организация, именованная “Николаевским центром”, которая объединяла несколько подпольно-диверсионных групп, действовавших в Николаевской области в период немецкой оккупации. Одним из организаторов и руководителей “Николаевского центра” был присланный из Москвы накануне оккупации г. Николаева Лягин Виктор Александрович, который под фамилией Корнев остался в тылу противника с группой оперативных работников, отобранных им для подпольно-диверсионной работы»²⁴⁸.

Что тут скажешь? Вроде бы всё почти так — хотя на самом-то деле совершенно не так! В постановлении «тактично» не указывается, кем именно был прислан в Николаев «инженер Корнев», а также из него можно было понять, что группу свою он собрал чуть ли не из каких-то лично знакомых ему оперов... Но главное, что — это мы уже увидели — успехи «Маршрутников» подавались как результаты деятельности всего Николаевского центра, созданного, как можно понять, под эгидой тамошнего обкома партии. Недаром же постановление бюро заканчивалось следующей формулировкой:

«Обком КП(б) Украины постановляет:

Отчет подпольной организации “Николаевский центр” и списки участников утвердить»²⁴⁹.

Получалось так, словно бы всей этой работой, в которой как бы в том числе принимали участие и «Маршрутники», руководил Николаевский обком. В общем, успех был обеспечен правильным партийным руководством.

Вот так и «подправлялась», «корректировалась» история...

Между тем за яркими и результативными делами чекистов оказались скрыты те самые жертвенные подвиги простых советских граждан, которых никто и никогда не учил и не заставлял взрывать мосты или дороги, убивать захватчиков, поджигать собственные свои жилища, спасать военнопленных из концлагерей или немецких госпиталей. А ведь таких подвигов на Николаевщине было немало.

Вот, например, какие эпизоды приведены в справке «Подпольно-партизанское движение»:

«Группой Ключевского было сорвано 35 паспортов с вагонов. В результате чего груженные вагоны попали не по назначению, проводились порезы тормозных шлангов, засыпка букс песком. Все это задерживало регулярное движение немецких эшелонов. Группами Прудкой, Заиченко, Маконовицкого и др. проводились диверсии по порче телефонно-телеграфной связи. В з<ерновом>/совхозе им. Шевченко выводились <из строя> во время горячей полевой работы трактора и комбайны. Сев проводился некачественно. Поощрялось хищение зерна и горючего. Уч<астником> п/п организации Морозовым Т. М. уничтожено и отравлено мышьяком и стрихнином сотни голов крупного рогатого скота, овец, свиней и лошадей».

Впечатляет? Безусловно! Конечно, всё это было не так эффектно, как взрыв на аэродроме, — но достаточно эффективно и весьма чувствительно для оккупантов. И если бы гитлеровцы застали кого за подобной «работой», то расстреляли бы, без всяких сомнений. Однако, как и многие другие подобные «малые дела», все это остается за кадром...

9 мая 1968 года в газете «Южная правда» — органе Николаевского областного и городского комитетов Коммунистической партии Украины, областного и городского Советов депутатов трудящихся — был опубликован Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 8 мая того же года: «О награждении медалями СССР партизан и участников подполья, действовавших в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг., по Николаевской области». В соответствии с этим указом самой почетной солдатской медалью «За отвагу» было награждено 88 человек,

из них 58 — посмертно; очень уважаемой в армии медалью «За боевые заслуги» — 71 человек, из них 26 — посмертно.

Наверное, это и есть лучшее свидетельство того, как сражалось и погибало николаевское подполье — простые советские граждане, руководимые представителями своих партийных организаций. Ведь в ту пору подобные награды «за красивые глаза» или по родственно-дружеским связям не давались.

* * *

Ну а теперь все-таки нужно сказать несколько слов о том, что происходило после...

Судьба всех «Маршрутников» для нас в общем-то ясна — по разным причинам из резидентуры в живых остались Петр Платонович Луценко, Николай Васильевич Улезько, Демьян Андреевич Свидерский и Иван Коваленко. Уцелели, как мы знаем из представленных ранее документов, и женщины, выполнявшие обязанности хозяйек конспиративных квартир.

Живы остались мать и дочь Дукарт, но уже в 1943-м их ожидала дальняя дорога на запад...

Эмилия Иосифовна вспоминала:

«Потом нас пригласили на собрание — созвали всех немцев. Магдочка не пошла, а я пошла одна. Там нам объявили, что мы должны собраться и выехать в Германию. Когда я пришла домой и сказала Магдочке, что нас направляют в Германию, она разволновалась и сказала, что в Германию она ни за что не поедет. А потом сказала: “Мы выедем”. Да, Виктор Александрович нам говорил, что если заставят ехать в Германию, то езжайте...»²⁵⁰

В Советский Союз они возвратились осенью 1945 года, по собственному своему желанию, но нельзя сказать, чтобы жизнь их на родине оказалась счастливой. Трагическая судьба нелегальной резидентуры «Маршрутники» и ее руководителя еще долго отбрасывали темную тень подозрения на всех оставшихся в живых... Подозрения казались весьма обоснованными: в частности, дочь и мать Дукарт были ближайшими к Виктору Лягину людьми, однако они не только не были арестованы гестапо, но даже и оказались вскоре благополучно вывезены на лечение «фатерлянд». За какие такие заслуги, спрашивается.

Неясно было также, какие заслуги имели они и перед своей Родиной, перед николаевским подпольем. Ведь даже

у нас вызывает немалое сомнение то, что рассказывала Эмилия Иосифовна про свою причастность к деятельности нелегальной резидентуры. Не исключено, что Лягин вполне мог использовать их и «втемную» — ничего не рассказывая и не объясняя, — что было для него гораздо спокойнее и надежнее. Да и для самих Эмилии и Магдалины — тоже... Кстати, можно понять, что гитлеровцы не имели абсолютно никакой информации о том, что обе Дукарт хоть что-то знали о том, чем на самом деле занимался «инженер Корнев» — между тем они постоянно общались с Любченко, которая явно должна была пытаться хоть что-то у них выудить. Значит, скорее всего, выживать было нечего...

В результате, не учитывая никаких их заслуг, подлинных или мнимых, равно как и сложившихся обстоятельств, с матерью и дочерью поступили в соответствии с тогдашними законами.

«Выписка заключения из архивно-уголовного дела № 0462977 на ДУКАРТ М. И.

...ДУКАРТ Эмилия и ее дочь ДУКАРТ Магдалина после ареста ЛЯГИНА вызывались в “СД”, но не арестовывались, а осенью 1943 года, по распоряжению оккупационных властей, выехали в Германию, где ДУКАРТ Магдалина лечилась по поводу заболевания туберкулезом легких.

После окончания Отечественной войны ДУКАРТ Э. И. и ДУКАРТ М. по своей личной инициативе прибыли в Советский Союз из оккупированной американцами территории Германии, где ДУКАРТ Магдалина в своем письме на имя Наркома госбезопасности СССР изложила известные ей факты о деятельности ЛЯГИНА и о себе.

После этого ДУКАРТ Э. И. и ДУКАРТ М. И., как немцы по национальности, выезжавшие в Германию, были направлены на спецпоселение в г. Томск, где ДУКАРТ Магдалина работала рабочей на Томском заводе “Шарикоподшипник”. К этому времени она страдала шизофренической болезнью».

Магдалина Дукарт умерла 19 мая 1952 года; 26 июня 1967 года она (посмертно) и Эмилия Иосифовна были награждены медалями «За боевые заслуги».

Что ж, в «тайной войне» всё совсем не так просто, как считают люди, от этой темы далекие.

...Завершая рассказ о людях, с которыми Виктор Лягин общался в оккупированном Николаеве, скажем, что при приближении к городу советских войск Мария Любченко попыталась исчезнуть, но вряд ли этот «отработанный» в

качестве агента «материал» был нужен немецким «хозяевам», для которых настало время заботиться о спасении своих шкур. А далее, как нам известно, были беседы со следователями НКВД — и вполне заслуженный приговор к высшей мере наказания...

* * *

Гитлеровская оккупация Николаева продолжалась до весны 1944 года, когда город был освобожден в ходе Одесской операции войсками 3-го Украинского фронта.

«На левом крыле фронта соединения 6-й, 5-й ударной и 28-й армий в это время вели тяжелые бои на подступах к Николаеву. 28 марта <1944 года> советские войска овладели городом, а затем форсировали Южный Буг в его устье.

В боях за Николаев бессмертный подвиг совершили десантники. Чтобы облегчить наступающим войскам взятие города, небольшая десантная группа из воинов 384-го батальона морской пехоты и частей 28-й армии, возглавляемая старшим лейтенантом К. Ф. Ольшанским* и его заместителем по политической части капитаном А. Ф. Головлевым**, высадилась в порту города, заняла несколько зданий и приспособила их к круговой обороне... В течение двух суток отважные воины отражали яростные атаки превосходящих сил противника, сковывая его крупные силы. Десантники уничтожили до 700 вражеских солдат и офицеров, но и сами понесли тяжелые потери. Оставшиеся в живых отважно сражались до подхода наступающих советских частей. Родина удостоила всех десантников звания Герой Советского Союза. Именем героев названа площадь в центре города, на которой жители Николаева воздвигли величественный памятник десанникам. Одна из улиц города названа именем К. Ф. Ольшанского»²⁵¹.

Есть в Николаеве и улица Лягина — бывшая улица Карла Либкнехта, а еще ранее Рождественская. На этой улице установлен и памятник герою-разведчику, а в том самом доме 5, в котором он жил, сейчас находится музей «Под-

* *Константин Федорович Ольшанский* (1915—1944) — старший лейтенант, командир роты морской пехоты; награжден орденами Александра Невского и Красной Звезды. Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

** *Алексей Федорович Головлев* (1903—1944) — капитан, секретарь партийной организации 384-го отдельного батальона морской пехоты.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

«Я, СЛАВА БОГУ, МЕЩАНИН»

- ¹ Лисов Г. П. Право на бессмертие. Л., 1982. С. 8.
- ² Коненков С. Т. Мой век. М., 1972. С. 36.
- ³ Там же. С. 37.
- ⁴ Там же. С. 38.
- ⁵ Там же. С. 44—45.
- ⁶ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 8.
- ⁷ Там же. С. 9.
- ⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 26. С. 22.
- ⁹ Юровский Ю. Семья Героя // Южная правда. 1967. 26 апреля.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 12.
- ¹² Там же. С. 11.
- ¹³ Герой-политехник В. А. Лягин // Политехник. 1966. 3 февраля.

Глава вторая

«ВЫДЕРЖАННЫЙ И БЛАГОНАДЕЖНЫЙ»

- ¹⁴ Политический словарь. М., 1940. С. 212.
- ¹⁵ Там же. С. 464.
- ¹⁶ Бочаров А. А. Политехник Виктор Лягин. — В кн.: Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения. СПб., 2008. С. 7.
- ¹⁷ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁸ Там же. С. 16.
- ¹⁹ Дьяков С. Н., Дворников В. О. Политех в годы В. А. Лягина. — В кн.: Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения. СПб., 2008. С. 159.
- ²⁰ Юровский Ю. Семья Героя.
- ²¹ Бочаров А. А. Политехник Виктор Лягин. — В кн.: Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения. СПб., 2008. С. 8.
- ²² Юровский Ю. Семья Героя.
- ²³ Ганфельд Б. Т. Подвиг разведчика В. А. Лягина // Ленинградский станкостроитель. 1970. 20 ноября.

Глава третья

«ПРЕДЛОЖИЛИ ПОЙТИ В РАЗВЕДКУ...»

- ²⁴ Политический словарь. М., 1940. С. 367.
- ²⁵ Там же. С. 367—368.

²⁶ Антонов В. С. Расстрелянная разведка. М., 2012. С. 9.

²⁷ Там же.

²⁸ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». М., 1938. С. 250.

²⁹ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина. — В кн.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 19.

³⁰ Сергутин С. В. Организационные аспекты деятельности внешней разведки НКВД—НКГБ СССР в 1934—1941 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III. С. 250.

³¹ Бернев К. С., Митюрин Д. В. О малоисследованных эпизодах биографии Виктора Лягина. — В кн.: Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения. СПб., 2008. С. 16.

³² Чернов С. В. Большой дом без грифа «секретно». М., 2012. С. 24.

³³ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 18.

³⁴ Антонов В. С., Карпов В. Н. Разведчики. Герои Советского Союза и Герои России. М., 2004. С. 177.

³⁵ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 18—19.

³⁶ Там же. С. 19.

³⁷ Сергутин С. В. Указ. соч. С. 238.

³⁸ Павлов В. Г. Операция «Снег». М., 1996. С. 48—49.

³⁹ Синицын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 5.

⁴⁰ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 151.

⁴¹ Павлов В. Г. Трагедии советской разведки. М., 2000. С. 349.

⁴² Там же. С. 349—350.

⁴³ Павлов В. Г. Операция «Снег». С. 50.

Глава четвертая

РАЗВЕДЧИКИ: РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

⁴⁴ Антонов В. С., Карпов В. Н. Разведчики. С. 45.

⁴⁵ Нажесткин О. И. Предисловие. — В кн.: История российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 17—18.

⁴⁶ Лебедев В. А. Деятельность внешней разведки по вскрытию сроков нападения Германии на СССР. — В кн.: Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. М.; Великий Новгород, 2001. С. 20.

⁴⁷ Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. 1941—1945 годы. М., 2005. С. 80.

⁴⁸ Там же. С. 160.

⁴⁹ Ермаков Н. А. Мастер высшего пилотажа. — В кн.: История российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 233.

⁵⁰ Антонов В. С., Прокофьев В. И. Служба внешней разведки России: памятные даты. М., 2004. С. 15.

⁵¹ *Ермаков Н. А.* Мастер высшего пилотажа. С. 252.

⁵² *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. С. 69—70.

⁵³ *Антонов В. С., Карпов В. Н.* Разведчики. С. 44—45.

⁵⁴ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина. — В кн.: История российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 20.

⁵⁵ *Павлов В. Г.* Операция «Снег». С. 20—21.

⁵⁶ *Бернев К. С., Митюрин Д. В.* О малоисследованных эпизодах биографии Виктора Лягина. — В кн.: Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения. СПб., 2008. С. 18.

Глава пятая

АМЕРИКА, АМЕРИКА, ДАЛЕКАЯ СТРАНА

⁵⁷ Политический словарь. М., 1940. С. 523.

⁵⁸ Там же. С. 349.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 653.

⁶¹ *Карпов В. Н.* Чекисты за океаном. Внешняя разведка в США в годы войны // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. II. С. 274.

⁶² *Пещерский В. Л.* В американской цитадели. — В кн.: История российской внешней разведки. Очерки. Т. 3. М., 2014. С. 174—175.

⁶³ *Карпов В. Н.* Указ. соч. С. 273.

⁶⁴ *Даллин Д.* Шпионаж по-советски. Объекты и агенты советской разведки. М., 2001. С. 376.

⁶⁵ *Пещерский В. Л.* Указ. соч. С. 175.

⁶⁶ *Карпов В. Н.* Указ. соч. С. 275.

⁶⁷ *Ермаков Н. А.* Разведчик-нелегал И. А. Ахмеров. — В кн.: История российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 222.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Павлов В. Г.* Трагедии советской разведки. М., 2000. С. 338.

⁷⁰ *Даллин Д.* Указ. соч. С. 377.

⁷¹ *Пещерский В. Л.* Указ. соч. С. 177.

⁷² *Хайэм Ч.* Торговля с врагом. М., 1985. С. 56.

⁷³ *Антонов В. С., Прокофьев В. И.* Указ. соч. С. 37.

⁷⁴ *Судоплатов П. А.* Победа в тайной войне. С. 54.

⁷⁵ Там же. С. 67.

⁷⁶ *Феклисов А. С.* За океаном и на острове. М., 1994. С. 24.

⁷⁷ *Антонов В. С.* Начальники советской разведки. М., 2016. С. 151—152.

⁷⁸ *Гладков Т. К.* Коротков. М., 2005. С. 126—127.

⁷⁹ *Антонов В. С.* Указ. соч. С. 152.

⁸⁰ *Павлов В. Г.* Операция «Снег». С. 60.

Глава шестая
«ДАЛЕКО ОТ ЛЕНИНГРАДА»

- ⁸¹ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 21.
- ⁸² Орлов Г. А. «Когда под танками врага земля родимая гудела...» — В кн.: История российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 44.
- ⁸³ Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. М., 1961. С. 10.
- ⁸⁴ Горький М. Город Желтого Дьявола // Полное собрание сочинений: В 5 т. М., 1970. С. 237—238.
- ⁸⁵ Ильф И., Петров Е. Указ. соч. С. 14.
- ⁸⁶ Там же. С. 15.
- ⁸⁷ Даллин Д. Указ. соч. С. 364, 373.
- ⁸⁸ Ильф И., Петров Е. Указ. соч. С. 299.
- ⁸⁹ Там же. С. 302.
- ⁹⁰ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930—1950 годы. М., 1997. С. 130.
- ⁹¹ Там же. С. 130—131.
- ⁹² Антонов В. С., Карпов В. Н. Разведчики. С. 45.
- ⁹³ Судоплатов П. А. Спецоперации. С. 131.
- ⁹⁴ Советская военная энциклопедия. Т. 5. М., 1978. С. 315.
- ⁹⁵ Кузнецова Р. В. Курчатов. М., 2016. С. 188.
- ⁹⁶ Вольнец А. Н. Жданов. М., 2013. С. 324.
- ⁹⁷ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 22—23.
- ⁹⁸ Антонов В. С., Карпов В. Н. Разведчики. С. 45.
- ⁹⁹ Карпов В. Н. Чекисты за океаном. С. 275.

Глава седьмая
GOOD BYE, AMERICA!

- ¹⁰⁰ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М., 1991. С. 652.
- ¹⁰¹ Политический словарь. М., 1940. С. 119.
- ¹⁰² Секреты польской политики 1935—1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2010. С. 179, 181—182.
- ¹⁰³ Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. — В кн.: Загадки ленд-лиза. М., 2000. С. 9—10.
- ¹⁰⁴ Хайэм Ч. Торговля с врагом. М., 1985. С. 58.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 180.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 60.
- ¹⁰⁷ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 37.
- ¹⁰⁸ Хайэм Ч. Указ. соч. С. 60—61.
- ¹⁰⁹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 102.

- ¹¹⁰ Советская военная энциклопедия. Т. 1. М., 1976. С. 480.
- ¹¹¹ Хайэм Ч. Указ. соч. С. 181.
- ¹¹² История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 235—236.
- ¹¹³ Феклисов А. С. Указ. соч. С. 24.
- ¹¹⁴ Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 117—119.
- ¹¹⁵ Карпов В. Н. Чекисты за океаном. С. 275.
- ¹¹⁶ Феклисов А. С. Указ. соч. С. 60.
- ¹¹⁷ Даллин Д. Указ. соч. С. 399—400.
- ¹¹⁸ Пещерский В. Л. Указ. соч. С. 177.
- ¹¹⁹ Феклисов А. С. Указ. соч. С. 23.
- ¹²⁰ Там же. С. 59.
- ¹²¹ Ильф И., Петров Е. Указ. соч. С. 97.
- ¹²² Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 126.
- ¹²³ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина. — В кн: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 18.

Глава восьмая

«ЭТО НЕ ТВОЯ ВОЙНА!»

- ¹²⁴ Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 107.
- ¹²⁵ Соцков Л. Ф. Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939—1941. М., 2011. С. 506—507.
- ¹²⁶ Воскресенская З. И. Тайна Зои Воскресенской // Теперь я могу сказать правду. М., 1998. С. 12.
- ¹²⁷ Воспоминания начальника внешней разведки П. М. Фитина. — В кн.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 20—21.
- ¹²⁸ Фомин В. Т. Фашистская Германия во Второй мировой войне. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., 1978. С. 231.
- ¹²⁹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 126.
- ¹³⁰ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 30.
- ¹³¹ Прозектор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985. С. 272.
- ¹³² Мартиросян А. Б. Сто мифов о Берии. От славы к проклятиям. 1941—1953. М., 2010. С. 54.
- ¹³³ Юровский Ю. Семья Героя.
- ¹³⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 156.

- ¹³⁵ Судоплатов П. А. Спецоперации. С. 197—198.
- ¹³⁶ Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. Записки нежелательного свидетеля. М., 2001. С. 255—256.
- ¹³⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 136—137.
- ¹³⁸ Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. С. 231—232.
- ¹³⁹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1976. С. 72.
- ¹⁴⁰ Ташлай Л. Б. Виктор Лягин. Николаев, 2010. С. 14.
- ¹⁴¹ Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. С. 233.
- ¹⁴² Есипов А. В. Высшая степень отличия, или Особый фронт Виктора Лягина // Родная Ладога. СПб., 2014. № 2. С. 104.
- ¹⁴³ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 141.
- ¹⁴⁴ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Юровский Ю. Семья Героя.

Глава девятая

ЖИЗНЬ НА ПОРОГЕ БЕССМЕРТИЯ

- ¹⁴⁷ Ташлай Л. Б. Указ. соч. С. 17—18.
- ¹⁴⁸ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 81.
- ¹⁴⁹ Ташлай Л. Б. Указ. соч. С. 19—20.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 20—22.
- ¹⁵¹ Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 139.
- ¹⁵² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 627—628.
- ¹⁵³ Там же. С. 637.
- ¹⁵⁴ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 263.
- ¹⁵⁵ Соцков Л. Ф. Агрессия. С. 511—512.
- ¹⁵⁶ Мещерякова П. О. К характеристике личных качеств агента советских спецслужб (на примере В. А. Лягина) // Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения. СПб., 2008. С. 206.
- ¹⁵⁷ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 52.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 32—33.
- ¹⁵⁹ Ташлай Л. Б. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁶⁰ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 37.
- ¹⁶¹ Тепляков Ю. По ту сторону фронта. Новые страницы подвига советских чекистов в тылу врага // Труд. 1968. 16 августа.

¹⁶² Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения. СПб., 2008. С. 82.

¹⁶³ Судоплатов П. А. Спецоперации. С. 131.

¹⁶⁴ Есинов А. В. Указ. соч. С. 105.

Глава десятая

КРЫСЫ В ГОРОДЕ

¹⁶⁵ Тепляков Ю. По ту сторону фронта. Новые страницы подвига советских чекистов в тылу врага // Труд. 1968. 16 августа.

¹⁶⁶ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 44.

¹⁶⁷ Великая Отечественная война. 1941—1945. М., 1985. С. 488.

¹⁶⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало. Кн. 1. М., 2000. С. 641—642.

¹⁶⁹ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 263.

¹⁷⁰ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 128.

¹⁷¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 395.

¹⁷² История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 269—270.

¹⁷³ Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1964. С. 114.

¹⁷⁴ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 57.

¹⁷⁵ Любаров Ю. История с афишей // Вечерний Николаев. 2015. 23 декабря.

¹⁷⁶ Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1964. С. 82.

¹⁷⁷ Соцков Л. Ф. Указ. соч. С. 532—533.

¹⁷⁸ Ташлай Л. Б. Указ. соч. С. 32.

¹⁷⁹ Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения. СПб., 2008. С. 53.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Ташлай Л. Б. Указ. соч. С. 30.

Глава одиннадцатая

КОНЕЦ «КУРОРТНОГО СЕЗОНА»

¹⁸² История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 102—103.

¹⁸³ Там же. С. 118.

¹⁸⁴ Орлов Г. А. «Когда под танками врага земля родимая гудела...» — В кн.: История российской внешней разведки. Очерки. Т. 4. М., 2014. С. 46—47.

¹⁸⁵ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 62.

¹⁸⁶ Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1964. С. 115.

¹⁸⁷ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 129.

¹⁸⁸ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 90.

¹⁸⁹ Орлов Г. А. Указ. соч. С. 47—48.

¹⁹⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 396.

¹⁹¹ Орлов Г. А. Указ. соч. С. 38—39.

¹⁹² Судоплатов П. А. Спецоперации. С. 271.

¹⁹³ Виктор Александрович Лягин. С. 54.

¹⁹⁴ Есипов А. В. Указ. соч. С. 110.

¹⁹⁵ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 146.

¹⁹⁶ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 5. М., 1975. С. 33.

¹⁹⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «Блицкрига». Кн. 1. М., 2003. С. 292.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 146.

²⁰⁰ Там же. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 282—283.

²⁰¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «Блицкрига». Кн. 1. М., 2003. С. 307—308.

²⁰² Воспоминания Э. И. Дукарт. — В кн.: Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения. СПб., 2008. С. 75.

Глава двенадцатая

САМОЛЕТЫ ВЗЛЕТАЛИ НА ВОЗДУХ

²⁰³ Скрипник О. Розвідники, народжені в Україні. Киев, 2011. С. 175—176.

²⁰⁴ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 82—83.

²⁰⁵ Орлов Г. А. Указ. соч. С. 50.

²⁰⁶ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 65.

²⁰⁷ Там же. С. 65—66.

²⁰⁸ Есипов А. В. Указ. соч. С. 108.

²⁰⁹ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 67.

²¹⁰ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 147—148.

²¹¹ Орлов Г. А. Указ. соч. С. 50.

²¹² Николаевщина в годы Великой Отечественной войны. С. 88.

²¹³ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 73—74.

²¹⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «Блицкрига». Кн. 1. М., 2003. С. 629—630.

Глава тринадцатая

ГЕРОИ И ПРЕДАТЕЛИ

²¹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 395.

²¹⁶ Там же. Т. 3: От обороны к наступлению. Кн. 2. М., 2003. С. 76—77.

²¹⁷ Николаевщина в годы Великой Отечественной войны. С. 163—164.

²¹⁸ Есипов А. В. Указ. соч. С. 105.

²¹⁹ Ташлай Л. Б. Указ. соч. С. 36.

²²⁰ Скрипник О. Указ. соч. С. 176.

²²¹ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 85.

²²² Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. С. 268—269.

²²³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 396.

²²⁴ Есипов А. В. Указ. соч. С. 110—111.

Глава четырнадцатая

ЛЮДИ МОЛЧАЛИВОГО ПОДВИГА

²²⁵ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 6. М., 1976. С. 53.

²²⁶ Николаевщина в годы Великой Отечественной войны. С. 90.

²²⁷ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 70.

²²⁸ Воспоминания Э. И. Дукарт. С. 75.

²²⁹ Там же. С. 75—76.

²³⁰ Там же. С. 76.

²³¹ Лисов Г. П. Указ. соч. С. 101.

²³² Там же. С. 102.

²³³ Там же.

²³⁴ Есипов А. В. Указ. соч. С. 110—111.

²³⁵ Воспоминания Э. И. Дукарт. С. 76.

- ²³⁶ Воспоминания Э. И. Дукарт. С. 77.
²³⁷ Виктор Александрович Лягин. С. 82.
²³⁸ Воспоминания Э. И. Дукарт. С. 78.
²³⁹ *Есинов А. В.* Указ. соч. С. 111.
²⁴⁰ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 263.
²⁴¹ *Лисов Г. П.* Указ. соч. С. 105.
²⁴² *Сорочан А.* Они боролись до конца // Южная правда. Николаев, 2015. 30 марта.
²⁴³ *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. С. 205.
²⁴⁴ *Судоплатов П. А.* Победа в тайной войне. С. 142.

Post scriptum

«В НАШИХ ЖИЛАХ — КРОВЬ, А НЕ ВОДИЦА»

- ²⁴⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 396.
²⁴⁶ Там же.
²⁴⁷ Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 352—353.
²⁴⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4: Секреты операции «Цитадель». Кн. 1. М., 2008. С. 394.
²⁴⁹ Там же. С. 396.
²⁵⁰ Воспоминания Э. И. Дукарт. С. 79.
²⁵¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 8. М., 1977. С. 94.
²⁵² *Маяковский В. В.* Товарищу Нетте, пароходу и человеку // Путешествие в страну поэзия. Т. 1. Л., 1979. С. 545.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. А. ЛЯГИНА

- 1908, 18 (31) декабря — на станции Сельцо Брянского уезда Орловской губернии в семье железнодорожного служащего родился Виктор Александрович Лягин.
- 1922 — переезд Виктора с семьей сестры, Анны Александровны Александровой, в Петроград.
- 1922 — 1928 — учеба в 104-й советской единой трудовой школе.
- 1923 — вступление в ряды РКСМ.
- 1928 — работа инструктором Володарского РК ВЛКСМ, пионервожатым в 96-й и 97-й советских трудовых школах.
- 1929, июль — принят на учебу на авиастроительный факультет Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина.
- 1930 — заключен брак с Ольгой Афоной (1911—1935).
21 декабря — рождение дочери Татьяны.
- 1931, лето — переведен в Ленинградский машиностроительный институт, на отделение «Моторы — двигатели».
- 1934 — окончил Ленинградский индустриальный институт; получил назначение старшим инженером в проектно-институте «Гипроспецмашпроект».
- 1936, апрель — назначен инженером строительно-квартирного отдела Ленинградского военного округа.
Ноябрь — инженер-технолог Ленинградского станкостроительного завода им. Ильича.
- 1938, июнь — зачислен на службу в Управление НКВД по Ленинграду и Ленинградской области.
Июль—август — направлен в Центральную школу НКВД СССР.
В конце года — получил назначение в 5-й отдел Главного управления ГУГБ НКВД СССР — внешнюю разведку.
- 1939, первая половина — выезжал в краткосрочные зарубежные командировки, в частности — в Германию.
26 апреля — заключен брак с Зинаидой Мурашко.
Июль — направлен в долгосрочную командировку в Соединенные Штаты Америки, в Сан-Франциско.
- 1941, 24 января — рождение сына Виктора.
Начало года — переведен в Нью-Йорк, инженером в «Амторг».
14 июня — возвращение в Москву.
14 июля — Виктор Лягин выезжает из Москвы на юг.
20-е числа июля — прибыл в Николаев.
17 августа — в город вошли немецкие войска.
22 ноября — уничтожение склада в парке имени Петровского.
16 декабря — сожжен склад с обмундированием.

- В тот же самый день* — Виктор Лягин прибыл в Одессу для установления связи с нелегальной резидентурой «Форт».
- 1942, 2 января* — вторая диверсия в парке Петровского.
- 17 февраля* — возвращение Лягина в Николаев.
- 10 марта* — взрыв на Ингульском аэродроме.
- 6 апреля* — Петр Луценко отправляется за линию фронта для восстановления связи с Центром.
- Август* — взрыв на аэродроме Широкая Балка.
- 5 ноября* — неудачная диверсия на нефтебазе.
- 1943, 5 февраля* — арест Григория Гавриленко, затем — Виктора Лягина.
- 9 февраля* — Лягин переименован в подполковника госбезопасности в соответствии с Указом «О званиях начальствующего состава органов НКВД и милиции».
- 17 июля* — Лягин и Гавриленко расстреляны.
- 1944, 28 марта* — войска Красной армии освободили город Николаев от немецко-фашистских захватчиков.
- 5 ноября* — подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза работникам Народного комиссариата государственной безопасности СССР».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Архив Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Музей подпольно-партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, г. Николаев (Украина).

Литература

Антонов В. С. Начальники советской разведки. М., 2016.

Антонов В. С. Расстрелянная разведка. М., 2012.

Антонов В. С., Карпов В. Н. Разведчики. Герои Советского Союза и Герои России. М., 2004.

Антонов В. С., Прокофьев В. И. Служба внешней разведки России: памятные даты. М., 2004.

Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985.

Великая Отечественная война. Энциклопедия. Т. VI. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013.

Виктор Александрович Лягин (1908—1943): к 100-летию со дня рождения. СПб., 2008.

Вольнец А. Н. Жданов. М., 2013.

Воскресенская З. И. Тайна Зои Воскресенской // Теперь я могу сказать правду. М., 1998.

Гладков Т. К. Коротков. М., 2005.

Горький М. Город Желтого Дьявола // Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1970.

Даллин Д. Шпионаж по-советски. Объекты и агенты советской разведки. 1920 — 1950. М., 2001.

Есинов А. В. Высшая степень отличия, или Особый фронт Виктора Лягина // Родная Ладога. СПб., 2014. № 2.

Ильф И. А., Петров Е. П. Одноэтажная Америка // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. М., 1961.

Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. М.; Великий Новгород, 2001.

История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3—4. М., 1974—1975.

История российской внешней разведки. Очерки. Т. 3—4. М., 2014.

Коненков С. Т. Мой век. М., 1972.

Кузнецова Р. В. Курчатов. М., 2016.

- Лисов Г. П.* Право на бессмертие. Л., 1982.
- Мартыросян А. Б.* Сто мифов о Берии. От славы к проклятиям. 1941—1953. М., 2010.
- Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.
- Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002.
- Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1964.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1—4. М., 2000—2008.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999.
- Павлов В. Г.* Операция «Снег». М., 1996.
- Павлов В. Г.* Трагедии советской разведки. М., 2000.
- Политический словарь. М., 1940.
- Прозатор Д. М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985.
- Секреты польской политики 1935—1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2010.
- Синицын Е. Т.* Резидент свидетельствует. М., 1996.
- Советская военная энциклопедия. Т. 5. М., 1978.
- Соцков Л. Ф.* Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939 — 1941. М., 2011.
- Стеттиниус Э.* Ленд-лиз — оружие победы // Загадки ленд-лиза. М., 2000.
- Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». М., 1938.
- Судоплатов П. А.* Победа в тайной войне. 1941—1945 годы. М., 2005.
- Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.
- Судоплатов П. А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. Записки нежелательного свидетеля. М., 2001.
- Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930—1950 годы. М., 1997.
- Ташлай Л. Б.* Виктор Лягин. Николаев, 2010.
- Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. Т. II.
- Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III.
- Феклисов А. С.* За океаном и на острове. М., 1994.
- Фомин В. Т.* Фашистская Германия во Второй мировой войне. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., 1978.
- Хайэм Ч.* Торговля с врагом. М., 1985.
- Чернов С. В.* Большой дом без грифа «секретно». М., 2012.
- Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М., 1991.
- Скрипник О.* Розвідники, народжені в Україні. Киев, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Иванович Рудской. Герой из Политеха</i>	5
<i>Алексей Николаевич Ботян. Мой старший товарищ</i>	7
Несколько слов от автора	10
<i>Глава первая. «Я, слава Богу, мещанин»</i>	18
<i>Глава вторая. «Выдержанный и благонадежный»</i>	38
<i>Глава третья. «Предложили пойти в разведку...»</i>	60
<i>Глава четвертая. Разведчики: разные судьбы</i>	76
<i>Глава пятая. Америка, Америка, далекая страна</i>	97
<i>Глава шестая. «Далеко от Ленинграда»</i>	116
<i>Глава седьмая. Good bye, America!</i>	137
<i>Глава восьмая. «Это не твоя война!»</i>	159
<i>Глава девятая. Жизнь на пороге бессмертия</i>	182
<i>Глава десятая. Крысы в городе</i>	206
<i>Глава одиннадцатая. Конец «курортного сезона»</i>	232
<i>Глава двенадцатая. Самолеты взлетали на воздух</i>	258
<i>Глава тринадцатая. Герои и предатели</i>	283
<i>Глава четырнадцатая. Люди молчаливого подвига</i>	305
<i>Post scriptum. «В наших жилах — кровь, а не водица»</i>	335
Примечания	345
Основные даты жизни и деятельности В. А. Лягина	355
Краткая библиография	357

Бондаренко А. Ю.

Б 81 Виктор Лягин. Подвиг разведчика / Александр Бондаренко. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 359[9] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1648).

ISBN 978-5-235-03999-5

Перед войной капитан госбезопасности Виктор Александрович Лягин (1908—1943) работал в Сан-Франциско и Нью-Йорке по линии научно-технической разведки НКВД. В августе 1941 года он возглавил нелегальную резидентуру «Маршрутники», действовавшую в оккупированном гитлеровцами причерноморском городе Николаеве, а потом и все николаевское подполье. Город, в котором, по словам одного из главарей рейха, «немецкие солдаты чувствуют себя как на курорте», вскоре превратился для них в крошечный ад. Однако в 1943 году из-за предательства Лягин был арестован гестапо, выдержал нечеловеческие пытки, ничего не сказав врагу, и был казнен. В 1944 году ему присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Книга открывает ранее засекреченные страницы биографии разведчика — человека авантюрного склада и редкостной отваги, прекрасно образованного, пламенного патриота нашей Родины, и разоблачает многие легенды, окружающие его имя.

УДК 94(47+57)(092)
ББК 63.3(2)62-36

знак информационной
продукции **16+**

Бондаренко Александр Юльевич
ВИКТОР ЛЯГИН. ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Редактор **В. В. Эрлихман**
Художественный редактор **К. В. Забусик**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Г. В. Платова**

Слано в набор 29.03.2017. Подписано в печать 19.05.2017. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 19,32+0,84 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ № 1717700.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsei@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03999-5

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

**Наши книги
доступны всем регионам России!**

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**А. Е. Куланов
ОЩЕПКОВ**

Эта книга не о разведке, хотя ее главный герой был воспитанником одной из самых загадочных из когда-либо существовавших «школ шпионов» и стал нелегальным резидентом в Японии — «предтечей Рихарда Зорге». Эта книга не о спорте, хотя ее герой — первый русский обладатель черного пояса по дзюдо, вдохновенный пропагандист дзюдо и патриарх для всех современных российских дзюдоистов. Более того, герой книги стал основоположником нового вида борьбы — самбо, создав и развив школу, равной которой сегодня в мире нет. Эта книга не о репрессиях, хотя ее герой родился на сахалинской каторге, а умер в сталинской тюрьме, брошенный туда по ложному обвинению и реабилитированный лишь два десятилетия спустя. Это книга о настоящем патриоте, борце, мыслителе, мученике — Василии Сергеевиче Ощепкове (1892—1937) — замечательном человеке трагической судьбы, искренне любившем свою родину и сделавшем для нее, как немногие, много, но несправедливо оболганном и на долгие годы забытом.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. В. Кулагин
ШПАЛИКОВ

Книга представляет собой первое подробное жизнеописание Геннадия Шпаликова (1937—1974) — кинодраматурга, поэта, прозаика, одного из самых ярких художников эпохи «оттепели», автора сценариев культовых фильмов начала 1960-х годов — «Застава Ильича» и «Я шагаю по Москве». В основе биографии — воспоминания современников, архивные документы, беседы автора с друзьями и близкими главного героя книги.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dse1@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Ветлугина
«ЛОЙОЛА»

В. Кондрашов
«РИХАРД ЗОРГЕ»

М. Петров
«ЭЛЬ ГРЕКО»

Г. Субботина
«МАРСЕЛЬ ПРУСТ»

Ж. Шмидт
«ГЁТЕ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Махов
«ДЖОРДЖОНЕ»

М. Бондаренко
«МЕЦЕНАТ»

В. Десятерик
«ИВАН СЫТИН»

Н. Карташов
«КРАМСКОЙ»

Д. Быков
«ГОРЬКИЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Данилкин
«ЛЕНИН»

В. Бондаренко
«ЛЕГЕНДЫ БЕЛОГО ДЕЛА»

А. Вдовин
«ДОБРОЛЮБОВ»

А. Коровашко
«МИХАИЛ БАХТИН»

И. Фаликов
«ЕВТУШЕНКО»

М. Макеев
«НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Сенкевич
«БУДДА»

В. Антонов
«ЭЙТИНГОН»

П. Ренуччи
«КЛАВДИЙ»

А. Кулагин
«ШПАЛИКОВ»

А. Куланов
«ОЩЕПКОВ»

Н. Старосельская
«КАВЕРИН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ

ДЛЯ ОПТОВЫХ

ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03999-5

9 785235 039995 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я